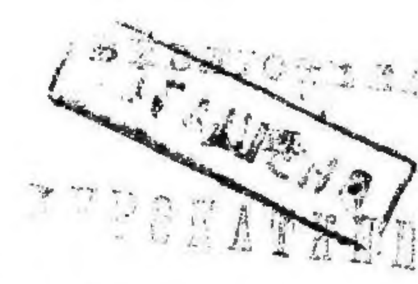

КРАТКІЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ МѢРЪ И ПРЕДНАЧЕРТАНІЙ

противъ

СТУДЕНЧЕСКИХЪ БЕЗПОРЯДКОВЪ.

А. Георгіевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80.
1890.

Печатано по распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Оглавленіе.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Характеръ студенческихъ безпорядковъ.

Начиная съ 1858 г. и по сію пору, отъ времени до времени съ небольшими перерывами, въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ происходятъ такъ-называемые студенческіе безпорядки (сходки въ зданіяхъ, садахъ и на дворахъ учебныхъ заведеній, иногда на городскихъ улицахъ и площадяхъ, сопровождаемыя всегда шумомъ, гамомъ, криками, иногда разбитіемъ стеколъ въ окнахъ, иногда публичными процессіями, и соединенныя съ явнымъ неповиновеніемъ своему, а иногда и общему гражданскому начальству, и даже съ оскорбленіемъ чиновъ того и другаго словами, а иногда и дѣйствіемъ, а также съ заявленіемъ различныхъ, въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ неисполнимыхъ, требованій).

Вредныя ихъ послѣдствія.

Безпорядки эти представляютъ собою весьма значительное зло: они прерываютъ на болѣе или менѣе продолжительное время правильный ходъ ученія; пріучаютъ молодежь къ неповиновенію властямъ, къ буйству, къ безчинствамъ и даже къ насиліямъ противъ должностныхъ лицъ, вообще къ революціонному образу дѣйствій; подрываютъ авторитетъ правительственной власти, а именно обнаруживаютъ ея безсиліе вообще въ борьбѣ съ этимъ зломъ, а нерѣдко слабость, неумѣлость и несостоятельность мѣстныхъ ея представителей; склоняютъ ее къ разнымъ уступкамъ, поблажкамъ и потворствамъ въ ущербъ требованіямъ или дисциплины, или серіознаго ученія; достигаютъ иногда смѣны тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ или колеблютъ ихъ положеніе, иногда же потрясаютъ и принятую правительствомъ учебно-воспитательную систему, ведутъ къ от-

мѣнѣ или измѣненію уставовъ, постановленій и распоряженій, и наконецъ, въ случаѣ твердаго отпора злу, возбуждаютъ неудовольствіе противъ правительства не только въ молодежи, но и въ самихъ наставникахъ, въ родителяхъ и въ цѣломъ обществѣ. Далѣе, студенческіе безпорядки неминуемо сопровождаются увольненіемъ или исключеніемъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній болѣе или менѣе значительнаго числа замѣшанныхъ въ нихъ молодыхъ людей. «Эти уволенные, по заявленію въ бывшей при министерствѣ народнаго просвѣщенія въ концѣ 1882 г. коммиссіи члена ея директора департамента государственной полиціи, нынѣ товарища министра сенатора В. К. фонъ-Плеве, «являютъ собой главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя изъ нихъ исключенія представляютъ какъ бы рекрутскій наборъ, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи. Въ бездѣйствіи, въ нуждѣ и лишеніяхъ, исключенные изъ учебныхъ заведеній молодые люди, жизнь которыхъ оказывается разбитою въ самомъ ея началѣ, ожесточаются противъ всего общественнаго и государственнаго строя, и изъ нихъ тѣ, которые только склонялись прежде къ ученіямъ крамолы, теперь вполнѣ проникаются ими, при чемъ подвергшіеся административной ссылкѣ уже въ мѣстахъ оной начинаютъ оказывать вредное вліяніе на мѣстное населеніе, а по возвращеніи изъ ссылки, если успѣваютъ снова проникнуть въ высшія учебныя заведенія, становятся дѣятельными агентами тайныхъ обществъ и въ ихъ духѣ дѣйствуютъ среди своихъ товарищей, растлѣвая ихъ умственно и подстрекая ихъ ко всякаго рода безпорядкамъ». «Судебно-полицейская статистика свидѣтельствуетъ, по заявленію того же члена коммиссіи 1882 г., что безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, происходившіе въ 1861 г., подготовили Каракозовцевъ, безпорядки 1869 и послѣдующихъ годовъ — тѣхъ лицъ, которыя судились по такъ-называемому процессу 193-хъ, и даже безпорядки 1881 г. не остались въ этомъ отношеніи безслѣдными, такъ какъ два лица, изъ коихъ одно было убійцею генерала Стрѣльникова, а другое не успѣло принять въ этомъ преступленіи участія по не зависящимъ отъ него причинамъ, были исключены изъ Петербургскаго университета вслѣдъ за бывшими въ немъ въ февралѣ 1881 г. безпорядками». Студенческіе безпорядки, согласно съ тѣмъ же заявленіемъ вполнѣ компетентнаго лица, входятъ въ разсчеты революціонной партіи въ двоякомъ отношеніи: 1) какъ легчайшій и удобнѣйшій

способъ вербовать своихъ агентовъ и 2) какъ средство до извѣстной мѣры дискредитировать правительственную власть.

Подчиненіе студентовъ общей полиціи и учебному начальству (1858—1861 гг.).

Хотя размѣры связаннаго съ этими безпорядками зла раскрывались для правительства очень медленно и мало по малу, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы и съ самаго начала оно относилось къ этому злу вполнѣ равнодушно. Первые студенческіе безпорядки вызвали Высочайшее повелѣніе отъ 6-го мая 1859 г. о подчиненіи студентовъ внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Это Высочайшее повелѣніе вскорѣ пришлось дополнить другимъ (отъ 14-го января 1860 г.) о томъ, что подчиненіе студентовъ надзору общей полиціи не избавляетъ ихъ отъ повиновенія университетскому начальству и внѣ зданій университета, при чемъ полиціи вмѣнялось въ обязанность извѣщать университетское начальство о всѣхъ проступкахъ студентовъ, а университетскому начальству сообщать полиціи о намѣреніяхъ студентовъ, клонящихся къ нарушенію общественнаго порядка; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставлялось студентамъ внѣ зданій университета ходить въ партикулярной одеждѣ.

Запрещеніе всякихъ сходокъ и депутацій и отмѣна форменной одежды.

31-го мая 1861 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе о полномъ подчиненіи учащихся университетскому начальству въ стѣнахъ университета съ воспрещеніемъ положительно всякихъ сходокъ безъ разрѣшенія начальства и объясненій съ нимъ чрезъ депутатовъ или сборищемъ, о недопущеніи ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какомъ видѣ шумнаго одобренія или порицанія преподаванія и о вмѣненіи университетскому начальству въ непремѣнную обязанность имѣть неуклонный надзоръ за соблюденіемъ студентами надлежащаго порядка въ университетѣ, за несоблюденіе же онаго не подвергать ихъ никакимъ другимъ взысканіямъ, а увольнять изъ университета. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не принимать впредь студентовъ ранѣе 17-тилѣтняго возраста, отмѣнить форменную одежду и не дозволять ношенія

какихъ-либо знаковъ отдѣльной народности или какихъ-либо товариществъ или обществъ, частная же одежда студентовъ должна быть приличная. Тогда же послѣдовало другое Высочайшее повелѣніе, коимъ освобождались отъ ежегоднаго взноса платы за ученіе только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, и притомъ не болѣе двоихъ на каждую принадлежащую къ университетскому округу губернію, въ томъ числѣ одинъ изъ учившихся въ гимназіи («другихъ исключеній не допускается ни подъ какимъ предлогомъ»), и о назначеніи пособій и стипендій только отличившимся бѣднымъ студентамъ преимущественно изъ гимназистовъ университетскаго округа. Здѣсь впервые высказалось какъ бы желаніе ограничить наплывъ въ университеты бѣдняковъ, особенно же изъ губерній постороннихъ учебныхъ округовъ.

Всѣ эти мѣры не привели ни къ какимъ результатамъ, тѣмъ болѣе что онѣ не были въ точности и выполняемы. Осень 1861 г. ознаменовалась и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, еще не виданными до того времени уличными студенческими безпорядками. С.-Петербургскій университетъ былъ закрытъ на долгое время, бывшій министръ народнаго просвѣщенія гр. Е. В. Путятинъ смѣненъ (въ декабрѣ 1861 г.), и подъ предсѣдательствомъ бывшаго попечителя Дерптскаго учебнаго округа фонъ - Брадке назначена коммиссія для выработки главныхъ основаній новаго университетскаго устава.

Уставъ 1863 г.

Уставъ этотъ состоялся только 18-го іюня 1863 г.: университеты вполнѣ предоставлялись самимъ себѣ, ихъ самопополняющимся профессорскимъ коллегіямъ и отъ нихъ избираемымъ должностнымъ лицамъ: умиротворенія университетовъ, ихъ профессоровъ и ихъ студентовъ, правительство разчитывало достигнуть предоставленіемъ университетамъ полнаго самоуправленія.

Разсчетъ оказался совсѣмъ ошибочнымъ, и при уставѣ 1863 г., который послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, безпорядки въ нихъ почти не прекращались.

Ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія.

Слѣдственною по дѣлу Каракозова коммиссіей графа М. Н. Муравьева было, между прочимъ, обнаружено дѣятельное, въ возбужденіи

всѣхъ этихъ безпорядковъ, начиная съ 1858 г., участіе весьма многочисленныхъ во всѣхъ университетахъ, особенно же въ столичныхъ, студентовъ польскаго происхожденія, которые въ 1863 г. сверхъ того уходили въ большомъ числѣ въ отряды повстанцевъ.

Послѣдовало ограниченіе числа студентовъ польскаго происхожденія 20%, и независимо отъ сего было Высочайше повелѣно, 21-го августа 1866 г., «по поводу обнаруженной означенною коммиссіею пропаганды зловредныхъ идей, противныхъ государственному благоустройству и общественной нравственности, дабы положить конецъ, елико возможно, злу, растравляющему наше молодое поколѣніе, установить, для успѣшнѣйшаго надзора за студентами внѣ стѣнъ университетовъ, болѣе связи и взаимной поддержки въ совокупныхъ дѣйствіяхъ университетскаго и полицейскаго начальствъ, и съ цѣлію тщательнаго изысканія и опредѣленія необходимыхъ въ семъ отношеніи мѣръ», составить особую коммиссію.

Коммиссія графа И. Д. Делянова 1866 г. и положеніе Комитета Министровъ 1867 г.

Коммиссія эта подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, нынѣ министра, графа И. Д. Делянова, состояла главнѣйше изъ ректоровъ университетовъ и директоровъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или лицъ, ихъ замѣнявшихъ.

На основаніи трудовъ этой коммиссіи состоялось Высочайше утвержденное 26-го мая 1867 г. положеніе комитета министровъ, въ силу котораго установлено было между вѣдомствами, при коихъ имѣются среднія и высшія учебныя заведенія, сообщеніе другъ другу, а равно и мѣстному гражданскому начальству, свѣдѣній обо всѣхъ исключенныхъ или удаленныхъ изъ оныхъ учащихся, съ изложеніемъ причинъ удаленія или исключенія, и между всѣми высшими учебными заведеніями сообщеніе другъ другу дисциплинарныхъ и другихъ объ учащихся правилъ, «въ видахъ единства дѣйствій и распоряженій», недостатокъ коего все болѣе обнаруживался студенческими безпорядками. Тѣмъ же положеніемъ, «въ устраненіе потери времени для ученія и исправнаго посѣщенія лекцій», воспрещалось учащимся устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ публичныхъ собраній, посторонныя же лица, желавшія оказать этими способами помощь учащимся, должны были на то испрашивать разрѣшеніе отъ учебнаго начальства и ему же доставлять вырученныя

деньги, такъ какъ этому начальству «ближе и болѣе всего извѣстны дѣйствительно нуждающіеся и достойные пособія». Наконецъ, тѣмъ же положеніемъ были приняты мѣры къ уменьшенію прилива въ университеты вольныхъ слушателей, «составляющихъ самый опасный и ненадежный элементъ въ университетской молодежи», а именно былъ запрещенъ переходъ студентовъ въ вольные слушатели и пріемъ въ вольные слушатели молодыхъ людей, не окончившихъ курса среднихъ учебныхъ заведеній или при окончаніи сего курса получившихъ неудовлетворительныя отмѣтки въ законѣ Божіемъ, въ русскомъ языкѣ и въ математикѣ или въ латинскомъ языкѣ, прочіе же, равно какъ и ученики реальныхъ гимназій, не обучавшіеся латинскому языку, могли быть принимаемы на одинъ годъ въ вольные слушатели подъ условіемъ чрезъ годъ выдержать экзаменъ изъ латинскаго языка и удовлетворить вообще требованіямъ для поступленія въ студенты. Сверхъ того вольными слушателями могли быть лица, имѣющія опредѣленное общественное положеніе или занятіе (служащіе и отставные чиновники, помѣщики и т. д.).

Комитетъ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова

Въ мартѣ 1869 года снова произошли крупные безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ, Медико-Хирургической Академіи и Технологическомъ Институтѣ. По случаю этихъ безпорядковъ былъ по Высочайшему повелѣнію составленъ особый комитетъ «для обсужденія мѣръ къ отвращенію на будущее время разнообразія дисциплинарныхъ правилъ, существующихъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ». Выработанныя этимъ комитетомъ и Высочайше утвержденныя 8-го іюня 1869 г. правила клонились къ тому, чтобы: 1) затруднить переходъ изъ однихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ другія, съ каковою цѣлью постановлено подвергать переходящихъ повѣрочному испытанію и требовать о каждомъ изъ нихъ подробныхъ свѣдѣній посредствомъ частныхъ сношеній съ прежнимъ ихъ учебнымъ начальствомъ; 2) усилить учебныя занятія учащихся, съ каковою цѣлью предписывалось: а) соблюдать при испытаніяхъ переводныхъ и окончательныхъ всѣ постановленныя для нихъ правила безъ малѣйшаго послабленія; б) совѣтамъ университетовъ обсудить мѣры для привлеченія студентовъ къ научнымъ работамъ подъ руководствомъ преподавателей; в) разрѣшить литографированіе лекцій только самимъ преподавателямъ; г) оставлять на одномъ и томъ же курсѣ не болѣе двухъ лѣтъ и то

не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего ученія; д) отлучающихся изъ города безъ разрѣшенія начальства увольнять вовсе изъ заведенія; е) обсудить ближайшимъ начальствамъ, не слѣдуетъ ли бо́льшую часть суммъ, назначенныхъ на пособія и стипендіи, обратить на стипендіи и преміи учащимся, достойнымъ того по поведенію и успѣхамъ; ж) при освобожденіи отъ платы, отсрочкѣ оной, назначеніи пособій и стипендій обращать самое тщательное вниманіе на успѣхи учащихся и ихъ поведеніе; замѣчанія, выговоры и другія взысканія заносить инспекціи въ особую книгу, съ тѣмъ чтобы отмѣтки эти имѣли вліяніе при предоставленіи учащимся разныхъ льготъ; з) при зачисленіи постороннихъ слушателей въ студенты и при пріемѣ вновь въ студенты уволенныхъ обращать особенное вниманіе на прежнее ихъ поведеніе, и и) не оставлять длинныхъ промежутковъ между лекціями и печатать въ протоколахъ или же представлять центральнымъ управленіямъ вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ лекцій. Комитетъ, очевидно, руководился мыслію, что студенческимъ безпорядкамъ былъ бы положенъ конецъ, коль скоро удалось бы водворить въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ серіозное ученіе, серіозныя занятія науками, въ томъ числѣ и болѣе самостоятельныя подъ непосредственнымъ руководствомъ преподавателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были установлены высшія мѣры взысканія: а) увольненіе на годъ, съ правомъ немедленно поступать въ высшее учебное заведеніе другаго города; б) удаленіе на годъ и на два года безъ сего права, и г) исключеніе съ тѣмъ чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ не принимать никуда, а затѣмъ не иначе какъ подъ отвѣтственностью учебнаго начальства рѣшавшагося на пріемъ исключеннаго, и съ разрѣшенія главнаго управленія, которому подвѣдомо принимающее учебное заведеніе. Лишеніе или уменьшеніе стипендій, пособій и льготъ могло служить для пользующихся ими мѣрою взысканія, назначаемою или отдѣльно, или совокупно съ другимъ взысканіемъ.

Совѣщаніе гг. Министровъ 1874 года подъ предсѣдательствомъ графа П. А. Валуева.

Осенью 1874 г. вновь возникли крупные безпорядки во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, и министрамъ военному, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, главноуправляющему II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,

государственному контролеру и шефу жандармовъ было Высочайше повелѣно обсудить въ общемъ совѣщанiи какъ причины, вызвавшiя безпорядки, такъ равно и мѣры, которыя могли бы способствовать предупрежденiю ихъ на будущее время. Совѣщанiе это подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева происходило 24-го и 28-го ноября, 1-го, 5-го и 12-го декабря 1874 г. Имъ были указаны нижеслѣдующiя причины безпорядковъ: 1) Вслѣдствiе упраздненiя корпоративнаго устройства учащихся и обращенiя ихъ въ публику внѣ стѣнъ учебнаго заведенiя, начальства и преподаватели учебныхъ заведенiй утратили прежнее нравственное влiянiе на массу учащихся. 2) Предоставленная префессорскимъ коллегiямъ автономiя съ правомъ замѣщенiя всѣхъ должностей по выбору лишаетъ начальствующiя лица прямаго влiянiя на общiй ходъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ и составляетъ весьма важный недостатокъ въ ихъ организацiи. 3) Коллегiи эти притомъ пренебрегаютъ нравственными способами влiянiя на учащихся (иначе говоря, воспитательною своею задачею), склонны признавать за ними гражданскую зрѣлость и гражданское значенiе, коихъ они имѣть не могутъ, и нерѣдко способствуютъ, сознательно или безсознательно, водворенiю въ ихъ средѣ неправильныхъ понятiй о ихъ положенiи въ заведенiи и ихъ отношенiяхъ къ начальству. Наиболѣе влiятельные члены этихъ коллегiй, какъ только возникаютъ волненiя или безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участiя въ ихъ прекращенiи. 4) Снисхожденiями на ведущихъ къ высшимъ учебнымъ заведенiямъ испытанiяхъ, излишнею умѣренностью платы за ученiе и всякаго рода денежными льготами искусственно увеличивается число учащихся, съ одной стороны, мало подготовленными или малоспособными молодыми людьми, а съ другой—лишенными всякаго матерiальнаго обезпеченiя, а нерѣдко и всякой семейной опоры, которые въ борьбѣ съ нуждою и всякаго рода лишенiями, въ постоянно напряженномъ и раздраженномъ состоянiи, легко поддаются влiянiю злонамѣренныхъ, литературныхъ и нелитературныхъ, агитаторовъ. Въ теченiе послѣднихъ трехъ лѣтъ, кромѣ Нечаевскаго дѣла, болѣе 600 студентовъ и учениковъ разныхъ заведенiй были привлечены къ дѣламъ вѣдомства III Отдѣленiя Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярiи. 5) При этомъ увеличенiи числа учащихся преподаватели лишены возможности не только слѣдить за ихъ прилежанiемъ, успѣхами и умственнымъ и нравственнымъ ихъ развитiемъ, но даже и знать въ лицо большинство своихъ слушателей. 6) Зна-

чительная часть студентовъ ищетъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не знанія, а внѣшнихъ выгодъ, правъ и преимуществъ, соединенныхъ съ окончаніемъ въ нихъ курса, и строгость или отчетливость экзаменовъ возбуждаетъ постоянныя сѣтованія и жалобы и составляетъ новый поводъ къ тому раздраженному настроенію, въ которомъ находится значительная часть учащагося юношества. 7) Настроеніе родителей и родственниковъ и вообще всего общества нисколько не содѣйствуетъ начальству въ охраненіи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ. Заботы родственниковъ направлены не къ основательному образованію учащихся, а къ скорѣйшему пріобрѣтенію ими извѣстныхъ правъ и преимуществъ, и въ случаѣ безпорядковъ молодые люди, въ нихъ виновные, находятъ себѣ нравственную поддержку и даже полугласное одобреніе не только въ кругу ихъ родственниковъ, но и въ средѣ лицъ постороннихъ, со стороны такъ-называемаго общественнаго мнѣнія.

Въ устраненіе вышеозначенныхъ причинъ безпорядковъ были установлены совѣщаніемъ гг. министровъ нижеслѣдующія руководящія начала: 1) Пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ составляетъ предметъ несомнѣнной потребности, при чемъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что имъ уже потребованы по этому предмету отзывы университетскихъ совѣтовъ. 2) Автономія профессорскихъ коллегій можетъ быть ограничена какъ изъятіемъ изъ ихъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства, такъ и установленіемъ другаго порядка назначенія профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ. 3) Правительственный контроль за направленіемъ преподаванія можетъ быть усиленъ въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, въ какихъ это будетъ признано удобнымъ и возможнымъ по особому свойству и строю каждаго заведенія. Относительно университетовъ министръ народнаго просвѣщенія заявилъ, что такой контроль можетъ быть установленъ безъ стѣсненія свободы преподаванія отдѣленіемъ отъ него выпускныхъ экзаменовъ и учрежденіемъ особыхъ экзаменныхъ коммиссій по назначенію министра и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ, и совѣщаніе признало, что надлежитъ воспользоваться этими предположеніями графа Д. А. Толстого. 4) Возвращеніе къ корпоративнымъ условіямъ быта учащихся при нашихъ нравахъ и при нынѣшнемъ настроеніи не только студентовъ, но даже и профессоровъ, признано невозможнымъ, и принятыя начала отдѣльности слушателей и подчиненія ихъ общей полиціи внѣ стѣнъ заведенія должны быть сохранены. Установленіе и охраненіе во всѣхъ

учебныхъ заведеніяхъ правильнаго дисциплинарнаго строя имѣетъ существенное значеніе, и потому признано желательнымъ усилить средства инспекторскаго надзора за студентами и охраненія полицейскаго порядка въ стѣнахъ заведеній. 5) Въ виду переполненія учебныхъ заведеній учащимися, одинаково затрудняющаго и педагогическую дѣятельность преподавателей, и административный надзоръ начальства, надлежитъ стѣснять, по возможности, дальнѣйшій притокъ учащихся мало подготовленныхъ въ научномъ отношеніи и притомъ не обезпеченныхъ матеріально. Прямымъ къ тому средствомъ должна служить правильная строгость пріемныхъ испытаній. 6) Дѣйствующая система льготъ и пособій подлежитъ пересмотру въ вышеозначенныхъ видахъ. Въ особенности желательно уменьшить число льготъ отъ учебной платы. Стипендіи — самый правильный видъ вспособленія учащимся; но онѣ должны быть назначаемы лишь тѣмъ недостаточнымъ молодымъ людямъ, которые соединяютъ въ себѣ надлежащія способности, надлежащую подготовку и необходимое для дальнѣйшихъ успѣховъ прилежаніе. По мнѣнію министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, съ ними должны быть соединяемы извѣстные сроки обязательной службы въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащія вѣдомства встрѣтятъ въ томъ потребность. 7) На дѣйствительныя учебныя нужды учащихся должно быть обращено надлежащее вниманіе начальствъ разныхъ учебныхъ заведеній. Такими нуждами, затрудненіями и неудобствами постоянно мотивируются всѣ домогательства о правѣ сходокъ и депутацій. Въ германскихъ университетахъ не узаконено ни сходокъ, ни депутацій, и тѣмъ не менѣе всѣ правильныя ходатайства находятъ себѣ правильную форму выраженія и всѣ дѣйствительныя потребности учащихся могутъ быть удовлетворяемы. При непрерывныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ учащихся къ преподавателямъ и къ начальству учебнаго заведенія всегда представляется возможность къ заявленіямъ и просьбамъ безъ приданія имъ коллективной формы; но установленіе по этому предмету болѣе опредѣлительныхъ правилъ можетъ скорѣе порождать недоразумѣнія и затрудненія, чѣмъ ихъ предупреждать. 8) Въ случаѣ возникновенія въ какомъ-либо учебномъ заведеніи новыхъ волненій или безпорядковъ, необходимо имъ не оказывать ни малѣйшихъ послабленій, не прибѣгать ни къ какимъ уступкамъ, не входить ни въ какіе переговоры, обнаруживающіе колебаніе со стороны начальства, но немедленно принимать соотвѣтствующія мѣры къ прекращенію возникшаго движенія, дабы предупредить и предотвратить его даль-

нѣйшее развитіе и распространеніе. 9) Выраженную шефомъ жандармовъ мысль, что никакія частныя мѣры не приведутъ къ желаемымъ результатамъ безъ общаго возвышенія уровня воспитанія, но что для этого желательно соединеніе въ одномъ вѣдомствѣ всѣхъ гражданскихъ учебныхъ заведеній, не имѣющихъ спеціальныхъ свойствъ, и въ особенности всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, совѣщаніе признало едва ли подлежащею разрѣшенію въ тогдашнее время. — Наконецъ, 10) по поводу замѣчанія князя С. Н. Урусова о томъ, что полезно было бы изъять изъ юрисдикціи общихъ судовъ такіе проступки студентовъ, которые хотя и совершены внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, но направлены противъ ихъ начальства, совѣщаніе заключило предоставить министру юстиціи войти въ соглашеніе съ министрами, въ вѣдѣніи коихъ имѣются высшія учебныя заведенія, и затѣмъ дать своимъ окончательнымъ предположеніямъ дальнѣйшій ходъ въ установленномъ порядкѣ. На подлинномъ докладѣ Собственною рукою Его Императорскаго Величества было написано 23-го декабря 1874 г.: «Исполнить».

Коммиссія по пересмотру университетскаго устава 1863 г.

Практическихъ послѣдствій эти предначертанія правительства не имѣли, дѣло же о пересмотрѣ университетскаго устава шло своимъ порядкомъ. Осенью и зимою 1875 г. отдѣлъ Высочайше назначенной для сего коммиссіи подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова посѣтилъ всѣ Россійскіе университеты, въ томъ числѣ Варшавскій и Дерптскій, и выслушавъ всѣхъ профессоровъ и должностныхъ лицъ каждаго университета, собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о всѣхъ сторонахъ и условіяхъ быта университетовъ и обо всѣхъ ихъ потребностяхъ и нуждахъ. Во всѣхъ провинціальныхъ университетахъ коммиссія встрѣчала со стороны большинства профессоровъ полное радушіе и готовность откровенными показаніями содѣйствовать разъясненію предложенныхъ имъ вопросовъ и положенія дѣлъ. Первые признаки противодѣйствія обнаружились только въ Москвѣ, но и тутъ оно было устранено безъ труда.

Настроеніе профессоровъ въ университетахъ:

а) С.-Петербургскомъ.

Напротивъ, въ Петербургѣ за весьма немногими исключеніями всѣ профессора, являясь въ коммиссію, заявляли одинъ за другимъ,

что они о дѣлахъ университетскихъ не считаютъ себя въ правѣ давать никакихъ показаній и разъясненій иначе какъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ самого университета, и затѣмъ ни на одинъ изъ предложенныхъ имъ вопросовъ не отвѣчали, а когда коммиссія заявила ректору (П. Г. Рѣдкину) желаніе посѣщать лекціи профессоровъ и осмотрѣть всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ она то дѣлала во всѣхъ другихъ университетахъ, то получила отъ него предостереженіе, что въ виду крайней возбужденности и раздраженія студентовъ онъ не можетъ поручиться за сохраненіе въ такомъ случаѣ спокойствія въ университетѣ, а равно и за безопасность самихъ членовъ коммиссіи отъ оскорбленій. Объ этомъ было сообщено министру народнаго просвѣщенія, и согласно съ рѣшеніемъ гр. Д. А. Толстого Высочайше назначенная коммиссія была лишена возможности посѣтить С.-Петербургскій университетъ и не безъ большихъ затрудненій и послѣ усиленныхъ настояній успѣла достигнуть, что ей были доставлены дѣла по производству экзаменовъ въ университетѣ и по студенческой инспекціи.

б) Московскомъ и в) Казанскомъ.

Когда профессоръ Любимовъ, бывшій членомъ коммиссіи, возвратился въ Москву, то въ двадцатыхъ числахъ ноября 1876 г. противъ него была произведена студентами, его слушателями, демонстрація: во время его лекціи 50 студентовъ съ шумомъ вышли изъ аудиторіи, и въ ней осталось всего 15 ч. Вслѣдъ за тѣмъ 26-го декабря 1876 г. имъ было получено письмо за подписью 35 профессоровъ, осуждавшихъ съ нравственной точки зрѣнія дѣятельность профессора по вопросу о пересмотрѣ университетскаго устава. На это письмо Н. А. Любимовъ отвѣчалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», совѣтъ же университета въ чрезвычайномъ засѣданіи 13-го января 1877 г. высказалъ ему рѣшительное свое порицаніе. Профессора Казанскаго университета присоединились къ письму 35 московскихъ профессоровъ.

Дальнѣйшая профессорская агитація была пріостановлена мѣрами министерства; но противоправительственное настроеніе профессорскихъ коллегій нашло себѣ особенно сильное выраженіе въ 1878 г. Въ этомъ году студенческіе безпорядки, начавшись въ Кіевѣ 14-го марта, разбросались по всѣмъ университетскимъ городамъ и не прекращались въ продолженіе всего года. 29-го ноября 1878 г. въ Петербургѣ дѣло дошло до того, что учащіеся различныхъ высшихъ

учебныхъ заведеній собрались толпою и двинулись по направленію къ Аничковскому дворцу для подачи коллективнаго прошенія Государю Наслѣднику Цесаревичу, а 29-го декабря того же года совѣтъ С.-Петербургскаго университета представилъ отъ себя попечителю учебнаго округа записку о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію.

Представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію (29-го декабря 1878 г.).

Записка эта и всѣ относящіяся къ ней обстоятельства заслуживаютъ особеннаго вниманія. Не смотря на всѣ запрещенія студенческихъ сходокъ, университетское начальство въ продолженіе многихъ лѣтъ постоянно ихъ терпѣло, и при этомъ «совѣтъ университета», какъ сказано въ его запискѣ, «долгимъ опытомъ убѣдился въ томъ, что большинство изъ студентовъ, принимающихъ участіе въ сходкахъ, отстаетъ отъ нихъ, какъ скоро онѣ выходятъ за предѣлы чисто-студенческихъ интересовъ». Такимъ образомъ, между прочимъ, и въ декабрѣ 1878 г. собралась въ С.-Петербургскомъ университетѣ студенческая сходка для прочтенія и обсужденія писемъ изъ Харькова о происходившихъ тамъ волненіяхъ въ Ветеринарномъ институтѣ и университетѣ. Ректоръ С.-Петербургскаго университета потребовалъ на этотъ разъ, чтобы сходка разошлась, но встрѣтилъ сопротивленіе особенно со стороны нѣкоторыхъ студентовъ. Надлежало удалить или исключить ихъ изъ университета, но для этого необходимо было предать ихъ университетскому суду, такъ какъ по правиламъ С.-Петербургскаго университета вся дисциплинарная власть не только инспектора, но и ректора ограничивалась лишь замѣчаніемъ и выговоромъ провинившемуся студенту. Оказалось, что съ марта 1869 г. университетскій судъ вовсе не собирался, и взысканія съ провинившихся студентовъ ограничивались лишь замѣчаніями и выговорами. Судъ и въ декабрѣ 1878 г. не рѣшался собраться, и «мнѣ, какъ доносилъ попечитель округа министру, стоило большаго труда, чтобы убѣдить назначить судъ, чего я достигъ лишь получивъ заранѣе словесное обѣщаніе Главнаго Начальника III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а равно и С.-Петербургскаго Градоначальника, не высылать тѣхъ студентовъ, которые оказались бы удаленными университетскимъ судомъ». Судъ

ограничился вообще весьма легкими взысканіями; но за то совѣтъ университета, по инціативѣ ординарнаго профессора Фаминцына, занялся «теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами». Причины эти, по мнѣнію совѣта, частью кроются въ общихъ свойствахъ молодости, въ ея воспріимчивости и впечатлительности, частью же въ особенныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена у насъ университетская молодежь. «Она весьма часто служитъ отголоскомъ настроенія общества, вызываемаго тѣми или другими явленіями общественной жизни»... «Всякая общественная скорбь, всякій поводъ къ неудовольствію, будетъ ли то экономическій кризисъ, международныя замѣшательства, безпорядки и злоупотребленія въ той или другой отрасли управленія, возбуждаютъ молодежь больше чѣмъ всѣ другіе общественные элементы. Такое возбужденіе особенно сильно у насъ въ Россіи, потому что въ нашей странѣ слабое развитіе общественной жизни, равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ среди зрѣлой части общества, трудныя условія, а иногда и полная невозможность разъясненія многихъ вопросовъ общественной жизни въ печати—наводитъ молодежь на ложную мысль, что она должна дѣлать то, чего не можетъ или не хочетъ дѣлать общество взрослое, что она должна протестовать противъ тѣхъ или другихъ неустройствъ и ненормальныхъ явленій». Вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать этой «ложной мысли» всѣми зависящими отъ него способами и мѣрами, совѣтъ университета все это находилъ естественнымъ, во всемъ этомъ винилъ нашъ государственный и общественный строй, терпѣлъ все время сходки и безнаказанностью поощрялъ увлеченія молодежи. «Нѣтъ сомнѣнія, говорится далѣе въ запискѣ, что при свойственной молодымъ людямъ воспріимчивости они могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поддаваться и вліянію агитаторовъ»; но «огромному большинству русской молодежи революціонныя стремленія такъ же чужды, какъ чужды они и всему русскому народу. Политическія волненія въ собственномъ смыслѣ остаются и останутся дѣломъ немногихъ лицъ, составляющихъ незамѣтное исключеніе изъ большинства»... «Студенческія же волненія въ дѣйствительномъ значеніи этого слова опредѣляются иными спеціальными условіями, обстановкою учащейся молодежи»... «Главнѣйшимъ изъ этихъ условій представляется взглядъ на студенчество, какъ на элементъ неблагонадежный въ политическомъ отношеніи, установившійся въ послѣднее время въ администраціи и переходящій даже въ извѣстные слои общества»... «Учащаяся молодежь не только взята въ подозрѣніе, но

и подвергнута особому полицейскому надзору. Въ этомъ кроется источникъ многихъ прискорбныхъ явленій. Такими мѣрами сплочивается учащаяся молодежь въ нѣчто цѣлое, и въ силу этого безпорядки, напр., въ Харьковѣ или Кіевѣ, находятъ отголосокъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тотъ же недовѣрчивый взглядъ на студентовъ способенъ натолкнуть ихъ на ложную мысль, будто они составляютъ какую-то силу и имѣютъ политическое значеніе. Легко понять, что при свойственной юношеству наклонности къ самомнѣнію и чувству тщеславія такой взглядъ на себя можетъ служить источникомъ самыхъ необдуманныхъ поступковъ. Наконецъ, въ томъ же взглядѣ учащейся молодежи на себя какъ «на опальныхъ и гонимыхъ» слѣдуетъ искать причины, почему всякое столкновеніе въ учебной средѣ, какой-нибудь споръ изъ-за репетицій или изъ-за экзамена обращается въ общій протестъ, сопровождаемый шумными демонстраціями. Учебное начальство, которое при другихъ условіяхъ легко могло бы устранить всѣ недоразумѣнія, нерѣдко остается безсильнымъ противъ движенія, характеръ котораго зависитъ не отъ него. Изъ всѣхъ органовъ государства, съ которыми учащаяся молодежь находится въ ближайшемъ соприкосновеніи внѣ стѣнъ университета, первое мѣсто занимаетъ полиція. По ея дѣйствіямъ и отношеніямъ молодежь начинаетъ судить и судитъ о томъ, что́ можно назвать существующимъ государственнымъ порядкомъ. Такое обстоятельство, очевидно, требовало бы особенно бережнаго и осторожнаго отношенія полицейскихъ властей къ учащейся молодежи, въ интересахъ какъ юношества, такъ и достоинства государства. Не то мы видимъ въ дѣйствительности».

Упомянувъ, что общеніе съ людьми своего круга и товарищами составляетъ для всякаго молодого человѣка существеннѣйшую потребность и что въ западныхъ университетахъ, и даже у насъ въ Дерптѣ и Гельсингфорсѣ, она легко удовлетворяется въ приноровленныхъ къ студенческимъ потребностямъ корпораціяхъ, клубахъ, ферейнахъ и пр., у насъ и въ Петербургѣ не только нѣтъ ничего подобнаго, но даже и въ дѣлѣ домашняго общенія между собою студенты сталкиваются съ непреодолимыми препятствіями, заключающимися въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ полицейскихъ властей,—записка продолжаетъ: «Всякое собраніе нѣсколькихъ студентовъ на квартирѣ ихъ товарища тотчасъ же внушаетъ полиціи преувеличенныя опасенія. О всякомъ, даже малочисленномъ, собраніи дворники и даже квар-

тирные хозяева обязаны сообщать полиціи, и собраніе нерѣдко разсѣевается появленіемъ полицейской власти. Совѣтъ не можетъ считать такую мѣру цѣлесообразной, предполагая даже, что въ нѣкоторыхъ изъ такихъ собраній могутъ быть затронуты вопросы политическіе и соціальные. Когда каждый молодой человѣкъ имѣетъ возможность вполнѣ высказаться у себя дома, въ тѣсномъ кругу, — и онъ, и его товарищи меньше будутъ думать о сходкахъ въ зданіи учебныхъ заведеній... Не имѣя возможности домашняго общенія для какихъ бы то ни было цѣлей, даже самыхъ невинныхъ, студенты не пользуются и личною безопасностью въ частной жизни. Наблюденіе, учрежденное надъ студентами, имѣетъ не только характеръ надзора, но переходитъ во вмѣшательство въ частную ихъ жизнь. Гдѣ бываетъ студентъ? Чѣмъ занимается? Когда возвращается домой? Что́ читаетъ? Что́ пишетъ? Таковы вопросы, обращаемые полиціей къ дворникамъ и квартирнымъ хозяевамъ, т. е., людямъ обыкновенно мало развитымъ, слѣдовательно, исполняющимъ требованія полиціи съ безцеремонностью и безтактностью, раздражающею впечатлительную молодежь. Притомъ же обязанности, возлагаемыя полиціей на квартирныхъ хозяевъ, и частыя посѣщенія студенческихъ квартиръ полиціей обременяютъ хозяевъ до такой степени, что многіе изъ нихъ, притомъ лучшіе, положительно отказываются держать у себя студентовъ, во избѣжаніе непріятныхъ столкновеній съ полиціей.»

Далѣе совѣтъ изъясняетъ, что всякое студенческое волненіе, каковъ бы ни былъ его поводъ, уже разсматривается внѣ-университетскими властями какъ движеніе политическое и грозящее государственному порядку, и не только исключенные университетскимъ судомъ въ мартѣ 1869 г., но и удаленные изъ университета на годъ были немедленно высланы изъ города и отданы подъ надзоръ полиціи, и въ декабрѣ 1878 г. полицейскій приставъ прислалъ непосредственно отъ себя отношеніе ректору о сообщеніи ему списка лицъ, преданныхъ университетскому суду. Временное удаленіе изъ университета нѣсколькихъ лицъ, дѣйствующихъ дурно на молодежь, было бы полезно, а иногда и необходимо; но «университетское начальство затрудняется примѣнять къ виновнымъ высшую мѣру дисциплинарныхъ взысканій, опасаясь, что результатомъ этой мѣры будетъ высылка осужденныхъ съ учрежденіемъ надъ ними особаго полицейскаго надзора».

Указавъ затѣмъ на нѣсколько случаевъ долговременныхъ предварительныхъ арестовъ по политическимъ дѣламъ студентовъ, оправданныхъ въ послѣдствіи рѣшеніями судебныхъ мѣстъ, а также на

административныя высылки оправданныхъ по суду, Совѣтъ прибавляетъ: «Подобные случаи, конечно, не могутъ дѣйствовать на молодежь въ смыслѣ развитія уваженія къ закону и къ судебнымъ рѣшеніямъ, являясь притомъ нерѣдко непосредственнымъ источникомъ новыхъ волненій».

«Такимъ образомъ,—заключаетъ Совѣтъ,—ближайшими причинами студенческихъ безпорядковъ являются преимущественно слѣдующія:

«1) Предвзятое недовѣрчивое отношеніе къ студенчеству, какъ элементу будто бы по существу своему политически неблагонадежному;

«2) Значительныя полицейскія стѣсненія студенчества въ его частной жизни, лишающія молодежь не только возможности пользоваться обществомъ товарищей, но даже отнимающія у нея сознаніе личной безопасности;

«3) Стѣсненное положеніе университетскаго начальства, лишеннаго возможности пользоваться со спокойною совѣстью дисциплинарными мѣрами для прекращенія возникающихъ безпорядковъ, и

«4) Отсутствіе строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ и примѣненіе административныхъ каръ, гибельно дѣйствующихъ на всю будущность молодого человѣка».

Какъ мѣры къ устраненію поводовъ къ студенческимъ безпорядкамъ Совѣтомъ С.-Петербургскаго университета были указаны нижеслѣдующія:

«1) Полезно открыть студенчеству возможность общенія какъ у себя дома, такъ и въ особыхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его потребностямъ. Общеніе это несомнѣнно содѣйствовало бы смягченію нравовъ учащихся и успѣшному ходу ихъ научныхъ работъ.

«2) Если на основаніи § 103 унив. уст. студенты внѣ университета подлежатъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи, т. е., наравнѣ со всѣми обывателями, то изъ этого слѣдуетъ, что и мѣры надзора должны быть общія, а не спеціально изобрѣтенныя для студентовъ.

«3) Молодежь можетъ быть удержана отъ увлеченій скорѣе ласковымъ, снисходительнымъ обращеніемъ, чѣмъ какими-либо крутыми мѣрами. Спокойное отношеніе къ движеніямъ въ средѣ молодежи, безъ употребленія чрезвычайныхъ мѣръ строгости, всего лучше можетъ прекращать возникающіе безпорядки.

«4) Крайне необходимо обезпечить самостоятельность и авторитет-

ность дѣйствій университетскаго начальства и суда по прекращенію безпорядковъ въ стѣнахъ университета. Для достиженія этой цѣли должно быть устранено всякое усиленіе дисциплинарныхъ взысканій мѣрами полиціи.

«5) Для своевременныхъ распоряженій со стороны университетскаго начальства и въ видахъ предупрежденія недоразумѣній, могущихъ возникать среди молодежи вслѣдствіе, напримѣръ, арестованія кого-либо изъ ея среды и т. п., необходимо, чтобы по смыслу существующихъ законовъ обязательность увѣдомленія университетскаго начальства о совершившемся задержаніи распространялась на всѣ подлежащія власти безъ исключенія.

«6) Желательно устранить примѣненіе административныхъ каръ къ учащейся молодежи. Административная высылка учащагося гибельно отражается на всей его будущности, лишая его возможности образованія и ставя въ условія, нерѣдко дѣлающія его врагомъ существующаго порядка.

«Совѣтъ С.-Петербургскаго университета убѣжденъ, что когда устранятся указанные выше поводы къ безпорядкамъ среди учащейся молодежи, въ ней будетъ все сильнѣе и сильнѣе развиваться уваженіе къ закону и его требованіямъ, и она будетъ несравненно менѣе доступна къ воспріятію вредныхъ ученій». Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ высказывалъ увѣренность, что «министръ народнаго просвѣщенія, и какъ глава министерства, и какъ почетный членъ университета, обратитъ особенное вниманіе на представляемую записку и окажетъ свое просвѣщенное содѣйствіе къ осуществленію предлагаемыхъ въ ней мѣръ».

Особое мнѣніе проф. Ленца.

Только одинъ членъ совѣта не присоединился къ этой запискѣ, подписанной ректоромъ А. Н. Бекетовымъ и всѣми профессорами, именно проф. Р. Ленцъ. Изъ приложеннаго къ ней особаго его мнѣнія отъ 25-го декабря 1878 г. видно, что почтенный профессоръ признавалъ способъ дѣйствія совѣта не соотвѣтствующимъ ни важности вопроса, ни достоинству самого совѣта. «Совѣтъ университета рѣшилъ приступить къ основательному изслѣдованію дѣла о безпорядкахъ..., но до окончательнаго обсужденія этого дѣла совѣтъ счелъ нужнымъ представить г. Попечителю С.-Петербургскаго округа записку съ изложеніемъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ къ безпорядкамъ, которыхъ отмѣненіе весьма

желательно, но не зависитъ отъ власти совѣта... «Ходатайству объ отмѣнѣ какихъ либо мѣръ должно предшествовать глубокое всестороннее обсужденіе дѣла о безпорядкахъ. Тогда, послѣ полнаго собранія фактовъ, совѣтъ будетъ въ состояніи утвердить всѣ свои предположенія о причинахъ безпорядковъ, онъ покажетъ, какія сводятся на (sic!) внутренній строй учебныхъ заведеній, какія слѣдуетъ приписать невѣрному отношенію къ студенчеству, какія наконецъ недовольству и броженію общества. Имѣя въ рукахъ весь необходимый матеріалъ, совѣтъ уже не станетъ просить объ измѣненіи предвзятаго мнѣнія, онъ самъ измѣнитъ этотъ взглядъ не просьбами, а силою фактовъ и аргументовъ»... «Въ запискѣ приведены выводы, доказывающіе весьма убѣдительно крайне тяжкое положеніе учащейся молодежи. Но не это требовалось доказать», доказательствъ же, что отношеніе администраціи къ студенчеству неправильное, основанное на предвзятомъ о немъ мнѣніи, въ запискѣ нѣтъ, и «покуда не приведены фактическія доказательства для этого убѣжденія, оно само можетъ быть названо предвзятымъ мнѣніемъ...» «Совѣтъ покуда еще не приступилъ къ основательному разбору дѣла о безпорядкахъ, онъ не обсуждалъ даже вопроса—слѣдуетъ ли разсматривать причины, указанныя совѣтомъ, какъ послѣднія, не представляются ли онѣ сами послѣдствіями другихъ болѣе основныхъ; равнымъ образомъ въ совѣтѣ не разсматривался вопросъ, отчего въ однихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки повторяются относительно часто, въ другихъ напротивъ представляютъ рѣдкіе случаи»... Проф. Ленцъ внесъ съ своей стороны, въ видѣ компромисса, новое предложеніе; но «совѣту не угодно было его принять». Въ чемъ заключалось это новое предложеніе, въ свое время выяснено не было. По справкѣ въ настоящее время оказалось, что въ журналѣ совѣта с.-петербургскаго университета за 1878 г. никакихъ слѣдовъ этого предложенія г. Ленца не сохранилось.

Запросъ г. Попечителя Округа и отвѣтъ на него Совѣта.

29-го декабря 1878 г., за № 1432, записка совѣта С.-Петербургскаго университета была представлена г. попечителю округа, который предварительно какого-либо заключенія или представленія записки министру предложилъ совѣту (17-го янв. 1879 г.) сообщить ему «точныя и подробныя указанія на тѣ частные случаи, каждый въ отдѣльности, которые имѣлись въ виду при обсужденіи совѣтомъ неправильнаго отношенія полиціи къ студентамъ».

Прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ отъ университета на этотъ запросъ и дѣло было представлено министру, послѣдній получилъ отношеніе отъ шефа жандармовъ генералъ-адъютанта Дрентельна (отъ 22-го января 1879 г.) о томъ, что «до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что будто бы профессора С.-Петербургскаго университета подали министру петицію о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ противъ нихъ, и Его Величеству благоугодно знать, правда ли это». Министръ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ шефа жандармовъ для доклада Его Величеству, что пока ему извѣстно лишь частнымъ образомъ, что объ этомъ обсуждалось въ совѣтѣ университета и состоялся журналъ совѣта, но что офиціальнаго представленія по сему предмету онъ еще не получалъ.

Между тѣмъ записка совѣта была напечатана подпольною типографіей съ весьма хвалебнымъ предисловіемъ отъ революціонеровъ-агитаторовъ, университетскій же актъ 8-го февраля 1879 г. начался необычнымъ возгласомъ: «Студенты привѣтствуютъ совѣтъ».

15-го февраля послѣдовалъ и отвѣтъ Совѣта на запросъ попечителя. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что «тотъ крайне стѣснительный надзоръ, которому подчинены студенты со стороны не только полиціи, но и квартирныхъ хозяевъ и даже дворниковъ, во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, о коихъ говоритъ записка, не представляетъ чего-либо исключительнаго по отношенію къ нѣкоторымъ личностямъ, а практикуется уже нѣсколько лѣтъ по отношенію ко всѣмъ студентамъ, о чемъ не только заявляли студенты профессорамъ и ректору, но неоднократно говорилось и въ печати. Совѣтъ не считалъ необходимымъ указывать на отдѣльные случаи и называть фамиліи студентовъ уже и потому, что онъ не обвинялъ въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ отдѣльныхъ чиновъ полиціи, а указывалъ на общій взглядъ администраціи на студентовъ со всѣми его послѣдствіями. Совѣтъ полагалъ, что чины полиціи вовсе не превышали данныхъ имъ инструкцій, а считалъ именно эти инструкціи или, вѣрнѣе, систему, на которой онѣ основаны, крайне вредною для правильнаго развитія студенческой жизни. Внесеніе въ записку частныхъ случаевъ повело бы только къ безконечной перепискѣ и пререканіямъ съ отдѣльными участковыми и околодочными чинами, перепискѣ не только безполезной, такъ какъ разрѣшеніе такихъ пререканій, по самому свойству указываемыхъ фактовъ, было бы крайне затруднительно, но и вредной, такъ какъ она безъ нужды затянула бы разсмотрѣніе вопроса, имѣющаго, по мнѣнію Совѣта, настоятель-

ную важность». Кромѣ того, «названіе фамилій студентовъ и квартирныхъ хозяевъ, заявлявшихъ о фактахъ спеціальнаго надзора за студентами, могло бы поставить ихъ въ непріятное положеніе по отношенію къ полиціи, что̀ было бы, конечно, крайне нежелательно».

Мнѣніе г. попечителя округа по поводу записки Совѣта.

Пробѣлъ, оставленный въ запискѣ Совѣта, былъ до нѣкоторой степени восполненъ въ представленіи г. попечителя округа министру отъ 20-го февраля 1879 г. Здѣсь приведены, между прочимъ, слѣдующіе случаи: «Три студента естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета собрались для составленія лекцій по одному изъ предметовъ ихъ курса и вынуждены были по требованію полиціи разойтись. Другой разъ 7 студентовъ изъ самыхъ бѣдныхъ, желая какъ нибудь удешевить свой и безъ того скудный столъ, договорились съ кухаркой, которая согласилась кормить ихъ у себя за дешевую цѣну; но полиція, узнавъ о томъ, воспретила студентамъ собираться. 6-го января сего года 2 студента, шедшіе по улицѣ, были по неизвѣстной имъ причинѣ остановлены и обысканы проѣзжавшимъ частнымъ (sic!) приставомъ. Точно также недавно четверо студентовъ собрались у одного товарища на имянины, что̀ вызвало появленіе между ними участковаго надзирателя (sic!), который тутъ же переписалъ ихъ фамиліи, а одного, вышедшаго вслѣдъ за тѣмъ, обыскалъ на улицѣ. Подобные случаи, прибавляетъ г. попечитель, весьма не рѣдки, они доходили до меня частнымъ образомъ, и только два изъ нихъ доведены были до моего свѣдѣнія офиціально». «Довольно часто доходятъ до меня свѣдѣнія, продолжаетъ г. попечитель, что студенты не могутъ устроить себѣ стола, отвѣчающаго ихъ скуднымъ средствамъ, или пріискать себѣ квартиру, получая отказъ отъ хозяевъ, не желающихъ имѣть объясненій съ полиціей. Къ тому же это падаетъ на тѣхъ бѣдныхъ полуголодныхъ молодыхъ людей, которые ютятся по разнымъ подваламъ и чердакамъ, тогда какъ студенты, имѣющіе родителей, живущіе въ достаткѣ, оставляются въ покоѣ». Г. попечитель распространяется вслѣдъ за тѣмъ о вредныхъ послѣдствіяхъ такого образа дѣйствій полиціи, какъ подготовляющаго почву для всякихъ революціонно-агитаторскихъ посѣвовъ, и расходится съ Совѣтомъ университета только въ томъ, что относитъ эти дѣйствія не къ системѣ, а къ неумѣлости и излишнему рвенію нѣкоторыхъ низшихъ чиновъ полиціи, указывая, что «высшія власти полиціи не

оставляли безъ выясненія, а когда слѣдовало, и безъ удовлетворенія его заявленій», а также находитъ, что въ предубѣжденіи администраціи противъ учащейся молодежи не безъ вины и она сама, а отчасти и ея наставники. «Учащаяся молодежь, руководимая Совѣтомъ, должна путемъ строгаго исполненія всѣхъ налагаемыхъ на нее существующими постановленіями обязанностей, изгладить то мнѣніе, которое не въ пользу ея сложилось въ обществѣ».

Г. попечитель раздѣляетъ также мнѣніе Совѣта въ пользу предоставленія молодежи способовъ общенія между собою, но находитъ, «что всякія частныя студенческія собранія съ серіозною цѣлью, а не клубы, ферейны (?) и корпораціи, должны находиться подъ постояннымъ контролемъ одного изъ лицъ инспекціи, по выбору совѣта, и допускаются только въ томъ случаѣ, если совѣтъ и ректоръ примутъ на себя отвѣтственность за то, что собранія студентовъ не поведутъ къ какимъ-либо безпорядкамъ». Высказываясь далѣе въ пользу устройства семинарій такъ, какъ бы они были простыми собраніями студентовъ для общенія между собою съ научною цѣлью, и въ пользу собраній студентовъ, въ небольшомъ, конечно, числѣ, въ домахъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ у своихъ родителей и родственниковъ, г. попечитель присовокупляетъ: «Кто же можетъ болѣе содѣйствовать устройству такихъ собраній, если не профессора—члены университетскаго Совѣта»?

Причина недовѣрчиваго отношенія администраціи къ студентамъ заключается, по мнѣнію г. попечителя, «въ неправильныхъ условіяхъ постановки студентовъ въ отношеніи какъ къ заведенію, въ которомъ они учатся, такъ и къ лицамъ, руководящимъ ихъ направленіемъ». Г. попечитель даетъ понять, что ни инспекція, ни ректоръ университета, ни въ особенности университетскій судъ, не собиравшійся въ продолженіе слишкомъ 10-ти лѣтъ и имѣющій почти всю дисциплинарную власть надъ студентами (право ареста до семи дней, лишенія стипендій, увольненія, удаленія на опредѣленный срокъ и исключенія), ни совѣтъ и отдѣльные его члены—профессора, не исполняли надлежащимъ образомъ своихъ обязанностей. Три главныя причины—факторы волненій учащейся молодежи—стоятъ, по мнѣнію г. попечителя, впереди всѣхъ остальныхъ, а именно: дѣйствіе революціонной пропаганды, вліяніе большей части нашихъ повременныхъ изданій, а иногда даже и той общественной среды, изъ которой выходитъ учащаяся молодежь. «Коль скоро къ недовольной и раздраженной молодежи легко прививается политическая пропаганда, то кто

же можетъ успѣшнѣе бороться съ нею, если не члены Совѣта, какъ помощью личнаго на студентовъ вліянія, такъ и съ высоты занимаемыхъ ими каѳедръ»; но «не вижу я изъ нея (изъ записки совѣта) указанія на тѣ мѣры, которыя принимались бы Совѣтомъ для борьбы съ этими (вышеуказанными) тремя теченіями».

Г. попечитель вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ Совѣта, «что наложеніе еще особыхъ административныхъ взысканій на студентовъ, обвиненныхъ университетскимъ судомъ, должно крайне стѣснять университетское начальство» и что оно «равносильно отмѣнѣ университетскаго суда», а также и съ мнѣніемъ о гибельномъ дѣйствіи административныхъ высылокъ.

«Высылка отнимаетъ у молодого человѣка возможность исправить свой проступокъ, бросаетъ его въ среду, служащую ему большею частью окончательной пагубой, лишаетъ его способа продолжать образованіе и достигнуть обезпеченнаго положенія, наконецъ, возводитъ его въ глазахъ молодежи и извѣстной части общества, а затѣмъ и въ его собственныхъ глазахъ, на пьедесталъ какого-то мученика. Все это способно окончательно обратить его въ пропагандиста и врага правительству, что̀ мы и видимъ. Вотъ почему, въ виду невозможности устранить кару, соотвѣтствующую административной ссылкѣ, мнѣ казалась бы предпочтительнѣе замѣна ея тюремнымъ заключеніемъ, съ предоставленіемъ студенту пользованія во время заключенія научными пособіями и права, по окончаніи срока задержанія, продолжать курсъ ученія». По вопросу объ отсутствіи строгой разборчивости въ производствѣ арестовъ, признавъ какъ Совѣтъ, такъ и самого себя, совершенно не компетентнымъ, по совершенной неизвѣстности всѣхъ мотивовъ, вызывающихъ тотъ или другой арестъ, ту или другую административную кару, г. попечитель въ заключеніи своемъ признаетъ «мѣрами ведущими къ устраненію, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенію на будущее время, безпорядковъ» нижеслѣдующія:

«1) Постоянное дѣйствіе университетскаго суда, который долженъ собираться не только въ крайнихъ случаяхъ...... но дѣйствовать и въ тѣхъ маловажныхъ случаяхъ, которые влекутъ за собой замѣчанія, выговоры, аресты.

«2) Строгое исполненіе университетскимъ судомъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей.

«3) Оставленіе безъ высылки изъ столицы тѣхъ студентовъ, которые по приговору университетскаго суда будутъ наказываемы удаленіемъ или увольненіемъ изъ университета....

«4) Усиленіе инспекціи какъ численное, такъ и качественное, и болѣе дѣятельное отношеніе ея къ своимъ обязанностямъ, при чемъ, насколько возможно, примѣненіе относительно инспекціи правилъ наблюденія (?) за студентами, имѣющими общія квартиры и матеріально дурно обставленными. Правила эти отчасти могутъ быть заимствованы изъ Дерптскаго университета.

«5) Усиленіе занятій студентовъ устройствомъ профессорами семинарій, въ которыхъ бы студенты обсуждали интересующіе ихъ въ наукѣ вопросы и руководились профессоромъ въ своихъ чтеніяхъ, письменныхъ работахъ, сочиненіяхъ на медали и преміи, а равно и диссертаціяхъ.

«6) Дозволеніе бѣднымъ и благонадежнымъ студентамъ устраивать, подъ надзоромъ инспекціи, столовыя, общія квартиры и тому подобныя учрежденія, ведущія къ облегченію житейскихъ нуждъ бѣдныхъ молодыхъ людей. Конечно, за такими учрежденіями неизбѣжно долженъ быть и надзоръ полиціи», и наконецъ, одинаковость дисциплинарныхъ мѣръ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Представленіе г. попечителя заканчивается похвалами «замѣчательному такту и умѣнью» Совѣта въ дѣлѣ студенческихъ безпорядковъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г. и оказавшихся вслѣдствіе того «скорѣе мимолетной вспышкой чѣмъ серіознымъ безпорядкомъ», а также «солидарности его членовъ и отсутствію партій, всегда вредно вліяющихъ, какъ мы видимъ изъ многихъ примѣровъ, на учащуюся молодежь. Этимъ его достоинствамъ, а равно заботливости и умѣнью ректора вести дѣло, слѣдуетъ приписать, что общее направленіе студентовъ университета, въ настоящее по крайней мѣрѣ время, относительно хорошо, что нарушители порядка составляютъ меньшинство весьма незначительное и что Совѣтъ когда желаетъ — какъ онъ и доказалъ это нынѣшней зимой — можетъ имѣть надлежащее на молодежь нравственное вліяніе».

Отвѣтъ г. Министра Народнаго Просвѣщенія на представленіе Совѣта С.-Петербургскаго университета.

Ни представленіе г. попечителя, ни вызвавшая его записка Совѣта С.-Петербургскаго университета не были предметомъ какого либо особаго обсужденія ни въ Ученомъ Комитетѣ, ни въ совѣтѣ министра, быть можетъ потому, что означенная записка окончательно вызвала рѣшимость министра внести, наконецъ, проектъ новаго устава уни-

верситетовъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Попечителю же С.-Петербургскаго округа было предложено (отъ 2-го марта) «обратить вниманіе Совѣта на неумѣстность и несвоевременность представленія этой записки и поставить Совѣту на видъ, что въ сей запискѣ онъ вышелъ далеко за предѣлы предоставленныхъ ему закономъ правъ и обязанностей».

Указавъ на то, что случай, побудившій совѣтъ «заняться теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами и найти ихъ въ дѣйствіяхъ полиціи», не заключаетъ въ себѣ никакого столкновенія между полиціей и студентами, а «составляетъ вполнѣ внутреннее происшествіе въ жизни университета, вызванное главнымъ образомъ тѣмъ, что университетское начальство въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ терпѣло въ университетскихъ стѣнахъ студенческія сходки, запрещенныя существующими правилами», министръ продолжаетъ: «Неумѣстность и несвоевременность такого теоретическаго разслѣдованія и представленія мнѣ результатовъ онаго именно въ настоящее время болѣе чѣмъ очевидны. Университету, конечно, не безъизвѣстно, что наше время богато такими прискорбными проявленіями, которыя указываютъ скорѣе на недостаточность силы полиціи чѣмъ на противное, и правительство, по необходимости, обращаетъ все свое вниманіе не только на усиленіе бдительности и средствъ полиціи, но и на возвышеніе въ глазахъ публики нравственнаго ея авторитета. Такому стремленію правительства не можетъ не сочувствовать и не содѣйствовать всякій вѣрноподданный, кому дороги интересы общественной безопасности и государственнаго порядка и благоустройства. Если это долгъ каждаго гражданина, то правительство вполнѣ въ правѣ ожидать того же отъ всѣхъ своихъ органовъ, дабы общими силами розыскать и уничтожить то скопище злодѣевъ, которое, не гнушаясь никакими средствами, прибѣгая то къ открытому возмущенію, то къ потаенной агитаціи и даже къ убійству, стремится къ уничтоженію всего существующаго порядка вещей. Въ такую тяжкую годину, переживаемую Россіей, ученая корпорація столичнаго университета выступаетъ съ обвиненіемъ противъ полиціи и видитъ въ ней объясненіе происходящихъ между учащеюся молодежью безпорядковъ. Не довольствуясь этимъ, та же корпорація объясняетъ въ офиціальномъ представленіи, что зло это происходитъ отъ всей принятой правительствомъ системы, на которой основаны данныя полиціи инструкціи». Указавъ на факты заявленнаго уже со стороны части студентовъ и со стороны подпольной печати весьма

естественнаго сочувствія къ такому образу дѣйствій совѣта и обращаясь къ содержанію его записки, предложеніе министра настаиваетъ на томъ, что «такое не подтвержденное фактами обвиненіе со стороны одного изъ органовъ правительства противъ правительственной системы въ администраціи, не останавливающееся притомъ на полиціи, но идущее далѣе и требующее отмѣны всякихъ мѣръ, принимаемыхъ администраціей для обезпеченія самихъ же университетовъ отъ вреднаго вліянія оказавшихся уже неблагонадежными личностей, — заходитъ уже за всякіе предѣлы правъ, предоставленныхъ совѣтамъ университетовъ... Ни одна статья университетскаго устава не даетъ совѣту права разсуждать о предметахъ внутренняго государственнаго управленія и о распоряженіяхъ высшей административной власти, образъ дѣйствій которой ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ обсужденію и критикѣ университетскаго Совѣта... Полиція не можетъ не быть особенно бдительна въ отношеніи къ учащейся молодежи въ такія времена, когда ею производятся уличные безпорядки, а въ особенности касательно личностей, возбудившихъ уже противъ себя чѣмъ-либо подозрѣніе... но это нисколько не мѣшаетъ ректору университета въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мелочной и несправедливой придирчивости со стороны полиціи, если бы это случилось, обращаться куда слѣдуетъ, для обузданія неумѣлаго или слишкомъ усердствующаго полицейскаго чиновника,... и я убѣжденъ, что г. с.-петербургскій градоначальникъ будетъ благодаренъ за каждое такое указаніе и приметъ зависящія мѣры, если справедливость онаго подтвердится, чтобы подобные случаи не повторялись». Относительно того невыгоднаго мнѣнія, какое сложилось въ администраціи и въ самомъ обществѣ о студентахъ, въ предложеніи министра народнаго просвѣщенія сказано: «Весьма грустный фактъ этотъ, безспорно справедливый въ отношеніи той части молодежи, которая производитъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ постоянные безпорядки, то въ стѣнахъ заведеній, то внѣ оныхъ, не можетъ быть устраненъ ни законодательными, ни административными мѣрами, а единственно лишь самими студентами, которые своимъ добрымъ поведеніемъ заставили бы общество перемѣнить невыгодное о нихъ мнѣніе». Впрочемъ, ни администрація, ни общество «никогда не почитали всѣхъ вообще студентовъ неблагонадежными, а всегда протягивали имъ руку помощи, гдѣ это было нужно и возможно... Само собою разумѣется, что соціалистическая агитація не имѣетъ и не можетъ имѣть своего центра между студентами, а заносится извнѣ зловредными агитато-

рами и находитъ себѣ почву и развитіе въ средѣ лишь нѣкоторой ненадежной части молодежи. Отъ самого университета зависитъ принять мѣры, чтобы неблагонадежное меньшинство студентовъ... («добивающееся невозможныхъ правъ, терроризующее другихъ студентовъ и мѣшающее имъ заниматься въ университетѣ тѣмъ, для чего онъ учрежденъ, т. е., наукою и ученіемъ») «находило себѣ достаточный отпоръ въ большинствѣ несомнѣнно благонадежныхъ»; но университетъ вовсе не пользуется для сего всѣми дарованными ему полномочіями. «Никто не помѣшаетъ порядочнымъ и ни въ чемъ не заподозрѣннымъ студентамъ посѣщать другъ друга для занятій или для бесѣды. Что же касается какого бы то ни было корпоративнаго устройства студентовъ или студенчества, какъ выражается совѣтъ, то печальный опытъ послѣдняго времени, какъ до изданія устава 1863 г., такъ и послѣ изданія сего устава, долженъ былъ бы, какъ я полагаю, достаточно убѣдить Совѣтъ университета въ безцѣльности и невозможности разрѣшенія чего-либо подобнаго. Во всякомъ случаѣ я съ своей стороны считаю допущеніе подобныхъ студенческихъ обществъ и сопряженныхъ съ ними сборищъ положительно вреднымъ для университета и для самихъ студентовъ». Предложеніе это было доведено до свѣдѣнія Самого Государя Императора, и Его Императорскимъ Величествомъ было одобрено 1-го марта 1879 г., а на другой день было препровождено къ попечителю округа. Другихъ послѣдствій записка совѣта не имѣла. Но какъ сказано, она побудила графа Д. А. Толстого не медлить болѣе дѣломъ о новомъ университетскомъ уставѣ.

Участіе воспитанниковъ учебныхъ заведеній въ противогосударственной пропагандѣ съ половины 1873 по 1 января 1877 г.

Студенты, а вслѣдъ за ними, по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ и ученики среднихъ учебныхъ заведеній, въ значительномъ числѣ принимали участіе въ противогосударственной пропагандѣ, а именно съ половины 1873 г. и по 1 января 1877 г. воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, считая и выбывшихъ, было выше 50% общаго числа лицъ прикосновенныхъ къ означенной пропагандѣ и такъ или иначе привлекавшихся къ дѣламъ объ оной, производившимся и оконченнымъ производствомъ за означенное время въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, или около 820 ч., въ томъ числѣ 523 студента (31,7% общаго числа) и 297 воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній

(18,3% общаго числа). Особое совѣщаніе, образованное для обсужденія причинъ, препятствующихъ положить предѣлъ усиливающейся противогосударственной агитаціи, и для изысканія мѣръ, которыя было бы полезно принять къ ея ослабленію, усмотрѣвъ, что агитація эта обнаруживается и между воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній, скорѣе доступными исправленію, чѣмъ тѣ лица, въ которыхъ преступныя мысли успѣли пустить болѣе глубокіе корни, пришло къ предположенію о возможности учредить, въ особо избранной для того мѣстности, отдаленной отъ столицъ и большихъ городовъ, учебное исправительное заведеніе, въ которое могли бы быть отсылаемы воспитанники и ученики, подлежащіе судебному преслѣдованію или по крайней мѣрѣ исключенію изъ своихъ заведеній за участіе въ дѣлахъ противогосударственной или соціальной пропаганды.

Проектъ средняго исправительнаго учебнаго заведенія (1878—1879 года).

Первоначальный проектъ для такого заведенія былъ составленъ тайнымъ совѣтникомъ А. Л. Апухтинымъ, бывшимъ тогда начальникомъ Межеваго института, а для окончательной разработки вопроса о таковомъ учебно-исправительномъ заведеніи была, по соглашенію шефа жандармовъ и министра народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи сего послѣдняго, учреждена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Тайнаго Совѣтника Георгіевскаго, изъ членовъ (по одному) отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и отъ III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Коммиссія эта, начавъ свои труды 26-го іюля 1878 г., окончила ихъ 11-го апрѣля 1879 г., собравъ надлежащія свѣдѣнія о болѣе или менѣе подходящихъ исправительныхъ заведеніяхъ для несовершеннолѣтнихъ у насъ и за границей (въ томъ числѣ въ особенности о такъ-называемомъ Maison Paternelle въ Меттрэйской колоніи близъ Тура), и составила подробный проектъ учебно-исправительнаго института съ объяснительною къ нему запискою и штатомъ. Институтъ этотъ разсчитанъ былъ на 200 воспитанниковъ, раздѣляемыхъ для воспитательно-исправительныхъ цѣлей на 12 группъ, каждая въ вѣдѣніи особаго воспитателя-преподавателя и въ особомъ помѣщеніи, при чемъ лица, принадлежащія къ различнымъ группамъ, сходились бы между собою лишь въ церкви и въ классѣ, но не въ свободное отъ молитвы или ученія время. Для болѣе виновныхъ или строптивыхъ предполагались

совсѣмъ одиночныя помѣщенія (числомъ 10) и одиночное обученіе. Для ученія воспитанники распредѣлялись бы на отдѣленія гимназическое и реальное (по основному и коммерческому подраздѣленію) и на классы, начиная съ IV и выше. Кромѣ директора и его помощника предполагалось 23 воспитателя, занимающихся вмѣстѣ съ тѣмъ и преподаваніемъ. Занятія пѣніемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, а затѣмъ или инструментальною музыкою или мастерствомъ, были бы для всѣхъ обязательны.

Не успѣвающіе въ предметахъ гимназическаго курса переводились бы въ какое-либо изъ отдѣленій реальнаго курса, не успѣвающіе и въ семъ послѣднемъ обязательно и усиленно обучались бы ремесламъ. Вакаціоннаго времени не предполагалось, но въ каникулярное время уменьшалось бы число уроковъ по предметамъ и языкамъ и усиливались бы занятія искусствами, ремеслами, садоводствомъ и огородничествомъ. Отпуски не дозволялись бы кромѣ какъ въ совершенно исключительныхъ случаяхъ; дозволеніе свиданій съ посторонними лицами зависѣло бы единственно отъ директора; переписка между воспитанниками и ихъ родственниками шла бы не иначе какъ чрезъ воспитателей. Это учебно-исправительное заведеніе предполагалось въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, при нѣкоторомъ участіи министра внутреннихъ дѣлъ и шефа жандармовъ, а именно директоръ его избирался бы по соглашенію съ ними, и по дѣламъ о составленіи или измѣненіи правилъ о внутреннихъ порядкахъ въ институтѣ, о надзорѣ за воспитанниками и о взысканіяхъ съ нихъ, а равно при сужденіи объ ихъ исправленіи, о допущеніи къ выпускнымъ экзаменамъ (которые держатся не въ институтѣ, а въ ближайшемъ къ нему по мѣсту соотвѣтственномъ учебномъ заведеніи), объ увольненіи и исключеніи ихъ, въ педагогическомъ совѣтѣ обязательно присутствовали бы съ правомъ голоса члены отъ означенныхъ вѣдомствъ, по одному отъ каждаго. Устройство подобнаго института предполагалось въ сельской мѣстности, въ одной изъ центральныхъ, губерній, неподалеку отъ желѣзныхъ дорогъ.

Представляя свой проектъ, коммиссія не могла не обратить особаго вниманія какъ на безпримѣрность подобнаго учебнаго заведенія, на крайнюю трудность полнаго достиженія предполагаемыхъ цѣлей, такъ и на дороговизну его содержанія (159 т. р.), на неудобство учреждать какъ бы постоянное учебное заведеніе въ виду крайне ненормальныхъ обстоятельствъ, имѣющихъ несомнѣнно лишь временный характеръ, и на предпочтительность мѣръ, которыя имѣли бы своею

цѣлью оздоровленіе нормальныхъ учебныхъ заведеній, прежде же всего университетовъ, какъ преимущественно дающихъ всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ ихъ преподавателей и сверхъ того весьма дурно вліяющихъ черезъ своихъ студентовъ на воспитанниковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній,—оздоровленіе, для котораго необходимо и оздоровленіе всей вообще нашей среды.

Какъ по симъ соображеніямъ, такъ и еще болѣе по причинѣ совершенной перемѣны съ 6-го февраля 1880 г. во внутренней правительственной политикѣ, проектъ означеннаго учебно-исправительнаго заведенія не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Новое устройство университетской инспекціи въ 1879 г.

Но прежде чѣмъ означенная перемѣна произошла, была сдѣлана попытка преобразовать университетскій уставъ 1863 г. въ той его части, которая относится къ порядку управленія и надзора за студентами и къ устройству университетской инспекціи. Главнымъ начинателемъ этой попытки былъ временный Харьковскій генералъ-губернаторъ графъ Лорисъ-Меликовъ, который, прибывъ изъ Харькова въ С.-Петербургъ подъ впечатлѣніемъ безпрерывно возобновлявшихся въ Харьковѣ въ 1878—1879 учебномъ году студенческихъ безпорядковъ, справедливо указывалъ, что при тогдашнемъ коллегіальномъ порядкѣ управленія университетами въ нихъ нѣтъ должностныхъ лицъ, которыя дѣйствительно несли бы на себѣ отвѣтственность за соблюденіе въ нихъ порядка, и очень настаивалъ на томъ, чтобы не только всѣ чины инспекціи, но и деканы и ректоръ были, безъ всякихъ выборовъ со стороны профессорскихъ коллегій, непосредственно назначаемы правительственною властью. По Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева и при участіи министровъ народнаго просвѣщенія, финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретаря (нынѣ графа) И. Д. Делянова и графа Лорисъ-Меликова состоялось совѣщаніе, которое указывало на необходимость еще до начала новаго (1879—1880) учебнаго года принять мѣры для предупрежденія возможности возобновленія безпорядковъ между студентами университетовъ и послѣ продолжительныхъ преній остановилось на мысли оставить ректоровъ и декановъ на прежнемъ основаніи, но совершенно измѣнить порядокъ управленія и надзора за студентами и самое положеніе университетской инспекціи. Предположенія означеннаго совѣщанія были

23-го іюля 1879 г. Высочайше одобрены и вмѣстѣ съ тѣмъ было Высочайше повелѣно объ исполнительныхъ въ отношеніи къ нимъ распоряженіяхъ ежемѣсячно доводить до Высочайшаго свѣдѣнія по 1-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 25-го іюля того же года уже было внесено по сему предмету министромъ народнаго просвѣщенія представленіе въ комитетъ министровъ, а 2-го августа было уже Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ о томъ, чтобы въ видѣ временной мѣры, впредь до утвержденія новаго общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ: 1) предоставить министру народнаго просвѣщенія составить, не стѣсняясь университетскимъ уставомъ 1863 г., инструкцію для университетской инспекціи, съ присовокупленіемъ правилъ о дарованіи разныхъ льготъ, пособій и стипендій, и ввести оную въ дѣйствіе во всѣхъ университетахъ, подлежащихъ дѣйствію общаго устава; 2) предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, въ случаяхъ, если ими самими или мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ существующая нынѣ университетская инспекція будетъ признана не соотвѣтствующею своему назначенію, измѣнять ея составъ по соглашенію съ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ, при чемъ объ утвержденіи инспектора (или проректора) представлять министру народнаго просвѣщенія, а помощниковъ инспектора утверждать собственною властью, и 3) предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ увеличивать составъ университетской инспекціи, въ мѣрѣ надобности и возможности, назначеніемъ бо́льшаго противъ положеннаго по штатамъ числа помощниковъ инспектора, съ отнесеніемъ потребныхъ по сему предмету расходовъ на спеціальныя средства университетовъ.

Противъ предположеній, высказанныхъ въ особомъ совѣщаніи, въ представленіи министра народнаго просвѣщенія сдѣланы два измѣненія въ смыслѣ расширенія испрашивавшихся для правительственной власти полномочій, а именно относительно правилъ о льготахъ, пособіяхъ и стипендіяхъ для студентовъ и относительно увеличенія числа помощниковъ инспектора, при чемъ возникшая въ министерствѣ народнаго просвѣщенія мысль о присоединеніи къ составу инспекціи во всѣхъ университетахъ педеллей была устранена самимъ министромъ. Съ другой стороны особое совѣщаніе требовало, чтобы инструкція для университетской инспекціи была составлена и утверждена по соглашенію съ генералъ-губернаторами, министръ народнаго просвѣщенія въ видахъ ускоренія хода этого дѣла въ своемъ представленіи въ комитетъ министровъ предполагалъ ограничиться

соглашеніемъ лишь съ двумя генералъ-губернаторами С.-Петербургскимъ и Харьковскимъ; но комитетъ министровъ обошелъ этотъ пунктъ совершеннымъ молчаніемъ, за то занесъ въ свой журналъ указанія своего предсѣдателя генералъ-адъютанта графа Игнатьева I на тѣ полномочія, которыя самимъ уставомъ 1863 г. были предоставлены попечителямъ учебныхъ округовъ (а именно принимать всѣ нужныя, по ихъ усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университетамъ мѣста и лица исполняли свои обязанности, въ случаяхъ же чрезвычайныхъ дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали ихъ власть; сверхъ того, дѣлать университетскому совѣту предложенія и утверждать проектируемыя совѣтомъ правила объ обязанностяхъ студентовъ и о взысканіяхъ за нарушеніе оныхъ, утверждать предположенія правленія о назначеніи пособій бѣднымъ студентамъ и по ходатайствамъ объ освобожденіи отъ платы за слушаніе лекцій, а равно и утверждать избранный совѣтомъ способъ контроля надъ занятіями студентовъ), при чемъ находилъ необходимымъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія безъ всякаго замедленія далъ попечителямъ учебныхъ округовъ необходимыя указанія относительно пользованія принадлежащими имъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ, на что графъ Д. А. Толстой тотчасъ же изъявилъ свое согласіе. Тѣмъ не менѣе графъ Д. А. Толстой считалъ необходимымъ предварительное соглашеніе какъ со всѣми генералъ-губернаторами, такъ и съ попечителями учебныхъ округовъ, относительно инструкціи инспекціи, правилъ для студентовъ и предложенія попечителямъ, проекты коихъ были по его порученію составлены Т. Сов. Георгіевскимъ, и онъ же былъ командированъ въ Москву, Харьковъ, Кіевъ и Одессу для скорѣйшаго и легчайшаго достиженія соглашенія съ мѣстными попечителями и генералъ-губернаторами. Хотя 15-го уже августа онъ выѣхалъ изъ Москвы съ заготовленными имъ проектами, тѣмъ не менѣе только 26-го октября 1879 г. означенныя инструкція, правила и предложеніе были окончательно установлены, подписаны и разосланы, и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ приведены въ исполненіе съ самаго начала учебнаго года въ первоначальномъ своемъ видѣ.

Мѣры эти были направлены къ существенному измѣненію организаціи и быта университетовъ. Ими прежде всего упразднялся университетскій судъ съ его выборными судьями изъ числа профессоровъ юридическаго факультета, какъ доказавшій на дѣлѣ полную свою несостоятельность; функціи его переходили всецѣло къ правле-

нію, съ ректоромъ во главѣ, изъ декановъ, съ непремѣннымъ и авторитетнымъ участіемъ инспектора студентовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ университета устранялся вовсе отъ участія въ судебной, карательной власти надъ студентами, тогда какъ прежде онъ разсматривалъ и утверждалъ приговоры суда; онъ же устранялся и отъ раздачи студентамъ стипендій, каковое право исключительно принадлежало ему на основаніи представленій факультетовъ, теперь же всѣ дѣла о льготахъ студентамъ должны были сосредоточиваться въ правленіи, но могли быть вчинаемы только инспекторомъ на основаніи какъ собранныхъ инспекціей, такъ и доставленныхъ ей отъ профессоровъ и факультетовъ свѣдѣній, и подлежали окончательному утвержденію попечителя округа. Одновременно съ лишеніемъ карательной и милующей власти надъ студентами совѣтъ университета лишался права располагать по своему усмотрѣнію спеціальными суммами (главнѣйше сборомъ платы за ученіе) и ограничивался въ избирательныхъ своихъ правахъ. Предполагая значительно усилить и расширить дѣятельность университетской инспекціи, нельзя было не сознать необходимости значительно увеличить личный ея составъ, по указаніямъ бывшаго временнаго С.-Петербургскаго генералъ-губернатора генер.-ад. Гурко, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго помощника инспектора приходилось не болѣе 150 студентовъ, съ отнесеніемъ расходовъ по этой части на спеціальныя суммы университетовъ, почему и смѣта доходовъ и расходовъ изъ этихъ суммъ должна была представляться правленіемъ на окончательное утвержденіе не совѣта, а попечителя округа, и уже отъ усмотрѣнія сего послѣдняго зависѣло, спросить ли по этому предмету мнѣніе совѣта, или вовсе его не спрашивать. Ограниченіе же совѣта въ его избирательныхъ правахъ заключалось въ томъ, что всѣ чины инспекціи, равно какъ секретарь по студенческимъ дѣламъ и университетскій врачъ, какъ лица обязанныя исполнять порученія инспектора относительно студентовъ, были назначаемы безъ всякихъ выборовъ попечителемъ округа—чины инспекціи по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ (а въ Казани съ губернаторомъ), и притомъ инспекторъ съ утвержденія министра, а всѣ прочіе собственною его властью по представленію инспектора. Инспекція ставилась очень твердо и совершенно независимо отъ всѣхъ прочихъ университетскихъ властей, въ непосредственное подчиненіе попечителю округа и подъ его руководство. Ректоръ обязанъ былъ имѣть общее наблюденіе за правильностью и успѣшностью ея дѣйствій, но о ре-

зультатахъ своихъ наблюденій долженъ былъ доносить попечителю, не дѣлая самъ никакихъ распоряженій, замѣчаній или выговоровъ чинамъ инспекціи. Какъ лицо наблюдающее за инспекціей и какъ предсѣдатель правленія, состоящаго изъ выборныхъ декановъ, выборный ректоръ сохранялъ за собою весьма значительный авторитетъ и относительно студентовъ; впрочемъ никакой карательной власти непосредственно ему не присвоивалось, и вчинаніе всѣхъ дѣлъ о студентахъ въ правленіи исключительно ввѣрялось инспектору, и дѣла эти, въ случаѣ разногласія между инспекторомъ и прочими членами правленія, должны были идти на окончательное рѣшеніе попечителя округа. Собственная карательная власть инспектора не шла далѣе выговора со внесеніемъ въ штрафную книгу и ареста не болѣе какъ на 7 дней; дальнѣйшія взысканія могли быть налагаемы правленіемъ, при чемъ исключеніе изъ университета безъ права поступленія въ какое-либо другое учебное заведеніе—не иначе какъ съ утвержденія попечителя.

Располагая болѣе или менѣе всѣми карами, которыя могли постичь студентовъ, и всѣми милостями, какія могли быть имъ оказаны, непосредственно подчиненный только попечителю округа, имѣя голосъ въ правленіи по всѣмъ дѣламъ, и особенно вѣскій, почти рѣшающій по дѣламъ студентовъ, располагая достаточнымъ числомъ непосредственно подчиненныхъ ему помощниковъ, по меньшей мѣрѣ по 1 на каждыхъ 150 студентовъ, инспекторъ студентовъ вмѣстѣ со всѣми своими помощниками являлся властью, не только охраняющею внѣшній порядокъ во всѣхъ университетскихъ помѣщеніяхъ, не только надзирающею за студентами въ этомъ отношеніи, но и завѣдывающею ими какъ въ дисциплинарномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, властью до нѣкоторой степени нравственно-воспитательною, при чемъ наблюденію ея подлежало поведеніе студентовъ не только въ университетѣ, но и внѣ его при содѣйствіи полиціи, которой вмѣнялось въ обязанность исполнять всѣ законныя требованія инспекціи и увѣдомлять ее о всякомъ дошедшемъ до ея свѣдѣнія предосудительномъ поступкѣ студента.

Инспекція въ цѣломъ составѣ своемъ (то-есть, хотя бы одинъ изъ ея членовъ по принадлежности) должна была знать ввѣренныхъ ей студентовъ въ лицо и по фамиліи, а по возможности также характеръ и наклонности каждаго изъ нихъ, часто обращаясь между ними, разспрашивая ихъ объ обстоятельствахъ ихъ воспитанія, о родѣ ихъ жизни и занятіяхъ, объ ихъ знакомствахъ, о способахъ существованія, посѣщая ихъ на ихъ квартирахъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, ко-

торые не являются на лекціи хотя бы только въ продолженіе трехъ дней, не давая знать о причинѣ неявки. Въ видахъ сближенія студентовъ съ чинами инспекціи первымъ вмѣнено было въ обязанность по всѣмъ своимъ дѣламъ и надобностямъ обращаться къ указанному каждому изъ нихъ помощнику инспектора, для чего послѣдніе обязаны были опредѣлить ежедневно извѣстные часы пріема; сверхъ того студенты были обязаны ежемѣсячно въ указанные дни и часы являться для визировки выданныхъ имъ отъ инспекціи билетовъ на жительство: имѣлось, между прочимъ, въ виду положить этимъ конецъ отчужденію студентовъ отъ университета, проживательству нѣкоторыхъ изъ нихъ даже внѣ университетскаго города, нерѣдкимъ разъѣздамъ тѣхъ или другихъ изъ нихъ по разнымъ университетскимъ городамъ особенно съ цѣлью агитаціи, а главное, усилить способы ознакомленія чиновъ инспекціи со ввѣренными имъ студентами, при чемъ предполагалось, что визировка эта будетъ происходить ежедневно и что съ этою цѣлью студенты будутъ распредѣлены по днямъ мѣсяца, такъ что на каждый день, въ особо назначенный для того часъ, помощнику инспектора придется имѣть дѣло по большей мѣрѣ съ пятью изъ ввѣренныхъ ему 150 студентовъ.

Особенному вниманію инспекціи поручались студенты, пользующіеся стипендіями, пособіями и какими-либо льготами относительно платы за ученіе. «Отнюдь не должно быть терпимо, чтобы этими преимуществами и льготами пользовались не только неисправные въ какомъ бы то ни было отношеніи студенты, но и такіе, которые по своему образу мыслей и жизни и по своему характеру и наклонностямъ неспособны служить добрымъ примѣромъ для товарищей». За полученіемъ стипендій студенты должны были являться лично къ инспектору или указанному имъ его помощнику. По отношенію къ стипендіатамъ, обнаружившимъ наклонность издерживать стипендію не надлежащимъ образомъ, предоставлялось чинамъ инспекціи разсрочивать выдачу стипендіи или же уплачивать изъ нея за квартиру студента, за его столъ, одежду и т. д. Предоставлялось также инспектору съ разрѣшенія попечителя замѣнять выдачу стипендій на руки студентамъ устройствомъ для нихъ или для нѣкоторыхъ изъ нихъ общежитій подъ непосредственнымъ надзоромъ его и одного изъ его помощниковъ. «На устройство общежитій желательно обращать возможно бо́льшую часть стипендій». Одна кондуитная книга, съ занесеніемъ въ нее всѣхъ данныхъ и свѣдѣній о каждомъ студентѣ, ведется о стипендіатахъ и прочихъ пользующихся пособіями и льго-

тами, и другая подобная же объ остальныхъ студентахъ; факультетамъ вмѣняется въ обязанность сообщать инспектору чрезъ каждые два мѣсяца и тотчасъ же послѣ репетицій и экзаменовъ свѣдѣнія объ особыхъ занятіяхъ и трудахъ и объ успѣхахъ въ наукахъ каждаго студента; о студентахъ, замѣченныхъ профессоромъ въ неисправномъ посѣщеніи лекцій или въ уклоненіи отъ обязательныхъ для нихъ научныхъ упражненій и письменныхъ работъ, профессоры обязаны немедленно сообщать декану факультета и университетской инспекціи, которая обязана и сама неослабно слѣдить всѣми зависящими отъ нея способами за исправнымъ посѣщеніемъ студентами университетскихъ лекцій и еженедѣльно доводить до свѣдѣнія попечителя, сколькими студентами каждаго курса, отдѣленія и факультета и сколько лекцій въ общей сложности было пропущено. Дабы облегчить студентамъ эту обязанность, предложено попечителямъ не допускать слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія числа лекцій по днямъ недѣли (бывали такіе примѣры, что однимъ и тѣмъ же студентамъ приходилось слушать то по одной, то по шести лекцій въ день), а равно не допускать и оставленія промежутковъ между лекціями, литографированіе же лекцій самими студентами вновь запрещено съ тѣмъ, что инспекція обязана отбирать литографированныя лекціи, а виновныхъ въ имѣніи таковыхъ подвергать взысканію. Инспекторъ не обязанъ принимать на себя ходатайство о предоставленіи стипендій, пособій или какихъ-либо льготъ тѣмъ студентамъ, о занятіяхъ коихъ ему не доставлено никакихъ одобрительныхъ удостовѣреній ни факультетами, ни отдѣльными профессорами. Сверхъ того требовалось еще, чтобы кто-либо изъ преподавателей факультета (изъ числа указанныхъ инспекторомъ) поручился за студента, желающаго получить стипендію, пособіе или льготу, и при этомъ согласился принять его подъ свое ближайшее руководство, попеченіе и отвѣтственность. Назначаются стипендіи, пособія и льготы не болѣе какъ на годъ и по истеченіи года возобновляются тѣмъ же порядкомъ, то-есть, по ходатайству инспектора правленіемъ съ утвержденія попечителя. Инспектору, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ инструкціи 1837 г., вмѣнялось въ обязанность «отличать своимъ обхожденіемъ и ходатайствомъ предъ правленіемъ и попечителемъ тѣхъ изъ учащихся, въ коихъ онъ замѣтитъ, при хорошихъ успѣхахъ, чистоту нравовъ, правильный образъ мыслей и благородство характера и поведенія».

Въ предложеніи попечителямъ особенно указывалось на необхо-

димость, чтобы инспекторъ былъ «непремѣнно развитою личностью», равно какъ и каждый изъ его помощниковъ. «Но, говорится далѣе, достиженіе предположенной высшимъ правительствомъ цѣли прочнаго огражденія университетовъ, отъ всѣхъ происковъ и усилій преступной пропаганды и агитаціи, направленныхъ главнѣйше на питомцевъ какъ этихъ, такъ и другихъ разсадниковъ высшаго образованія, едва-ли окажется возможнымъ безъ дружнаго и энергичнаго содѣйствія университетской инспекціи со стороны всѣхъ университетскихъ властей и отдѣльныхъ университетскихъ преподавателей. Къ таковому содѣйствію Вы (попечитель округа) и имѣете ихъ призвать, пользуясь для сего принадлежащими Вамъ правами въ полномъ ихъ пространствѣ и объемѣ». Указавъ на эти права, циркуляръ министра отъ 26 октября 1879 г. продолжаетъ: «Обстоятельства настоящаго времени, когда дѣло идетъ о возстановленіи духа порядка и дисциплины между учащимися, какъ несомнѣннаго и перваго условія правильнаго и спокойнаго существованія университетовъ и прочнаго огражденія учащейся въ нихъ молодежи отъ происковъ и усилій преступной агитаціи, не могутъ не быть признаны чрезвычайными, и потому впредь до полнаго возстановленія духа дисциплины и порядка между учащимися во ввѣренномъ Вамъ университетѣ, Вы уполномочиваетесь дѣйствовать для достиженія этой цѣли всѣми способами, хотя бы они и превышали предоставленную Вамъ власть. Вы потребуете, чтобы всѣ университетскіе власти и преподаватели оказывали всевозможное содѣйствіе инспекціи во всѣхъ случаяхъ, въ особенности же въ случаѣ какихъ-либо возникающихъ безпорядковъ и волненій между студентами, когда весь университетскій совѣтъ и всѣ отдѣльные преподаватели могутъ быть призваны Вами для предупрежденія всѣми зависящими отъ нихъ способами уклоненія учащихся съ пути долга и для предотвращенія тѣхъ бѣдствій, какія отъ этого могутъ послѣдовать какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго университета вслѣдствіе закрытія его въ цѣломъ составѣ или отдѣльными курсами и факультетами».

Такимъ образомъ и попечителямъ даны были неограниченныя полномочія для возстановленія духа порядка и дисциплины между студентами университетовъ, и настойчиво и неоднократно было имъ указываемо, что всѣ профессора и преподаватели должны были быть привлечены къ содѣйствію инспекціи въ этомъ важнѣйшемъ для университетовъ при данныхъ обстоятельствахъ дѣлѣ.

Въ правилахъ для студентовъ, одновременно съ инструкціей

для инспекціи разосланныхъ по всѣмъ университетамъ, большею частью были повторены уже существовавшія и прежде правила; въ виду же тѣхъ безобразій, которыя представляло тогда студенчество, были съ особенною настойчивостью предложены нѣкоторыя весьма элементарныя правила, казалось бы, совершенно излишнія для лицъ этого возраста и образованія, какъ то: о строгомъ соблюденіи правилъ наружнаго благоприличія, о ношеніи приличной одежды общепринятаго въ образованномъ обществѣ покроя, о томъ, чтобы вездѣ вели себя скромно, пристойно и вѣжливо, ничѣмъ не нарушая тишины и порядка, чтобы ко времени прихода профессора на лекцію всѣ были на своихъ мѣстахъ въ аудиторіи и послѣ начала лекціи не позволяли себѣ ни входить въ нее, ни выходить изъ нея, при входѣ же въ нее лицъ начальствующихъ вставали предъ ними, при встрѣчѣ же съ ними въ корридорахъ давали имъ свободный проходъ, и вообще своимъ начальникамъ и преподавателямъ вездѣ оказывали знаки уваженія, общепринятые въ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ, на экзаменѣ же отвѣчали бы стоя.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ и сами профессора оставляли желать весьма многаго, то въ циркулярномъ предложеніи попечителямъ было сказано: «Въ видахъ водворенія духа порядка и дисциплины между учащимися, преподаватели обязаны сами служить имъ примѣромъ точнаго и строгаго соблюденія всѣхъ своихъ обязанностей, а равно и всѣхъ предписаній закона, относящихся къ государственной службѣ. Какъ должностныя лица, состоящія на государственной службѣ, профессоры и преподаватели обязаны являться на службу не иначе какъ въ присвоенной имъ форменной одеждѣ и съ старшимъ изъ пожалованныхъ имъ Монаршею милостью орденовъ. Было бы крайнею непослѣдовательностью требовать отъ учащихся соблюденія приличія въ ихъ одеждѣ и дозволять учащимъ пренебрегать въ этомъ отношеніи требованіями закона. Точно также профессоры и прочіе преподаватели должны служить для учащихся примѣромъ уваженія къ старшимъ и въ особенности къ начальникамъ, каковъ для нихъ прежде всего попечитель округа. Однимъ изъ знаковъ такого уваженія должно служить то, чтобы профессоры и прочіе преподаватели, при назначеніи вновь въ свою должность, при повышеніи въ званіи или чинѣ, при полученіи какой-либо почетной или денежной награды, а равно и по возвращеніи изъ командировки или отпуска, непремѣнно представлялись ему лично, для чего Вы имѣете назначить особые дни и часы внѣ обычнаго времени чтенія лекцій».

Въ числѣ правилъ для студентовъ было еще одно нововведеніе, а именно предписывалось испрашивать особое разрѣшительное свидѣтельство за подписью инспектора на право давать частные уроки, каковое свидѣтельство могло быть выдаваемо только студентамъ, вполнѣ благонадежнымъ въ нравственномъ отношеніи, при отсутствіи и со стороны полиціи отзывовъ о неблагонадежности, и исполняющимъ свои обязанности по университету: въ противномъ случаѣ выданное свидѣтельство отбирается; преподающему же безъ разрѣшенія воспрещается преподаваніе на все время бытности студентомъ, дальнѣйшее же нарушеніе этого правила подвергаетъ виновнаго удаленію изъ университета.

Предложеніе министра попечителямъ заканчивалось слѣдующими словами: «Въ заключеніе не могу не обратить вниманія Вашего Превосходительства на то, что и внѣшній порядокъ между учащимися могъ бы быть наилучше обезпеченъ съ подъемомъ научнаго ихъ духа и научныхъ стремленій. Возбудить этотъ духъ и эти стремленія и поддержать ихъ, привлечь студентовъ сколь можно болѣе къ университету и университетскимъ занятіямъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ дурныхъ и вредныхъ вліяній, которымъ нѣкоторые изъ нихъ поддаются, это— прямая и священная обязанность профессоровъ. А потому имѣю честь просить Васъ подвергнуть обсужденію факультетскихъ собраній, какія мѣры съ этою цѣлью могли бы быть нынѣ же приняты по каждому курсу, отдѣленію и факультету, и о мѣрахъ, которыя будутъ приняты, немедленно сообщить мнѣ». Къ этому было прибавлено уже передъ самою отправкою слѣдующее: «Вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю Вамъ, буде признаете нужнымъ, сообщить содержаніе настоящаго моего предложенія въ совѣтѣ университета подъ Вашимъ предсѣдательствомъ, и выяснивъ при этомъ, какихъ мѣръ можетъ потребовать введеніе новыхъ порядковъ, о послѣдующемъ довести до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія».

На этотъ разъ имѣлось, повидимому, серіозное и рѣшительное намѣреніе упорядочить наши университеты и оградить ихъ отъ агитаторовъ, которые съ одной стороны возбуждали въ нихъ студенческіе безпорядки, а съ другой уловляли нѣкоторыхъ студентовъ въ сѣти революціонной партіи. Инструкція для инспекціи, правила для студентовъ и предложеніе попечителямъ были окончательно установлены по соглашенію съ генералъ-губернаторами и съ попечителями округовъ, при чемъ послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ Одессѣ, Кіевѣ и Харьковѣ, привлекали къ совмѣстному съ тайнымъ совѣтникомъ Геор-

гіевскимъ обсужденію всего этого дѣла во всѣхъ его подробностяхъ и членовъ университетскаго правленія. О ходѣ всего этого дѣла ежемѣсячно доносилось Государю Императору, всѣ вышеозначенныя распоряженія были представлены на Высочайшее воззрѣніе, и Его Императорскому Величеству благоугодно было Собственноручно начертать на нихъ: «Надѣюсь, что новыя правила будутъ добросовѣстно исполняться и принесутъ ожидаемую пользу. Ливадія. 5-го ноября 1879 года».

Причины безуспѣшности мѣръ 1879 г. къ упорядоченію университетовъ.

Но надеждѣ этой не было суждено осуществиться. Въ самомъ центральномъ управленіи министерства народнаго просвѣщенія съ самаго начала уже обнаружились колебанія и какъ бы два различныя теченія, легко и естественно всегда возникающія при осуществленіи мѣръ не тѣми должностными лицами и органами, коими онѣ были обсуждаемы и установляемы. Такъ, вслѣдъ за предложеніемъ отъ 26-го октября 1879 г. по поводу утвержденныхъ въ тотъ же день правилъ для студентовъ и инструкціи университетскимъ инспекціямъ и какъ бы въ дополненіе къ нему было объяснено попечителямъ учебныхъ округовъ, что «означенное предложеніе предназначено исключительно для нихъ самихъ, а потому не подлежитъ никакому опубликованію», и что даже ректору университета можетъ попечитель, «если признаетъ нужнымъ, сообщить такія изъ него выдержки, какія найдетъ для сего удобнымъ». Гдѣ инспекторская должность была исполняема профессоромъ съ званіемъ проректора, послѣдній спѣшилъ отъ нея отказаться, и возникалъ вопросъ о выборѣ новыхъ лицъ въ должность инспектора студентовъ. Многіе генералъ-губернаторы, и изъ нихъ въ особенности Кіевскій генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ М. И. Чертковъ, были въ пользу предоставленія этой должности военнымъ лицамъ, съ академическимъ образованіемъ, и въ военномъ мундирѣ, при чемъ не было недостатка въ кандидатахъ этой категоріи, вполнѣ развитыхъ и подходившихъ по своему характеру и положенію къ условіямъ, какія требовались для этой должности. Но графъ Д. А. Толстой былъ рѣшительно противъ назначенія военныхъ офицеровъ и въ военныхъ мундирахъ, полагая, что назначеніе таковыхъ лицъ можетъ раздражить и профессоровъ, и студентовъ, и держался мнѣнія бывшаго директора департамента, что для этой

должности могутъ быть наиболѣе пригодны инспекторы гимназій съ пансіономъ.

Въ виду возникшихъ въ самомъ министерствѣ раздвоенія и колебаній и сами попечители большею частью дѣйствовали съ большою слабостью, нерѣшительностью и медлительностью. Поэтому въ Харьковскомъ университетѣ новыя правила были приведены въ дѣйствіе только 15-го декабря 1879 г., но совѣтъ университета до 22-го мая 1880 г. продолжалъ препираться съ попечителемъ округа по вопросу о разсмотрѣніи и утвержденіи смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ университета и противился назначенію нѣкоторой ихъ части на усиленіе инспекціи. Въ Казанскомъ университетѣ новыя правила были установлены только съ 14-го января 1880 г., въ Кіевскомъ съ 24-го января, въ Новороссійскомъ съ 31-го января, а въ Московскомъ даже съ 18-го февраля 1880 г., и только въ С.-Петербургскомъ университетѣ, для котораго, по соглашенію съ временнымъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ I. В. Гурко, правила были особо утверждены еще 29-го августа 1879 г., они были введены въ дѣйствіе съ самаго начала 1879—1880 учебнаго года.

Что всѣ университетскія власти и бо̀льшая часть профессоровъ при такихъ условіяхъ отнеслись къ этимъ правиламъ съ нескрываемою враждебностью, это понятно само собою. Бывшій попечитель С.-Петербургскаго округа, нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ обергофмейстеръ князь М. С. Волконскій, доносилъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарю Сабурову, отъ 5-го ноября 1880 г., что «приведеніе въ исполненіе этихъ правилъ было тѣмъ труднѣе, что помимо точности и серіозности ихъ, къ которой не привыкли студенты, правила были встрѣчены весьма несочувственно профессорами. Такое ихъ несочувствіе къ новымъ порядкамъ должно было вызывать ропотъ и недовольство въ самихъ студентахъ».

Недостатокъ прежнихъ порядковъ по надзору за студентами и преимущества новыхъ.

«Если,—прибавляетъ князь М. С. Волконскій,—при столь неблагопріятныхъ условіяхъ все-таки не послѣдовало въ теченіе всего учебнаго года безпорядковъ, то, я думаю, можно убѣдиться, что новая организація инспекціи принесла уже пользу университету, между тѣмъ какъ въ теченіе 16-ти лѣтъ со времени введенія устава 1863 г.

и при существованіи правилъ, составленныхъ Совѣтомъ, безпорядки среди учащейся молодежи повторялись ежегодно и три раза—въ 1869, 1874 и 1878 гг. доходили до такихъ большихъ размѣровъ, что вынуждали на крайнія мѣры». Въ донесеніи Совѣта С.-Петербургскаго университета отъ 22-го октября 1880 г. по этому поводу, между прочимъ, сказано, что не было особенныхъ безпорядковъ и волненій только потому, что значительное число вновь введенныхъ правилъ остались непримѣненными и что состоялось особое соглашеніе попечителя съ ректоромъ о томъ, что высшей инстанціей по студенческимъ дѣламъ остается ректоръ, которому инспекція должна была доносить во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Но попечитель отрицаетъ существованіе подобнаго соглашенія и говоритъ; что ректору было дѣйствительно предоставлено руководить всѣми дѣйствіями инспектора въ то весьма непродолжительное время, пока инспекторомъ состоялъ статскій совѣтникъ Антроповъ, въ виду полнѣйшаго незнанія имъ своего дѣла и совершенной безтактности, хотя онъ и былъ назначенъ въ инспекторы изъ помощниковъ по ходатайству самого ректора. Затѣмъ указанія инструкціи исполнялись вообще съ точностью, и непримѣнимыми оказались только правила о посѣщеніи лекцій всѣми студентами, ибо аудиторіи оказались недостаточными для вмѣщенія всѣхъ принятыхъ и распредѣленныхъ по курсамъ студентовъ. Одна изъ заслугъ новой инспекціи было открытіе этого поразительнаго факта невозможности вмѣстить въ аудиторіяхъ всѣхъ принятыхъ студентовъ и обязанныхъ въ одно и то же время слушать однихъ и тѣхъ же профессоровъ,—фактъ, который оказался во всѣхъ университетахъ и противъ котораго профессорскія коллегіи не принимали никакихъ мѣръ и даже напротивъ по крайнему невниманію своему къ потребностямъ студентовъ сами вызывали его, нерѣдко соединяя студентовъ нѣсколькихъ курсовъ или нѣсколькихъ факультетовъ вмѣстѣ для слушанія однѣхъ и тѣхъ же лекцій въ аудиторіяхъ, которыя не могли вмѣстить и половины всѣхъ обязательныхъ слушателей. По свидѣтельству князя М. С. Волконскаго, до инструкціи 1879 г. инспекторъ и его помощники на самомъ дѣлѣ совершенно бездѣйствовали; имъ не было дано никакой инструкціи и не дѣлалось никакихъ точныхъ и обязательныхъ указаній; они должны были дѣйствовать примѣнительно къ личному взгляду избиравшагося совѣтомъ ректора, а вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ членовъ совѣта, какъ высшей университетской инстанціи, считалъ инспекцію въ своей зависимости и находилъ не лишнимъ по временамъ выска-

зывать ей свои взгляды и отдавать приказанія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи инспекторъ, не имѣя отъ совѣта и ректора никакихъ письменныхъ указаній, не пользуясь даже ни малѣйшей поддержкой и видя, что авторитетъ его всегда подрывается профессорами, относился къ своей обязанности формальнымъ образомъ; изъ 4-хъ его помощниковъ находился въ университетѣ 1 или 2, прочіе же были при другихъ, совершенно посторонних, обязанностяхъ. Если случались какія-либо столкновенія между инспекціей и студентами, то первая почти всегда оставалась виновною въ глазахъ совѣта, и ея заявленіямъ о поступкахъ студентовъ не придавалось почти никакого значенія. Будучи малочисленна, она была даже лишена физической возможности слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ университетѣ; у нея не было никакихъ средствъ къ ознакомленію со студентами; никакихъ билетовъ, никакихъ ихъ визировокъ («столь полезныхъ какъ для сближенія инспекціи со студентами, такъ и для провѣрки, находятся ли студенты на лицо») не было, и въ университетъ входилъ свободно всякій. Поэтому неудивительно, что на сходкахъ, бывшихъ въ ноябрѣ 1878 г., было нѣсколько рабочихъ съ фабрики Торнтона. «Отсутствіемъ надзора и возможностью проникать въ университетъ людямъ всякаго сброда я позволяю себѣ объяснять многіе изъ тѣхъ безпорядковъ и шумныхъ сходокъ, которые были причиною гибели многихъ, можетъ быть, достойныхъ студентовъ». Хотя по университетскимъ правиламъ 1878 г., продолжаетъ попечитель С.-Петербургскаго округа, инспекторъ и былъ обязанъ выдавать свидѣтельства о поведеніи студентовъ для полученія ими какихъ-либо льготъ, но это была только формальность, ибо инспекторъ ничего не зналъ и не могъ знать о поведеніи студентовъ. «Изъ списка студентовъ, уволенныхъ за безпорядки 20-го и 21-го марта 1869 г., видно, что многимъ изъ нихъ въ февралѣ того же года была назначена Императорская стипендія, а другимъ выдано пособіе въ размѣрѣ отъ 40 до 100 р. изъ суммъ, дарованныхъ Государемъ Императоромъ по случаю исполнившагося (8-го февраля 1869 г.) пятидесятилѣтія университета. Это показываетъ, насколько мало были извѣстны студенты со стороны ихъ благонадежности». До какой степени чины инспекціи были излишни въ глазахъ совѣта, видно изъ того, что съ 1870 г. отпускалось изъ государственнаго казначейства содержаніе на 5 помощниковъ инспектора, но совѣтъ неизвѣстно почему никогда не избиралъ пятаго.

При дѣйствіи инструкціи 1879 г. въ теченіе 1879 — 1880 учеб-

наго года не было безпорядковъ и въ другихъ университетахъ. Исполнялась она вообще довольно слабо, да едва ли и было бы благоразумно разомъ перейдти отъ прежней распущенности къ строгой дисциплинѣ. Тѣмъ не менѣе даже и правило о ежемѣсячной явкѣ студентовъ къ чинамъ инспекціи для визированія билетовъ исполнялось всѣми за весьма немногими и уважительными исключеніями (въ университетѣ Св. Владиміра изъ 1050 студентовъ на долю не являвшихся ежемѣсячно приходилось не болѣе 10 студентовъ, и то исключительно по уважительнымъ причинамъ).

Но прежде чѣмъ новые порядки могли утвердиться и принести всѣ ожидаемые отъ нихъ плоды, произошла рѣшительная перемѣна въ направленіи и образѣ дѣйствій высшаго правительства: 12-го февраля 1880 г. послѣдовало призваніе графа Лорисъ-Меликова къ главной распорядительной дѣятельности, а 22-го апрѣля министерство народнаго просвѣщенія было ввѣрено статсъ-секретарю А. А. Сабурову, и начались новыя «вѣянія», при которыхъ новая инспекція могла сохраняться въ университетахъ еще нѣкоторое время лишь по имени. И дѣйствительно 25-го іюля 1880 г. было предложено правленіямъ университетовъ, по разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ, вызывавшихъ какіе-либо вопросы по поводу примѣненія правилъ для студентовъ на практикѣ, сообщить отзывъ относительно дополненія или измѣненія сихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ управлявшій министерствомъ обращался и къ попечителямъ, и къ генералъ-губернаторамъ, съ просьбою сообщить ихъ мнѣнія о новыхъ дисциплинарныхъ порядкахъ.

Отзывы о дисциплинарныхъ порядкахъ 1879 г. въ управленіе статсъ-секретаря А. А. Сабурова.

Какъ и слѣдовало ожидать, за весьма немногими исключеніями, получились отзывы, совершенно согласные съ видами и намѣреніями спрашивавшаго правительственнаго лица и съ общимъ направленіемъ, принятымъ тогда внутреннею политикой Россіи. Нерѣдко тѣ же самыя лица, на предварительномъ разсмотрѣніи которыхъ были эти правила для студентовъ и эта инструкція для инспекціи и которыя ихъ вполнѣ одобрили въ свое время, высказывались теперь противъ нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Впрочемъ попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа кн. М. С. Волконскій полагалъ, что сохраненіе всѣхъ этихъ распоряженій принесетъ существенную

пользу университету, и высказалъ это свое мнѣніе съ большою твердостью и обстоятельностью; попечители Кіевскаго и Казанскаго округовъ требовали лишь нѣкоторыхъ измѣненій; Харьковскій попечитель ограничился заявленіемъ, что въ случаѣ одобренія предположеній совѣта университета всякая отвѣтственность за ходъ дѣлъ въ университетѣ должна быть снята съ попечителя. Попечитель Одесскаго учебнаго округа т. сов. Лавровскій высказался такъ (въ представленіи отъ 11-го декабря 1880 г.): «Совершенно соглашаюсь съ гораздо большею пользою и съ несравненно надежнѣйшею гарантіей за спокойствіе въ средѣ учащихся въ университетѣ, если надзоръ за послѣдними будетъ принадлежать непосредственно начальству самого университета, будетъ ли то правленіе университета съ ректоромъ во главѣ, или ректоръ съ проректоромъ и другими чинами инспекціи, лишь бы только правительство опредѣлило точно мѣру отвѣтственности университетскаго начальства въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ и непринятія должныхъ мѣръ къ ихъ предупрежденію». Съ этимъ согласился и тогдашній временный Одесскій генералъ-губернаторъ ген.-ад. Дрентельнъ, присовокупивъ, что въ случаѣ сохраненія того устройства инспекціи, какое ей было дано въ 1879 г., надлежало бы усилить значеніе и вліяніе ректора въ дѣлахъ о выдачѣ стипендій и пособій, но починъ ходатайства по этимъ дѣламъ сохранить непремѣнно за инспекторомъ. Кіевскій генералъ-губернаторъ былъ собственно въ пользу сохраненія порядковъ 1879 г., но съ тѣмъ чтобы инспекторъ, избираемый попечителемъ округа, подчинялся ректору университета. Въ пользу же этихъ порядковъ былъ и Казанскій губернаторъ т. сов. Скарятинъ, но съ отмѣною посѣщенія студенческихъ квартиръ чинами инспекціи, съ отмѣною карцера и съ отнесеніемъ увеличившихся расходовъ по инспекціи не на спеціальныя средства университетовъ, а на средства государственнаго казначейства. Московскій генералъ-губернаторъ, замѣтивъ, что нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для сужденія о дѣйствіи инструкціи и правилъ, тѣмъ не менѣе по сношеніи своемъ съ начальствомъ университета, то-есть, съ его ректоромъ, приложилъ къ своему отвѣту (отъ 23-го августа 1880 г.) подробную записку, которая заключала въ себѣ рѣзкую критику этихъ правилъ и инструкціи, и которая затѣмъ въ смягченномъ или же и усиленномъ видѣ повторена была во всѣхъ отзывахъ совѣтовъ университетскихъ, ибо хотя запросъ былъ обращенъ къ правленію каждаго университета, но почти вездѣ вмѣсто правленія отвѣчалъ Совѣтъ. Наибольшею рѣзкостью отличались тѣ отзывы, которые

давались позднѣе, послѣ достопамятнаго посѣщенія многихъ учебныхъ заведеній и университетовъ статсъ-секр. Сабуровымъ, каковы, напримѣръ, отзывы коммиссіи Новороссійскаго университета отъ 11-го декабря и совѣта Московскаго университета отъ 18-го дек. 1880 г.

Мѣрамъ 1879 г. поставлялось въ вину нижеслѣдующее: 1) Недовѣріе къ университетскимъ властямъ; 2) Вносимое ими раздвоеніе въ университетское управленіе: съ одной стороны ректоръ съ правленіемъ и совѣтомъ, а съ другой попечитель съ инспекціей, при чемъ попечитель низводится на степень простого администратора, инспекторъ же имѣетъ силу равную со всѣмъ правленіемъ и даже бо́льшую; 3) Неисполнимость обязанностей, возлагаемыхъ на инспекцію: «инспекція не можетъ слѣдить за чистотою нравовъ, правильностью образа мыслей, благородствомъ характера, образомъ жизни студентовъ, кругомъ ихъ знакомствъ, ихъ поведеніемъ внѣ стѣнъ университета и посѣщеніемъ ими лекцій, она не можетъ воспитывать сотни и тысячи студентовъ, разсѣянныхъ по обширной столицѣ и притомъ признанныхъ уже зрѣлыми»; 4) Низведеніе студентовъ на степень малолѣтковъ и школяровъ какъ тѣми правилами, которыя имъ внушаются, такъ и тѣми карами, которыми имъ грозятъ—карцеромъ. «Трудно представить себѣ безъ смѣха слѣдующее идеальное поведеніе учащагося юношества» (указываются §§ правилъ, въ коихъ требуется отъ студентовъ о всякой перемѣнѣ своего мѣста жительства докладывать лично помощнику инспектора, вездѣ вести себя скромно, пристойно и вѣжливо, оказывать почтеніе начальникамъ и наставникамъ, давать имъ свободный пропускъ въ коридорахъ, вставать при ихъ входѣ въ аудиторію, занимать мѣста въ аудиторіи до входа въ нее профессора, не входить въ нее послѣ начала лекціи, соблюдать правила наружнаго благоприличія и т. д.). «Эти постановленія, по словамъ коммиссіи совѣта Новороссійскаго университета, только смѣшны, если не принимать во вниманіе, что начальство, наблюдающее за выполненіемъ предписаній этого рода, уполномочено дѣйствовать на студентовъ денежными наградами разнаго вида: узаконеніе этого недостойнаго средства по истинѣ печально». «Студентъ,—говоритъ совѣтъ Московскаго университета,—въ правѣ и смѣяться, и оскорбляться, получая предписанія относительно поклоновъ, одежды, почтительнаго пропуска профессоровъ въ коридорахъ и т. д. Въ обществѣ правила возбуждаютъ недовѣріе къ студентамъ, выставляя ихъ людьми подозрительными и неблаговоспитанными». Но виноваты ли правила 1879 г., если они дѣйствительно вызваны неблаговоспи-

танностью и неприличіемъ, которыя какъ бы умышленно обнаруживались и выставлялись въ то время на показъ массою студентовъ безъ всякаго протеста со стороны какъ остальныхъ ихъ товарищей, такъ и самихъ профессоровъ? Противъ карцера какъ дѣтскаго наказанія, непримѣнимаго будто бы въ университетахъ, высказались всѣ университетскіе совѣты и многіе изъ попечителей учебныхъ округовъ. Попечитель Казанскаго округа П. Д. Шестаковъ замѣтилъ на это: «Аресту подвергаются и офицеры и даже штабъ-офицеры. Неужели же человѣчнѣе и цѣлесообразнѣе сажать, какъ дѣлается теперь, студентовъ въ полицейскія неприглядныя мѣста заключенія, или за вину, за которую достаточно наказать арестомъ, исключать изъ университета»? Университетскимъ совѣтамъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что наказаніе карцеромъ практикуется, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, во всѣхъ германскихъ университетахъ и нисколько не считается дѣтскимъ или оскорбительнымъ для студентовъ наказаніемъ. Дѣло только въ томъ, что профессорскія коллегіи, стремясь вновь захватить въ свои руки инспекцію надъ студентами, заранѣе отрекались отъ употребленія дисциплинарной кары, дѣйствительно невозможной и непримѣнимой безъ возстановленія въ средѣ студентовъ духа дисциплины. «Арестъ и карцеръ,—сознается совѣтъ Московскаго университета,—не могутъ привиться вновь безъ серіозныхъ затрудненій», а этихъ затрудненій профессора и не желали взять на себя, желая однако же имѣть нераздѣльно всю власть надъ студентами въ своихъ рукахъ.

5) Особенно ненавистнымъ представлялось профессорскимъ коллегіямъ то вліяніе на назначеніе стипендій, пособій и всякаго рода льготъ, которое правилами 1879 г. предоставлялось инспекціи. «Инспекторъ,—говоритъ коммиссія Новороссійскаго университета, у всѣхъ ключей, за которыми хранятся деньги, предназначенныя для студентовъ. Никто изъ членовъ академической коллегіи, ни отдѣльныя лица, ни факультеты, ни Совѣтъ, ни ректоръ не властны доставить студенту никакихъ житейскихъ удобствъ. Инспекторъ не только единственный судья въ деликатныхъ вопросахъ о нравственности университетской молодежи, но онъ же вмѣстѣ можетъ принять и характеръ университетскаго маркитанта, когда въ замѣнъ стипендій устраиваетъ для студентовъ полное обезпеченіе ихъ содержанія подъ личнымъ своимъ надзоромъ (инстр. § 10) и когда онъ замѣняетъ выдачу денегъ уплатою за квартиру, за столъ и т. д.». «Посредствомъ этихъ правилъ, продолжаетъ та же коммиссія, въ уни-

верситетъ вводится новый, вполнѣ чуждый ему, родъ людей, и эти лица вооружаются такими средствами воздѣйствія на молодежь, которыя могутъ имѣть въ своемъ результатѣ деправаціо студенческихъ нравовъ»... «Весь этотъ арсеналъ пособій, стипендій и пр. назначенъ для одной существенной цѣли—путемъ прямаго подкупа заставить студентовъ изображать изъ себя добрый примѣръ и благородные характеры, имѣющіе быть выработанными во вкусѣ лица, для котораго необязательно условіе § 65 устава» (то-есть, окончаніе полнаго университетскаго курса). Весьма характерно, что Совѣтъ Новороссійскаго университета счелъ возможнымъ все это одобрить, правленіе университета приложить къ своему впрочемъ весьма скромному отзыву, а попечитель округа принять все это безъ малѣйшихъ замѣчаній и представить управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія, который также не вступился за правила и инструкцію, въ свое время удостоившіяся одобренія не только попечителей, генералъ-губернаторовъ и министра народнаго просвѣщенія, но и Самого Государя Императора.

6) Совѣтъ Московскаго университета также усмотрѣлъ въ этихъ правилахъ и инструкціи «поощреніе наушничества въ средѣ студентовъ и такое назойливое вторженіе въ ихъ частную жизнь, которое можетъ породить одно лишь раздраженіе вмѣсто спокойствія и уронить инспекцію въ глазахъ и студентовъ, и общества».

7) Всѣ эти мѣры, по отзыву того же университета, «направлены къ тому, чтобы путемъ подчиненія студентовъ власти независимой и отчасти чуждой университету, разорвать ихъ связь съ университетомъ и преподавателями; они ведутъ къ умаленію, въ глазахъ студентовъ, авторитета университетской власти (совѣта и правленія) и способны дѣйствовать только деморализующимъ образомъ». «Изъ университета и на его средства, говорится въ запискѣ, приложенной къ отвѣту Московскаго генералъ-губернатора,—будутъ впредь выходить только благонравные выкормки, а не лучшіе въ наукахъ воспитанники».

Болѣе или менѣе всѣми университетскими совѣтами и въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ въ вину порядкамъ 1879 г. поставляется: 8) ежегодное повтореніе процедуры присужденія стипендій вмѣсто того, чтобы одинъ разъ назначать оныя однимъ и тѣмъ же студентамъ на все время пребыванія ихъ въ университетѣ и только на основаніи полученныхъ ими на экзаменѣ балловъ, но съ тѣмъ что за дурное поведеніе или за дурные баллы они могутъ быть лишаемы

стипендій, пособій и льготъ; 9) ущербъ университетамъ въ научномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ отъ временной оплаты прибавленныхъ къ прежнему штату помощниковъ инспектора изъ специальныхъ средствъ университетовъ; 10) право голоса по всѣмъ дѣламъ правленія, въ томъ числѣ и о смѣтѣ расходовъ специальныхъ средствъ университета, имѣющихъ цѣлью развитіе ученой его дѣятельности,—право голоса, предоставленное инспектору, отъ котораго не требуется даже непремѣнно университетское образованіе; 11) неопредѣленіе, за какіе проступки студентовъ какое должно быть наказаніе, и наконецъ, 12) даже такія взысканія, какъ увольненіе и удаленіе изъ университета на 1, на 2 и на 3 года, хотя взысканія эти были установлены еще въ 1867 г. чрезъ комитетъ министровъ.

Предположенія университетовъ о замѣнѣ правилъ 1879 г. новыми мѣрами.

Подвергнувъ мѣры 1879 г. столь рѣзкому и въ большинствѣ случаевъ несправедливому порицанію, университеты предложили съ своей стороны прежде всего возстановить уставъ 1863 г. во всѣхъ статьяхъ его съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями. Такъ, Совѣтъ С.-Петербургскаго университета высказалъ готовность предоставить правленію выборъ помощниковъ инспектора, врача, секретаря по студенческимъ дѣламъ и нѣкоторыхъ другихъ должностныхъ лицъ, сохраняя за собою лишь выборъ инспектора, библіотекаря съ его помощниками и секретаря совѣта, и не считая нужнымъ имѣть болѣе 4-хъ помощниковъ инспектора, соглашался увеличить жалованье каждому изъ нихъ до 1200 р. (вмѣсто 800 р.) и сверхъ того дать имъ въ помощь какое окажется нужнымъ число педеллей или вахтеровъ изъ унтеръ-офицеровъ съ вознагражденіемъ отъ 500 до 550 р. въ годъ. Московскій же университетъ, требуя, чтобы и помощники инспектора были съ университетскимъ образованіемъ, допускалъ, чтобы инспекторъ участвовалъ съ правомъ голоса не только въ правленіи, но и въ совѣтѣ, при разрѣшеніи въ нихъ дѣлъ, касающихся студентовъ или самой инспекціи, но не болѣе. Харьковскій университетъ находилъ, что въ полицейскомъ отношеніи (то-есть, относительно соблюденія порядка въ университетскихъ помѣщеніяхъ) студенты должны быть подчинены экзекутору университета, а нравственно-воспитательная задача должна быть возложена на проректора изъ ординарныхъ профессоровъ и его ассистентовъ (въ замѣнъ помощниковъ инспектора)

изъ экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ, всѣ по избранію совѣта. Главная обязанность этой новой инспекціи заключалась въ томъ, чтобы «побуждать молодыхъ людей относиться добросовѣстно къ своимъ занятіямъ».

Одинъ изъ профессоровъ Новороссійскаго университета (Кочубинскій), находя, что «новое устройство университетской полиціи преслѣдуетъ недостойныя цѣли», тѣмъ не менѣе высказался и противъ «воскрешенія профессорской полиціи». «Уставъ 1863 г., по мнѣнію его, страдалъ многовластіемъ. Въ самомъ дѣлѣ университетская полиція по уставу 1863 г. вѣдается цѣлою серіею властей: помощниками проректора, проректоромъ и ректоромъ, поодаль стоятъ обвинительная камера—правленіе, университетскій судъ и утверждающая его приговоры инстанція—Совѣтъ: больше всякихъ властей чѣмъ бываетъ студентскихъ проступковъ за 10 лѣтъ». Профессоръ рекомендуетъ австрійскіе порядки: «въ Пражскомъ университетѣ и другихъ при $2^1/_2$ т. и болѣе студентовъ справляется одинъ ректоръ, вспомоществуемый нѣсколькими педеллями, исполняющими его распоряженія, и никакихъ безпорядковъ». Почтенный профессоръ упустилъ при этомъ изъ виду, что ректоръ «вспомоществуется» всѣми деканами, а деканы—всѣми профессорами и привата-доцентами, и что на каждыхъ 8—10 студентовъ въ австрійскихъ, а равно и въ германскихъ, университетахъ имѣется по одному такому наставнику-наблюдателю, у насъ же профессора считаютъ своею обязанностью «науку двигать», а не «возиться со студентами».

Московскій университетъ въ своемъ отзывѣ отъ 18 декабря 1880 года прямо отклоняетъ отъ университетовъ какія-либо нравственно-воспитательныя задачи относительно студентовъ. «Университетъ,—говоритъ онъ,—не имѣетъ и не можетъ имѣть своимъ непосредственнымъ назначеніемъ нравственное воспитаніе студентовъ. Нравственность молодого человѣка создается прежде всего семейною его обстановкою и общественною средою, въ которой онъ живетъ. Университетъ можетъ лишь отчасти поддержать хорошее и воздерживать отъ дурного путемъ образовательнаго воздѣйствія, источникомъ котораго служитъ каѳедра. Дѣло преподавателей — развивать нравственные идеалы, возбуждать уваженіе къ нравственнымъ началамъ, направлять поступки юношества по правильному пути» (Возможно ли все это съ каѳедры, при чтеніи лекцій по предметамъ факультетовъ медицинскаго, физико-математическаго и по многимъ также предметамъ юридическаго и историко-филологическаго факультетовъ, возможно

ли безъ того, чтобы каждый профессоръ во всѣхъ своихъ сношеніяхъ со студентами и отнюдь не избѣгая этихъ сношеній, а скорѣе ихъ отыскивая, сознавалъ себя ихъ наставникомъ и руководителемъ не только въ своей наукѣ, но при случаѣ и въ самой жизни, въ томъ что̀ составляетъ злобу дня?). «Дѣло преподаванія, поставленное такимъ образомъ, создаетъ нравственную связь преподавателей со студентами. Эта связь есть необходимое условіе успѣха преподаванія. Этою связью и слѣдуетъ пользоваться для управленія студентами». Но очевидно, что за все время существованія устава 1863 г., а равно и нынѣ, или этой связи не было, или же ею не пользовались и не пользуются университетскія власти надлежащимъ образомъ для управленія студентами, ибо и въ Московскомъ университетѣ, какъ и и во всѣхъ другихъ, студентскіе безпорядки то и дѣло возобновлялись и возобновляются. Впрочемъ университеты, въ томъ числѣ и Московскій, весьма своеобразно относятся къ фактамъ. Существованіе такого зла, какъ студенческіе безпорядки, университетъ въ своемъ отзывѣ не отрицаетъ; но находя, что «уставъ 1863 г., установивъ полную подчиненность студентовъ профессорской коллегіи, возстановилъ нарушенное единство университета», онъ приходитъ къ заключенію, что «за все это время ни на одномъ событіи университетской жизни не обнаружились какіе-либо серіозные недостатки его» (устава 1863 г.), ибо «если студенческія замѣшательства не принимали серіознаго характера, то это было результатомъ благотворнаго вліянія университетскихъ совѣтовъ, если же они получали рѣзкій исходъ, то причиной было всегда усиленное вмѣшательство въ университетскія дѣла власти Попечителя или другихъ властей, совершенно постороннихъ университету».

«Чѣмъ тѣснѣе связь между преподавателями и слушателями,—читаемъ въ томъ же отзывѣ,—тѣмъ лучше. Университетское законодательство должно быть направлено къ тому, чтобы поддерживать и развивать эту связь; всякое нарушеніе ея влечетъ за собою несостоятельность самого учрежденія». Все это совершенно справедливо; но весь вопросъ въ томъ, поддерживается ли связь между преподавателями и слушателями, или же она скорѣе нарушается, тѣмъ, что преподаватель ставится въ положеніе не столько наставника, сколько судьи, рѣшающаго на экзаменѣ всю участь каждаго изъ своихъ слушателей, могущаго и карать его чрезъ инспекцію, университетскій судъ, правленіе и совѣтъ, и миловать его чрезъ факультетъ, правленіе и совѣтъ—освобождать отъ платы за ученіе, давать ему пособія,

назначать стипендіи. Всяческая власть надъ студентами была сосредоточена уставомъ 1863 г. въ рукахъ профессоровъ и профессорскихъ коллегій, и никогда прежде ни отдѣльные профессора, въ томъ числѣ деканы, проректоры и ректоры, ни профессорскія коллегіи не подвергались такимъ тяжкимъ и столь частымъ оскорбленіямъ и застращиваніямъ со стороны массы студентовъ какъ въ пору дѣйствія этого устава и въ ближайшее къ этой порѣ время, и никогда не была еще въ такомъ упадкѣ дисциплина въ средѣ студентовъ, никогда не нарушались столь грубымъ образомъ всѣ правила благоприличія и благовоспитанности, никогда не было стольких студенческихъ безпорядковъ, никогда не выходило изъ ихъ среды столько отдѣльныхъ участниковъ въ ужасающихъ замыслахъ и преступленіяхъ, сколько въ это время.

Очевидно, что уставъ 1863 г., надѣлившій профессоровъ и профессорскія коллегіи неограниченною и на дѣлѣ почти безконтрольною властью надъ студентами, не установилъ надлежащей и благотворной связи между тѣми и другими и скорѣе напротивъ разрушилъ ее. Было несравненно больше близости и больше взаимнаго довѣрія и уваженія между профессорами и студентами, когда и надъ тѣми, и надъ другими равно тяготѣла нерѣдко суровая власть попечителя и вообще правительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно больше было порядка въ университетахъ и едва ли меньше успѣха въ дѣлѣ научнаго образованія. Вотъ, между прочимъ, заявленіе ординар. проф. Петрова, приложенное къ отзыву совѣта Казанскаго университета (отъ 8-го октября 1880 г.): «Сравнивая студентовъ послѣдняго времени съ тѣми, которыхъ мы знали до устава 1863 г., нельзя сказать, чтобы нравственность первыхъ сколько нибудь повысилась: весьма рѣдки примѣры довѣрія и благожелательства между студентами; нѣтъ прежней горячей любви ихъ къ наукѣ и преподавателямъ и глубокой преданности университету». Впрочемъ и проф. Петровъ, и Казанскій университетъ все зло усматривали лишь въ томъ, что внѣ университета студенты подчинены полиціи на общемъ основаніи, и потому высказались рѣшительно въ пользу того, чтобы студентамъ были предоставлены тѣ права и то положеніе, которыя они имѣли до устава 1863 г., именно, чтобы студенты были въ исключительномъ завѣдываніи университетской инспекціи, во главѣ которой стоялъ бы непремѣнно профессоръ (т. е., проректоръ).

С.-Петербургскій университетъ ограничивалъ обязанности инспекціи только наблюденіемъ за порядкомъ во всѣхъ зданіяхъ универси-

тета и оказываніемъ помощи и поддержки студентамъ, въ нихъ нуждающимся.

По мнѣнію Московскаго университета, «непосредственное назначеніе инспекціи состоитъ и можетъ состоять только: 1) въ поддержаніи внѣшняго порядка среди студентовъ, то-есть, въ огражденіи университета и всего общества отъ какихъ либо противозаконныхъ и неправильныхъ движеній учащейся молодежи; 2) въ огражденіи этой самой молодежи отъ стѣсненій со стороны силъ, постороннихъ университету, и 3) въ управленіи студентами, то-есть, въ содѣйствіи имъ во всемъ, что можетъ содѣйствовать ихъ главной цѣли—пріобрѣтенію высшаго образованія». Этому своему назначенію, очевидно, далеко не соотвѣтствовала инспекція ни Московскаго, ни какого либо другаго университета въ пору устава 1863 г., да и самъ Московскій университетъ въ данной имъ инструкціи для инспекціи далеко не такъ широко и высоко опредѣлялъ ея обязанности. А именно въ инструкціи этой сказано: «Инспекторъ и его помощники обязаны заботиться о соблюденіи порядка между студентами, о назначеніи имъ аудиторій; они должны объявлять студентамъ распоряженія факультетовъ и вообще удовлетворять всѣ требованія профессоровъ и преподавателей, касающіяся до соблюденія порядка при чтеніи лекцій». Вотъ и весь кругъ обязанностей инспекціи, какъ бы состоящей въ услуженіи у профессоровъ и факультетовъ. «Инспекторъ, говорится далѣе въ той же инструкціи, дѣйствуетъ на студентовъ болѣе нравственнымъ вліяніемъ и налагаетъ взысканія» (только замѣчанія и выговоры, ибо далѣе этого не простиралась ни его власть, ни власть ректора) «главнымъ образомъ въ случаѣ неповиновенія студентовъ». Результаты такого приниженнаго и безсильнаго положенія университетской инспекціи слишкомъ извѣстны.

Расходясь между собою въ пониманіи (впрочемъ только теоретическомъ) обязанностей, назначенія и круга дѣятельности инспекціи, всѣ университеты на дѣлѣ сводили ее собственно къ нулю и въ заявленіяхъ своихъ во второй половинѣ 1880 г. болѣе или менѣе сходились между собою въ четырехъ пунктахъ, а именно:

1) *Огражденіе студентовъ отъ административныхъ каръ.*

Университеты требовали, чтобы «безъ выслушанія мнѣній и указаній инспекціи противъ студента не могла быть принимаема никакая административная мѣра» (С.-Петербургскій университетъ), или «чтобы

проректору или ректору была предоставлена возможность защищать студента, подвергшагося административному преслѣдованію» (Новороссійскій университетъ), или «чтобы при производствѣ о студентѣ административнаго дознанія или возбужденіи противъ него административнаго преслѣдованія, къ участію въ производствѣ дѣла былъ допускаемъ депутатъ отъ университета и чтобъ этому депутату принадлежало право обжалованія въ подлежащей инстанціи дѣйствій власти, производящей дознаніе и преслѣдованіе» (Московскій университетъ). «При враждебномъ или недовѣрчивомъ отношеніи къ учащейся молодежи, — сказано въ отзывѣ сего послѣдняго,—которое, къ сожалѣнію, существуетъ и въ извѣстныхъ кругахъ общества, и въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, университетскому начальству необходимо слѣдить за судьбою студента, навлекшаго на себя административное преслѣдованіе. Опытъ недавняго прошлаго показалъ, какъ несправедливо рѣзко была рѣшена участь многихъ студентовъ, благодаря только одностороннему отношенію къ ихъ увлеченіямъ и заблужденіямъ. Вмѣшательство университетскаго начальства особенно необходимо, когда административное преслѣдованіе связано, хотя бы косвенно, съ проступками, совершенными въ стѣнахъ университета. При незнакомствѣ многихъ представителей администраціи съ внутреннимъ бытомъ университета, только участіе въ дознаніи ректора или инспектора или иного депутата отъ университета прольетъ на дѣло ясный свѣтъ».

2) *Отмѣна карцера и другихъ наказаній.*

Университеты болѣе или менѣе сошлись также въ требованіи отмѣнить не только карцеръ, какъ «дѣтское наказаніе», но и удаленіе на годъ, на два и на три,—словомъ, въ требованіи отмѣнить всѣ взысканія съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на студентовъ только «кротостью и увѣщаніями» (Харьк. ун.). Въ запискѣ, приложенной къ отзыву Московскаго генералъ-губернатора и несомнѣнно составленной въ мѣстномъ университетѣ, карцеръ отвергается, между прочимъ, и потому, что можетъ отклонить студентовъ отъ посѣщенія лекцій; удаленіе изъ одного университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другой признается вреднымъ и для сего послѣдняго, и для самого студента, ибо останься онъ въ томъ же университетѣ, онъ былъ бы въ немъ предметомъ сосредоточеннаго вниманія, и еще большій вредъ причиняетъ удаленіе на годъ, на два и на три, ибо оно

на столько же времени прерываетъ занятія, и «исключеніе не есть еще средство исправленія»; впрочемъ Московскій университетъ еще допускаетъ совершенное исключеніе изъ университета, но «лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ».

3) *Неограниченное пребываніе студентомъ.*

Вмѣстѣ съ отмѣною всякаго рода взысканій большинство университетовъ требуетъ и отмѣны 6—7-лѣтняго срока, установленнаго для пребыванія студента въ университетѣ. Пускай всякій остается студентомъ, сколько времени самъ пожелаетъ, по меньшей мѣрѣ 8—10 лѣтъ, какъ полагаетъ Харьковскій университетъ, ибо, по словамъ его, «наши студенты въ большинствѣ случаевъ провели свои первые годы въ средѣ общества, не обладавшаго ни познаніями, ни сознаніемъ необходимости основательныхъ познаній и твердыхъ нравственныхъ началъ, ни уваженіемъ къ честности и даже уму, и многіе изъ студентовъ должны всѣ эти элементы цивилизованной жизни усвоивать въ университетѣ. Для многихъ изъ нихъ болѣе продолжительное пребываніе въ университетѣ было бы въ высокой мѣрѣ полезно».

Московскій университетъ присоединилъ къ этому еще требованіе облегчить доступъ постороннимъ слушателямъ и не стѣснять ничѣмъ студентовъ въ литографированіи ими профессорскихъ лекцій, а С.-Петербургскій университетъ считалъ нужнымъ пересмотрѣть систему курсовыхъ экзаменовъ, съ тѣмъ чтобы замѣнить ее другою, «способствующею развитію самостоятельнаго труда студентовъ».

4) *Корпоративное устройство студентовъ.*

Наконецъ, всѣ университеты высказались въ пользу корпоративнаго устройства быта студентовъ (за исключеніемъ лишь Казанскаго, который, давая свой отзывъ еще 8-го сент. 1880 г., до времени, когда раскрылись намѣренія управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, не рѣшился коснуться этого вопроса), и въ этомъ видѣли какъ бы панацею. При этомъ университеты откровенно сознавались, что правила, отрицавшія корпоративность студентовъ и запрещавшія всякаго рода коллективныя дѣйствія, начиная съ основныхъ правилъ, предложенныхъ министерствомъ 26-го іюля 1863 г. одновременно съ обнародованіемъ устава 1863 г., «всегда нарушались

и по всей вѣроятности нарушаются и теперь» (отзывъ Новоросс. ун.) «Общестудентскія собранія заслуживали даже поощренія, такъ какъ на нихъ часто немедленно оказывалась помощь какому-нибудь бѣдному студенту, высказывалось отъ имени студентовъ порицаніе по поводу какого-нибудь предосудительнаго поступка студента и пр. Само начальство знало о существованіи сходокъ и смотрѣло на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы и иногда своимъ молчаніемъ даже одобряло нарушеніе вышеприведенныхъ правилъ. Въ 1877 г. молодежь одного изъ университетовъ выразила свое сочувствіе дѣлу освобожденія славянъ въ видѣ всеподданнѣйшаго адреса. Необходима организація болѣе правильныхъ сношеній университетскихъ властей и преподавателей со студентами съ цѣлью предоставленія послѣднимъ, подъ ближайшимъ контролемъ университетскихъ властей, устройства учрежденій, имѣющихъ общестудентскій характеръ. Съ этою цѣлью ежегодно по приглашенію и въ присутствіи декана, въ началѣ учебнаго года, студенты каждаго курса избираютъ на 1 годъ представителя курса и кандидата къ нему на случай его болѣзни или отпуска. Представители, между прочимъ, доставляютъ свѣдѣнія о болѣе нуждающихся, служатъ посредниками между преподавателями и студентами по вопросамъ объ устройствѣ практическихъ занятій, литографированіи лекцій и пр. По заявленію хотя бы половины представителей курсовъ и съ разрѣшенія ректора могутъ происходить и общія студентскія сходки, при чемъ председатель ея назначается ректоромъ изъ числа представителей курсовъ и эти представители отвѣчаютъ за сохраненіе порядка, на сходкѣ могутъ присутствовать ректоръ, проректоръ и его помощники. Съ разрѣшенія ректора студенты могутъ устраивать общества для научныхъ цѣлей, состоящія подъ покровительствомъ одного изъ профессоровъ, избраннаго членами соотвѣтственнаго общества, а равно читальни, кассы для вспомоществованія товарищамъ, студентскій судъ изъ представителей курсовъ. Вспомогательная студенческая касса необходима, ибо «для бѣднаго студента слишкомъ тяжело разказывать постороннему лицу о своемъ крайне стѣсненномъ положеніи и просить помощи какъ милостыни. Обращаясь къ товарищамъ, онъ не имѣетъ надобности представлять доказательства своей нищеты и дѣйствуетъ по праву какъ членъ общества, которому и самъ со временемъ можетъ быть полезенъ».

Самыя причины безпрерывныхъ студенческихъ безпорядковъ коммиссія Новороссійскаго университета приводитъ въ связь съ отсутствіемъ корпоративной организаціи студентовъ. Причины эти суть: 1) Увле-

ченія молодежи, впечатлительность, довѣрчивость и желаніе водворить на землѣ идеальный порядокъ. Нельзя ей ставить въ упрекъ то, что̀ не ставилось въ осужденіе другимъ поколѣніямъ. Молодежь должна жить, а слѣдовательно, увлекаться и ошибаться; безъ этого невозможна серіозная зрѣлость. 2) Студентъ дискредитованъ въ глазахъ правительства и общества, и съ трудомъ можетъ найти себѣ квартиру по причинѣ частыхъ полицейскихъ ночныхъ досмотровъ; порядочное общество сторонится отъ него вслѣдствіе его бѣдности и заподозрѣнности. 3) Нужда и невозможность облагороживающихъ удовольствій и развлеченій. «Въ такомъ положеніи, не имѣя удовлетворительной помощи и содѣйствія извнѣ, студенчество само стремится къ посильному разрѣшенію своихъ нуждъ, къ улучшенію своего экономическаго и общественнаго положенія и къ устройству болѣе правильныхъ отношеній, и высшая администрація могла бы безъ всякаго колебанія подать руку этому движенію и тѣмъ разрѣшить узелъ постоянно повторяющихся недоумѣній и нареканій...».

Съ своей стороны Московскій университетъ также высказался въ пользу допущенія открытаго существованія вспомогательныхъ студенческихъ кассъ и курсовыхъ собраній студентовъ въ стѣнахъ университета съ разрѣшенія и подъ контролемъ инспекціи для обсужденія студентами различныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ ихъ студенческой жизни. Это значительно содѣйствовало бы улучшенію быта студентовъ и развитію учебнаго дѣла въ университетахъ. «Въ дѣйствительности существованіе вспомогательныхъ студенческихъ кассъ въ университетахъ никогда не прекращалось. Есть кассы, которыя существуютъ болѣе 10 лѣтъ, выработали правильную организацію и распоряжаются каждый годъ многими тысячами рублей. И университетское начальство, и полиція, явная и тайная, отлично знаютъ о такихъ кассахъ и не выступаютъ противъ нихъ, потому что всякое дѣйствіе въ этомъ направленіи было бы вредно. Не цѣлесообразно запрещать то, что̀, обладая очевидною полезностью, столь укоренилось въ жизни. Упорство, съ коимъ дѣйствуютъ кассы, не смотря на запрещеніе, свидѣтельствуютъ о необходимости ихъ. Развитіе кассъ желательно и потому, что онѣ представляютъ наиболѣе благородную форму вспомоществованія бѣднымъ студентамъ путемъ товарищеской самопомощи. Открытое существованіе кассъ сообщитъ имъ еще бо̀льшую правильность дѣйствій, возбудитъ энергію, вызоветъ приливъ средствъ и усовершенствуетъ контроль надъ дѣйствіями должностныхъ лицъ кассъ... Организацію слѣдуетъ выработ-

тать на мѣстахъ, руководясь уже существующими явленіями этого рода. Съ разрѣшеніемъ кассъ должно быть связано разрѣшеніе устраивать самимъ студентамъ и отъ своего имени, съ дозволенія инспекціи и съ соблюденіемъ общихъ полицейскихъ предписаній, литературные вечера, концерты, спектакли и иныя подобныя собранія...». «Собранія по курсамъ также извѣстны современной университетской жизни. Профессорамъ безпрестанно приходится обращаться къ студентамъ съ предложеніями относительно распредѣленія экзаменовъ, раздѣленія слушателей на группы для практическихъ занятій, распредѣленія между ними учебныхъ пособій и т. д... На собраніи предсѣдательствуетъ одинъ изъ студентовъ, который отвѣтствуетъ предъ начальствомъ за сохраненіе порядка, можетъ присутствовать лицо инспекціи, которое, не вмѣшиваясь въ обсужденіе дѣла, наблюдаетъ, чтобы собраніе не выходило за границы предмета, предоставленнаго на его разсмотрѣніе. Собранію должно быть разрѣшено избраніе депутатовъ для объясненій съ профессорами и университетскимъ начальствомъ. Эти студенческія собранія, помимо своего педагогическаго значенія, дадутъ естественный выходъ тому стремленію къ общественной дѣятельности, которое присуще молодому человѣку. При отсутствіи всякаго законнаго выхода такое стремленіе неминуемо влечетъ студента къ беззаконнымъ сборищамъ, тайнымъ кружкамъ и обществамъ и ставитъ его такимъ образомъ на ложную и гибельную дорогу. Въ большинствѣ случаевъ къ этимъ сборищамъ, кружкамъ и обществамъ молодого человѣка привлекаетъ вовсе не сочувствіе ихъ цѣлямъ, для многихъ вовсе неяснымъ, но простое желаніе найти удовлетвореніе упомянутой потребности. Получивъ возможность правильно обсуждать свои дѣла въ законныхъ собраніяхъ, студенты будутъ избавлены отъ посторонней агитаціи, которая неустранима при случайныхъ и тайныхъ сходкахъ». Сославшись на права студенчества Дерптскаго и особенно Гельсингорфскаго, совѣтъ Московскаго университета прибавляетъ: «Даже въ такихъ учрежденіяхъ, какъ военныя, и тамъ устройство корпоративныхъ собраній, судовъ чести, общихъ клубовъ, считается надежнымъ средствомъ къ сохраненію истинной дисциплины и къ отвлеченію отъ вредныхъ постороннихъ вліяній».

Съ особенною обстоятельностью устройство корпораціи Гельсингфорскихъ студентовъ изложено въ представленіи совѣта Харьковскаго университета на основаніи правилъ Гельсингфорскаго университета отъ 11-го мая 1868 и отъ 14-го января 1880 г. Такъ какъ примѣръ этотъ болѣе или менѣе имѣли въ виду всѣ наши университеты, то

представляется не излишнимъ позаимствовать свѣдѣнія по этому предмету изъ представленія Харьковскаго университета.

Устройство студентовъ Гельсингфорскаго университета.

Студенты Гельсингфорскаго университета распредѣляются на 6 областныхъ отдѣленій. Пріемъ студента въ университетъ обусловленъ согласіемъ отдѣленія на пріемъ его въ свою среду. Каждое отдѣленіе состоитъ не только изъ студентовъ, но и изъ лицъ, уже получившихъ ученую степень, но еще не уволившихся изъ университета. Каждое отдѣленіе имѣетъ своего инспектора, назначаемаго канцлеромъ университета изъ числа профессоровъ, и своего куратора, избираемаго студентами отдѣленія изъ числа доцентовъ или же лиценціатовъ. Еженедѣльно отдѣленіе собирается подъ предсѣдательствомъ куратора. Въ кругъ занятій такого собранія входитъ все то что̀ можетъ содѣйствовать умственному и нравственному образованію и развитію членовъ, а также дѣла о принятіи и увольненіи членовъ, объ ихъ поведеніи, при чемъ собраніе можетъ сдѣлать виновному замѣчаніе или выговоръ, или даже удалить его изъ города (не болѣе какъ на 2 года), пріемъ взносовъ отъ членовъ въ кассу отдѣленія, экономическіе и всякіе другіе интересы отдѣленія. Канцлеръ и ректоръ имѣютъ право быть на этихъ собраніяхъ и закрывать или и вообще запрещать оныя на извѣстный срокъ. Инспекторъ отдѣленія можетъ отмѣнить любое изъ рѣшеній, принятыхъ отдѣленіемъ. Сверхъ того происходятъ общія сходки всѣхъ студентовъ. На нихъ предсѣдательствуетъ предсѣдатель или товарищъ его, назначаемый по представленію ректора вице-канцлеромъ изъ числа трехъ кандидатовъ, избираемыхъ студентами на общей же сходкѣ на каждый академическій годъ изъ доцентовъ университета или изъ членовъ корпораціи, имѣющихъ ученую степень. На этой же сходкѣ избираются также на каждый академическій годъ двѣ коммиссіи, каждая изъ 12 лицъ, одна для веденія текущихъ экономическихъ дѣлъ корпораціи студентовъ, а другая для замѣны, по усмотрѣнію ректора, общей сходки, въ каковомъ случаѣ къ ней присоединяются предсѣдатель сходки и его товарищъ. Общія сходки студентовъ или замѣняющая ихъ коммиссія обсуждаютъ и рѣшаютъ общія для всей студенческой корпораціи дѣла, какъ то: вопросы, касающіеся принадлежащихъ ей дома, библіотеки, коллекцій, денежныхъ средствъ, а также все что̀ можетъ касаться поддержанія порядка и единодушія въ средѣ студентовъ и содѣйствовать успѣшному ходу ихъ учебныхъ занятій и

возвышенію уровня общаго ихъ образованія. Общая сходка студентовъ можетъ собраться только съ разрѣшенія ректора и въ его присутствіи, и отъ него зависитъ прекратить ее или отмѣнить ея рѣшенія.

Корпоративное устройство студентовъ по проектамъ университетскихъ совѣтовъ.

Увлекаясь этимъ едва ли подходящимъ къ нашимъ условіямъ примѣромъ, Харьковскіе профессора (въ числѣ 33) заявляютъ нижеслѣдующее: «Лучшее устройство студентовъ—то, которое, принимая во вниманіе, что студентъ уже не ученикъ и еще не гражданинъ, создаетъ для него особую сферу, товарищескую среду, товарищескую корпорацію, имѣющую свои матеріальные и нравственные интересы, свои права и обязанности, свое общественное мнѣніе, и восполняющую отчасти для молодого человѣка недостатокъ семьи. Корпоративная жизнь даетъ выходъ молодымъ силамъ, жаждущимъ дѣятельности практической... Необходимо легально признать существованіе фактически существующаго общества студентовъ всѣхъ курсовъ и факультетовъ, безъ различія народностей и областнаго происхожденія. Слѣдуетъ имѣть въ виду не подавленіе, а развитіе естественныхъ стремленій молодыхъ людей, товарищей по ученію, къ сближенію между собою, а также и къ сближенію съ учащимъ элементомъ. Все это необходимо тѣмъ болѣе, что Верховная Власть признаетъ такія общества для студентовъ Дерптскаго и Гельсингфорскаго университетовъ... Бытъ нашихъ студентовъ можно бы устроить примѣнительно къ (вышеизложеннымъ) правиламъ для студентовъ Гельсингфоргскаго университета».

Общіе для нашихъ студентовъ вопросы и потребности суть, по мнѣнію Харьковскаго университета, нижеслѣдующіе: 1) устройство студенческой библіотеки для чтенія, составленіе всякаго рода коллекцій и т. п.; 2) устройство вспомогательной кассы для бѣдныхъ студентовъ; 3) устройство для нихъ общежитій или участіе въ завѣдываніи ими вмѣстѣ съ лицами, назначенными отъ университетскаго начальства (незадолго передъ тѣмъ, Харитоненко пожертвовалъ домъ для устройства студенческаго общежитія въ Харьковѣ); 4) заведеніе общихъ столовыхъ; 5) указаніе студентовъ, заслуживающихъ по своему положенію выдачи стипендій и единовременныхъ пособій; 6) представленіе университетскому начальству просьбъ, касающихся нуждъ студентовъ; съ другой стороны, и само университетское начальство могло бы обращаться къ студентамъ для представленія на ихъ предварительное обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ; 7) обсужденіе

поступковъ студентовъ, несовмѣстныхъ съ званіемъ студента и честью корпораціи, хотя и не составляющихъ нарушенія общихъ уголовныхъ законовъ или правилъ для студентовъ; 8) наемъ помѣщеній для собраній, библіотекъ и пр. Для основанія и развитія вышеозначенныхъ учрежденій могли бы идти собственныя пожертвованія студентовъ, средства общества для вспомоществованія нуждающимся студентамъ, пожертвованія другихъ частныхъ лицъ и обществъ, которыя должно быть разрѣшено принимать, какъ принимаются суммы для учрежденія стипендій.

Организація студенчества представляется Харьковскимъ профессоромъ въ такомъ видѣ. Въ началѣ каждаго академическаго года студенты каждаго факультета избираютъ изъ выдержавшихъ уже какой либо экзаменъ въ университетѣ студентовъ по 6-ти делегатовъ, которые по представленіи проректора утверждаются въ этомъ званіи совѣтомъ (въ случаѣ неутвержденія кого-либо дополнительные выборы); делегаты, числомъ 24, избираютъ сами изъ своей среды предсѣдателя, товарища его и секретаря, о чемъ и сообщаютъ проректору. На созваніе делегатовъ нужно предварительное разрѣшеніе проректора, онъ же утверждаетъ и программу предстоящихъ совѣщаній. Во время экзаменовъ делегаты не собираются. Въ одномъ засѣданіи вопросы только обсуждаются, а въ слѣдующемъ окончательно рѣшаются. При обсужденіи болѣе важныхъ вопросовъ делегаты могутъ избирать себѣ въ почетные предсѣдатели кого либо изъ профессоровъ. Состоявшіяся рѣшенія утверждаетъ проректоръ или же представляетъ по принадлежности совѣту университета, равно какъ и о рѣшеніяхъ, имъ отвергнутыхъ. На обязанности делегатовъ лежитъ предупреждать безпорядки въ университетѣ, оказывать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе проректору и принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы въ корпоративную жизнь студентовъ не врывались элементы, чуждые задачамъ студенческой жизни. Исполнительнымъ органомъ делегаціи по завѣдыванію кассою, библіотекой и другими общими студенческими учрежденіями состоитъ особая коммиссія, число членовъ которой опредѣляется делегаціей и которая также ежегодно избирается съ утвержденія проректора студентами каждаго факультета. Делегація распредѣляетъ занятія между членами этой коммисіи и составляетъ для нихъ инструкцію. Сверхъ того изъ студентовъ и лицъ, принадлежащихъ къ университету (преподавателей, ассистентовъ, лаборантовъ, приготовляющихся къ профессурѣ стипендіатовъ и т. д.), образуются особые кружки для составленія и изданія профессорскихъ курсовъ, перево-

довъ, для ученыхъ, литературныхъ и художественныхъ занятій и дозволенныхъ развлеченій съ избираемымъ каждымъ кружкомъ старшиною и его товарищемъ, которые наблюдаютъ, чтобы занятія кружка не уклонялись отъ его задачи и въ случаѣ повторенія такихъ уклоненій представляютъ проректору, который испрашиваетъ разрѣшеніе совѣта на закрытіе кружка. Съ разрѣшенія проректора могутъ быть созываемы и единовременные кружки для обсужденія вопросовъ, касающихся нѣкотораго числа студентовъ съ цѣлью представленія ихъ потомъ на рѣшеніе делегаціи.

По поводу именно этихъ предположеній попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа генералъ-лейтенантомъ Максимовскимъ было доложено управлявшему министерствомъ, отъ 31-го октября 1880 г., что «въ случаѣ принятія всецѣло мѣръ, предлаемыхъ Харьковскимъ университетомъ, очевидно, требовать отвѣтственности съ (sic!) попечителей округовъ за состояніе ввѣренныхъ имъ университетовъ будетъ невозможно».

Съ своей стороны, совѣтъ университета Св. Владиміра также ходатайствовалъ о предоставленіи студентамъ, съ особаго разрѣшенія ректора, совѣщаться въ зданіи университета въ свободное отъ лекцій время по учебнымъ и другимъ вопросамъ, опредѣляемымъ особыми постановленіями начальства. «Запрещеніе сходокъ и посылки депутацій къ начальству съ просьбой или жалобой на практикѣ часто не исполняется студентами. Если происшедшая сходка не нарушала существеннымъ образомъ спокойствіе и порядокъ въ преподаваніи, если она имѣла цѣлью обсужденіе учебнаго вопроса, то не только не слѣдовало взысканіе съ виновныхъ за устройство сходки, но выслушивалась начальствомъ просьба или жалоба отъ присланныхъ со сходки депутатовъ и нерѣдко послѣдствіемъ было удовлетвореніе просьбы. Требованіе со стороны начальства отъ студентовъ, собравшихся на сходкѣ, немедленно разойдтись, не всегда исполнялось ими: необходимо было, для прекращенія возникшаго безпорядка, выслушать желаніе студентовъ отъ присланныхъ ими уполномоченныхъ и чрезъ нихъ сообщить собравшимся на сходкѣ студентамъ о рѣшеніи на переданную просьбу. Такимъ образомъ на практикѣ коллективныя дѣйствія студентовъ не признавались въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальствующимъ лицомъ нарушающими постановленія», что̀ естественно вредило авторитету установленныхъ правилъ и, конечно, также и авторитету установившей ихъ власти.

И попечитель Кіевскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Голубцовъ въ свою очередь доносилъ отъ 5-го ноября 1880 г., что «не-

обходимость коллективныхъ дѣйствій со стороны студентовъ и невозможность со стороны университетскаго начальства совершенно устранить эти дѣйствія вытекаетъ уже изъ самого единства той научной цѣли, для которой молодые люди поступаютъ въ университетъ». Указавъ на совѣщанія цѣлыхъ курсовъ о распредѣленіи экзаменовъ, по составленію ими программъ экзаменныхъ, на переговоры обо всемъ этомъ съ деканами и профессорами, попечитель продолжаетъ: «Въ виду всего этого безусловное запрещеніе коллективныхъ дѣйствій студентовъ могло бы быть отмѣнено, съ тѣмъ чтобы таковыя дѣйствія подлежали тщательному контролю университетскаго начальства и были имъ регулированы». Это мнѣніе Кіевскаго попечителя вызвало справедливое замѣчаніе со стороны генералъ-губернатора М. И. Черткова: «Общія сходки не могутъ имѣть другихъ цѣлей кромѣ общихъ протестовъ или демонстрацій, а совѣщанія студентовъ одного и того же курса и факультета относительно программъ, распредѣленія экзаменовъ и т. д., не должны и почитаться за сходки».

С.-Петербургскій университетъ, заявивъ, что «de facto корпоративность студентовъ ничѣмъ не можетъ быть устранена», прямо приступилъ къ составленію новыхъ правилъ для студентовъ на основаніи начала корпоративности. Правила эти, между прочимъ, гласили нижеслѣдующее:

«§ 24. Студентамъ по вопросамъ, касающимся ихъ интересовъ, разрѣшаются сходки курсовыя, факультетскія и общія.

«Примѣчаніе. Подъ курсовыми сходками разумѣются сходки студентовъ, принадлежащихъ къ одной экзаменаціонной группѣ, въ слѣдующемъ порядкѣ: студенты, не сдавшіе экзамена по первой группѣ, составляютъ сходку перваго курса; студенты сдавшіе этотъ экзаменъ—сходку втораго курса и т. д.

«§ 25. Сходки допускаются не иначе, какъ съ разрѣшенія ректора и по утвержденіи имъ программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Разрѣшеніе ректора испрашивается чрезъ посредство старшинъ.

«§ 26. Въ курсовыхъ сходкахъ участвуютъ студенты соотвѣтствующей группы; въ факультетскихъ и общихъ только старшины, выбранные на курсовыхъ сходкахъ.

«§ 27. Въ началѣ учебнаго года деканы собираютъ студентовъ по курсамъ и подъ своимъ предсѣдательствомъ приглашаютъ ихъ произвести выборы старшинъ.

«Примѣчаніе. Число старшинъ и порядокъ ихъ избранія опредѣляются особыми правилами.

«§ 28. Избранные старшины утверждаются въ этомъ званiи ректоромъ. Старшины избираютъ изъ своей среды предсѣдателей курсовыхъ и факультетскихъ сходокъ.

«§ 29. Въ теченiе учебнаго года курсовыя и факультетскiя сходки собираются и происходятъ подъ предсѣдательствомъ своихъ старшинъ-предсѣдателей; общiя подъ предсѣдательствомъ факультетскихъ старшинъ по установленной между ними очереди.

«§ 30. Сходки собираются только по окончанiи лекцiй (то-есть, послѣ 3-хъ часовъ) и въ назначенномъ для того мѣстѣ.

«§ 31. Всѣ старшины курса обязаны присутствовать на сходкѣ и наблюдать за порядкомъ и тишиной.

«§ 32. Сходка происходитъ въ присутствiи инспектора или его помощника, которые имѣютъ право закрыть сходку, если обсужденiе коснется вопросовъ, не разрѣшенныхъ ректоромъ, или приметъ безпорядочный характеръ.

«§ 33. На курсовыхъ сходкахъ могутъ обсуждаться вопросы, касающiеся: изданiя лекцiй, распредѣленiя экзаменовъ, вспомоществованiя недостаточнымъ товарищамъ, вспомогательной кассы, столовой, читальни, рекомендацiи кандидатовъ на стипендiи и другихъ студенческихъ нуждъ и интересовъ.

«§ 34. Тѣ изъ этихъ вопросовъ, которые получатъ общее значенiе для студентовъ цѣлаго факультета или и всѣхъ факультетовъ, могутъ обсуждаться на сходкахъ старшинъ по факультетамъ и на общихъ сходкахъ старшинъ всѣхъ факультетовъ.

«§ 35. На курсовыхъ сходкахъ избираются лица для участiя въ завѣдыванiи общими студентскими учрежденiями, какъ то: читальней, столовой, вспомогательной кассой и т. п.

«Примѣчанiе. Устройство этихъ учрежденiй опредѣляется особыми правилами.

«§ 36. Избранныя на основанiи предшествующаго § лица утверждаются ректоромъ.

«§ 37. По окончанiи сходки старшина-предсѣдатель доводитъ о результатахъ ея до свѣдѣнiя декана по вопросамъ факультетскимъ и ректора по всѣмъ другимъ и ходатайствуетъ предъ ними о приведенiи въ исполненiе заявленныхъ студентами желанiй.

«§ 38. Ректору и декану принадлежитъ право утвердить или отвергнуть ходатайство.

«§ 39. Всякая сходка, состоявшаяся съ нарушенiемъ вышеприве-

денныхъ правилъ, считается противузаконной и участники ея подлежатъ установленной отвѣтственности.

«§ 40. Студентамъ предоставляется организовать студенческій судъ чести.

«Примѣчаніе. Правила этого суда будутъ выработаны на общей сходкѣ старшинъ и утверждены совѣтомъ университета.

«§ 41. Студенты могутъ устроивать товарищества въ цѣляхъ обезпеченія своего матеріальнаго быта и для совмѣстныхъ занятій науками, литературой и искусствами.

«§ 42. Желающіе образовать для одной изъ вышеуказанныхъ цѣлей товарищество заявляютъ о томъ ректору и представляютъ ему проектъ правилъ и списокъ участниковъ. Отъ усмотрѣнія ректора зависитъ утвердить проектъ и допустить образованіе товарищества.

«§ 43. Каждое товарищество вносится въ особый реестръ съ обозначеніемъ мѣста его собраній или пребыванія и всѣхъ членовъ. Со времени записи товарищество считается учрежденнымъ и пользуется покровительствомъ и защитой университета.

«Примѣчаніе 1. Товарищество обязано, въ случаѣ выхода старыхъ или поступленія новыхъ членовъ, заявлять о томъ университетскому начальству не позже 4 дней.

«Примѣчаніе 2. По запискѣ въ реестръ, университетское начальство извѣщаетъ полицію объ учрежденіи товарищества, о мѣстѣ его пребыванія и объ его членахъ.

«§ 44. Члены товарищества имѣютъ право сходиться въ избранныхъ ими помѣщеніяхъ.

«Примѣчаніе. Лица постороннія не могутъ принимать участія въ его собраніяхъ.

«§ 45. Каждое товарищество находится подъ наблюденіемъ университетской инспекціи и представляетъ ежегодные отчеты ректору о своей дѣятельности.

«Примѣчаніе. Порядокъ наблюденія инспекціи опредѣляется особой инструкціей.

«§ 46. Товарищество можетъ быть закрыто по соглашенію членовъ или по распоряженію университетскаго начальства».

Вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ высказывался въ пользу устройства самими студентами въ университетскихъ зданіяхъ въ пользу бѣдныхъ ихъ товарищей спектаклей, концертовъ, литературныхъ чтеній.

А между тѣмъ еще по поводу преданія студентовъ университет-

скому суду за безпорядки въ концѣ 1878 г., ректоръ заявлялъ нижеслѣдующее: «Опытъ прошлаго (1878) года ясно показалъ, что нѣтъ возможности, не смотря ни на какія усилія, удержать нѣкоторую часть студентовъ отъ стремленія придать сходкамъ не частный характеръ совѣщательнаго собранія по студентскимъ дѣламъ, а характеръ общій и даже политическій. Въ виду такого положенія дѣлъ я рѣшилъ не допускать впредь въ университетѣ никакихъ сходокъ, признавая громадный вредъ, могущій послѣдовать для университета даже отъ малѣйшаго намека на политическую агитацію въ его стѣнахъ».

Начало выполненія предположеній университетовъ.

Но отъ словъ вскорѣ перешли и къ дѣйствіямъ. Въ С.-Петербургскомъ университетѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ высшаго начальства, было приступлено къ организаціи постоянныхъ курсовыхъ сходокъ, къ выбору ихъ старшинъ, а 8-го февраля 1881 года, въ день торжественнаго годоваго акта, ознаменовавшагося студенческими безпорядками и оскорбленіемъ дѣйствіемъ самого управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, состоялся въ актовомъ залѣ университета студенческій балъ, на которомъ, по частнымъ свѣдѣніямъ, участвовали Желябовъ и его сообщники по преступленію 1-го марта 1881 года и происходилъ сборъ пожертвованій для революціонныхъ цѣлей, а передъ баломъ былъ вынесенъ въ другую комнату портретъ Государя Императора, дабы не произошла передъ нимъ какая-либо возмутительная демонстрація. Въ Москвѣ въ бытность тамъ осенью 1880 года статсъ-секретаря Сабурова студентамъ было разрѣшено имъ самимъ устроить свою собственную читальню, и сходки студентовъ были безпрерывныя. Особенно буйнымъ характеромъ отличалась сходка 5-го декабря, такъ что университетскому начальству пришлось обратиться къ полиціи и военной силѣ, и масса студентовъ была арестована и отведена сначала въ Экзерцигаузъ, а затѣмъ въ Московскую пересыльную тюрьму. Вновь назначенный попечитель Московскаго учебнаго округа графъ П. А. Капнистъ доносилъ отъ 8-го января 1881 года, что хотя безпорядки въ университетѣ вызваны неудовольствіемъ противъ ректора и наплывомъ въ Московскій университетъ, вслѣдствіе закрытія низшаго курса Медико-Хирургической академіи, огромнаго числа студентовъ, которые прежде въ него не являлись, но что главная причина зла заклю-

чается въ инструкціи и правилахъ 1879 года и что поэтому онъ, на основаніи § 26 устава и по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, пріостановилъ дѣйствіе этихъ правилъ и возстановилъ уставъ 1863 года и правила для студентовъ Московскаго университета 1875 года. Вскорѣ однако же оказалось, что правила 1879 года были тутъ ни при чемъ. Распространились слухи, что студенты намѣрены произвести крупные безпорядки на актѣ 12-го января. Въ виду сего имъ была разрѣшена сходка наканунѣ акта. Предварительно этой сходки графъ Капнистъ сообщилъ управлявшему министерствомъ (отъ 9-го января 1881 года), что „совершенное отступленіе отъ нѣкоторыхъ обѣщаній, данныхъ уже ректоромъ относительно разрѣшенія студентамъ устроить нѣкоторыя учрежденія самопомощи, было бы въ настоящее время крайне неблагоразумно, и я признавалъ бы полезнымъ теперь же разрѣшить имъ, съ согласія университетскаго начальства, подъ его руководствомъ и подъ личною моею отвѣтственностью, независимо отъ разрѣшенной уже вами“ (статсъ-секретаремъ Сабуровымъ) „читальни, организовать въ своей средѣ, по примѣру ссудо-сберегательныхъ товариществъ и обществъ пособія, допускаемыхъ въ разныхъ вѣдомствахъ даже среди служащихъ, студенческія или студенческую кассу“. Другіе вопросы, по мнѣнію графа П. А. Капниста, могли бы быть еще отложены, впредь до разрѣшенія ихъ высшимъ правительствомъ, за исключеніемъ развѣ еще дозволенія студентамъ устраивать ихъ собственныя студенческія столовыя, тѣмъ болѣе, что при Петровской земледѣльческой академіи подобная столовая уже существуетъ и даже получаетъ субсидію отъ самой академіи. Разрѣшеніе на устройство студенческихъ кассъ и столовыхъ было дано по телеграфу отъ 11-го января 1881 года. Тѣмъ не менѣе собранная на этотъ день, съ разрѣшенія начальства и съ вѣдома Московскаго генералъ-губернатора, студенческая сходка не обошлась вполнѣ благополучно. Нѣкоторые студенты рѣзко предлагали на ней заявить требованіе о возвращеніи исключенныхъ за безпорядки 5-го декабря 1880 года и выразить ректору порицаніе съ приглашеніемъ немедленно отказаться отъ должности. Двое студентовъ отправились къ ректору съ приглашеніемъ на сходку, другіе же просили его не ходить. Дѣло окончилось шумомъ и криками, а на актѣ 12-го января, послѣ рѣчи ректора, нѣсколькими свистками среди грома рукоплесканій.

Не въ однихъ столичныхъ, но и въ провинціальныхъ университетахъ студенты не переставали волноваться, собираясь то и дѣло

на сходки и посылая отъ себя петиціи большею частью прямо къ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія. Исправлявшій должность инспектора университета св. Владиміра Божовскій доносилъ отъ 31-го января 1881 года о невозможности сохранить спокойствіе и порядокъ, если Кіевскіе студенты не получатъ того же, что ихъ товарищи въ Москвѣ, о необходимости немедленнаго дарованія имъ права на общую столовую, товарищескую кассу, на обсужденіе сообща не только научныхъ, но и чисто своихъ товарищескихъ житейскихъ вопросовъ. Донесеніе это было сообщено въ Петербургъ и оттуда былъ посланъ разрѣшительный отвѣтъ по телеграфу. Но еще и 10-го февраля Кіевскіе студенты не успокоились, и многіе преподаватели въ этотъ день не могли читать лекцій, такъ какъ студенты собрались въ двухъ аудиторіяхъ и „совѣщались между собою“ съ 10-ти часовъ утра.

Петицію студентовъ Казанскаго университета попечитель округа тайный совѣтникъ П. Д. Шестаковъ самъ представилъ управлявшему министерствомъ при собственноручномъ докладѣ отъ 24-го января 1881 года, въ которомъ одни изъ пунктовъ петиціи принималъ, другіе же отвергалъ. Были приняты попечителемъ нижеслѣдующія требованія студентовъ: 1) сходки для обсужденія и рѣшенія „нашихъ дѣлъ“; 2) подачи чрезъ представителей коллективныхъ заявленій высшему начальству; 3) судъ чести надъ товарищами; 4) устройство кассы, библіотеки и читальни; 5) выборъ представителей для завѣдыванія этими учрежденіями; 6) отмѣна временныхъ студенческихъ правилъ и непосредственное подчиненіе студентовъ профессорской коллегіи; 7) устройство самими студентами концертовъ, спектаклей, бюро для пріисканія занятій, кухмистерской и общихъ квартиръ; 8) отмѣна срока пребыванія студентовъ въ университетѣ; 9) отмѣна сроковъ для перехода изъ одного университета въ другой и допущеніе онаго во всякое время; 10) отмѣна искони существовавшихъ въ Казани полугодичныхъ репетицій; 11) отмѣна запрещенія студентамъ жениться и женатымъ поступать въ студенты. Возражалъ попечитель Казанскаго учебнаго округа противъ нижеслѣдующихъ требованій: а) противъ предоставленія студентамъ права участвовать чрезъ ихъ представителей въ распредѣленіи между ихъ товарищами стипендій и пособій и противъ отмѣны распредѣленія оныхъ на основаніи полученныхъ студентами на экзаменѣ отмѣтокъ; б) противъ участія студентовъ въ выборѣ и назначеніи лицъ изъ ихъ среды на должности фельдшеровъ при клиникахъ, ординаторовъ и въ кандидаты

на такъ-называемыя профессорскія стипендіи (то-есть, стипендіи для приготовленія къ профессорскому званію); в) противъ уменьшенія платы за слушаніе лекцій, и безъ того весьма незначительной (по 40 рублей въ годъ въ провинціальныхъ университетахъ), и наконецъ, г) противъ предоставленія самимъ студентамъ права издавать профессорскія лекціи, какъ нарушающаго право собственности профессоровъ.

Такъ какъ „новыя вѣянія" должны были коснуться не только университетовъ, но и среднихъ учебныхъ заведеній, прежде же всего гимназій, то въ Петербургъ были созваны попечители всѣхъ учебныхъ округовъ. На примѣрѣ попечителя Казанскаго учебнаго округа можно видѣть, какъ успѣшно прививались эти новыя идеи. Еще въ представленіи своемъ отъ 18-го сентября 1880 года тайный совѣтникъ Шестаковъ высказывался даже въ пользу карцера, въ пользу возстановленія прежнихъ институтовъ казеннокоштныхъ студентовъ, въ пользу установленія простой и дешевой форменной одежды для студентовъ (чего весьма желали для нихъ и Кіевскій генералъ-губернаторъ, и Кіевскій попечитель); теперь же онъ не имѣлъ ничего противъ большей части студенческихъ требованій и самъ являлся ходатаемъ за нихъ предъ высшимъ начальствомъ.

Совѣщаніе гг. министровъ по вопросу объ устройствѣ быта студентовъ подъ предсѣдательствомъ графа Д. А. Милютина въ февралѣ 1881 года.

Въ виду и студенческихъ волненій, и петицій, и заявленій университетскихъ совѣтовъ, и обнаруженной самими попечителями (за исключеніемъ лишь кн. Н. П. Мещерскаго, вышедшаго совсѣмъ въ отставку, и князя М. С. Волконскаго, покинувшаго должность попечителя округа) готовности присоединиться къ тѣмъ и другимъ, статсъ-секретаремъ Сабуровымъ было испрошено Высочайшее повелѣніе подвергнуть вопросъ объ устройствѣ быта студентовъ обсужденію въ особомъ совѣщаніи изъ министровъ: военнаго (и подъ его предсѣдательствомъ) графа Д. А. Милютина, внутреннихъ дѣлъ — графа Лорисъ-Меликова, финансовъ — А. А. Абазы, путей сообщенія — генералъ-адъютанта Посьета, оберъ-прокурора Святѣйшаго Сунода К. П. Побѣдоносцева, управлявшихъ министерствами: Государственныхъ имуществъ — князя Ливена и народнаго просвѣщенія — статсъ-секретаря Сабурова и статсъ-секретаря И. Д. Делянова, при участіи

генералъ-адъютанта Исакова и товарища министра финансовъ Бунге. Изъ этихъ 10 лицъ — 5 (предсѣдатель графъ Д. А. Милютинъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза, А. А. Сабуровъ и Н. Х. Бунге) высказались въ пользу реорганизаціи инспекціи съ подчиненіемъ ея ректору и правленію съ тѣмъ, чтобы имѣющія быть изданными правила не препятствовали, а содѣйствовали установленію благотворнаго вліянія ректора, декановъ и профессоровъ на учащуюся молодежь и въ пользу невоспрещенія студентамъ устройства столовыхъ, читаленъ, всякой помощи нуждающимся товарищамъ и т. п. учрежденій, подъ наблюденіемъ и личною отвѣтственностью университетскаго начальства и съ надлежащаго, въ потребныхъ случаяхъ, разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія. Князь Ливенъ и Н. В. Исаковъ, не возражая противъ этого, заявили, что безъ преобразованія всего строя нашихъ университетовъ сомнительно, чтобы предлагаемыя мѣры привели къ водворенію въ нихъ надлежащаго порядка. Князь Ливенъ въ особой поданной имъ запискѣ высказывался, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Необходимо привлечь профессоровъ къ разрѣшенію воспитательной задачи университетовъ. Необходимо установить въ университетахъ такой строй жизни и отношеній между участниками ея, который давалъ бы возможность профессорамъ не уклоняться отъ задачи воспитанія, какъ они дѣлаютъ это нынѣ, будучи поставлены дѣйствующимъ уставомъ не въ живую связь съ духовнымъ міромъ студентовъ, а въ связь, такъ-сказать, официально-чиновническую... Студентъ находится такимъ образомъ внѣ всякаго воспитательнаго контроля; онъ предоставленъ самому себѣ, или, еще вѣрнѣе, онъ находится подъ постояннымъ вліяніемъ случайныхъ причинъ... Инспекторъ, будетъ ли онъ выбираться ректоромъ или попечителемъ и состоять въ вѣдѣніи того или другаго изъ нихъ, призванъ бездѣйствовать по вопросу о воспитаніи... Инспекція призвана только охранять университетскую жизнь отъ вредныхъ для нея вторженій общественной тревоги въ ея (?) стѣны и гарантировать обществу ненарушимость его спокойствія отъ увлеченій подвижныхъ элементовъ студенческой вольницы... Она должна быть облечена авторитетомъ законной силы, а потому по самому существу своего призванія должна быть въ непосредственной зависимости отъ центральнаго правительства и внѣ авторитета выборнаго совѣта». — «Для водворенія порядка и спокойствія въ нашихъ университетахъ требуется коренное ихъ преобразованіе», по заявленію въ вышеозначенномъ совѣщаніи К. П. Побѣдоносцева. «Въ настоящемъ положеніи ихъ и

при настоящей ихъ организаціи ни правительственная власть въ лицѣ попечителя, ни корпорація профессоровъ, лишенная единства и твердости въ отношеніи къ студентамъ, не обладаютъ достаточными средствами и способами къ поддержанію надлежащаго авторитета». Поэтому та или другая постановка инспекціи «можетъ имѣть значеніе лишь попытки къ улучшенію отдѣльной части управленія»... Читальни, столовыя, кассы и т. п. установленія „могутъ быть открываемы внѣ университета съ разрѣшенія подлежащей гражданской власти и съ участіемъ лицъ, принадлежащихъ къ университетской корпораціи: таковы существующія и нынѣ общества для вспоможенія нуждающимся студентамъ. Напротивъ того открытіе подобныхъ учрежденій въ стѣнахъ университета никакъ не желательно; ибо оно по необходимости сопряжено будетъ со сходками, которыя, какъ показываетъ опытъ, превращаются всегда въ нестройное сборище и всегда нарушаютъ спокойствіе, существенно необходимое для правильнаго хода университетскихъ занятій». — Статсъ-секретарь, нынѣ графъ И. Д. Деляновъ, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ по вопросу объ учрежденіи разныхъ студенческихъ установленій и о сходкахъ, по вопросу объ инспекціи представилъ особое мнѣніе, именно объ оставленіи правилъ 1879 г. во всей ихъ силѣ. По этимъ правиламъ профессора вовсе не лишены нравственнаго вліянія на студентовъ, а напротивъ призываются къ таковому и къ содѣйствію инспекціи. «Инспекторъ долженъ быть, такъ сказать, очами и ушами правительства; онъ обязанъ ничего не скрывать и стараться подавлять всякое зло въ его зародышѣ... Для того, чтобы дѣйствовать добросовѣстно и быть надежнымъ орудіемъ правительства, инспекторъ долженъ быть подчиненъ только одной власти—власти попечителя; отъ него должна зависѣть его служебная участь, точно такъ же, какъ и служебная участь попечителя должна зависѣть единственно отъ министра и Государя Императора». При подчиненіи ректору, который «состоитъ подъ вліяніемъ совѣтскихъ воротилъ, ищетъ популярности, преклоняется предъ журнальными толками, положеніе инспектора сдѣлается невозможнымъ. Не вижу никакой надобности въ замѣнѣ инструкціи 1879 г., тѣмъ болѣе что она до сего времени, вслѣдствіе прискорбныхъ колебаній университетскихъ правителей, и не была приведена въ дѣйствіе съ надлежащею твердостью и послѣдовательностью». «При подчиненіи инспектора ректору и самъ ректоръ долженъ быть назначаемъ не по выбору совѣта, а непосредственно отъ правительства».—Генералъ-адъютантъ Посьетъ, также въ особомъ

мнѣніи, высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Такъ-называемыхъ студенческихъ учрежденій требуютъ не потому, какъ извѣстно, что въ нихъ имѣется положительная необходимость, а для иныхъ, противозаконныхъ, цѣлей, и пока эти цѣли существуютъ, до тѣхъ поръ такихъ студенческихъ учрежденій допускать не слѣдуетъ. Столовыя, читальни, кассы и т. д. требуются преимущественно для образованія, въ томъ или другомъ видѣ, студенческихъ сходокъ»... «При настоящемъ, не всегда удовлетворительномъ, направленіи профессоровъ университетовъ и стремленіи многихъ къ популярности между слушателями, подчиненіе инспекціи ректору уничтожитъ всякое ея значеніе и на дѣлѣ инспекціи существовать не будетъ». «А потому и необходимо временно, впредь до ожидаемаго новаго университетскаго устава, остаться при существующемъ нынѣ порядкѣ» (то-есть, при правилахъ 1879 г.). О таковыхъ результатахъ совѣщанія было доложено статсъ-секретаремъ Сабуровымъ Государю Императору 18 го февраля 1881 г. и было «Высочайше принято къ свѣдѣнію», и того же числа правила и инструкція 1879 г. были окончательно отмѣнены, и для университетовъ С.-Петербургскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго была утверждена властью министра выработанная совѣтомъ перваго изъ нихъ инструкція для инспекціи, Московскому же попечителю еще прежде было предоставлено установить новые порядки относительно инспекціи по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и только Казанскій университетъ былъ почему-то забытъ.

Проектъ статсъ-секретаря Сабурова о новомъ устройствѣ университетской инспекціи.

Съ назначеніемъ статсъ-секретаря Сабурова управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія проектъ новаго устава университетовъ, внесенный его предшественникомъ 6-го февраля 1880 года, былъ, какъ водится, ему возвращенъ, и имъ было испрошено Высочайшее повелѣніе «вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта отдѣльныя представленія по различнымъ частямъ предполагаемаго преобразованія въ той послѣдовательности, которая по ходу дѣла представится наиболѣе удобною,... при чемъ ускорить внесеніе въ Государственный Совѣтъ предположеній объ устройствѣ инспекціи надъ студентами». Во исполненіе сего дѣйствительно 31-го января 1881 г. было внесено представленіе объ устройствѣ инспекціи въ универси-

тетахъ. Согласно съ этимъ представленіемъ инспекторъ непосредственно подчинялся ректору университета и назначался, по избранію правленія (статсъ-секретарь Сабуровъ предполагалъ: по избранію ректора) и представленію попечителя министромъ, а помощники его по избранію правленія же попечителемъ. Въ помощь инспекціи, гдѣ это было бы признано нужнымъ, назначались бы ректоромъ по представленію инспектора служители инспекціи. Университетскій судъ замѣнялся въ большинствѣ случаевъ правленіемъ; но въ случаяхъ особой важности, особенно, когда возникаютъ общіе безпорядки, по постановленію совѣта или правленія, съ утвержденія попечителя, или по усмотрѣнію сего послѣдняго, созывается университетскій судъ, для чего совѣтъ ежегодно избираетъ изъ числа профессоровъ трехъ судей (одного юриста, который и предсѣдаетъ въ судѣ), трехъ кандидатовъ къ нимъ и одного секретаря суда. Инструкцію для инспекціи составляетъ совѣтъ (по первоначальному предположенію статсъ-секретаря Сабурова — правленіе) и утверждаетъ попечитель, а равно и правила для студентовъ. Ректору предоставлялось, смотря по обстоятельствамъ и по важности дѣла, предлагать на разсмотрѣніе правленія или совѣта предположенія о принятіи какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ для обезпеченія порядка и спокойствія въ университетѣ. Министру испрашивалось въ предѣлахъ штатной суммы, назначенной на инспекцію въ каждомъ университетѣ, опредѣлять какъ число помощниковъ инспектора и служителей инспекціи, такъ и размѣръ содержанія, получаемаго личнымъ составомъ инспекціи, попечителю же, буде признаетъ полезнымъ, замѣнять инспектора проректоромъ изъ профессоровъ, избираемымъ совѣтомъ и утверждаемымъ на три года министромъ. На инспекцію въ 6 университетахъ испрашивалась общая сумма въ 84,800 р. (по первоначальному проекту статсъ-секретаря Сабурова 98,600 р.).

Безпорядки и смуты въ университетахъ послѣ 1-го марта 1881 г.

Но дѣло не дошло до законодательнаго разсмотрѣнія этого проекта: 1-го марта 1881 г. не стало Императора Александра II; вслѣдъ за тѣмъ въ университетахъ начались безпорядки и смуты самаго прискорбнаго характера. Такъ, между прочимъ, въ Казанскомъ университетѣ 13-го марта утромъ было усмотрѣно на стѣнахъ объявленіе, по донесенію управлявшаго округомъ помощника попечителя М. А. Малиновскаго, «преступнаго содержанія, приглашавшее студентовъ

на сходку по преступному дѣлу на 15-е марта, день погребенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, и потомъ было найдено вторичное такого же содержанія объявленіе». Объ этомъ ректоръ и проректоръ дважды сообщали начальнику губерніи, «ни однимъ словомъ, ни одною строкою не сообщивъ о такомъ экстренно-тревожномъ происшествіи управляющему округомъ». 14-го марта самъ совѣтъ Казанскаго университета постановилъ просить объ отмѣнѣ временной инструкціи (1879 г.) для инспекціи и о разрѣшеніи собраній студентовъ для обсужденія вопросовъ внутренняго ихъ быта на основаніи правилъ, которыя имѣютъ быть выработаны совѣтомъ университета. Управлявшій округомъ счелъ за должное присоединиться къ этому ходатайству, полагая, что подобныя собранія должны быть безусловно разрѣшаемы, смотря по характеру ихъ задачъ, властью ректора, или проректора, или декана, или вообще одного изъ профессоровъ, «подъ личнымъ руководствомъ и отвѣтственнымъ наблюденіемъ того или другого изъ поименованныхъ лицъ». «Эти мѣропріятія, присовокуплялъ Дѣйств. Ст. Сов. М. А. Малиновскій, проектируются университетскимъ совѣтомъ для улучшенія настроенія учащейся молодежи». Послѣ этого постановленія о разрѣшеніи студентамъ сходокъ, совѣтомъ университета въ томъ же засѣданіи было составлено и вывѣшено на стѣнахъ университета объявленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что «въ послѣднее время, вопреки существующимъ правиламъ, созываются нерѣдко въ стѣнахъ университета сходки, принимающія характеръ, не соотвѣтствующій цѣлямъ и достоинству университета, а равно и интересамъ самихъ гг. студентовъ». Поэтому совѣтъ «единодушно обращается къ здравомыслію и добрымъ чувствамъ Казанскихъ студентовъ, приглашая ихъ рѣшительно воздержаться отъ всякихъ проявленій, не соотвѣтственныхъ университетской жизни. Совѣтъ университета, взывая къ благороднымъ и законнымъ чувствамъ гг. студентовъ, надѣется, что они и впредь не измѣнятъ себѣ. Для профессоровъ Казанскаго университета было бы поразительно и неожиданно-прискорбно убѣдиться, что они ошибались въ своихъ высокихъ представленіяхъ о благородномъ настроеніи юношества, пришедшаго въ университетъ готовиться къ высокому служенію на разныхъ поприщахъ ко благу отечества и во славу Государя».—По свидѣтельству М. А. Малиновскаго, объявленіе это было читано студентами «сочувственно-покорно».

Въ Московскомъ университетѣ сходки студентовъ не прекращались. Впрочемъ нѣкоторыя изъ нихъ происходили и съ доброю

цѣлью. Такъ, 5-го марта на сходкѣ юридическаго факультета была объявлена подписка на вѣнокъ въ Бозѣ почившему Государю Императору; но во время рѣчи одного изъ собиравшихъ деньги раздался свистокъ, вызвавшій изгнаніе свиставшаго. На другой день на сходкѣ историко-филологическаго факультета предложеніе вести ту же подписку поименно вызвало неудовольствіе со стороны нѣкоторыхъ студентовъ, при чемъ одинъ студентъ порвалъ подписной листъ. На сходкѣ 7-го марта студентъ Заіончковскій произнесъ по этому поводу рѣчь въ добромъ направленіи, но вызвавшую неудовольствіе его товарищей. Разрѣшенная проректоромъ на 10 марта сходка обратилась въ судилище надъ Заіончковскимъ, при чемъ было выражено ему нравственное порицаніе, и онъ лишенъ былъ голоса въ студенческихъ дѣлахъ. 12 марта была разрѣшена сходка для выбора студентовъ, которые должны были отправиться въ Петербургъ для возложенія вѣнка на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора. Сходка приняла бурный характеръ и не разошлась по требованію инспекціи. Зала была очищена при помощи университетской прислуги. 24-го марта 1881 г. Ст. Секр. Сабуровъ былъ замѣненъ Ст. Секр. барономъ Николаи, а 27-го марта въ Московскомъ университетѣ, при защитѣ магистромъ Иванюковымъ докторской его диссертаціи: «Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени», студентъ-медикъ Викторовъ, возражая ему, доказывалъ связь научнаго соціализма съ революціоннымъ, и когда рѣчь его приняла агитаціонный характеръ, былъ остановленъ деканомъ, а послѣ возраженія лишенъ слова. Рѣчь Викторова была покрыта рукоплесканіями. По окончаніи диспута около 100 человѣкъ остались въ залѣ для обсужденія поступка декана и разошлись лишь тогда, когда начальствомъ университета послано было за полиціей. Викторовъ былъ исключенъ изъ университета безъ суда въ виду очевидности его проступка. Слухъ о преданіи суду 14-ти студентовъ вызвалъ броженіе среди студентовъ, выразившееся въ сходкѣ 1-го апрѣля. Послѣ неповиновенія и грубостей, оказанныхъ инспекціи, было послано за полиціей, и всѣ участники (до 250 человѣкъ) были переписаны. Виновные въ безпорядкахъ, происходившихъ въ Московскомъ университетѣ съ 5-го марта по 1-е апрѣля, были преданы суду, по приговору коего: 2 исключены съ правомъ поступить въ другое учебное заведеніе не ранѣе двухъ лѣтъ; 35 съ правомъ поступить тотчасъ же въ другія учебныя заведенія и 165 — временно удалены изъ Московскаго университета.

О томъ, что въ то же время происходило въ стѣнахъ С.-Петербургскаго университета, сохранилось лишь одно письменное донесеніе: въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора 15-го марта 1881 г. въ стѣнахъ университета происходила недозволенная сходка; виновные въ ней были преданы суду, и изъ нихъ 91 подвергнуты выговору, 33 аресту на 3 дня, 25 аресту на 7 дней, 13 таковому же аресту, но съ предвареніемъ объ исключеніи ихъ въ случаѣ дальнѣйшаго нарушенія правилъ, 13 уволены на годъ безъ права поступленія въ другія учебныя заведенія, — всего при этомъ подверглись взысканіямъ 175 ч.

Возстановленіе Устава 1863 г. во всей силѣ (26-го мая 1881 г.).

По представленію вновь назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія барона А. П. Николаи, состоялось Высочайше утвержденное 26-го мая 1881 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта, коимъ отмѣнялось предоставленное министру народнаго просвѣщенія Высочайше утвержденнымъ 2-го августа 1879 г. положеніемъ комитета министровъ право издать инструкцію для университеткой инспекціи, равно какъ и другія, содержавшіяся въ томъ положеніи временныя правила, уставъ 1863 г. возстановлялся во всѣхъ своихъ статьяхъ, въ помощь инспекціи назначались по вольному найму ректоромъ служители инспекціи, министру предоставлялось опредѣлять какъ число помощниковъ проректора или инспектора въ каждомъ университетѣ и присвоиваемое имъ содержаніе, не свыше однако же 1.500 руб. каждому, такъ и размѣръ суммы на канцелярскіе расходы инспекціи и на наемъ ея служителей, съ тѣмъ чтобы при этомъ не была превышаема общая сумма на инспекцію во всѣхъ 6-ти университетахъ, сумма же эта увеличивалась на 36.600 руб. противъ штатовъ 1863 г., всего до 76.000 р. ежегодно.

Циркулярное предложеніе барона А. П. Николаи отъ 30-го мая 1881 года.

За возстановленіемъ устава 1863 г. во всей его силѣ послѣдовало циркулярное предложеніе барона А. П. Николаи отъ 30-го мая 1881 г. Въ немъ сказано между прочимъ: «Въ виду обнаружившейся необходимости принять всевозможныя мѣры къ утвержденію въ университетахъ спокойствія, порядка и правильности серіозныхъ научныхъ занятій, а также

въ виду обнаружившейся недостаточности изданныхъ доселѣ университетами... правилъ для достиженія означенныхъ выше цѣлей и охраненія существенныхъ интересовъ самихъ университетовъ, представляется необходимымъ приступить нынѣ же къ пересмотру сихъ правилъ... Не сомнѣваюсь, что совѣты университетовъ сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, дабы воспользоваться дарованными имъ Высочайшею властью полномочіями для улучшенія внутренняго въ нихъ порядка и охраненія его отъ тѣхъ нарушеній, которыя, къ сожалѣнію, неоднократно прерывали правильное теченіе университетской жизни... Для достиженія означенной цѣли, составляющей въ настоящее время одну изъ самыхъ главныхъ заботъ правительства, совершенно необходимо, чтобы издаваемыя университетами въ силу § 42Б, п. 8 правила [1]) были вполнѣ точны и опредѣлительны и чтобы соблюденіе ихъ было вполнѣ обезпечено. При предстоящемъ пересмотрѣ означенныхъ правилъ необходимо прежде всего обратить вниманіе на то, заключается ли въ нихъ вполнѣ дѣйствительное огражденіе научныхъ занятій студентовъ отъ всякихъ попытокъ къ произведенію въ стѣнахъ университета какихъ бы то ни было безпорядковъ, предупрежденіе всякихъ поводовъ къ сборищамъ, нарушающимъ порядокъ и благочиніе, и установленіе правильныхъ отношеній студентовъ къ университетской инспекціи и ея чинамъ»... Надлежитъ въ правилахъ «опредѣлить съ точностью, между прочимъ: а) порядокъ удостовѣренія личностей, имѣющихъ право на посѣщеніе университетскихъ лекцій, дабы оградить стѣны университета отъ доступа въ среду учащейся молодежи лицъ постороннихъ, проникавшихъ нерѣдко, какъ дознано опытомъ, въ университеты для противоправительственныхъ цѣлей; б) тѣ условія, при коихъ могутъ быть допускаемы къ слушанію лекцій въ университеты вольнослушатели, возможное ограниченіе коихъ не только желательно, но даже необходимо въ виду того, что университетскія аудиторіи почти во всѣхъ университетахъ едва вмѣщаютъ, вслѣдствіе тѣсноты своей, самихъ студентовъ университета, между тѣмъ какъ обезпеченіе правильныхъ научныхъ занятій для студентовъ должно быть главною цѣлью для университетовъ... «Заняться также пересмотромъ правилъ о назначеніи стипендій студен-

[1]) Правила эти суть: о порядкѣ взиманія, распредѣленіи и употребленіи суммы, собираемой за слушаніе лекцій; о пріемѣ студентовъ въ университетъ и допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій; объ обязанностяхъ учащихся и о порядкѣ въ университетѣ; о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей и порядка и о дѣлопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ.

тамъ, съ тѣмъ чтобы стипендіи были выдаваемы только дѣйствительно достойнымъ студентамъ и въ особенности такимъ, которые уже заявили о своемъ серіозномъ отношеніи къ наукѣ и доказали, что они въ университетѣ ищутъ исключительно высшаго образованія и всецѣло преданы научнымъ занятіямъ... Давая матеріальное пособіе для прохожденія университетскаго курса, университетъ имѣетъ право и обязанность постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы пользующіеся такими стипендіями и пособіями студенты не ослабѣвали въ своемъ рвеніи къ научнымъ занятіямъ... Правила, касающіяся надзора за студентами и охраненія порядка въ университетахъ должны быть составлены къ началу 1881—1882 академическаго года и должны быть представлены для свѣдѣнія въ министерство»...

Высочайше учрежденная 25-го мая 1881 г. подъ предсѣдательствомъ гр. И. Д. Делянова коммиссія.

Но наканунѣ возстановленія во всѣхъ его статьяхъ устава 1863 г., именно 25-го мая 1881 г., по докладу министра внутреннихъ дѣлъ графа Н. П. Игнатьева, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта статсъ-секретаря (нынѣ графа) И. Д. Делянова особой коммиссіи, съ участіемъ въ качествѣ члена отъ министерства народнаго просвѣщенія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника (нынѣ тайнаго совѣтника сенатора) Ѳ. М. Дмитріева, съ возложеніемъ на оную порученія «составить правила для усиленія надзора за учащейся молодежью». Въ составъ этой коммиссіи вошли, сверхъ того, инспекторъ института инженеровъ путей сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ К. К. Коковцевъ, директоръ департамента земледѣлія и сельской промышленности (нынѣ товарищъ министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарь) тайный совѣтникъ В. И. Вешняковъ, состоящій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній генералъ-майоръ М. С. Лалаевъ, директоръ департамента государственной полиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ (нынѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, сенаторъ тайный совѣтникъ) В. К. Плеве и директоръ строительнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ Э. Б. Бернгардтъ, оба послѣдніе какъ члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, исправляющій должность директора Московскаго техническаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ (нынѣ членъ совѣта и предсѣдатель ученаго комитета мини-

стерства государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ) И. П. Архиповъ, при дѣлопроизводителѣ, по избранію предсѣдателя, чиновникѣ особыхъ порученій министра народнаго просвѣщенія дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ В. П. Шелашниковѣ.

Коммиссія эта, въ виду только-что состоявшагося возстановленія устава 1863 г., по необходимости должна была держаться, насколько было возможно, на почвѣ этого устава, и въ три засѣданія (22-го, 27-го и 30-го іюня) выработала нижеслѣдующія положенія: 1) «Въ виду исключительнаго расшатаннаго положенія университетовъ въ настоящее время»—«разъяснить § 26 п. 1 общаго уст. ун. 1863 г. въ томъ смыслѣ, что попечитель во всѣхъ случаяхъ, когда распоряженія совѣта и ректора ему представляются недостаточными для обезпеченія порядка, имѣетъ право: а) требовать, чтобы университетская инспекція ежедневно ему доносила о состояніи университета; б) давать ей по своему усмотрѣнію указанія и предписанія, и в) подвергать виновныхъ студентовъ взысканіямъ и наказаніямъ, не исключая увольненія и исключенія ихъ изъ университета и не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ относительно мѣры и порядка ихъ наложенія». При этомъ была принята во вниманіе двойственность подчиненія ректора съ одной стороны попечителю округа, а съ другой—избирающему его, ректора, совѣту и таковая же двойственность подчиненія инспектора избираемому совѣтомъ на 4 года ректору и совѣту.

2) «Во измѣненіе § 42 А₂ устава 1863 г. постановить, что стипендіи студентамъ университетовъ могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ утвержденія попечителей учебныхъ округовъ». Мѣра эта была принята, между прочимъ, въ виду того, что на практикѣ установился такой порядокъ, что «свѣдѣнія о недостаточныхъ студентахъ собираются чрезъ нихъ же, что̀ ведетъ къ сходкамъ, обсужденію дѣла между студентами и къ подачѣ мнѣній, а вожаки студенческихъ собраній очень дорожатъ этимъ правомъ голосованія, которымъ пользуются, чтобы укрѣпить свое вліяніе на товарищей, наиболѣе недостаточныхъ».

3) Въ видахъ устраненія искусственнаго привлеченія въ высшія учебныя заведенія не обладающихъ ни выдающимися способностями, ни особеннымъ призваніемъ или прилежаніемъ бѣдняковъ и въ виду слишкомъ значительнаго числа освобождаемыхъ отъ платы за ученіе, чрезъ что̀ сокращаются спеціальныя средства учебныхъ заведеній, необходимыя для удовлетворенія нерѣдко существенныхъ ихъ потреб-

ностей, «возложить на министровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія по принадлежности, установленіе на будущее время опредѣленнаго процента студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе», каковый процентъ «долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ мѣстными условіями каждаго учебнаго заведенія; но для столичныхъ университетовъ въ меньшемъ размѣрѣ, а для провинціальныхъ въ большемъ. Въ число освобождаемыхъ отъ платы зачислять и дѣлаемыя разсрочки платежа».

4) Въ виду впервые обнаруженнаго инспекціей по правиламъ 1879 г. факта относительно пріема въ университетъ значительно бо̀льшаго числа студентовъ, чѣмъ сколько имѣется мѣстъ въ аудиторіяхъ, въ коихъ означенные студенты, согласно съ факультетскими распоряженіями, должны были въ одно и то же время слушать лекціи однихъ и тѣхъ же профессоровъ, и проистекающей отъ сего невозможности требовать отъ студентовъ исправнаго посѣщенія лекцій и «для противодѣйствія наплыву студентовъ не занимающихся и только являющихся въ университетъ или другое учебное заведеніе для произведенія безпорядковъ»—«возложить на совѣты или конференціи каждаго высшаго учебнаго заведенія, въ томъ числѣ и на университетскіе совѣты, опредѣленіе нормы слушателей, по каждому факультету и курсу или классу, соображаясь со вмѣстимостью помѣщеній для нихъ назначенныхъ и съ условіями преподаванія каждаго предмета, съ тѣмъ чтобы заключенія по этому предмету были представляемы на утвержденіе высшаго начальства. Учебнымъ заведеніямъ предоставляется ходатайствовать объ открытіи параллельныхъ курсовъ. Для зачисленія въ комплектъ слушателей и по предыдущему пункту (3-му) въ комплектъ освобождаемыхъ отъ платы, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не установлено конкурса по повѣрочнымъ испытаніямъ, принимать въ соображеніе достоинство представляемыхъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, а при равныхъ правахъ—старшинство подачи прошеній. Въ университетахъ зачислять въ комплектъ слушателей прежде всего учениковъ гимназій округа и того изъ сосѣднихъ округовъ, въ которомъ нѣтъ университета. Только при неимѣніи болѣе таковыхъ, допускать пріемъ въ студенты изъ другихъ учебныхъ округовъ".

5) Въ виду того, что „посторонніе слушатели составляютъ, по выраженію одного изъ членовъ коммиссіи, истинную язву нашихъ университетовъ", такъ какъ «за ихъ занятіями не установлено никакого надзора и въ ихъ числѣ обыкновенно проникаютъ въ универ-

ситеты лица, имѣющія цѣлью безпорядки и политическую пропаганду» и «въ видахъ огражденія учебныхъ заведеній отъ вредныхъ элементовъ», а также въ виду устанавливаемаго предыдущимъ пунктомъ комплекта для самихъ студентовъ, «допускать въ посторонніе слушатели университетовъ, безъ зачисленія въ студенты, тамъ, гдѣ дозволитъ вмѣстительность аудиторій: а) лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и представившихъ свидѣтельство о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства и б) лицъ не служащихъ, которыя представятъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о благонадежности; внѣ этихъ двухъ категорій допускать постороннихъ слушателей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа».

6) «Въ видахъ преимущественно облегченія надзора за учащимися — ввести форменную одежду для студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, строго воспретивъ подъ опасеніемъ взысканій, *которыя въ каждомъ заведеніи будутъ установлены, всякое* отступленіе отъ утвержденной формы и правилъ ея ношенія». «При этомъ коммиссія разсуждала, что въ случаѣ возстановленія форменной одежды для студентовъ университетовъ было бы полезно имѣть въ виду прежнюю форму, освященную воспоминаніями и преданіемъ, но съ возстановленіемъ ея не допускать ни малѣйшаго отступленія отъ данной формы, ни тѣхъ безобразныхъ смѣшеній костюма, которыя допускались въ концѣ пятидесятыхъ годовъ при ея ношеніи; опредѣленіе формы для учащихся въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ предоставить усмотрѣнію соотвѣтствующаго начальства».

7) «Въ зданіяхъ, дворахъ и садахъ высшихъ учебныхъ заведеній безусловно воспретить устройство читаленъ, столовыхъ, кухмистерскихъ, различныхъ сборищъ и сходокъ, а также театральныхъ представленій, концертовъ, баловъ и другихъ подобныхъ публичныхъ собраній, не имѣющихъ научнаго характера»... «Руководствуясь примѣрами, указанными опытомъ, члены коммиссіи пришли къ единогласному заключенію о безусловномъ вредѣ подобныхъ учрежденій, противныхъ цѣли, духу и достоинству высшаго учебнаго заведенія». Исключеніе относительно устройства столовыхъ или приглашенія постороннихъ торговцевъ для продовольствія студентовъ допущено лишь въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя находятся внѣ черты города и въ дальнемъ разстояніи отъ прочаго жилья (какъ, напримѣръ, С.-Петербургскій Лѣсной институтъ), или въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ

устроены интернаты. Запрещеніе имѣть читальни не распространяется на спеціальныя библіотеки, устроенныя при отдѣльныхъ аудиторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ, семинаріяхъ, лабораторіяхъ, аптекахъ, обсерваторіяхъ, для справокъ и занятій чисто ученыхъ или учебныхъ.

8) «Какъ для способствованія водворенію порядка въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для удешевленія жизни учащимся»—«допускать устройство, гдѣ окажется возможнымъ, съ помощью частныхъ пожертвованій и на экономическія суммы (?), общежитій для студентовъ» («внутри зданій учебныхъ заведеній или по смежности съ ними»); «эти общежитія должны состоять подъ бдительнымъ надзоромъ инспекціи» («при условіи жительства и постояннаго въ нихъ пребыванія кого-либо изъ лицъ инспекторскаго надзора») «и руководствоваться правилами, утвержденными министрами по принадлежности».

9) «Вмѣнить въ обязанность городской полиціи: а) сообщать начальству учебныхъ заведеній о перемѣнахъ мѣста жительства студентовъ особыми переходными листками безъ взиманія за нихъ какой-либо платы и б) сообщать оному о студентахъ, скрывшихся съ квартиръ, и вообще о всякомъ случаѣ и происшествіи со студентомъ, при чемъ учебныя начальства обязываются также сообщать полиціи свѣдѣнія о всѣхъ уволенныхъ изъ учебнаго заведенія по какой бы то ни было причинѣ». «Объѣздъ и повѣрка квартиръ учащихся въ университетахъ и нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по значительной ихъ численности, представляются невозможными»; но «въ виду дѣйствующихъ узаконеній, по коимъ учащіеся внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній подчинены общей городской полиціи и не освобождены отъ повиновенія своему учебному начальству, коммиссія полагаетъ крайне необходимымъ согласное дѣйствіе и взаимное содѣйствіе учебной инспекціи и полиціи городской, а также всѣхъ вѣдомствъ и властей, отъ которыхъ зависятъ высшія учебныя заведенія».

10) «Оставить въ своей силѣ всѣ дѣйствующія правила объ учащихся (студентахъ и постороннихъ слушателяхъ), не отмѣненныя или не измѣненныя вышеизложеннымъ.

11) «Подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ, въ управленіи коихъ состоятъ учебныя заведенія, чтобы они не вводили какихъ-либо новыхъ мѣръ, могущихъ ослабить дисциплину заведенія» («касающихся дисциплины и порядка») «безъ соглашенія между собою. Подтвердить также подлежащимъ административнымъ начальствамъ, чтобы они, по требованію мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, содѣйствовали имъ въ поддержаніи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ всѣми зависящими

способами», ибо, «къ сожалѣнію, нерѣдко бывало до сего времени», что «высшія административныя власти, въ угоду ложному либерализму и въ погонѣ за пошлымъ (sic!)популярничаніемъ, или въ легкомысленной надеждѣ, посредствомъ потворства разнузданнымъ страстямъ, примирить непримиримыхъ», «противодѣйствовали мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ въ принятіи рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ для подавленія безпорядковъ при первомъ ихъ проявленіи».

Записка Коммиссіи временнаго совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ.

Нѣкоторый отголосокъ вышеозначеннаго настроенія административныхъ властей встрѣчается, между прочимъ, и среди бумагъ, поступившихъ въ Высочайше учрежденную 25-го мая 1881 г. коммиссію: это—записка, составленная въ маѣ того же года въ особой коммиссіи временнаго совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ, подписанная гг. Бекетовымъ, Ламанскимъ, Лихачевымъ, Семевскимъ, Потѣхинымъ и Котоминымъ и препровожденная 19-го іюня графомъ Н. П. Игнатьевымъ къ г. предсѣдателю вышеозначенной коммиссіи. Въ запискѣ этой говорится, между прочимъ, что «анархическая партія обратила главныя свои усилія на извращеніе умовъ учащейся молодежи», что совершается это почти исключительно внѣ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній, что успѣху анархической пропаганды содѣйствуетъ недовольство, «которое довольно распространено въ средѣ учащагося юношества». Недовольство это происходитъ отъ его бѣдности и пустоты жизни. Изъ 1825 студентовъ С.-Петербургскаго университета 835 (45,7%) имѣютъ свидѣтельства о бѣдности; изъ 1168 студентовъ Технологическаго, Горнаго института и Института путей сообщенія имѣютъ таковыя же свидѣтельства 533 (45,6%); изъ 452 слушательницъ высшихъ врачебныхъ курсовъ не болѣе 100 обезпеченныхъ, и таковой же процентъ не обезпеченныхъ на Бестужевскихъ курсахъ. Университетомъ и благотворительнымъ при немъ Обществомъ употреблено въ теченіе послѣдняго года въ помощь студентамъ до 140 тыс. р.; въ вышеупомянутыхъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ до 109 тыс. р. Но по всей Россіи распространены слухи, что въ Петербургѣ въ помощь студентамъ расходуется ежегодно не менѣе полмилліона, и это вмѣстѣ съ предполагаемою легкостью заработковъ въ столицѣ привлекаетъ въ нее все большее число недостаточныхъ учащихся. Раздача стипендій и особенно пособій не только

не уменьшаетъ неудовольствія въ учащейся молодежи, но скорѣе питаетъ его, ибо возбуждаетъ несправедливыя сѣтованія, будто бы пособія эти раздаются начальствомъ съ недостаточною осмотрительностью, съ недостаточнымъ взвѣшиваніемъ относительной нужды учащихся. Притомъ же «многіе изъ молодыхъ людей считаютъ, что правительство и общество обязаны ихъ поддерживать уже потому только, что они получаютъ высшее образованіе. Мнѣніе, что университетское начальство должно прежде всего заботиться о томъ, чтобы сначала прокормить, одѣть и обуть студента, а ужъ затѣмъ требовать отъ него знанія, есть мнѣніе, довольно распространенное между студентами».

«Пустота жизни» студентовъ происходитъ главнѣйше отъ того, что администрація всячески затрудняетъ общеніе между ними: отсюда стремленіе къ сходкамъ и къ организаціи разнаго рода сообществъ въ стѣнахъ университета, а равно къ образованію кружковъ и обществъ безъ дозволенія администраціи. «Извѣстно, что въ Петербургѣ существуютъ такъ-называемыя «землячества» со своими кассами и періодическими собраніями. Всѣ они устроены на чисто-экономическихъ началахъ, въ видахъ самопомощи. Но въ нѣкоторыя изъ нихъ проникаютъ агитаторы, и тогда землячество можетъ превратиться въ болѣе или менѣе опасное тайное общество. Лучшимъ средствомъ тутъ является дозволеніе учащейся молодежи устраивать товарищества на основаніи общихъ законовъ»... «Устройство студенческаго дома, въ родѣ такъ-называемой въ Дерптѣ академической муссы, гдѣ студенты могли бы собираться для занятій литературой, искусствами и даже для веселаго препровожденія времени, произвело бы значительное улучшеніе и въ нравахъ, и даже въ образѣ мыслей меньшинства, готоваго на разныя крайности». Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація должна измѣнить свои отношенія къ учащейся молодежи и не смотрѣть на нее какъ на массу людей неблагонадежныхъ. «Не найдется ли возможности принять необходимыя мѣры къ сокращенному разрѣшенію дѣлъ о задерживаемыхъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности лицъ изъ учащейся молодежи? Аресты и продолжительное заключеніе, если оно кончается полнымъ оправданіемъ, всегда подаютъ поводъ къ волненіямъ и неудовольствіямъ, которыя ослабли бы въ значительной степени, если бы аресты ограничивались временемъ, необходимымъ для скораго слѣдствія, допроса и рѣшенія». Въ виду всего этого коммиссія предлагаетъ: 1) «способствовать устройству дешевыхъ столовыхъ и квартиръ для учащейся молодежи; 2) просить

г. министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи учащемуся юношеству товариществъ для самопомощи и самообразованія по примѣру академическихъ муссъ въ Дерптѣ»; 3) устройство болѣе раціональныхъ способовъ раздачи стипендій и пособій съ помощью частныхъ патронатовъ надъ стипендіатами и товарищескихъ кассъ между студентами, учреждаемыхъ съ разрѣшенія правительства и дѣйствующихъ подъ его контролемъ, такъ какъ не только товарищи, но и частные патронаты лучше начальства могутъ знать и наиболѣе нуждающихся, и наиболѣе заслуживающихъ помощи, и даже слѣдить за употребленіемъ получаемыхъ денежныхъ пособій; 4) «основаніе большаго числа школъ съ профессіональнымъ характеромъ, которыя, не отрывая учащагося отъ его родной среды, давали бы потребную сумму утилитарныхъ знаній, непосредственно приложимыхъ къ трудовой жизни». «Школа должна быть дѣйствительно народною школою», а у насъ «она устроена какъ бы нарочно для того, чтобы отрывать дѣтей русскаго народа отъ ихъ прирожденнаго быта. Въ Россіи, можно сказать, существуютъ только одни общеобразовательныя заведенія, и притомъ преобладаетъ высшая школа, среднихъ же и низшихъ, сообщающихъ прикладныя знанія, вовсе нѣтъ». «Гимназія такъ построена, что ея первые 3—4 класса» (будто бы) «не сообщаютъ ребенку никакихъ положительныхъ знаній». Наконецъ, коммиссія при градоначальникѣ признавала необходимымъ обратить вниманіе на то, что оканчивающія образованіе не только на Бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, но и на врачебныхъ, до сихъ поръ лишены офиціальнаго права поступленія на службу, вслѣдствіе чего между ними оказывается значительное число бѣдствующихъ. Словомъ, коммиссія, въ которой главнымъ дѣятелемъ былъ, очевидно, бывшій ректоръ С.-Петербургскаго университета тайный совѣтникъ Бекетовъ, осталась вѣрна воззрѣніямъ, которыя были высказаны совѣтомъ этого университета въ началѣ 1879 г.

Коммиссія подъ предсѣдательствомъ гр. И. Д. Делянова коснулась по этому поводу и высшихъ женскихъ курсовъ, но высказалась въ томъ смыслѣ, что „если высшая административно-полицейская власть находитъ эти курсы безусловно-вредными, то слѣдуетъ ихъ немедленно закрыть или прекратить дальнѣйшій въ нихъ пріемъ слушательницъ. Буде же настоятельной надобности въ такой рѣшительной мѣрѣ не настоитъ, то 12) предоставить министру народнаго просвѣщенія войти въ ближайшее соображеніе какъ по предмету устройства женскихъ курсовъ, такъ и по вопросу о болѣе бдительномъ

за ними надзорѣ». Что же касается до прочихъ предположеній, высказанныхъ въ запискѣ совѣта при градоначальникѣ, то, подвергнувъ ихъ обсужденію, коммиссія 25-го мая 1881 г. пришла къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ: „Безполезно было бы ожидать какого-либо самообразованія отъ молодыхъ людей, не умѣющихъ съ пользою употребить на учебныя занятія остающійся у нихъ свободный излишекъ времени; люди, охотно занимающіеся науками, никогда не жалуются на пустоту жизни и всегда себѣ находятъ необходимый отдыхъ и развлеченіе. Столь же безполезно было бы возлагать на людей, страдающихъ отъ безвыходной бѣдности' устройство безъ капитала какой-либо кассы для ссуды или товарищества самопомощи... Распредѣленіе стипендій, выдаваемыхъ учащимся, условія и размѣры выдачи устанавливаются положеніемъ о каждой стипендіи, основаннымъ на волѣ учредителя, и не могутъ быть измѣняемы произволомъ администраціи... Желаніе основать большее число профессіональныхъ школъ съ курсомъ непродолжительнымъ положено было въ основаніе общаго устава реальныхъ училищъ по проекту, представленному бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Толстымъ 27-го февр. 1871 г.; но Государственный Совѣтъ призналъ болѣе полезнымъ дать имъ иное устройство и проектъ былъ возвращенъ для исправленія". Впрочемъ Высочайше утвержденный затѣмъ и нынѣ дѣйствующій уставъ реальныхъ училищъ не устраняетъ вовсе устройства первоначально предполагавшихся реальныхъ училищъ съ чисто-профессіональнымъ характеромъ и съ шестилѣтнимъ курсомъ, учебные планы коихъ и были въ свое время обнародованы министерствомъ; но, за исключеніемъ двухъ-трехъ земствъ или городскихъ обществъ, этотъ типъ учебныхъ заведеній не нашелъ вообще сочувствія. „Въ настоящее время при министерствѣ народнаго просвѣщенія учреждена особая коммиссія для пересмотра устава реальныхъ училищъ, и надобно полагать, что она обратитъ вниманіе и на вопросъ объ учрежденіи профессіональныхъ училищъ, польза коихъ, вообще говоря, и по мнѣнію настоящей коммиссіи, не подлежитъ сомнѣнію. Возбужденные совѣтомъ при градоначальникѣ вопросы о вредѣ, происходящемъ отъ привлеченія къ слѣдственнымъ дѣламъ людей невинныхъ и отъ долговременнаго ихъ содержанія подъ стражею, не могутъ по существу подлежать разсмотрѣнію настоящей коммиссіи".

Особое мнѣніе гр. И. Д. Делянова.

Въ заключеніе коммиссія постановила: вышеизложенныя въ 12-ти пунктахъ предположенія „сообщить на заключеніе министровъ, имѣющихъ въ своемъ завѣдываніи учебныя заведенія, по принадлежности», а предсѣдатель заявилъ, что онъ считаетъ предлагаемыя мѣры не болѣе какъ палліативными и признаетъ неотложно-необходимымъ преобразованіе университетовъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были предположены бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ въ его представленіи въ государственный совѣтъ отъ 6-го февраля 1880 г. Въ особой запискѣ, которая по этому предмету была представлена графомъ И. Д. Деляновымъ Государю Императору чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, основанія эти были подробно изложены и подкрѣплены сильными доводами. Въ виду только-что послѣдовавшаго возстановленія устава 1863 г. во всей его силѣ,—„я, говоритъ ст.-секр. И. Д. Деляновъ, въ званіи предсѣдателя коммиссіи обязанный блюсти за точнымъ исполненіемъ Высочайшей воли, не могъ предложить мѣръ болѣе дѣйствительныхъ какъ тѣ, которыя изложены въ журналѣ коммиссіи, и не имѣлъ права коснуться тѣхъ основъ университетской жизни, въ которыхъ, по мнѣнію моему, кроется корень зла; между тѣмъ только измѣненіе сихъ основъ можетъ, по убѣжденію моему, поставить наши университеты въ условія болѣе мирнаго и безмятежнаго существованія, а мирная жизнь ихъ несомнѣнно воздѣйствуетъ и на прочія высшія учебныя заведенія, такъ какъ университеты и по численности слушателей, и по количеству преподавателей, и по широтѣ и объему преподаванія, превосходятъ всѣ прочія спеціальныя высшія учебныя заведенія и сильно вліяютъ на ихъ направленіе, между прочимъ, и потому, что даютъ имъ, равно какъ и всѣмъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, большинство ихъ преподавателей. Сверхъ того уставы большей части другихъ высшихъ учебныхъ заведеній составлены по образцу университетскаго устава 1863 г.“—Далѣе въ запискѣ указаны, какъ наиболѣе необходимыя, нижеслѣдующія измѣненія въ уставѣ 1863 г.:

1) «Попечителю университета должно предоставить власть не прокурора надзирающаго, а начальника отвѣтственнаго за порядокъ и благоустройство университета во всѣхъ отношеніяхъ... Въ качествѣ начальника попечитель могъ бы стать въ ближайшія отношенія къ университету и при обыкновенномъ теченіи университетскихъ дѣлъ,

и эти близкія начальническія отношенія предупреждали бы тѣ прискорбные случаи, которые теперь приходится ему пресѣкать только съ превышеніемъ своей власти. Если бъ попечитель былъ ближе поставленъ къ университету, то онъ лучше бы узналъ и среду, въ которой ему предстояло бы дѣйствовать, и при обыкновенномъ теченіи университетской жизни, и въ исключительныхъ случаяхъ, и университетская корпорація была бы поставлена къ нему въ опредѣленное положеніе, потому что со словомъ «начальникъ» соединяется у насъ понятіе совершенно ясное, при которомъ никакія недоразумѣнія и никакое явное противодѣйствіе невозможны».

2) «Должна быть ослаблена зависимость профессоровъ другъ отъ друга» и «въ сущности отъ тѣхъ изъ ихъ товарищей, которые успѣваютъ пріобрѣсти себѣ большинство голосовъ въ факультетѣ и совѣтѣ», — зависимость, которая „гнететъ ихъ отъ начала и до конца ихъ службы, отъ перваго избранія въ должность, затѣмъ повышенія въ экстраординарные и ординарные профессора, и кончая переизбраніемъ на каждое новое пятилѣтіе по истеченіи первыхъ 25-ти лѣтъ службы, не говоря уже объ избраніяхъ въ секретари факультета, въ деканы, въ ректоры и т. д. Только съ уничтоженіемъ этой тяжкой зависимости профессоровъ другъ отъ друга или отъ смѣняющихъ другъ друга воротилъ, въ нашихъ профессорскихъ коллегіяхъ ослабится, а можетъ бы и исчезнетъ, духъ оппозиціи правительству, сообщаемый ими сознательно или безсознательно и ихъ слушателямъ, и они станутъ въ тѣ же отношенія къ правительству, въ какихъ стоятъ ихъ собратья въ Германіи, Австріи и другихъ странахъ, служа и въ этомъ отношеніи образцомъ для учащихся. Для сего необходимо, чтобы попечителю и министру народнаго просвѣщенія по принадлежности было предоставлено право не только утверждать или не утверждать выборъ профессорскихъ коллегій, но въ случаѣ надобности и независимо отъ выборовъ назначать собственною властью преподавателей и другихъ должностныхъ лицъ, оставлять ихъ на службѣ по прослуженіи ими срока, на который они назначены или выбраны, или увольнять отъ оной. Только при этомъ условіи попечитель и министръ будутъ дѣйствительно начальниками—первый во ввѣренномъ ему университетѣ, второй во всѣхъ университетахъ Имперіи: иначе же власть ихъ будетъ какъ нынѣ» (въ 1881 г.) «болѣе номинальною чѣмъ дѣйствительною».

3) «Необходимо установить такія условія для достиженія профессорской должности, при которыхъ правительство имѣло бы пол-

ную возможность узнавать тѣхъ, кому поручается столь вліятельная должность», а именно «отъ желающихъ быть профессорами требовать, чтобъ они заявили свою способность и пригодность къ преподаванію въ университетѣ въ качествѣ привать-доцентовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ декана, ректора и попечителя и съ вознагражденіемъ за труды по назначенію главнѣйше попечителя».

4) «Число всякаго рода выборовъ, административныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, предоставленныхъ нынѣ» (въ 1881 г.) «профессорскимъ коллегіямъ, должно быть по возможности сокращено, ибо эти выборы и дѣла отвлекаютъ профессоровъ отъ науки и отъ занятій со студентами, а власть попечителя по всѣмъ симъ дѣламъ должна быть значительно расширена».

5) «Надъ учащимися необходимо установить твердую и самостоятельную власть. Власть эта должна быть, по самому своему происхожденію, чисто-правтельственною и внѣ всякой зависимости отъ избранія какою бы то ни было коллегіей. Инспекторъ и его помощники суть лица, коимъ порученъ нравственно-полицейскій надзоръ за студентами. Они должны быть, такъ сказать, очами и ушами правительства, они обязаны ничего не скрывать и стараться подавлять всякое зло въ его зародышѣ. Такъ была устроена инспекція по уставу 1835 г., и спокойное состояніе университетовъ во все время министерства графа Уварова вполнѣ оправдало это устройство. Для того, чтобы дѣйствовать добросовѣстно и быть надежнымъ орудіемъ правительства, инспекторъ долженъ всецѣло быть подчиненъ только одной власти—власти попечителя»...

6) «Необходимо нынѣ же озаботиться улучшеніемъ личнаго состава нашего студенчества посредствомъ уничтоженія искусственнаго привлеченія въ высшія учебныя заведенія. Для достиженія этой цѣли необходимо: а) Отмѣнить право на классный чинъ за окончаніе курса какихъ бы то ни было учебныхъ заведеній, съ установленіемъ лишь извѣстнаго образовательнаго ценза для занятія соотвѣтственныхъ должностей по различнымъ вѣдомствамъ, какъ то предположено Высочайше учрежденною коммиссіей по пересмотру законоположеній о правахъ воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Сохраненіе права на классный чинъ за окончаніе курса въ учебныхъ заведеніяхъ было бы понятно, если бъ ощущался недостатокъ въ студентахъ: оно непонятно въ то время, когда стѣны зданій этихъ учебныхъ заведеній ломятся отъ наплыва желающихъ въ нихъ поступить. б) Положить

нѣкоторыя преграды столь сильно и притомъ весьма неправильно развитой въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ системѣ всякаго рода стипендій, пособій и льготъ, системѣ казенной и общественной благотворительности. При такой системѣ совершенно понятно переполненіе нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній лицами изъ низшихъ сословій и особенно изъ бѣдныхъ классовъ, перебивающимися изо дня въ день. Такимъ лицамъ во всю пору ихъ ученія приходится бороться съ тяжкой нуждой и съ крайними матеріальными лишеніями, которыя мѣшаютъ успѣшности ихъ ученія и успѣшному окончанію ими курса. Эти нужды и лишенія становятся для нихъ тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ высшаго достигаютъ они образованія. Каковы бы ни были ихъ успѣхи въ этомъ отношеніи, но принадлежность ихъ по происхожденію къ низменной средѣ общества, бѣдность и отсутствіе благовоспитанности не могутъ не подвергать ихъ въ различныхъ случаяхъ жизни, въ пору ихъ ученія, болѣе или менѣе тяжкимъ для ихъ развившагося уже самосознанія и самолюбія униженіямъ. Изъ этого несоотвѣтствія ихъ матеріальнаго быта и ихъ общественнаго положенія степени ихъ умственнаго образованія и той средѣ, въ которой они вращаются какъ учащіеся, при отсутствіи въ особенности твердаго религіозно-нравственнаго руководства и при растлѣвающемъ вліяніи извѣстной части нашей печати и при усиліяхъ соціально-революціонной пропаганды, эти молодые люди весьма легко могутъ становиться сначала адептами, а потомъ и дѣятелями крамолы. в) Вышеозначеннымъ мѣрамъ противъ наплыва учащихся въ высшія учебныя заведенія могло бы, между прочимъ, способствовать и учрежденіе различнаго рода профессіональныхъ школъ, которыя въ большей мѣрѣ подготовляли бы, чѣмъ нынѣшнія реальныя училища, къ различнымъ поприщамъ промышленной и торговой дѣятельности и имѣли бы менѣе продолжительный учебный курсъ».

7) «Совершенно необходимо измѣнить нынѣшнюю систему экзаменовъ», «вопіющіе недостатки и неудобства» которой «проистекаютъ изъ той существенной и основной ея особенности, что экзамены производятся профессорами изъ того, что̀ ими самими прочитано на лекціяхъ». «Производство экзаменовъ, по коимъ пріобрѣтаются права для государственной службы», правительство должно взять «всецѣло и непосредственно въ собственныя свои руки». Оно должно «само опредѣлять размѣръ, качество и количество познаній, какихъ оно будетъ требовать отъ кандидатовъ на сравнительно высшія должности по тому или другому роду службы, и затѣмъ посредствомъ на-

значаемыхъ имъ самимъ испытательныхъ коммиссій оно удостовѣряется, достигнута ли кандидатомъ требуемая степень научнаго образованія». Подобные «экзамены, будучи правильно организованы, обратятъ и профессоровъ, и студентовъ на путь болѣе строгаго и отчетливаго исполненія ихъ обязанностей и установятъ между ними то постоянное и правильное научное общеніе, то постоянное и доброжелательное наблюденіе и руководство профессоровъ занятіями студентовъ, которое составляетъ самую настоятельную потребность нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній». Напротивъ, экзамены, производимые самими профессорами изъ того, что̀ ими прочитано на лекціяхъ, «оказываютъ пагубное вліяніе на учащихся въ университетахъ не только въ дѣлѣ умственнаго и научнаго ихъ образованія, но и въ нравственномъ отношеніи, пріучая ихъ пренебрегать своимъ долгомъ, ставить ни во что установленныя правила, а нерѣдко прибѣгать даже къ устрашенію и угрозамъ противъ своихъ наставниковъ и начальниковъ». Отъ предлагавшейся новой системы экзаменовъ, въ существенныхъ своихъ чертахъ нынѣ узаконенной университетскимъ уставомъ 1884 г., ожидалось: прочное и существенное улучшеніе учебныхъ порядковъ въ университетахъ, улучшеніе въ нихъ преподаванія, безъ всякаго его стѣсненія, и направленіе его регулирующимъ правительствомъ къ удовлетворенію дѣйствительныхъ потребностей государства по этой части, усиленіе научныхъ занятій студентовъ и возвышеніе ихъ уровня, прочное установленіе «столь желательнаго и необходимаго общенія между учащими и учащимися на почвѣ и по вопросамъ науки, или что̀ то же, прочное установленіе правильнаго, постояннаго и доброжелательнаго руководства профессоровъ занятіями студентовъ и постояннаго контроля надъ оными»; а съ тѣмъ вмѣстѣ и обращеніе профессоровъ въ настоящихъ наставниковъ и руководителей студентовъ въ дѣлѣ не только научнаго ихъ образованія, но и нравственнаго и гражданскаго ихъ развитія.

Эта всеподданнѣйшая записка статсъ-секретаря И. Д. Делянова заключалась слѣдующими словами: «По мнѣнію моему, только вышеозначенными коренными, а не палліативными средствами, предположенными коммиссіей, которая, какъ замѣчено выше, была связана университетскимъ уставомъ 1863 г., возможно привести наши университеты въ нормальное положеніе и обратить ихъ изъ разсадниковъ политической агитаціи въ разсадники науки. По глубокому моему убѣжденію, дѣло приведенія нашихъ университетовъ въ такое нормальное положеніе не терпитъ никакого отлагательства. При-

скорбно видѣть, что университеты часто представляютъ собою школу лѣности, нерадѣнія и нравственной распущенности, осуществляя собою въ этомъ отношеніи многіе изъ стремленій и идеаловъ крамольниковъ, служа ихъ орудіемъ, доказывая почти безпрерывными безпорядочными своими движеніями полное безсиліе правительства въ борьбѣ съ этимъ зломъ, давая крамолѣ не малое число ея пособниковъ, литературѣ и періодической печати—дѣятелей съ крайне извращеннымъ образомъ мыслей, обществу и государственной службѣ, а въ томъ числѣ и всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, людей съ шаткимъ направленіемъ. Этому умственному, нравственному и политическому растлѣнію долженъ быть положенъ конецъ во что бы ни стало и безъ всякаго замедленія, ибо въ такомъ промедленіи заключается дѣйствительная и крайняя опасность для общества и для государства.

«Само собою разумѣется, что никакія реформы, никакія усилія того или другаго высшаго или мѣстнаго начальника не приведутъ къ желаемой цѣли, если принятая однажды система не будетъ проводиться въ жизнь съ неуклонною послѣдовательностью, при твердомъ убѣжденіи правительства, что кто не съ нимъ, тотъ противъ него, и при взаимномъ содѣйствіи властей другу другу, ибо по вѣрному замѣчанію историка и публициста Тэна: «Il faut que les pouvoirs publics s'entendent, sans quoi ils s'annullent».

Журналъ коммиссіи былъ препровожденъ министру внутреннихъ дѣлъ, а симъ послѣднимъ былъ доложенъ Государю Императору вмѣстѣ съ особою запискою при немъ графа И. Д. Делянова. Его Императорское Величество, относя быстрое и успѣшное окончаніе коммиссіей возложеннаго на нее порученія къ особому вниманію, съ которымъ предсѣдатель коммиссіи отнесся къ возложенному на него Высочайшимъ довѣріемъ порученію, повелѣть соизволилъ: объявить статсъ-секретарю Делянову Высочайшую благодарность. «Вмѣстѣ съ симъ Государь Императоръ соизволилъ вмѣнить» министру внутреннихъ дѣлъ графу Н. П. Игнатьеву «въ обязанность заслуживающее особаго соображенія отдѣльное мнѣніе» И. Д. Делянова «по вопросу о пересмотрѣ устава 1863 года передать статсъ-секретарю барону Николаи, по его возвращеніи, съ указаніемъ того значенія, которое придается этому мнѣнію Его Императорскимъ Величествомъ», а выработанныя коммиссіей «предположенія о мѣрахъ къ усиленію надзора за учащеюся молодежью передать, согласно мнѣнію коммиссіи, на заключеніе подлежащихъ гг. министровъ». «Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество изволилъ выразить, что усиленіе надзора

за учащеюся молодежью представляется мѣрою неотложно необходимою и что правила, опредѣляющія на будущее время этотъ надзоръ, слѣдовало бы ввести въ дѣйствіе до начала учебнаго года». Таковая Высочайшая воля была объявлена министромъ внутреннихъ дѣлъ 30-го іюля всѣмъ министрамъ, отъ коихъ были члены въ коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ препровожденъ на ихъ заключеніе и самый журналъ коммиссіи, съ просьбою почтить его, министра внутреннихъ дѣлъ, увѣдомленіемъ о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя будутъ сдѣланы по каждому вѣдомству къ усиленію надзора за воспитанниками подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній. Въ видахъ опредѣленія вполнѣ единообразнаго способа примѣненія означенныхъ мѣръ ко всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ графъ Н. П. Игнатьевъ счелъ за должное собрать у себя 14-го августа представителей вѣдомствъ, при коихъ состоятъ таковыя учебныя заведенія. За тѣмъ бо́льшая часть этихъ мѣръ была въ теченіе 1881 — 82 учебнаго года приведена въ исполненіе всѣми вѣдомствами, за исключеніемъ однако же министерства народнаго просвѣщенія.

Возраженія барона А. П. Николаи противъ предположеній коммиссіи 25-го мая 1881 года.

Министръ народнаго просвѣщенія баронъ А. П. Николаи, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, въ отзывѣ своемъ отъ 10-го октября 1881 года, высказалъ свое полное сочувствіе только рѣшенію коммиссіи держаться, насколько окажется возможнымъ, на почвѣ университетскаго устава 1863 года, затѣмъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій противъ пунктовъ 9, 10, 11 и 12 предположеній коммиссіи (то-есть, о взаимномъ другъ другу сообщеніи свѣдѣній о студентахъ университетскою инспекціей и полиціей, объ оставленіи въ силѣ дѣйствующихъ правилъ объ учащихся, о соглашеніи между собою вѣдомствъ относительно дисциплинарныхъ правилъ въ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ и относительно предоставленія министру народнаго просвѣщенія войти въ ближайшее соображеніе о женскихъ курсахъ), противъ всѣхъ же остальныхъ пунктовъ были имъ сдѣланы возраженія и оговорки. По пункту 1-му баронъ А. П. Николаи находилъ желательнымъ разъяснить отношенія попечителя къ университетамъ по всѣмъ вообще отраслямъ ихъ быта и заявлялъ намѣреніе безъ замедленія «приступить къ составленію особой для попечителя инструкціи, долженствующей служить дополненіемъ къ § 26

университетскаго устава 1863 года и имѣющей быть представленною на Высочайшее утвержденіе». По пункту 2-му заявлялось, что «такъ какъ попечители округовъ не могутъ слѣдить за научными занятіями каждаго отдѣльнаго студента, то и возложеніе на нихъ обязанностей присуждать отдѣльныя стипендіи, по необходимости, обратилось бы въ одну формальность». Сверхъ того значительное число стипендій учреждено на частныя пожертвованія подъ условіемъ, чтобы стипендіаты назначались совѣтомъ университета по его усмотрѣнію, и предоставленіе попечителю права утверждать назначеніе всѣхъ стипендій, будто бы, «явилось бы по отношенію къ такимъ стипендіямъ прямымъ нарушеніемъ воли жертвователей». Было бы болѣе правильно и вполнѣ достаточно, «чтобы попечителями учебныхъ округовъ утверждались правила, на основаніи которыхъ стипендіи присуждаются, чтобы имъ принадлежалъ надзоръ за соблюденіемъ этихъ правилъ, а также и право предлагать совѣтамъ университетовъ объ исключеніи изъ числа стипендіатовъ такихъ студентовъ, о неодобрительномъ поведеніи или о неблагонадежности которыхъ они, попечители, имѣютъ свѣдѣнія». Это было бы согласно съ уставомъ 1863 года и найдетъ себѣ мѣсто въ инструкціи попечителю, о которой выше было упомянуто. По пункту 3-му министръ народнаго просвѣщенія находилъ желательнымъ возможное ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ платы за ученіе; но ограниченіе это не должно быть опредѣляемо обязательнымъ процентомъ, а, напримѣръ, возвышеніемъ научныхъ требованій отъ студентовъ для предоставленія имъ подобной льготы. Число стипендіатовъ, по уставу освобожденныхъ отъ платы за ученіе, доходитъ, напримѣръ, въ Московскомъ университетѣ до 335, что̀ составляетъ уже 15% общаго числа учащихся, почему процентное число всѣхъ освобождаемыхъ вообще отъ платы за ученіе будто бы не можетъ быть опредѣляемо одинаково. По пункту 4-му, «установленіе какой-либо постоянной нормы слушателей, сообразно со вмѣстительностью аудиторіи въ данный моментъ, едва-ли можетъ быть признано вполнѣ справедливымъ и удовлетворяющимъ интересамъ науки и учащейся молодежи», ибо «вмѣстительность аудиторій можетъ подлежать колебаніямъ, по мѣрѣ расширенія оныхъ посредствомъ дополнительныхъ пристроекъ». Но въ коммиссіи не было и рѣчи объ установленіи постоянной нормы слушателей сообразно съ вмѣстительностью аудиторій въ данный моментъ. «Ходатайства» (объ открытіи параллельныхъ курсовъ) «и нынѣ не возбраняются закономъ». «Едва ли удобно устанавливать

какія либо опредѣлительныя правила о преимущественныхъ правахъ, даруемыхъ гимназическимъ аттестатомъ на зачисленіе въ комплектъ университетскихъ слушателей, а тѣмъ болѣе на освобожденіе отъ платы“: оцѣнка познаній въ разныхъ гимназіяхъ можетъ быть весьма различна, а освобожденіе отъ платы въ большей части университетовъ будто бы не допускается при самомъ поступленіи въ оные, а разрѣшается только по пробытіи извѣстнаго срока и по удостовѣреніи въ успѣшности научныхъ занятій освобождаемаго. Зачисленіе въ студенты сначала окончившихъ гимназическій курсъ въ томъ же округѣ, а затѣмъ въ сосѣднихъ округахъ, не имѣющихъ университетовъ (какъ то было уже сдѣлано Московскимъ университетомъ при установленіи комплекта на медицинскомъ его факультетѣ), будто бы оказалось бы стѣснительнымъ для жителей сихъ послѣднихъ округовъ (Виленскаго, Оренбургскаго и Кавказскаго) и было бы будто бы равносильно принятію на себя правительствомъ нравственнаго обязательства и въ нихъ учредить университеты. По пункту 5-му заявлялось, что въ нѣкоторыхъ университетахъ для допущенія въ постороннія слушатели не ограничиваются свидѣтельствомъ объ окончаніи курса въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи, а потому не слѣдуетъ обязывать всѣ университеты безусловно къ допущенію въ вольнослушатели лицъ этой категоріи, а главнымъ образомъ допущеніе это обусловить достаточною для студентовъ вмѣстительностью аудиторій. По пункту 6-му, „уничтоженіе форменной одежды студентовъ было вызвано отчасти желаніемъ правительства отнять у нихъ всякій внѣшній знакъ какого-то корпоративнаго соотношенія между ними, а отчасти измѣнившимся взглядомъ на отношенія студентовъ къ общей полиціи, внѣ стѣнъ университетовъ... Корпоративное устройство студентовъ составляетъ вопросъ сложный и серіозный и предметъ постоянныхъ стремленій студентовъ; требовать же отъ нихъ, чтобы они въ обязательномъ ношеніи однообразнаго платья не видѣли признанія ихъ корпоративнаго устройства, было бы едва-ли возможно». Во всякомъ случаѣ удобнѣе было бы «оставить этотъ вопросъ открытымъ, передавъ его на обсужденіе и ближайшее усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія». Даже по пункту 7-му (о воспрещеніи въ университетскихъ зданіяхъ, садахъ, дворахъ и т. д. всякаго рода сходокъ, публичныхъ собраній и учрежденій, не имѣющихъ научнаго характера) нашлось возраженіе благодаря единственно тому, что въ этомъ пунктѣ пропущено слово: «студентамъ», а между тѣмъ «университеты Московскій, Кіевскій и Харьковскій вла-

дѣютъ огромными ботаническими садами, часть коихъ издавна предоставлена въ пользованіе городской публики, какъ мѣсто для общественныхъ прогулокъ, что̀, очевидно, противорѣчило бы буквальному смыслу вышеприведеннаго предположенія коммиссіи», и на этомъ-то основаніи была предложена нижеслѣдующая редакція этого правила: «Въ стѣнахъ университетскихъ зданій не дозволяются никакія собранія, не имѣющія научнаго или образовательнаго характера и не разрѣшенныя университетскимъ начальствомъ или не находящіяся подъ его непосредственнымъ надзоромъ». Очевидно, что при такой редакціи этого запрещенія ректоръ, по требованію воротилъ совѣта, могъ разрѣшать какія угодно сходки, сборища и публичныя собранія, признавъ за ними если не научный, то образовательный характеръ. По 8-му пункту простая обмолвка (суммъ «экономическихъ» вм. суммъ «спеціальныхъ») подала ближайшій поводъ къ возраженію противъ допущенія устройства студенческихъ общежитій съ помощью частныхъ пожертвованій и на «экономическія» суммы университетовъ: «такъ какъ послѣдній способъ учрежденія сихъ общежитій, за неимѣніемъ въ распоряженіи университетовъ свободныхъ экономическихъ суммъ, на практикѣ неосуществимъ, то и заявленіе о возможности подобнаго учрежденія представляется мнѣ» (говоритъ баронъ Николаи) «неудобнымъ. Сверхъ сего я признаю неизлишнимъ упомянуть и о томъ, что учрежденіе студенческихъ общежитій, содержимыхъ самими университетами, представляется даже нежелательнымъ на томъ основаніи, что этимъ путемъ университеты были бы поставлены въ совершенно неподобающія и несвойственныя имъ экономическія отношенія къ студентамъ». Относительно же учрежденія студенческихъ общежитій на частныя пожертвованія, «законъ и нынѣ не возбраняетъ частнымъ лицамъ дѣлать по своему усмотрѣнію пожертвованія на дозволенныя правительствомъ цѣли и учрежденія».

Эти заключенія министра народнаго просвѣщенія были представлены графомъ Н. П. Игнатьевымъ на Высочайшее усмотрѣніе, и Государю Императору благоугодно было повелѣть обсудить оныя въ особомъ совѣщаніи, составленномъ изъ министровъ народнаго просвѣщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ, путей сообщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ и статсъ-секретаря (нынѣ графа) И. Д. Делянова. Совѣщаніе это состоялось у графа Н. П. Игнатьева 20-го января 1882 года.

Но уже 16-го марта 1882 г. министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто барона А. П. Николаи былъ назначенъ статсъ-секретарь

И. Д. Деляновъ, и съ таковымъ назначенiемъ лица, столь близко знакомаго со всѣмъ что̀ касается до нашихъ университетовъ, не могла не возникнуть надежда, что будутъ приняты всѣ мѣры къ установленiю въ нихъ, мало по малу, такихъ дисциплинарныхъ, учебныхъ, экзаменныхъ и административныхъ порядковъ, при коихъ студенческiе безпорядки сдѣлались бы совсѣмъ невозможными. Тѣмъ не менѣе отъ 24-го мая 1882 г. послѣдовалъ запросъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ о тѣхъ распоряженiяхъ, которыя были сдѣланы по министерству народнаго просвѣщенія по приведенiю въ исполненiе постановленiй особаго совѣщанія, происходившаго 20-го января 1882 г., при чемъ графъ Н. П. Игнатьевъ писалъ: „Раздѣляя вполнѣ личные взгляды Вашего Высокопревосходительства по этому предмету, я всегда считалъ вопросъ о мѣрахъ усиленнаго надзора за учащеюся молодежью однимъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ настоящаго времени, отъ удовлетворительнаго разрѣшенія котораго въ значительной степени зависитъ упроченiе государственнаго порядка и общественнаго спокойствiя".

Мысль о дѣйствительномъ преобразованiи университетовъ съ помощью мѣръ, принятыхъ въ административномъ порядкѣ.

31-го мая 1882 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Д. А. Толстой, и это назначенiе составило эпоху и въ дѣлѣ упорядоченія нашихъ университетовъ. Вопросъ о внесенiи въ Государственный Совѣтъ представленія объ измѣненiи университетскаго устава во всемъ согласно съ представленiемъ графа Д. А. Толстого отъ 6-го февраля 1880 г. не могъ подлежать болѣе никакому сомнѣнiю. Но дѣло это могло замедлиться и затянуться, и потому казалось необходимымъ осуществить главнѣйшія его предположенія частью еще на почвѣ устава 1863 г. (напримѣръ, объ упорядоченiи экзаменовъ и учебной части, съ каковою цѣлью ученому комитету было поручено выработать правила объ экзаменахъ и проектъ экзаменныхъ требованiй, коимъ должны удовлетворять молодые люди, оканчивающiе университетскiй курсъ по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому, а затѣмъ и по другимъ), частью же испросивъ чрезъ комитетъ гг. министровъ Высочайшее соизволенiе на временное осуществленiе означенныхъ предположенiй

впредь до законодательнаго утвержденія новаго университетскаго устава. Проектъ соотвѣтственныхъ измѣненій для представленія въ комитетъ гг. министровъ былъ составленъ тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ и представленъ г. министру народнаго просвѣщенія. Проектъ этотъ заключался въ нижеслѣдующемъ:

1) Предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, всѣ права и обязанности начальника мѣстнаго университета въ томъ числѣ: а) право присутствовать, а въ случаяхъ особой важности и предсѣдательствовать, въ засѣданіяхъ совѣта, правленія и факультетскихъ собраній; б) избирать и представлять на утвержденіе министра безъ какого-либо опредѣленнаго срока декановъ факультетовъ и инспектора студентовъ; в) назначать, по представленію декана, секретаря факультета, и по представленію инспектора студентовъ, его помощниковъ, секретаря по студенческимъ дѣламъ и университетскаго врача, и г) назначать недостаточнымъ студентамъ, по ходатайствамъ факультетовъ и съ одобренія правленія, стипендіи, пособія и льготы относительно платы за ученіе.

2) Предоставить министру народнаго просвѣщенія избраніе ректора университета, утверждаемаго въ должности безсрочно Высочайшимъ приказомъ и состоящаго непосредственнымъ начальникомъ университета на правахъ помощника попечителя учебнаго округа по дѣламъ университета.

3) Упразднить университетскій судъ, сосредоточивъ подвѣдомыя ему дѣла въ правленіи университета.

4) Предоставить министру народнаго просвѣщенія, попечителю учебнаго округа или ректору, какъ его помощнику по дѣламъ университета, назначать собственною ихъ властью профессоровъ, штатныхъ доцентовъ и прочихъ должностныхъ лицъ университета, по принадлежности, принимая лишь во вниманіе выборы, произведенные въ совѣтѣ, факультетскомъ собраніи или правленіи, но не стѣсняясь оными въ своихъ рѣшеніяхъ, подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы опредѣляемыя на преподавательскія должности лица имѣли требуемыя уставомъ 1863 г. ученыя степени и чтобъ они доказали на дѣлѣ свои преподавательскія способности чтеніемъ лекцій и исполненіемъ прочихъ преподавательскихъ обязанностей въ продолженіе трехъ лѣтъ въ качествѣ приватъ-доцентовъ, за каковое время имъ можетъ быть производимо содержаніе изъ суммъ, на личный составъ университета

опредѣленныхъ, но не свыше оклада, присвоеннаго отыскиваемой ими должности [1]).

5) Предоставить министру народнаго просвѣщенія сокращать вышеозначенный срокъ испытанія преподавательскихъ способностей приватъ-доцентовъ, а равно и повышать штатныхъ доцентовъ въ экстраординарные профессоры и сихъ послѣднихъ въ ординарные, во вниманіе къ ихъ преподавательскимъ и ученымъ трудамъ и заслугамъ, какъ по собственному своему усмотрѣнію, такъ и на основаніи удостовѣреній декана, ректора и попечителя.

6) Предоставить по принадлежности министру, попечителю или ректору, какъ его помощнику, по собственному ихъ усмотрѣнію оставлять на службѣ на дальнѣйшіе сроки или же увольнять отъ должности профессоровъ и прочихъ преподавателей по выслугѣ ими пенсій послѣ 25-лѣтней учебной службы, равно какъ и по выслугѣ ими дальнѣйшихъ сроковъ, на которые они были оставлены на службѣ.

7) Предоставить министру народнаго просвѣщенія собственною его властью устанавливать: а) надлежащіе учебные порядки въ университетахъ по всѣмъ факультетамъ съ опредѣленіемъ, размѣровъ платы за ученіе и съ назначеніемъ одной, меньшей, ея части въ пользу университета, а другой, большей, въ пользу профессоровъ и преподавателей въ видѣ гонорара за читаемые ими курсы, по числу лекцій, и вообще за производимое ими обученіе студентовъ; б) правила объ испытаніяхъ на ученую степень кандидата и на званіе лѣкаря, дѣйствительнаго студента, а равно и на прочія званія, требующія окончанія полнаго университетскаго курса, съ опредѣленіемъ требованій, коимъ должны удовлетворить ищущіе означенныхъ степени и званій, и съ предоставленіемъ ему же назначать членовъ соотвѣтственныхъ испытательныхъ коммиссій изъ числа профессоровъ и другихъ свѣдущихъ лицъ, при чемъ онъ, министръ народнаго просвѣщенія, имѣетъ изыскать установленнымъ порядкомъ способы и средства къ вознагражденію членовъ сихъ коммиссій, въ составъ коего должны входить и денежные взносы экзаменующихся (въ размѣрѣ 20 рублей съ каждаго за полный экзаменъ); в) правила для сту-

---

[1]) Ректоръ, деканы, секретарь факультета, инспекторъ студентовъ, его помощники и прочія лица, упомянутыя въ п. 1-мъ настоящаго проекта, вовсе не подлежатъ предварительному избранію профессорскихъ коллегій и назначаются въ должности порядкомъ, указанымъ въ п. п. 1-мъ и 2-мъ.

дентовъ; г) правила о взысканіяхъ съ нихъ и д) инструкціи для всѣхъ должностныхъ лицъ и учрежденій университета.

8) Настоящее Высочайшее повелѣніе сохраняетъ свою силу впредь до времени, когда состоятся на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ въ законодательномъ порядкѣ новый общій уставъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ, съ тѣми измѣненіями, которыя окажутся полезными на основаніи опыта. До того же времени Высочайше утвержденный 18-го іюня 1863 г. общій уставъ Императорскихъ Россійскихъ университетовъ остается въ силѣ въ тѣхъ статьяхъ своихъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены настоящимъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

Проектъ представленія въ комитетъ гг. министровъ по дѣлу объ усиленіи надзора за студентами.

Проектъ этотъ не былъ принятъ, и въ замѣнъ его тѣмъ же лицомъ былъ составленъ другой проектъ представленія въ комитетъ министровъ, который примыкалъ непосредственно къ положеніямъ, выработаннымъ въ коммиссіи 25-го мая 1881 г., бывшей подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова и обозначеннымъ выше (на стр. 79, 81 и 82) пунктами 1, 2, 3, 6 и 8-мъ. Проектъ этотъ уже вовсе не касался непосредственно ни учебныхъ, ни экзаменныхъ порядковъ въ университетахъ и дополнялъ и измѣнялъ нижеслѣдующимъ образомъ [1]) статьи устава 1863 г., а именно: § 4-й. Ближайшее управленіе университетомъ принадлежитъ ректору; «въ случаяхъ же чрезвычайныхъ университетская инспекція изъемлется изъ его вѣдѣнія и непосредственно подчиняется попечителю учебнаго округа, которому доноситъ ежедневно о состояніи университета и отъ котораго получаетъ всѣ необходимыя указанія и предписанія. Принятіе таковой мѣры и продолжительность дѣйствія оной зависятъ отъ собственнаго усмотрѣнія попечителя учебнаго округа (см. § 26, п. 1-й) или отъ усмотрѣнія министра народнаго просвѣщенія». § 26. 1) Попечитель учебнаго округа принимаетъ всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры, чтобы принадлежащія къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности и въ случаяхъ чрезвычайныхъ, «какъ то: при недостаточности мѣръ, принимаемыхъ университетскими

---

[1]) Дополненія и измѣненія эти обозначены вносными знаками.

властями для обезпеченія порядка», уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью только о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія министра. «Отъ его усмотрѣнія, между прочимъ, зависитъ въ такихъ случаяхъ: а) созывать совѣтъ и правленіе и присутствовать или и предсѣдательствовать въ ихъ засѣданіяхъ; б) устранять временно профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ отъ ихъ должности; в) ходатайствовать предъ министромъ о замѣщеніи ректора и декановъ лицами, имъ самимъ, попечителемъ, избранными изъ среды профессоровъ ввѣреннаго ему университета; г) упразднять временно университетскій судъ (§§ 55—59) и подвергать виновныхъ студентовъ взысканіямъ и наказаніямъ, въ томъ числѣ увольненію и исключенію ихъ изъ университета, не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ относительно мѣры и порядка ихъ наложенія, и наконецъ, д) временно закрывать отдѣльные курсы, факультеты и весь университетъ съ прекращеніемъ за все то время выдачи профессорамъ и прочимъ преподавателямъ положеннаго имъ содержанія, причемъ это время не включается вообще въ разсчетъ времени службы».

Вышеприведенные пункты *б* и *д* такъ мотивированы: профессора, «какъ показываетъ и ближайшій по времени случай въ Новороссійскомъ университетѣ, могутъ оказываться виновными въ подстрекательствѣ студентовъ къ безпорядкамъ». Случай этотъ былъ слѣдующій. Въ іюнѣ 1882 г. студенты Новороссійскаго университета, послѣ многихъ и бурныхъ сходокъ, обратились къ ректору С. П. Ярошенко съ заявленіемъ, подписаннымъ 95-ю изъ нихъ, о томъ, что «дѣла университета, направляемыя его рукою, приняли такой оборотъ, при которомъ профессора, составляющіе гордость университета (Преображенскій, Посниковъ, Мечниковъ и Гамбаровъ), вынуждены были оставить его и что онъ, ректоръ, долженъ отказаться отъ своей ректорской должности». Незадолго предъ тѣмъ, 20-го ноября 1881 г. деканъ юридическаго факультета проф. Патлаевскій былъ освистанъ студентами во время своей лекціи, при чемъ студенты заявили, что выраженное ими порицаніе относится къ его дѣятельности какъ декана. Поводомъ къ этой дерзкой выходкѣ студентовъ послужило то, что 9-го ноября 1881 г. деканъ Патлаевскій въ засѣданіи юридическаго факультета внесъ заявленіе по поводу одобренной факультетомъ диссертаціи на степень кандидата Герценштейна, тенденціозно-коммунистическаго содержанія, съ предложеніемъ не одобрять впредь подобнаго рода диссертацій и остановить про-

моцію Герценштейна, послѣ чего изъ залы засѣданій вышли 3 профессора, въ томъ числѣ Посниковъ, признавъ заявленіе декана и дѣйствія его въ засѣданіи незаконными и оскорбительными для членовъ факультета. Къ этому-то случаю, который долженъ былъ составлять тайну для студентовъ, относились ихъ свистки на лекціи 20-го ноября 1881 г.

Далѣе проектъ представленія въ комитетъ гг. министровъ предполагалъ вчинаніе дѣлъ о назначеніи студентамъ стипендій, пособій и льготъ относительно платы за ученіе предоставить инспектору студентовъ, какъ то было сдѣлано въ 1879 г., съ тѣмъ чтобы онъ прошенія о семъ передавалъ съ своими замѣчаніями деканамъ факультетовъ для обсужденія и оцѣнки научныхъ занятій, успѣховъ, способностей и всѣхъ вообще качествъ просителей въ факультетскихъ собраніяхъ, а эти послѣднія препровождали бы свои заключенія о каждомъ изъ нихъ правленію, правленіе же представляло бы свои постановленія на утвержденіе попечителя округа. Число студентовъ, пользующихся какою-либо льготою относительно платы за ученіе, не должно было превышать 10% общаго числа студентовъ въ университетахъ столичныхъ и 20% въ университетахъ провинціальныхъ, при чемъ предоставленіе стипендіи не влекло бы за собою освобожденія стипендіата отъ платы за ученіе, и послѣднею льготою пользовались бы лишь тѣ изъ стипендіатовъ, которые, не получая денегъ на руки, помѣщались бы на полное содержаніе въ студенческія общежитія. На всѣ означенные виды вспоможеній факультетскія собранія, съ утвержденія попечителя, устанавливаютъ какъ состязательныя испытанія, такъ и постоянный контроль въ томъ или другомъ видѣ за результатами научныхъ занятій лицъ, пользующихся льготами. Стипендіи и пособія предполагалось по возможности замѣнять устройствомъ для студентовъ общежитій. «Самымъ лучшимъ видомъ вспомоществованія бѣднымъ, но достойнымъ по своимъ занятіямъ и нравственнымъ качествамъ студентамъ,—по словамъ разсматриваемаго проекта представленія,—было бы помѣщеніе на полное содержаніе въ особо устроенныя для нихъ неподалеку отъ университета общежитія въ замѣнъ выдачи имъ на руки денежныхъ стипендій. Въ пользу этой мѣры высказывались весьма многіе профессора предъ отдѣломъ Высочайше учрежденной коммиссіи по пересмотру университетскаго устава при посѣщеніи симъ отдѣломъ всѣхъ нашихъ университетовъ въ 1875 г. и приводили нижеслѣдующіе доводы. Если правительство издерживаетъ ежегодно довольно

значительную сумму денегъ на пособія и стипендіи студентамъ [1]), то оно дѣлаетъ и въ правѣ дѣлать это только въ видахъ столь же значительной общей государственной пользы, именно въ видахъ приготовленія для государственной службы такихъ спеціалистовъ, въ какихъ государство наиболѣе нуждается, особенно по тѣмъ ея отраслямъ и въ такихъ мѣстахъ, которыя иначе не привлекли бы къ себѣ достаточнаго числа желающихъ, а отнюдь не въ видахъ частнаго благотворенія бѣднякамъ, ищущимъ высшаго образованія. Поэтому, расходуя довольно значительную сумму на такія пособія и стипендіи студентамъ, правительство не только въ правѣ, но и обязано принимать всѣ мѣры и употреблять всѣ способы, чтобы расходъ этотъ былъ производителенъ и дѣйствительно достигалъ своей цѣли, то-есть, чтобы пользующіеся такими правительственными вспоможеніями дѣйствительно становились во всѣхъ отношеніяхъ достойными слугами Царя и отечества и истинно полезными знатоками своего дѣла. Между тѣмъ выдача денежныхъ пособій и стипендій молодымъ людямъ на руки весьма мало обезпечиваетъ достиженіе такой полезной цѣли. Ни въ своихъ занятіяхъ, ни въ своемъ образѣ жизни, эти молодые люди до сихъ поръ не подлежали никакому иному контролю и никакому иному руководству, кромѣ тѣхъ (весьма недостаточныхъ), которые установлены вообще для всей массы остальныхъ студентовъ въ видѣ курсовыхъ экзаменовъ: они живутъ Богъ знаетъ гдѣ и какъ и Богъ знаетъ въ какомъ обществѣ, отданные на волю случая и предоставленные самимъ себѣ и всякаго рода случайнымъ, нерѣдко и пагубнымъ, стороннимъ вліяніямъ. Бывали и такіе случаи, что пользующіеся правительственными стипендіями вовсе и не жили въ своемъ университетскомъ городѣ, слѣдовательно, и не посѣщали лекцій, не исполняли своихъ студенческихъ обязанностей и даже требовали отъ университетскаго начальства присылки имъ стипендій по почтѣ или же довѣряли получать ихъ своимъ товарищамъ, сами заботясь только о подготовленіи своемъ къ экзаменамъ по литографированнымъ тетрадямъ. Бывало также, что стипендіаты оказывались замѣшанными въ студенческихъ безпорядкахъ [2]). При замѣнѣ де-

---

[1]) Въ 1882 г. сумма эта простиралась до 238.220 р. въ шести университетахъ (кромѣ Варшавскаго и Дерптскаго).

[2]) Между прочимъ, въ декабрѣ 1882 г. студентъ Казанскаго университета Воронцовъ, получавшій стипендію пермскаго земства и неоднократно заявлявшій, что онъ не хочетъ знать никакихъ правилъ, дошелъ до такой дерзости, что поднялъ руку на профессора и проректора Ѳирсова.

нежныхъ стипендій помѣщеніемъ въ студенческія общежитія подъ непрерывный надзоръ и руководство должностныхъ лицъ университета былъ бы положенъ конецъ не только такимъ злоупотребленіямъ, но и предоставленію молодыхъ людей на волю случая. Вотъ почему и заграницею, когда государство расходуетъ суммы на приготовленіе нужныхъ ему спеціалистовъ, оно учреждаетъ для нихъ интернаты и содержитъ ихъ на свой счетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подъ непрерывнымъ надзоромъ и руководствомъ учебнаго начальства. Таковы, между прочимъ, бо̀льшая часть учительскихъ семинарій въ Германіи, école normale supérieure во Франціи, Friedrich-Wilhelms-Militärärztliche Akademie въ Берлинѣ, гдѣ будущіе военные медики, слушая всѣ лекціи на медицинскомъ факультетѣ Берлинскаго университета, живутъ на полномъ содержаніи правительства подъ надзоромъ и руководствомъ своего учебнаго начальства, и т. д. Таковы же были и наши институты казеннокоштныхъ студентовъ педагогическіе и медицинскіе при университетахъ до конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ были по своему устройству и своей обстановкѣ весьма неудовлетворительны, между прочимъ, представляя собою болѣе или менѣе обширныя казарменныя помѣщенія, тѣмъ не менѣе и о нихъ многіе изъ профессоровъ, бывшихъ ихъ питомцевъ, отзывались какъ объ учрежденіяхъ весьма полезныхъ: студенты проживали въ нихъ вполнѣ обезпеченные матеріально, безъ всякихъ матеріальныхъ заботъ, вблизи университета или и въ немъ самомъ, въ постоянномъ общеніи между собою и съ профессорами, внѣ дурныхъ постороннихъ вліяній, предаваясь всецѣло наукѣ и образуя здоровое ядро студенчества, объединявшее всѣхъ студентовъ, помогавшее имъ въ научныхъ занятіяхъ и побуждавшее ихъ къ онымъ своимъ добрымъ примѣромъ. Но сверхъ того денежныя выдачи вообще, а молодымъ людямъ въ особенности, здравая политическая экономія справедливо причисляетъ къ наиболѣе неудовлетворительнымъ видамъ благотворительности. Молодой человѣкъ, получивъ 25 рублей въ началѣ мѣсяца, весьма нерѣдко тотчасъ же издерживаетъ добрую половину самымъ неразсчетливымъ образомъ въ компаніи своихъ товарищей, такихъ же стипендіатовъ, и затѣмъ весь мѣсяцъ перебивается. Вотъ почему въ тѣхъ заграничныхъ университетахъ, гдѣ, какъ, напримѣръ въ Лейпцигскомъ и въ Пражскомъ, есть много бѣдняковъ и гдѣ также сильно развита благотворительность, благотворенія эти почти всегда оказываются въ натуральномъ видѣ (доставленіемъ пищи, одежды, дешевой или аровой квартиры).

«Наконецъ, независимо и отъ какой-либо неразчетливости, на 300 р. въ годъ (а это высшій нынѣ размѣръ правительственныхъ стипендій для студентовъ) не только въ столицахъ, но и ни въ какомъ другомъ университетскомъ городѣ въ настоящее время жить невозможно: стипендіаты принуждены давать уроки и сильно отвлекаются ими отъ университетскихъ занятій, не выдерживаютъ экзаменовъ, увольняются изъ числа студентовъ до окончанія курса, при чемъ, очевидно, все израсходованное на нихъ изъ казны или совершено пропадаетъ даромъ, или почти даромъ, такъ какъ они выполняютъ свою обязательную службу въ качествѣ, напримѣръ, фельдшеровъ, а не медиковъ, учителей низшихъ, а не среднихъ учебныхъ заведеній. Въ настоящее время не представляется иного способа сдѣлать эти расходы казны дѣйствительно производительными, какъ или замѣнить денежныя выдачи на руки отдѣльно каждому изъ стипендіатовъ помѣщеніемъ ихъ вмѣстѣ на полное содержаніе въ устроенномъ для нихъ общежитіи, или же удвоить нынѣшній размѣръ стипендій, при чемъ все-таки въ семъ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть никакого обезпеченія противъ неразчетливости молодыхъ людей въ употребленіи и денегъ, и времени, и силъ, и противъ всякаго рода пагубныхъ стороннихъ на нихъ вліяній, а слѣдовательно, и противъ большей еще непроизводительной траты изъ государственнаго казначейства.

«Взвѣшивая всѣ эти доводы, вышеупомянутая коммиссія по пересмотру университетскаго устава въ цѣломъ своемъ составѣ, въ засѣданіи своемъ 19-го сентября 1876 г. (протоколъ № 3), пришла къ заключенію, что было бы желательно, чтобы, по инціативѣ правительства или частныхъ лицъ, были устраиваемы для желающихъ того студентовъ коллегіи или общежительства, какъ особыя учрежденія при университетахъ, по особымъ уставамъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Прошлогодняя коммиссія, бывшая также подъ моимъ (И. Д. Делянова) предсѣдательствомъ, въ свою очередь постановила: «Допускать устройство, гдѣ окажется возможнымъ, съ помощью частныхъ пожертвованій и на экономическія суммы, общежитій для студентовъ; эти общежитія должны состоять подъ бдительнымъ надзоромъ инспекціи и руководствоваться правилами, утвержденными министрами по принадлежности».

«Инціатива частныхъ лицъ въ этомъ направленіи проявилась уже въ весьма значительныхъ пожертвованіяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (въ послѣдствіи тайн. совѣтника) С. С. Полякова въ Петербургѣ и дѣйств. статскаго совѣтника Харитоненко въ Харьковѣ,

при чемъ на пожертвованіе перваго изъ нихъ нынѣ уже достраивается зданіе на университетской землѣ, разчитанное на помѣщеніе 150 студентовъ, а на пожертвованіе втораго выстроено таковое же на 100 студентовъ. Въ томъ и другомъ зданіи, кромѣ общихъ залъ (столовыхъ и пріемныхъ), имѣются помѣщенія, разчитанныя на одного на двоихъ, на троихъ и не болѣе какъ на четверыхъ студентовъ, и слѣдовательно, устранены неудобства прежнихъ болѣе обширныхъ казарменныхъ общежитій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и тамъ, и здѣсь на пожертвованные благотворителями капиталы студентамъ обезпечивается только квартира съ мебелью, отопленіемъ и освѣщеніемъ; все же прочее содержаніе разчитывается покрывать или правительственными, или частными взносами, въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ за каждаго. Для того и другаго общежитія имѣютъ быть выработаны правила въ министерствѣ; при томъ и другомъ будетъ состоять особый помощникъ инспектора, съ достаточнымъ числомъ служителей инспекціи, проживающій въ самомъ зданіи, и сверхъ того эти общежитія должны подлежать еще и общему наблюденію инспекціи, которая имѣетъ учредить въ нихъ очередныя дежурства изъ собственныхъ чиновъ своихъ [1]). Развитіе такихъ общежитій и при другихъ университетахъ, въ высшей степени желательно и заслуживаетъ всякаго поощренія, при чемъ отъ частныхъ лицъ или обществъ въ ближайшее время можно ожидать только постройки и устройства приспособленныхъ къ этой цѣли зданій, содержаніе же удостоенныхъ пріема въ нихъ молодыхъ людей должно быть обезпечено суммами, отпускаемыми изъ государственнаго казначейства на пособія и стипендіи студентамъ. Полагаться въ этомъ случаѣ на собственное благоразуміе молодыхъ людей и предоставлять имъ самимъ на выборъ или получать денежныя стипендіи, или же пользоваться полнымъ содержаніемъ въ общежитіи, едва ли возможно, и потому въ заключеніе настоящаго моего представленія испрашивается Высочайшее соизволеніе замѣнять выдачу денежныхъ пособій и стипендій помѣщеніемъ заслуживающихъ того студентовъ въ общежитія на готовое содержаніе по правиламъ, утвержденнымъ министромъ народнаго просвѣщенія, при чемъ имѣется

[1]) Зданіе, выстроенное г. Харитоненко для студенческаго общежитія, приспособлено нынѣ къ удовлетворенію потребностей медицинскаго факультета. И студенты, и профессора, а за ними и мѣстное учебное начальство были противъ устройства студенческаго общежитія, а университетъ дѣйствительно страдалъ отъ тѣсноты и недостаточности своихъ помѣщеній. Коллегія же Императора Александра II, учрежденная С. С. Поляковымъ, открыта въ октябрѣ 1882 г.

въ виду сдѣлать такую замѣну обязательною по отношенію ко вновь удостоиваемымъ стипендіи студентамъ до восполненія всѣхъ устроенныхъ помѣщеній, по отношенію же къ тѣмъ, кто уже получалъ прежде денежную стипендію, предоставить на собственный ихъ выборъ пользоваться ею въ томъ или другомъ видѣ».

Проектъ этотъ въ свою очередь такъ и остался только проектомъ: признано было за лучшее прямо внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта прежній проектъ новаго устава университетовъ, съ немногими и незначительными измѣненіями. Такъ какъ для этого необходимы были предварительныя сношенія съ министрами финансовъ и военнымъ, то внесеніе это послѣдовало только 30-го ноября 1882 г., разсмотрѣніе проекта началось 22-го октября 1883 г., а Высочайшаго утвержденія видоизмѣненный по замѣчаніямъ Государственнаго Совѣта новый университетскій уставъ удостоился только 23-го августа 1884 г.

Между тѣмъ въ октябрѣ 1882 г. начались сильнѣйшіе студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ и не замедлили найти себѣ болѣе или менѣе сильный отголосокъ въ другихъ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изумительнѣе всего то, что поводомъ къ этимъ безпорядкамъ послужило открытіе устроеннаго С. С. Поляковымъ общежитія для студентовъ. Въ сознаніи всей благотворности этого учрежденія благомыслящая часть студентовъ обратилась къ С. С. Полякову съ письменнымъ изъявленіемъ своей благодарности, и это-то вызвало протестъ со стороны большинства студентовъ, которое воспользовалось этимъ поводомъ для всякаго рода безчинствъ и сходокъ. По обычаю, безпорядки эти нашли сильный отголосокъ въ Казани, гдѣ студентъ-стипендіатъ Воронцовъ поднялъ руку даже на исправляющаго должность ректора Ѳирсова, въ Харьковѣ и въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ и повлекли за собой увольненіе весьма значительнаго числа студентовъ (до 202). Еще бо̀льшія безчинства происходили въ Кіевѣ почти одновременно съ обнародованіемъ новаго университетскаго устава, во время празднованія 50-лѣтней годовщины университета Св. Владиміра: студенты цѣлыми толпами съ пѣснями и криками расхаживали по самымъ многолюднымъ улицамъ города и свои безчинства завершили тѣмъ, что принялись каменьями громить домъ своего ректора и вышибли въ немъ ставни и окна, при чемъ никто изъ виновныхъ не былъ задержанъ. Университетъ былъ закрытъ на полгода, съ увольненіемъ на этотъ разъ всѣхъ студентовъ. Въ послѣдствіи 79 изъ нихъ были исключены съ распредѣленіемъ ихъ на 3 категоріи.

Совѣщаніе гг. министровъ 20-го ноября 1882 г.

Такъ какъ происходившіе осенью 1882 г. безпорядки въ С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ отразились шумною сходкою 12-го ноября въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ Институтѣ, то по всеподданнѣйшему о семъ докладу г. министра Государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря М. Н. Островскаго Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: «Вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи гг. министровъ: народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора Св. Сѵнода». На этомъ совѣщаніи 20-го ноября 1882 г. оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первоначальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ по оной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, встрѣтила сильнѣйшія возраженія со стороны представителей военнаго и морскаго вѣдомствъ—генералъ-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе гг. министровъ постановило поручить особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Коммиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя М. С. Волконскаго изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, генеральнаго штаба генералъ-майора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника (нынѣ товарища министра, сенатора, тайнаго совѣтникъ) В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 г., подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинар-

ные баталіоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ тайнаго совѣтника В. К. Плеве (приведеннымъ выше сего въ началѣ настоящей записки), весь вредъ, причиняемый студенческими безпорядками и ихъ послѣдствіемъ— исключеніемъ виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнію мысль о привлеченіи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненію воинской повинности, съ лишеніемъ льготъ, которыя вообще установлены уставомъ объ оной.

Свѣдѣнія о дисциплинарныхъ баталіонахъ и ротахъ военнаго вѣдомства.

Генералъ-майоръ Петровъ сообщилъ въ вышеозначенной коммиссіи объ устройствѣ дисциплинарныхъ баталіоновъ и ротъ нижеслѣдующія данныя:

Отдача въ названные баталіоны и роты, по дѣйствующимъ военнымъ законамъ, составляетъ исправительное наказаніе, сопряженное съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ или службою пріобрѣтенныхъ. Наказаніе это налагается только по рѣшенію военнаго суда, срокомъ отъ 1 года до 3 лѣтъ, исключительно за преступленія по службѣ военной, на нижнихъ чиновъ, какъ пользующихся особыми правами состоянія, такъ и не пользующихся таковыми, при чемъ для послѣдней категоріи лицъ наказаніе это сопряжено съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Отдача въ названные баталіоны или роты опредѣляется, между прочимъ, за оскорбленіе начальника на словахъ, за побѣги, растрату и умышленную порчу казеннаго имущества, вещей и денегъ. Затѣмъ дисциплинарные баталіоны и роты, представляя собою исправительное наказаніе, назначены для пріученія нижнихъ чиновъ какъ къ правиламъ военной дисциплины, такъ и къ обязанностямъ строевой службы; они принадлежатъ къ составу мѣстныхъ войскъ и имѣютъ строевое устройство. Высланный въ эти баталіоны или роты содержится тамъ такъ же, какъ и всякій заключенный въ тюрьмѣ. Ему воспрещаются: всякія игры, пѣніе, громкіе разговоры, куреніе и нюханіе табаку, имѣніе при себѣ денегъ, вещей, оружія и т. п. Первыя двѣ недѣли каждый изъ высланныхъ содержится въ строгомъ оди-

ночномъ заключенiи, а затѣмъ уже въ общихъ помѣщенiяхъ. Въ будничные дни заключенные обучаются: Закону Божiю и грамотѣ, по 2 часа, строю, гимнастикѣ и фехтованiю, по 3 часа; теоретическiя и подготовительныя занятiя продолжаются по 2 часа; строевыя занятiя состоятъ въ ученьи отъ одиночнаго до ротнаго включительно. Независимо отъ сего, на высланныхъ же возлагаются обязанности приготовленiя пищи, кваса, носки дровъ, топки печей, содержанiя въ чистотѣ и опрятности помѣщенiй, ремонтныя работы по зданiю, постройка одежды, обуви, бѣлья и т. д., на каковыя хозяйственныя работы полагается 4 часа. Около полудня обѣдаютъ и отдыхаютъ, на что̀ полагается 2 часа. Вечеромъ ужинаютъ. Довольствiе производится наравнѣ съ нижними чинами. Пища солдатская. Одежда также. Спятъ 8 часовъ. Вся жизнь въ баталiонахъ распредѣлена по часамъ, и ко всѣмъ занятiямъ, а также и къ обѣду, отдыху и сну призываютъ по барабану. Въ воскресные и праздничные дни ходятъ въ церковь въ мѣстѣ своего заключенiя и дозволяется свиданiе съ родными не иначе, какъ въ присутствiи унтеръ-офицера. Письма отдаются открытыми при отправленiи ротному командиру, и при полученiи представляются ему же. Находясь въ дисциплинарныхъ баталiонахъ и ротахъ, нижнiе чины за проступки подвергаются слѣдующимъ взысканiямъ: аресту простому (въ свѣтломъ карцерѣ, до 1 мѣсяца), аресту строгому (на хлѣбѣ и водѣ, до 20 сутокъ), аресту усиленному (до 8 дней въ темномъ карцерѣ) и аресту смѣшанному (до 1 мѣсяца). Состоящiе же въ разрядѣ штрафованныхъ, сверхъ того, могутъ быть наказаны тѣлесно (до 100 ударовъ розгами).

Для отличающихся хорошимъ поведенiемъ срокъ пребыванiя въ баталiонахъ сокращается на $^1/_6$ часть присужденнаго времени. Всѣ нижнiе чины, высланные въ дисциплинарные баталiоны, продолжаютъ числиться въ своихъ частяхъ и показываются въ командировкѣ; время пребыванiя въ дисциплинарной командѣ зачисляется въ дѣйствительную службу.

Означенные баталiоны имѣются: въ Бобруйскѣ, Херсонѣ, Воронежѣ и Екатериноградѣ, а роты—въ Иркутскѣ и Омскѣ. Численность каждаго баталiона до 400 человѣкъ, а роты до 100 человѣкъ.

Баталiоны и роты эти вполнѣ соотвѣтствуютъ прежнимъ военно-исправительнымъ ротамъ и баталiонамъ. Типъ этихъ учрежденiй теперь представляется уже отживающимъ, и само военное начальство стремится замѣнить ихъ военно-исправительными тюрьмами.

Отдача въ баталiоны и роты провинившихся молодыхъ людей

изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній была бы, по весьма рѣшительно высказанному мнѣнію генералъ-майора Петрова, наказаніемъ, по существу своему невозможнымъ, такъ какъ таковые молодые люди при отдачѣ ихъ въ исправительные баталіоны должны были бы числиться предварительно въ какой либо военной части и считаться нижними чинами, находящимися во временной командировкѣ. Но кромѣ этого формальнаго препятствія, которое могло бы такъ или иначе быть устранено, отдача въ дисциплинарные баталіоны учениковъ изъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній было бы карою чрезвычайно тяжкою, даже сравнительно съ подвергнутыми тому же наказанію нижними чинами, вслѣдствіе того: 1) что нижніе чины, отданные въ дисциплинарные баталіоны, уже имѣютъ навыкъ и къ порядкамъ военной службы, и къ требованіямъ военной дисциплины, тогда какъ питомцы среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, будучи приговорены въ эти баталіоны прямо со школьной скамьи, оказались бы не имѣющими никакого понятія ни о какихъ порядкахъ и требованіяхъ военной службы и военной дисциплины и вслѣдствіе того, при общей господствующей въ этихъ частяхъ строгости, а равно крайней суровости, даже грубости отдѣльныхъ начальниковъ сихъ частей, преимущественно выслужившихся изъ нижнихъ чиновъ, могли бы неумышленно навлекать на себя самыя тяжкія наказанія; военная служба требуетъ извѣстнаго навыка, и если къ поступающимъ въ войска молодымъ людямъ, отбывающимъ воинскую повинность, относятся съ извѣстнымъ снисхожденіемъ и не вмѣняютъ имъ строго въ вину промахи ихъ противъ дисциплины (напримѣръ, разговоръ въ строю и проч.), то этого отнюдь нельзя простить въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, гдѣ противъ провинившихся возможно употреблять не только тѣлесное наказаніе (100 ударовъ розгами), но даже оружіе; 2) нижніе чины и въ дисциплинарныхъ баталіонахъ находятся въ привычной имъ средѣ, тогда какъ образованные молодые люди чувствовали бы себя въ полнѣйшемъ нравственномъ одиночествѣ, и 3) изъ хозяйственныхъ домашнихъ работъ, по незнанію ими никакого ремесла или мастерства, на нихъ могли бы быть возлагаемы лишь самыя тяжкія и самыя грязныя работы, какъ то: рубка и носка дровъ, содержаніе въ чистотѣ и опрятности помѣщеній и т. д. При этомъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что весьма многіе изъ нынѣшнихъ воспитанниковъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній принадлежатъ къ непривиллегированнымъ сословіямъ и слѣдовательно, въ составѣ дисциплинарныхъ баталіоновъ и ротъ,

они могутъ быть отнесены къ разряду штрафованныхъ и могли бы подлежать тѣлеснымъ наказаніямъ. Ставить же молодыхъ людей, отдаваемыхъ въ эти части войскъ, въ какое либо исключительное противъ нижнихъ чиновъ положеніе, значило бы подрывать дисциплину въ самихъ баталіонахъ и ротахъ, что̀ можетъ привести къ весьма прискорбнымъ результатамъ, и потому на такую общую мѣру, не для отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ, военное вѣдомство едва-ли можетъ согласиться. Наконецъ, если коммиссія стремится не къ наказанію только такой преступной молодежи, а къ исправленію ея, то отдача въ дисциплинарные баталіоны не можетъ этому способствовать: тамъ, какъ сказано выше, нѣтъ постояннаго одиночнаго заключенія, и студенты университетовъ или другаго заведенія будутъ находиться въ обществѣ болѣе или менѣе порочныхъ солдатъ, подъ наблюденіемъ нисколько не подготовленныхъ для ихъ исправленія начальниковъ и подъ опасеніемъ совершенно помимо воли своей навлечь на себя незнаніемъ военной дисциплины тягчайшія наказанія.

Такимъ образомъ дисциплинарные баталіоны въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, предназначенные исключительно для лицъ военныхъ, едва-ли могутъ быть примѣнены къ молодымъ людямъ, ничего общаго съ военной службой не имѣющимъ.

Принявъ во вниманіе объясненіе генералъ-майора Петрова о дисциплинарныхъ баталіонахъ и ротахъ, коммиссія пришла къ заключенію, что отдача въ нихъ виновныхъ учащихся, примѣняемая въ видѣ общей мѣры, ставила бы этихъ молодыхъ людей въ такія условія, при коихъ исправленіе ихъ было бы совсѣмъ невозможно, а напротивъ того дало бы много поводовъ къ новымъ проступкамъ и даже преступленіямъ.

Вопросъ о лишеніи всѣхъ льготъ по воинской повинности уволенныхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные баталіоны, коммиссія испросила себѣ разрѣшеніе разсмотрѣть вопросъ о привлеченіи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванія общей для всѣхъ граждань воинской повинности, но безъ вынутія жеребья, хотя и на положеніи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще въ 1879 г. при обсужденіи вопроса объ устройствѣ университетской инспекціи на предположенныхъ въ то время основа-

ніяхъ. Она была заявляема тайнымъ совѣтникомъ Георгіевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соотвѣтственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленія этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенія войскъ.

За тѣмъ въ 1880 году главнымъ начальникомъ верховной распорядительной коммиссіи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающійся съ этою мѣрою вопросъ объ образованіи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствіе своей политической неблагонадежности, надзору полиціи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могутъ быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такія команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только взаимно поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденія, но и измышлять систематическія правила для преступнаго осуществленія ихъ убѣжденій по окончаніи службы. Въ концѣ 1880 года именно 24-го декабря, состоялось Высочайшее повелѣніе, установившее слѣдующія временныя правила о порядкѣ отбыванія воинской повинности лицами, высланными, за участіе въ революціонной пропагандѣ, административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полиціи: 1) лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска ни во флотъ, на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненію воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2) тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемуся имъ нумеру жеребія, будутъ подлежать поступленію на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3) за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военнаго начальства, и 4) начальники частей, при увольненіи въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ съ своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія за ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсняя ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія

занятій и средствъ къ жизни. Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія.

Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, съ своей стороны, «признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ празднаго блужданія удаленныхъ, и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ тѣхъ льготъ, которыя имъ предоставлены и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, коммиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго его разсмотрѣнія».

И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 года министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынувшихъ жеребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполнѣ соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно-ссыльнымъ, общеустановленную форму отбытія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбытію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынувшихъ жеребій, въ опредѣленныя военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло бы возможность съ одной стороны сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой—сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ виду того, что лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратитъ тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго подданнаго (ст. I уст. о воин. пов.) и притомъ такая обязанность, къ исполненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія, или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (§ 16 уст. о воин. повин.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчіи со ст. 2115 ч. II кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4 сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подвергались бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, не смотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генералъ-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или по крайней мѣрѣ одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что̀, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ въ томъ же отношеніи отъ 6 октября 1881 г. за № 419,

приводя доводы противъ образованія изъ политически-неблагонадежныхъ лицъ особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что «лица, политически неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія», нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя, команды.

Какъ бы то ни было, однако же, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25 октября 1881 г. высказался въ такомъ смыслѣ, что «будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ поднадзорныхъ въ видѣ карательной для нихъ мѣры», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи, съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатьевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній.

«Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, писалъ графъ Игнатьевъ, нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять сіе сочувствіе въ формѣ подстрекательствъ къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, при чемъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соотвѣтствующая вышеприведенной, а именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окон-

чанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія, для осуществленія своего, требуетъ лишь, чтобы военное вѣдомство для подобныхъ молодыхъ людей назначило особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6 октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управленіе особо надежныхъ начальниковъ способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ».

Наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія 14-го мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ 1) воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому-либо политическому дѣлу и за тѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащею властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2) признанные участвовавшими въ тайныхъ сообществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть, по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и наконецъ, 3) изобличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственнымъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и притомъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, то-есть, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному Высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканіе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе, равно какъ и лица вышеозначенной 2-й категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то Высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непремѣнно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполнѣ раскаялся

и прервалъ всякія связи съ сообщниками и б) если кто-либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство.

Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто: такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе впрочемъ гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало нравственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ коммиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія, представитель военнаго министерства генералъ-майоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ безпорядкахъ, и по приказанію г. военнаго министра отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія коммиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

Другія мѣры къ оздоровленію высшихъ учебныхъ заведеній.

Между прочимъ, онъ указывалъ, что осуществленіе этой мѣры сниметъ съ учебнаго начальства заботу о водвореніи среди учащихся дисциплины и порядка мѣрами, ему сподручными и предупредительными, къ каковымъ не отказываются прибѣгать и въ германскихъ университетахъ и къ числу каковыхъ принадлежитъ заключеніе въ карцеръ на болѣе или менѣе продолжительное время и при условіяхъ болѣе или менѣе отягчающихъ это наказаніе.

а) Возстановленіе учебной дисциплины.

«При правильномъ устройствѣ и веденіи школы, при существованіи въ ней порядка и дисциплины, говорилъ онъ, не потребуется какихъ-либо исключительныхъ мѣръ для исправленія молодежи и для довоспитанія ея, въ родѣ зачисленія въ армію, не легко будетъ

также производить въ стѣнахъ школы безпорядки при участіи, хотя бы неявномъ, различныхъ неблагонадежныхъ личностей, не принадлежащихъ къ числу учащихся, чему и у насъ можетъ служить примѣромъ Медико-Хирургическая академія, со времени ея преобразованія».

б) Устройство особыхъ командъ для увольняемыхъ.

«Если бы, продолжалъ онъ, при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ виду упадка дисциплины и внутренняго порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потребовалось принятіе особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для дисциплинированія и исправленія лицъ, исключаемыхъ за безпорядки, явное неповиновеніе начальству или дерзость, то для этой собственно цѣли могли бы быть образуемы въ мѣрѣ дѣйствительной потребности особыя команды и внѣ арміи, въ вѣдѣніи подлежащихъ министерствъ, и въ такомъ случаѣ военное вѣдомство съ полною готовностью могло бы явиться на помощь назначеніемъ для подобныхъ командъ потребнаго числа офицеровъ и нижнихъ чиновъ для завѣдыванія и управленія таковыми».

в) Устройство особаго учебно-исправительнаго заведенія.

Генералъ-майоръ Петровъ указывалъ также на имѣвшееся уже у насъ въ виду учрежденіе учебно-исправительнаго заведенія въ родѣ Maison paternelle при исправительной сельской колоніи въ Меттрэ близъ Тура во Франціи, и наконецъ, предложилъ отъ имени военнаго министерства мѣру, «которая представлялась бы полезною и для военнаго вѣдомства и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворила бы въ значительной степени настоящимъ заботамъ правительства объ искорененіи крамолы, лишая революціонную партію возможности привлекать въ свою среду исключенныхъ за безпорядки воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній».

г) Установленіе для поступающихъ въ высшія учебныя заведенія обязательства отбыть воинскую повинность вольноопредѣляющимися.

Мѣра эта заключалась бы въ установленіи общаго правила, что «всякій окончившій курсъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обязанъ отбыть воинскую повинность на правахъ вольно-

опредѣляющихся въ теченіе извѣстнаго срока, конечно, бóльшаго, чѣмъ нынѣ существующій по закону» (тогда еще срокъ этотъ не былъ удлиненъ, какъ нынѣ, до одного года для вольноопредѣляющихся I-го и II-го разряда, нынѣ составившихъ одинъ 1-й разрядъ). Съ установленіемъ такого правила, молодые люди, выбывшіе или уволенные изъ высшихъ учебныхъ заведеній, «тотчасъ же были бы обращаемы къ исполненію лежащей на нихъ обязательной воинской повинности». Вмѣстѣ съ тѣмъ представитель военнаго министерства заявилъ, что «такъ какъ съ осуществленіемъ этой мѣры въ армію стало бы поступать весьма большое число лицъ, требующихъ особыхъ заботъ и надзора и легко могущихъ увлечься вредными, противоправительственными идеями, то вмѣстѣ съ тѣмъ военное министерство требуетъ прекращенія на будущее время пріема въ военную службу поступающихъ по призывамъ лицъ, высланныхъ подъ надзоръ полиціи за распространеніе соціальной пропаганды, какъ завѣдомо вредныхъ, а также и тѣхъ исключаемыхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній, принадлежность коихъ къ крамольной партіи будетъ доказана».

Возраженія противъ этихъ мѣръ.

Остальные члены коммиссіи и предсѣдатель ея затруднились воспользоваться этими указаніями и предложеніями. Соединеніе въ отдѣльныхъ командахъ лицъ съ одинаковыми вредными (?) идеями послужитъ къ дальнѣйшему развитію и укрѣпленію въ нихъ этихъ идей, а никакъ не къ ихъ исправленію, и «состоя въ этихъ командахъ, означенныя лица могутъ составлять заговоры для дальнѣйшей, при увольненіи ихъ изъ команды, систематической дѣятельности въ духѣ крамолы». Устройство особаго исправительнаго учебнаго заведенія для увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній потребовало бы и значительныхъ затратъ, и цѣлыхъ годовъ, такъ что «пока оно будетъ строиться, крамола успѣетъ нанести столь значительный вредъ юношеству, что примѣненіе его можетъ оказаться уже безполезнымъ. Кромѣ того успѣхъ подобныхъ заведеній зависитъ отъ личности директоровъ оныхъ и ихъ помощниковъ, которые должны быть не только тюремными наблюдателями, но еще и педагогами»; но извѣстно, какъ «трудно пріискивать людей, вполнѣ способныхъ завѣдывать даже простою тюремною администраціею». Притомъ же особыя исправительныя учебныя заведенія существуютъ

для лицъ, имѣющихъ нужду еще въ элементарномъ образованіи, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ для лицъ, проходящихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній; «заключеніе же въ такія заведенія молодыхъ людей, вышедшихъ изъ отроческаго возраста и преслѣдующихъ извѣстныя идеи (?), соединяя ихъ вмѣстѣ [1]), развило бы и укрѣпило бы въ нихъ усвоенныя (?) ими ложныя понятія и тѣмъ самымъ обратило бы ихъ въ отчаянныхъ фанатиковъ (?)». Наконецъ, по вопросу объ обязательномъ для всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній отбыванію воинской повинности вольноопредѣляющимися, большинство коммиссіи находило, что эта мѣра, касаясь ежегодно нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ людей, была бы безъ всякой съ ихъ стороны вины большимъ бременемъ и для нихъ самихъ, и для цѣлой страны, отвлекая ихъ на цѣлый годъ отъ той дѣятельности, для которой они пріобрѣли спеціальныя познанія, обратилась бы въ ущербъ для всѣхъ вѣдомствъ, представлялась бы какъ бы наказаніемъ за успѣшное окончаніе курса среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и могла бы быть истолкована какъ гоненіе на образованіе. Притомъ же она обращала бы въ вольноопредѣляющихся тѣхъ лицъ, которыя поступали бы въ армію по принужденію. Для военнаго вѣдомства та же полезная цѣль могла бы быть достигнута, по примѣру Пруссіи, постановленіемъ, что одногодниками могутъ быть только вольноопредѣляющіеся, буде достигли образованія, требуемаго отъ вольноопредѣляющихся, вынувшіе же жребій обязываются служить не менѣе 3-хъ лѣтъ, на что генералъ-майоръ Петровъ замѣтилъ, что подобное правило дѣйствительно вполнѣ достигаетъ своей цѣли въ Пруссіи и побуждаетъ всѣхъ, кто только достигъ соотвѣтственной степени образованія, поступать въ ряды арміи вольноопредѣляющимися, но это лишь потому, что въ Германіи почти всѣмъ способнымъ носить оружіе приходится дѣйствительно поступать въ ряды арміи, у насъ же изъ общаго числа лицъ призывнаго возраста едва 25% поступаетъ въ ряды арміи и флота, число лицъ 1-го разряда по семейному положенію, не призываемыхъ на дѣйствительную службу, простирается до 1/3 общаго числа, да и до лицъ 2-го разряда по семейному положенію, за единичными лишь исключеніями, не доходитъ очередь. Такимъ образомъ всѣ эти лица не

---

[1]) Въ Maison Paternelle въ Mettray господствуетъ строжайшее разобщеніе между собою заключенныхъ въ немъ, такъ что нерѣдко въ одно и то же время тамъ содержатся два родные брата, вовсе не подозрѣвая этого.

имѣли бы никакого побужденія заявлять желаніе отбывать воинскую повинность вольноопредѣляющимися, и изъ тѣхъ, кто не пользуется означенными льготами, многіе предпочтутъ подвергнуться жеребьеметанію, разсчитывая, что изъ пяти только одинъ поступитъ въ армію.

Большинство коммиссіи, съ предсѣдателемъ во главѣ, сверхъ того находило, что перерывъ университетскаго или всякаго иного учебнаго курса на годъ для отбыванія въ это время воинской повинности вольноопредѣляющимся было бы скорѣе льготою для увольняемыхъ изъ учебныхъ заведеній за безпорядки сравнительно съ ихъ товарищами, которымъ пришлось бы годъ служить уже по окончаніи курса, и потому мѣра эта скорѣе была бы поощреніемъ, чѣмъ препятствіемъ, къ безпорядкамъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Притомъ же исключаются за безпорядки не на одинъ лишь годъ, а нерѣдко на два и на три, и лица этихъ двухъ категорій, отбывъ въ продолженіе одного года воинскую повинность, оставались бы за тѣмъ праздными и въ томъ же положеніи, какъ и нынѣ увольняемые, крайне вредномъ и опасномъ и для нихъ самихъ, и для цѣлой страны. Наконецъ, лицамъ, оказавшимся виновными въ безпорядкахъ, не слѣдовало бы предоставлять того во всякомъ случаѣ болѣе льготнаго и почетнаго положенія, какимъ пользуются вольноопредѣляющіеся, сравнительно съ жеребьевыми. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, большинство коммиссіи съ предсѣдателемъ во главѣ выработали нижеслѣдующія положенія:

Предположенія коммиссіи 1882 г.

1) «Лица, достигшія тѣхъ степеней образованія, какія требуются для поступленія въ ряды арміи вольноопредѣляющимися 1-го разряда, пользуются правомъ на одногодичное отбываніе воинской повинности въ томъ лишь случаѣ, если отбываютъ ее какъ вольноопредѣляющіеся; поступая же въ армію жеребьевымъ порядкомъ, служатъ въ ней три года». 2) «Въ случаѣ увольненія студентовъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за проступки, указанные ниже (п. 4), они лишаются всѣхъ льготъ по воинской повинности и отбываютъ ее въ рядахъ арміи принудительно безъ вынутія жеребья и на положеніи жеребьевыхъ въ продолженіе трехъ лѣтъ». 3) Буде изложенная въ пп. 1 и 2 мѣра получитъ въ установленномъ порядкѣ утвержденіе, то сила ея распространяется и на весь нынѣшній составъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи п. 2-го, ст. 61, т. I,

ч. 1 св. зак.»—4) «Установленное п. 2-мъ правило должно имѣть примѣненіе къ тѣмъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые будутъ изъ нихъ уволены: а) за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству; б) за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ и в) за доказанное участіе въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противо-правительственной агитаціи, навлекшее на виновныхъ взысканіе въ административномъ порядкѣ или въ порядкѣ закона о государственной охранѣ».—5) «Увольненіе изъ высшихъ учебныхъ заведеній студентовъ за указанные выше проступки должно имѣть своимъ послѣдствіемъ воспрещеніе поступать въ то или другое учебное заведеніе въ теченіе трехъ лѣтъ», и 6) «Дѣла по обвиненію студентовъ университетовъ въ проступкахъ, указанныхъ въ п. 4, разсматриваются правленіемъ подъ предсѣдательствомъ попечителя учебнаго округа, который и утверждаетъ рѣшенія по онымъ. Такой же порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія подобныхъ дѣлъ соблюдается и въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ тѣхъ изъ нихъ, въ коихъ нѣтъ посредствующаго начальствующаго лица между директоромъ заведенія и министромъ, предоставляется директору, въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ правленія или конференціи, представлять дѣло на усмотрѣніе того министра, въ вѣдѣніи коего учебное заведеніе находится».

Совѣщаніе гг. министровъ 18-го марта 1883 г.

Убѣждаясь доводами коммиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ, съ участіемъ въ этотъ разъ и министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространивъ ту же мѣру взысканія и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, управлявшій морскимъ министерствомъ ген.-ад. Шестаковъ предложилъ, а военный министръ ген.-ад. П. С. Ванновскій съ своей стороны одобрилъ,

нижеслѣдующую мѣру: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе безпорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противо-правительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и льготъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются къ вынутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока». Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что «обязательное привлеченіе участниковъ въ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности безъ вынутія жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и постороннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ», и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, «желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указаній дальнѣйшаго опыта, предложенною генералъ-адъютантами Ванновскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ и заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе $^{1}/_{4}$ всѣхъ вынимающихъ оный, что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступле-

нія въ армію, будетъ представлять все тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и напротивъ оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновнымъ. Тѣмъ не менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла быть испробована».

Порядокъ отдачи въ дисциплинарные баталіоны.

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные баталіоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департаментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й), при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ баталіонахъ опредѣляется особыми правилами, которыя устанавливаются военнымъ министромъ примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ баталіонахъ (п. 2-й); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исключенію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисцлинарные баталіоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ разсматриваются порядкомъ, указаннымъ коммиссіей кн. Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній (см. выше стр. 123), и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й).

На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ Государю Императору благоугодно было Собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): «Я согласенъ на эти мѣры въ видѣ опыта, но полагаю, что онѣ будутъ недостаточны и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ», и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженнаго статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагаемыя особымъ совѣщаніемъ мѣры, когда они Самимъ Государемъ Императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство членовъ

совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ ними, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности. Его Императорское Величество Всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣсняясь положенною на журналѣ Высочайшею резолюціей и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на Высочайшее усмотрѣніе.

Совѣщаніе гг. министровъ 10-го іюня 1883 года.

Такимъ образомъ 10-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, въ замѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что «воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, когда они не моложе 18 лѣтъ, исключаемые изъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ, подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны и роты» (п. 1-й); «воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже они вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности нумеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, о сокращеніи имъ этого срока» (п. 2).— «О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтенныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ именъ, отчествъ, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи». Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи (см. стр. 125).

По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія генералъ-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, Его Императорское Величество 30-го января 1884 года Высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ гг. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе Великихъ Князей Владимира Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго.

Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 года. 14 особъ (Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ графъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйств. тайн. совѣт. Стояновскій, ген.-ад. Ванновскій, дѣйств. тайн. совѣт. Фришъ, ген.-ад. Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Влангали) высказались противъ предположенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета гг. министровъ графъ М. Хр. Рейтернъ и 5 членовъ (дѣйств. тайн. совѣт. графъ Толстой, статсъ-секретари Деляновъ и Набоковъ, ген.-ад. Посьетъ и статсъ-секретарь Островскій) за оную.

Доводы противъ принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Противъ отбыванія воинской повинности увольняемыми за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній лицами съ лишеніемъ ихъ при семъ всѣхъ льготъ, въ томъ числѣ и выниманія жеребья, приводятся вообще нижеслѣдующіе доводы: 1) Въ дѣйствующемъ уставѣ о воинской повинности, въ отличіе его отъ прежняго рекрутскаго устава, съ строгою послѣдовательностью проводится то начало, что отбываніе воинской повинности въ рядахъ арміи есть не только повинность, но и нравственный долгъ, «священная обязанность» каждаго русскаго подданнаго и отнюдь не можетъ быть наказаніемъ. Посему лица, опороченныя по суду, какъ лишенныя всѣхъ правъ состоянія, такъ и лишенныя всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ лично и по состоянію присвоенныхъ, вовсе не допускаются къ жеребью и на военную службу. Ст. 158, 217 и 218 уст. о воинской повинности, опредѣляющія для лицъ, уклоняющихся отъ военной повинности, принудительное поступленіе въ армію безъ выниманія жеребья, не состоятъ въ противорѣчіи съ вышеозначеннымъ: за укло-

ненie отъ военной повинности виновные подвергаются особымъ наказанiямъ, установленнымъ общимъ положенiемъ о наказанiяхъ, а затѣмъ зачисленie ихъ въ ряды армiи безъ вынимания жеребья есть естественное послѣдствie ихъ попытки уклониться отъ призыва или поступленiя въ ряды армiи и тѣмъ нарушить справедливость въ отношенiи къ согражданамъ и къ равномѣрному распредѣленiю между ними экономическаго бремени, сопряженнаго съ отбыванiемъ повинности. Между тѣмъ принудительное обращенie въ войска извѣстнаго разряда лицъ, виновныхъ въ производствѣ скопомъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, не можетъ быть разсматриваемо иначе какъ мѣра карательная или исправительная, а признанie, что военная служба можетъ служить для кого бы то ни было наказанiемъ или средствомъ исправленiя, было бы оскорбленiемъ для каждаго военнаго, привыкшаго считать военную службу высшею честью. Когда тягость военной повинности лежала исключительно на низшихъ сословiяхъ, нравственное начало не играло въ армiи той роли какъ нынѣ; нынѣ же невозможно поддерживать дисциплину одною грубою силой безъ одухотворящаго ее начала чести. Обращенiемъ военной службы въ мѣру карательную или исправительную былъ бы поколебленъ основной принципъ столь важнаго для всего государства учрежденiя какъ его армiя. — 2) Принудительное обращенie на военную службу молодыхъ людей, исключенныхъ за участie въ безпорядкахъ по легкомыслiю и горячности, было бы мѣрою несправедливою, ибо, будучи соединено съ лишенiемъ льготъ по семейному положенiю и образованiю, права метанiя жеребья и увольненiя отъ службы по физическимъ недостаткамъ, оно не можетъ не быть признано тяжкимъ уголовнымъ наказанiемъ, которое слѣдовало бы налагать только въ судебномъ порядкѣ, ограждающемъ соразмѣрность наказанiя со степенью вины. Въ данномъ случаѣ несоразмѣрность наказанiя съ виною тѣмъ болѣе очевидна, что за свою вину участники въ безпорядкахъ уже потерпѣли наказанie—въ видѣ удаленiя изъ учебнаго заведенiя, въ которомъ они находились. Притомъ же наказанie это падетъ не только на самихъ виновныхъ, но и на ихъ семьи: многiя изъ нихъ лишатся такимъ образомъ, быть можетъ, единственнаго своего кормильца.—3) Вина участниковъ въ безпорядкахъ различна, и потому они удаляются изъ учебнаго заведенiя по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ на различные сроки: на годъ, на два и на три. Предлагаемою же мѣрой всѣ безъ различiя вины сдаются въ военную службу на шесть лѣтъ, и уже отъ усмо-

трѣнія военнаго начальства, отъ личныхъ, а потому болѣе или менѣе случайныхъ и произвольныхъ его воззрѣній, будетъ зависѣть сокращеніе этого срока.—4) Самая сила этого особаго наказанія, не установленнаго уголовнымъ закономъ и налагаемаго не судомъ, а учебнымъ начальствомъ, въ одинаковой степени за весьма различные проступки, притомъ не указанные въ уложеніи о наказаніяхъ, и состоящаго въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми условіями и гарантіями истиннаго правосудія, — самая сила этого наказанія была бы также не одинакова: лица, физически неспособныя къ военной службѣ, вовсе не могутъ быть приняты въ нее, хотя бы были признаны наиболѣе виновными, а число такихъ лицъ въ призывномъ возрастѣ доходитъ до $^1/_6$; лица, вынимавшія уже жеребій и подлежащія по доставшимся имъ нумерамъ поступленію въ войска на общемъ основаніи, въ сущности будутъ наказаны лишь удлиненіемъ срока ихъ службы; напротивъ тѣ, которыя по доставшимся имъ нумерамъ уже прямо зачислены въ ополченіе и считаются уже отбывшими воинскую повинность, будутъ за ту же или меньшую вину особенно тяжко наказаны, и наконецъ, лица, еще не достигшія призывнаго возраста и по своему недостаточному физическому развитію неспособныя нести тягостей солдатской службы, будутъ и сами въ наи болѣе тягостномъ положеніи, не безопасномъ для ихъ здоровья и жизни, и будутъ также бременемъ для той части, въ которую поступятъ. А между тѣмъ такія-то лица, находящіяся на младшихъ курсахъ учебнаго заведенія, чаще всего могутъ по легкомыслію и слабости характера попасть въ категорію исключаемыхъ за безпорядки.—5) Мѣра эта, состоящая въ такомъ вопіющемъ противорѣчіи со всѣми требованіями справедливости и правосудія, не можетъ не возбудить въ подвергнутой ей молодежи сильнѣйшаго озлобленія противъ правительства, и наиболѣе виновнымъ и зараженнымъ анархическимъ духомъ предоставитъ обширное поприще самымъ разлагающимъ образомъ дѣйствовать на новую свою среду, участвовавшихъ въ безпорядкахъ исключительно по легкомыслію и горячности ожесточитъ и сдѣлаетъ доступными всякому тлетворному вліянію и мишенью для усилій анархической партіи, которая не замедлитъ пріобрѣсти въ нихъ весьма дѣятельныхъ и чрезвычайно полезныхъ для себя агентовъ. Нынѣшняя армія далеко не та, чѣмъ была она при Императорѣ Николаѣ I: въ то время, при 25-лѣтнемъ срокѣ военной службы, молодой человѣкъ, отданный въ солдаты, попадалъ въ среду людей не молодыхъ, закаленныхъ въ военной обстановкѣ и

тогдашней суровой дисциплинѣ и глубоко съ нею сроднившихся, на которыхъ онъ никакого вліянія имѣть не могъ. Теперь же отданный въ солдаты юноша очутится въ средѣ своихъ однолѣтковъ, которые никакой силы убѣжденій или привычекъ не могутъ ему противопоставить, а времени и способовъ дѣйствія на нихъ у такого образованнаго и развитаго юноши будетъ весьма много: ежедневныя, подъ ближайшимъ надзоромъ офицеровъ, упражненія и занятія ни въ какомъ случаѣ не превышаютъ 6 часовъ въ сутки, остальное время эти молодые люди будутъ проводить въ сообществѣ нижнихъ чиновъ при весьма недостаточномъ надзорѣ унтеръ-офицеровъ; особое за ними наблюденіе еще возможно въ тѣхъ частяхъ, которыя расположены казарменнымъ способомъ; во множествѣ же частей, расположенныхъ на такъ-называемыхъ широкихъ квартирахъ, наблюденіе это было бы совершенно номинальнымъ: въ частяхъ этихъ присмотръ офицеровъ за нижними чинами ограничивается только ученьями, производимыми повременно съ болѣе или менѣе значительными промежутками времени. Безъ того уже армія несетъ тяжкую обязанность по отношенію къ пріему въ среду свою лицъ, не осужденныхъ по суду, но высланныхъ административнымъ порядкомъ за участіе въ революціонной пропагандѣ. Опасность отъ этихъ лицъ ослабляется зачисленіемъ ихъ въ части войскъ отдаленныхъ округовъ и ближайшимъ за ними наблюденіемъ военныхъ чиновъ офицерскаго званія. Но безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возобновляются почти ежегодно: исключаемая за нихъ массами молодежь, озлобленная противъ правительства и открытая пропагандѣ, въ нѣсколько лѣтъ проникнетъ во всѣ части арміи, къ явной для нея опасности. Весьма прискорбные, хотя по счастію весьма рѣдкіе факты показываютъ, что и солдатская среда можетъ быть доступна революціонной пропагандѣ. Наполнять ее лицами во всякомъ случаѣ весьма сомнительной благонадежности значило бы прямо дѣйствовать въ интересахъ революціонной пропаганды. Возможное устраненіе отъ арміи означенной опасности тѣмъ больше имѣетъ значенія для всего строя государственнаго, что армія призвана преслѣдовать высшія въ государствѣ цѣли—защиту Престола и отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ и конечно, не менѣе, если не болѣе другихъ учрежденій, содѣйствуетъ сохраненію въ странѣ порядка.—6) Полагать, что съ установленіемъ разсматриваемой мѣры прекратятся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или сдѣлаются крайне рѣдкими едва ли есть достаточное основаніе, ибо болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы мѣра эта была при-

мѣняема съ надлежащею строгостью и послѣдовательностью учебными начальствами столь многихъ и различныхъ вѣдомствъ,—начальствами, личный составъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ университетахъ, по самому закону можетъ быть совершенно измѣняемъ чрезъ каждые четыре года. Духъ дисциплины и порядка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не изчезъ бы въ такой мѣрѣ, если бы ихъ преподаватели были настоящими наставниками учащагося у нихъ юношества и если бы избираемыя или назначаемыя изъ нихъ или ими начальства пользовались надлежащимъ образомъ принадлежащею имъ дисциплинарною властью, хотя бы заключеніемъ ослушниковъ въ карцеръ. Но если учебныя начальства не рѣшаются пользоваться такимъ сравнительно мягкимъ наказаніемъ, какъ карцеръ, то молодежь всегда въ правѣ будетъ разсчитывать, что эти учебныя начальства еще менѣе рѣшатся исключать изъ учебнаго заведенія участниковъ въ безпорядкахъ и тѣмъ лишать ихъ всякихъ льготъ по воинской повинности и сдавать ихъ на шесть лѣтъ въ солдаты. Въ разсчетѣ на такую слабость своего начальства студенты по прежнему будутъ устраивать безпорядки, и армія, правда, не будетъ принимать въ свой составъ нежелательныхъ для нея элементовъ, но принципъ чести, на которомъ она зиждется, все-таки будетъ нарушенъ: будетъ признано, что служба въ рядахъ арміи можетъ быть карою и мѣрою для исправленія лицъ виновныхъ. Но болѣе всего слѣдуетъ опасаться въ данномъ случаѣ крайней непослѣдовательности учебныхъ начальствъ, которое дозволитъ молодежи разсчитывать на возможность безнаказаннаго участія въ безпорядкахъ или даже въ устройствѣ ихъ, а между тѣмъ эта непослѣдовательность иной разъ и въ иномъ учебномъ заведеніи проявится неожиданно исключеніемъ и обращеніемъ въ ряды арміи чрезмѣрно большаго числа участниковъ въ безпорядкахъ. При послѣдовательномъ и разумномъ воспитательномъ воздѣйствіи на молодыхъ людей ихъ наставниковъ и при таковомъ же охраненіи въ ихъ средѣ духа дисциплины и порядка ихъ начальниками едва ли бы оказалась надобность въ столь экстраординарной мѣрѣ какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ безпорядкахъ къ выполненію воинской повинности; безъ разумной же строгости и послѣдовательности и эта экстраординарная мѣра окажется недѣйствительною и можно даже опасаться, что въ разсчетѣ на нее учебныя начальства еще уменьшатъ свою заботу о развитіи и поддержаніи въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины. Во всякомъ случаѣ предлагаемая мѣра не представляется единственно

возможною въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и прежде всего учебныя заведенія, начиная съ низшихъ своихъ классовъ и кончая высшими курсами, должны настолько воспитывать ввѣряемыхъ имъ дѣтей, юношей и молодыхъ людей, чтобы они не имѣли надобности въ довоспитаніи ихъ въ дисциплинарномъ отношеніи въ рядахъ арміи, проходя въ ней принудительно солдатскую службу въ продолженіе шести лѣтъ. Нигдѣ въ мірѣ учебныя вѣдомства не слагаютъ съ себя и не возлагаютъ на армію таковой воспитательной задачи, а сами выполняютъ ее и ограждаютъ свои учебныя заведенія отъ производства въ нихъ безпорядковъ скопомъ.

И у насъ военно-учебное вѣдомство вполнѣ справилось съ этою задачею, и тогда какъ недавно еще Медико-Хирургическая Академія была очагомъ безпрерывныхъ почти студенческихъ безпорядковъ, въ настоящее время замѣнившая ее Военно-Медицинская Академія оказывается почти вовсе къ нимъ непричастною, и наружный видъ ея студентовъ, вообще довольно строгое соблюденіе ими формы, свидѣтельствуетъ несомнѣнно о возстановленіи въ ихъ средѣ духа порядка и дисциплины. Вообще въ случаѣ надлежащей разработки вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію дальнѣйшихъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ несомнѣнно оказались бы другія менѣе рискованныя, чѣмъ предлагаемая нынѣ, мѣры, способныя привести къ той же цѣли. Такъ, уже возбуждался вопросъ объ образованіи особыхъ дисциплинарныхъ командъ изъ увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, объ учрежденіи для нихъ особыхъ мѣстъ заключенія и разобщенія со всѣмъ міромъ, кромѣ немногихъ лицъ, призванныхъ вліять на нихъ воспитательно и руководить ихъ научными занятіями, насколько то возможно,—словомъ, объ учрежденіи для нихъ такого же исправительнаго заведенія, какъ Maison Paternelle въ Меттрэ близъ Тура, гдѣ съ этою цѣлью устроено 50 отдѣльныхъ келій (céllules), и наконецъ, какъ обязательство для всѣхъ поступающихъ въ высшее учебное заведеніе отбыть по окончаніи курса воинскую повинность вольноопредѣляющимися, при чемъ исключаемые за безпорядки естественно тотчасъ же привлекались бы въ ряды арміи, быть можетъ, съ лишеніемъ присвоенныхъ этому званію льготъ и на сроки, соотвѣтствующіе времени, на которое они подверглись увольненію изъ учебнаго заведенія (то-есть, отъ одного до трехъ лѣтъ).—Наконецъ, 7) разсматриваемая здѣсь мѣра, нарушая коренное основаніе устава о воинской повинности, представляя опас-

ность для арміи, не отрезвляя, а лишь ожесточая и озлобляя учащуюся молодежь противъ правительства, не предупреждая и самихъ студенческихъ безпорядковъ безъ устраненія тѣхъ причинъ, которыя ихъ порождаютъ и которыя коренятся въ нынѣшнихъ учебно-воспитательныхъ нашихъ порядкахъ, вызывая сильное неудовольствіе въ семействахъ осужденныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не встрѣтитъ никакого сочувствія и въ самой массѣ общества, которая въ подобной мѣрѣ усмотритъ только ея суровость, не вознаграждаемую никакими добрыми послѣдствіями, ни даже необходимыми условіями всякой кары— безпристрастною справедливостью.

Доводы въ пользу принудительнаго отбыванія воинской повинности уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній.

Въ пользу разсматриваемой здѣсь мѣры приводятся обыкновенно нижеслѣдующіе доводы и соображенія: 1) Воинская повинность, будучи всеобщею, по самому существу своему, равномѣрно для всѣхъ обязательна, и какъ бы ни было во всѣхъ отношеніяхъ тягостно ея отбываніе и съ какимъ бы экономическимъ ущербомъ для самихъ отбывающихъ ее и для ихъ семействъ ни было сопряжено оно, тѣмъ не менѣе отбываніе воинской повинности никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни для кого наказаніемъ: изъ всѣхъ повинностей, лежащихъ на подданныхъ государства, это несомнѣнно самая тягостная, но вмѣстѣ съ тѣмъ также несомнѣнно, что это не есть наказаніе, а есть высокая честь, есть нравственный долгъ и болѣе того есть священная обязанность всякаго вѣрноподданнаго. Поэтому и для исключенныхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній поступленіе въ ряды нашей доблестной арміи отнюдь не было бы наказаніемъ, а было бы, какъ и для всѣхъ прочихъ гражданъ, великою честью, и вопросъ могъ бы быть скорѣе лишь о томъ, заслуживаютъ ли они этой чести. Наказаніемъ при этомъ было бы не привлеченіе ихъ къ военной службѣ, а только лишеніе всѣхъ льготъ, которыя у насъ оказалось возможнымъ въ большомъ числѣ и разнообразіи предоставить всѣмъ подданнымъ при установленіи всеобщей воинской повинности. Первая и главнѣйшая изъ этихъ льготъ заключается въ томъ, что далеко не всѣ несутъ дѣйствительную военную службу для защиты Престола и отечества, а что для пополненія рядовъ нашей арміи и флота оказывается достаточнымъ одной четверти всего мужскаго населенія, достигшаго 20-лѣтняго возраста, а ³/₄ его

увольняются отъ поступленія подъ знамена и зачисляются въ ополченіе. Поступленіе въ ряды арміи или увольненіе опредѣляется жеребьемъ, отсюда участіе въ выниманіи жеребья является первою льготою, и этой льготы естественно лишаются уличенные въ умышленномъ уклоненіи отъ воинской повинности. Затѣмъ являются льготы по семейному положенію и по образованію — послѣднія, заключающіяся въ отсрочкѣ поступленія въ ряды арміи до времени окончанія полнаго образованія, въ сокращеніи срока дѣйствительной службы и въ возможности отбыть воинскую повинность на болѣе льготномъ положеніи вольноопредѣляющихся. Вотъ этихъ-то всѣхъ льготъ и предполагается лишать исключаемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Лишеніе всѣхъ этихъ льготъ есть несомнѣнно тяжкая кара, которая благодаря своей тяжести имѣетъ дѣйствительно устрашающій характеръ, а потому и признается способною положить конецъ всѣмъ студенческимъ безпорядкамъ, то-есть, оказать существенно важную услугу государству, обществу и самимъ молодымъ людямъ, ищущимъ высшаго образованія и нынѣ, по несчастію. усиленно и всѣми способами сбиваемымъ съ толку. Но сама военная служба отнюдь не потеряетъ своего въ высшей степени почетнаго характера отъ того, что нѣкоторымъ лицамъ пришлось бы проходить ее безъ тѣхъ льготъ, которыхъ они лишились бы по собственной своей винѣ и неразумію, какъ не теряетъ она этого почетнаго характера отъ того, что къ ней и нынѣ принудительно привлекаются даже тѣ, которые старались отъ нея уклониться хотя бы даже и посредствомъ членовредительства. Этотъ почетный характеръ присущъ военной службѣ благодаря тѣмъ высокимъ цѣлямъ, ради которыхъ она установлена; но было бы большимъ заблужденіемъ полагать, что воинская повинность выполняется огромнымъ большинствомъ подлежащаго ей населенія только ради соединенной съ нею чести, или по сознанію тѣхъ высокихъ цѣлей, для которыхъ она установлена, и даже вообще охотно, по доброй волѣ и безъ всякаго принужденія. Въ основѣ всякой повинности лежитъ принужденіе, безъ чего повинность и не была бы повинностью, и если принудительное привлеченіе къ отбыванію воинской повинности даже лицъ, которыя старались съ помощью членовредительства уклониться отъ нея, не наноситъ ни малѣйшаго ущерба почетному характеру военной службы, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о подобномъ ущербѣ отъ принудительнаго привлеченія къ военной службѣ молодыхъ людей, виновныхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ только въ горячности, въ необдуманно-

сти, въ ложномъ пониманіи товарищескаго долга и въ недостаточной дисциплинировкѣ. Принудительное привлеченіе такихъ лицъ въ ряды арміи нисколько не поколеблетъ основнаго принципа столь важнаго для всего государства учрежденія какъ его армія и не можетъ причинить ни малѣйшаго ущерба ея чести: это не воры, не мошенники, не порочные и не безчестные люди, не опозоренные по суду, не заговорщики; это—горячія, необдуманныя, увлекающіяся головы и недостаточно дисциплинированные молодые люди.—2) Тѣмъ не менѣе это люди, причиняющіе своею горячностью и необдуманностью огромный вредъ всей странѣ: себѣ самимъ, своимъ семьямъ, своимъ товарищамъ, своему учебному заведенію, правильному ходу ученія, авторитету власти, а потомъ будучи выброшены изъ учебнаго заведенія и ставъ сначала мишенью для усилій крамольниковъ, а потомъ и ихъ пособниками, являются уже настоящими врагами всего общественнаго и государственнаго строя. Не даромъ крамольная партія съ особенною настойчивостью стремится къ возбужденію съ помощью этихъ горячихъ головъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Безпорядки эти служатъ ей самымъ удобнымъ и сподручнымъ средствомъ къ пополненію ея рядовъ, къ распространенію, при помощи исключенныхъ и никуда не пристроившихся юношей, заразы крамольныхъ ученій, къ захвату учащагося юношества въ свои руки и къ удостовѣренію всѣхъ и каждаго въ безсиліи правительства въ борьбѣ съ анархіей. Зло это громадное и для всѣхъ близко знакомыхъ съ развитіемъ въ нашемъ отечествѣ крамолы несомнѣнное и очевидное: оградить отъ него всѣми мѣрами и способами государство и подростающія поколѣнія есть священный долгъ правительства. Наиболѣе дѣйствительною мѣрою къ сему представляется лишеніе участниковъ въ безпорядкахъ всѣхъ льготъ по воинской повинности. Кара эта, безъ сомнѣнія, весьма тяжкая, далеко превышающая мѣру умышленной и сознательной виновности этихъ молодыхъ людей, но вполнѣ соотвѣтствующая размѣрамъ того зла и вреда, которые они большею частью безсознательно и неумышленно, какъ слѣпыя орудія крамолы, причиняютъ странѣ, и потому не можетъ не быть признана вполнѣ справедливою и вполнѣ заслуженною. Совершенно справедливо, что она падаетъ и на ихъ семьи, какъ и вообще всякое болѣе или менѣе тяжкое наказаніе, постигающее кого-либо изъ членовъ семьи; но семьи въ этомъ случаѣ должны сѣтовать на этихъ своихъ членовъ, а быть можетъ отчасти и на самихъ себя, за то, что не успѣли или не хотѣли надлежащимъ образомъ воспитывать, вести

и дисциплинировать младшихъ своихъ членовъ и допустили ихъ стать слѣпыми орудіями крамолы. — Двойственность кары—удаленіе изъ учебнаго заведенія и лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности—не можетъ говорить противъ ея справедливости, ибо подобная же двойственность наказанія встрѣчается и въ самомъ уставѣ о воинской повинности (ст. 217 и 218), и во многихъ другихъ отдѣлахъ нашего законодательства. — Наложеніе же въ данномъ случаѣ наказанія не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ, вполнѣ оправдывается характеромъ самой вины и положеніемъ виновныхъ, какъ воспитанниковъ учебнаго заведенія: невозможно предавать формальному судоговоренію тѣ частныя бытовыя стороны жизни учебнаго заведенія, справедливая оцѣнка которыхъ доступна лишь лицамъ, которыя сами вращаются въ этой средѣ.—3) Одинаковость наказанія при возможномъ различіи вины участниковъ въ безпорядкахъ не составляетъ сущности предлагаемой мѣры: наказаніе это весьма легко можетъ быть приведено въ соотвѣтствіе съ мѣрою вины, напримѣръ, предоставленіемъ однимъ отбыть воинскую повинность на положеніи вольноопредѣляющихся 1-го или 2-го разряда, другимъ на положеніи жеребьевыхъ 1-го, 2-го или 3-го разрядовъ, не говоря уже о томъ, что срокъ службы можетъ быть соразмѣренъ съ поведеніемъ и усердіемъ къ службѣ этихъ служащихъ.—4) Совершенно справедливо, что уголовное наше законодательство не знаетъ ни такого преступленія, какъ студенческіе безпорядки скопомъ, ни такого наказанія, какъ лишеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ льготъ по отбыванію воинской повинности, и не должно ихъ вовсе знать и на будущее время, ибо только вслѣдствіе случайныхъ, временныхъ, можно надѣяться — имѣющихъ скоро прекратиться обстоятельствъ и условій недавняго прошлаго, породившихъ въ странѣ нашей гнусную крамолу, такіе въ сущности школьническіе проступки какъ студенческіе безпорядки могли по своимъ послѣдствіямъ принять размѣры важнаго и крайне пагубнаго преступленія и потребовать такой чрезвычайной мѣры, какъ предлагаемая нынѣ во всякомъ случаѣ на короткое время, сначала въ видѣ опыта, хотя бы только на три года. Подобная мѣра можетъ и должна быть принята только въ административномъ порядкѣ, а не въ законодательномъ, и не должна входить въ составъ постояннаго законодательства. Что сила этого наказанія не для всѣхъ одинакова, а для однихъ окажется болѣе, для другихъ же менѣе тяжкою, это примѣнимо и ко всякому другому наказанію: каждое изъ нихъ различно поражаетъ подвергающихся ему лицъ, смотря по индивидуальнымъ

свойствамъ и особенностямъ каждаго лица и его положенія въ данное время. Что же касается до физически неспособныхъ къ строевой службѣ или недостаточно для нея развившихся, то они могутъ проходить свою службу въ нестроевыхъ должностяхъ и командахъ (фельдшеровъ, буде медики, писарей и т. д.).—5) Карательныя мѣры, принимаемыя внезапно, по личному усмотрѣнію и произволу, въ данныхъ лишь случаяхъ, безъ всякаго предваренія о возможности ихъ наложенія, конечно, могутъ ожесточить и озлобить противъ правительства тѣхъ, на кого онѣ падаютъ. Но въ данномъ случаѣ предполагается, что учащіеся будутъ неоднократно предупреждаемы, что за устройство или за участіе въ безпорядкахъ скопомъ виновные будутъ не только удаляемы изъ учебнаго заведенія, но и лишаемы всѣхъ вообще льготъ по воинской повинности, и если подобная кара дѣйствительно ихъ постигнетъ, они должны будутъ пенять только на самихъ себя и сѣтовать на своихъ подстрекателей, а вовсе не на правительство, предостерегавшее ихъ отъ участія въ безпорядкахъ и указывавшее на тѣ послѣдствія, которыя оно должно повлечь за собою. Врочемъ пришлось бы отмѣнить всѣ наказанія за проступки и преступленія, если бы правительству слѣдовало руководствоваться опасеніемъ, что наказанія эти могутъ озлобить и ожесточить противъ него наказываемыхъ. Хочешь не подвергаться наказанію, не совершай проступка или преступленія, за которые оно налагается. Впрочемъ огромное большинство учащихся вовсе не въ пользу безпорядковъ и будетъ только благодарно правительству, что наконецъ-то оно рѣшилось на мѣру, способную воздержать подстрекателей, отрезвить и образумить горячія головы, слишкомъ легко имъ поддающіяся, и придать силу внушеніямъ болѣе разумнаго и спокойнаго большинства.

Какъ уже сказано выше, увольняемые изъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ огромномъ большинствѣ въ самый моментъ своего увольненія не могутъ считаться людьми, зараженными крамолою или ея гнусными и тлетворными ученіями, или же принадлежащими къ тайнымъ революціоннымъ сообществамъ: если бы въ средѣ ихъ оказались таковые, то по предположеніямъ большинства совѣщанія министровъ они не подлежали бы разсматриваемой здѣсь мѣрѣ. Слѣдовательно, въ армію поступали бы лица, вина коихъ заключается въ легкомысліи, въ неразуміи, въ непониманіи своего долга, своей пользы и своего положенія какъ учащихся, въ способности увлекаться дурными внушеніями, весьма часто въ превратномъ пониманіи своего

товарищескаго долга, въ горячности, наконецъ, просто въ желаніи пошумѣть, побуянить и конечно, въ недостаточномъ развитіи чувства законности и духа дисциплины. Могутъ быть между ними, конечно, и люди съ шаткимъ, не установившимся и даже съ превратнымъ образомъ мыслей въ религіозномъ, политическомъ и соціальномъ отношеніи, какихъ не мало поступаетъ и всегда поступало въ армію ежегодно изъ всевозможныхъ учебныхъ заведеній, не исключая даже и военноучебныхъ, притомъ даже офицерами. Хотя въ настоящее время армія наша по составу нижнихъ чиновъ своихъ далеко не та, какою была она при Императорѣ Николаѣ I, тѣмъ не менѣе и при сокращенныхъ слишкомъ вчетверо срокахъ службы и при несравненно менѣе суровомъ обращеніи съ нижними чинами, армія наша, благодаря Бога, и въ настоящее время представляетъ собою среду вполнѣ здоровую въ религіозно-нравственномъ и соціально-политическомъ отношеніи, проникнутую духомъ беззавѣтной преданности Престолу и Отечеству и вполнѣ дисциплинированную. Попадающіе и имѣющіе и впредь попадать въ эту среду молодые люди съ шаткимъ и даже съ превратнымъ образомъ мыслей не только не въ состояніи сами воздѣйствовать на нее въ дурномъ смыслѣ, но обыкновенно напротивъ подпадаютъ доброму ея вліянію, вліянію всего строя военной жизни и службы, вліянію непреклонно-твердой дисциплины, и сами весьма скоро вполнѣ отрезвляются. То же несомнѣнно было бы и съ молодыми людьми, уволенными за безпорядки изъ учебныхъ заведеній, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и были съ превратнымъ образомъ мыслей.

Чтобы, поступивъ въ ряды арміи, они могли стать мишенью для усилій и вліяній крамольниковъ, это представляется совершенно невѣроятнымъ. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что армія, служа самою надежною основою и охраною для всего государственнаго и общественнаго порядка, сама самымъ бережнымъ образомъ охраняется отъ посягательствъ на нее крамольниковъ и можетъ быть легко охраняема благодаря всему своему строю и господствующему въ ней духу дисциплины. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе были бы охраняемы отъ козней крамольниковъ и эти нижніе чины, о которыхъ здѣсь рѣчь, и даже еще болѣе, ибо на нихъ, какъ на бывшихъ участниковъ въ безпорядкахъ, смотрѣли бы болѣе подозрительно и дѣйствительно должны были бы имѣть за ними особенно тщательное наблюденіе такъ чтобы ни на нихъ не могла дѣйствовать крамола, ни они сами, не могли бы дѣйствовать на своихъ сослуживцевъ какимъ-либо нрав-

ственно-растлѣвающимъ образомъ. Поэтому и слѣдовало бы распредѣлять ихъ въ тѣхъ частяхъ войскъ, которыя пользуются казарменнымъ размѣщеніемъ.

Ни подобное распредѣленіе ихъ, ни особое наблюденіе за ними не представили бы большихъ затрудненій, ибо самое число этихъ лицъ весьма незначительно. Если бы предположить даже нѣчто совсѣмъ невозможное, а именно, что разсматриваемая здѣсь мѣра нисколько не уменьшила бы безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то и тогда оказалось бы, что подлежали бы ей ежегодно изъ обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія 69 человѣкъ (такъ было въ среднемъ выводѣ за 18 лѣтъ, съ 1864 по 1882 годъ), изъ другихъ же учебныхъ заведеній по большей мѣрѣ человѣкъ 11,—всего, значитъ, въ годъ около 80, а чрезъ 6 лѣтъ, предполагая для всѣхъ ихъ 6-лѣтній срокъ службы, численность этихъ нижнихъ чиновъ во всей нашей арміи дошла бы всего до 480 человѣкъ. Въ виду такого ничтожнаго числа этихъ лицъ сравнительно съ численностью нашей арміи едва-ли возможно опасаться, что чрезъ нѣсколько лѣтъ эти лица проникли бы во всѣ части ея (разумѣя подъ частями роты и эскадроны), что ни сами они, при господствующихъ въ нашей арміи порядкахъ и дисциплинѣ, не могли бы быть достаточно ограждены отъ происковъ и вліянія крамольниковъ, ни тѣ части, въ которыя они поступили бы, отъ предполагаемаго худаго вліянія этихъ 480 молодыхъ людей. Чтобъ эти 480 молодыхъ людей (примѣрно по 1 на каждую изъ избранныхъ для сего 480 ротъ или эскадроновъ), большею частью совершенно неиспорченныхъ и безвредныхъ, могли испортить собою и своимъ вліяніемъ нашу армію, это представляется совершенно невозможнымъ. Если бы съ обсуждаемою здѣсь мѣрою была связана хотя бы малѣйшая тѣнь подобной опасности, то, конечно, ее отнюдь не рѣшились бы предложить тѣ лица, которыя нынѣ ее предлагаютъ и которыя вполнѣ проникнуты сознаніемъ всего величія такого по истинѣ національнаго учрежденія, какъ армія,—учрежденія, которое представляетъ собою самый надежный оплотъ противъ всѣхъ враговъ Престола и Отечества, враговъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ; но именно благодаря этому своему великому національному и историческому значенію и призванію, армія, казалось бы, должна оказать Престолу и Отечеству и эту немаловажную услугу въ борьбѣ съ внутреннею крамолой, спасая отборную, но сбиваемую съ толку молодежь отъ собственныхъ ея увлеченій и отъ сѣтей, разставляемыхъ ей крамолою.

Оказывая подобную услугу обществу и государству, армія не только не повредитъ себѣ и не подвергнетъ себя опасности какой-либо нравственно-политической порчи, а напротивъ вмѣстѣ со всею страною обезопаситъ и себя отъ нея въ будущемъ, ибо лишитъ крамолу возможности самымъ легкимъ и удобнымъ образомъ вербовать своихъ адептовъ и агентовъ среди выбрасываемыхъ за безпорядки изъ учебныхъ заведеній молодыхъ людей, предоставляемыхъ въ жертву праздности и сопутствующимъ ей всякаго рода дурнымъ вліяніямъ. Армія есть только часть всего населенія; все что вредно отражается на населеніи вообще, то неблагопріятно дѣйствуетъ и на армію, пополняющую свои ряды изъ населенія. Поэтому всякая мѣра, направленная къ искорененію распространяющейся, путемъ пропаганды, среди населенія крамолы, тѣмъ самымъ предупреждаетъ распространеніе этого зла и въ самой арміи. Поэтому и армія не должна оставаться безучастною въ принятіи мѣръ къ уничтоженію крамолы.

Что она служила бы оздоровляющею и отрезвляющею средой для извѣстной части нашей учащейся молодежи, нынѣ усиленно сбиваемой съ толку, это послужило бы только къ вящшей чести и славѣ арміи. Впрочемъ вездѣ вполнѣ благоустроенная и доблестная армія признается школою высшей дисциплины для всего населенія страны, и этой великой ея задачѣ нисколько не противорѣчило бы привлеченіе въ ея ряды ищущихъ высшаго образованія молодыхъ людей, но тѣмъ не менѣе еще нуждающихся въ довоспитаніи своемъ въ дисциплинарномъ отношеніи, и конечно, это нисколько не могло бы причинить ущерба чести арміи, а что это довоспитаніе было бы блистательно совершено, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

6) Нельзя, конечно, отрицать, что и самая лучшая, самая разумная и дѣйствительная мѣра окажется недѣйствительною и безполезною, если ея не будутъ вовсе примѣнять или если ею будутъ пользоваться непослѣдовательно и потому крайне неразумно. Но это уже дѣло тѣхъ вѣдомствъ, въ коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, не допускать ни бездѣйствія въ этомъ отношеніи ближайшаго учебнаго начальства, ни такихъ его дѣйствій, которыя своимъ неразуміемъ и непослѣдовательностью являли бы отъ времени до времени только безцѣльную суровость законодателя, не обращая разсматриваемой здѣсь мѣры къ дѣйствительному устраненію студенческихъ безпорядковъ и къ возстановленію въ учащейся молодежи духа порядка и дисциплины. Студенческіе безпорядки не такое зло, которое легко было бы скрыть какъ отъ своего высшаго начальства, такъ

и отъ постороннихъ гражданскихъ и военныхъ властей и отъ всего мѣстнаго общества, а потому едва-ли и возможно ожидать какого-либо попустительства въ этомъ отношеніи какъ отъ ближайшихъ учебныхъ властей, такъ и отъ стоящихъ надъ ними вѣдомствъ. Притомъ же какъ только учебныя власти были бы надѣлены такимъ могучимъ средствомъ къ водворенію духа дисциплины во ввѣренной имъ учащейся молодежи, то на нихъ, очевидно, должна быть возложена строгая и точно опредѣленная отвѣтственность за ихъ бездѣйствіе и безпечность въ этомъ отношеніи, и въ случаѣ надобности одновременно съ разсматриваемою здѣсь мѣрою должны быть установлены и особые способы наблюденія за дисциплинарнымъ состояніемъ каждаго высшаго учебнаго заведенія. Дѣло отнюдь не идетъ о томъ, чтобы снять съ наставниковъ, съ учебныхъ начальствъ и учебныхъ вѣдомствъ ту заботу о нравственно-дисциплинарномъ состояніи высшихъ учебныхъ заведеній, которая должна лежать на нихъ, и возложить эту задачу на военное вѣдомство, на армію: совершенно напротивъ, дѣло можетъ и должно идти только о томъ, чтобы, вооруживъ учебныя власти такими могучими и неотразимыми способами дѣйствія на учащуюся молодежь, сдѣлать лежащую на нихъ нравственно-дисциплинарную задачу вполнѣ разрѣшимою и вмѣнить имъ въ обязанность подъ строжайшею отвѣтственностью непремѣнное и безотлагательное разрѣшеніе оной.

Дѣйствительно, дисциплина и порядокъ не упали бы въ такой мѣрѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ это оказывается нынѣ на дѣлѣ, если бы всѣ ихъ наставники и начальники отъ низшихъ и до высшихъ исполняли какъ слѣдуетъ свои обязанности и пользовались въ надлежащей мѣрѣ тѣми дисциплинарными полномочіями, которыя имъ и доселѣ были предоставлены. Но съ другой стороны, нельзя отрицать, что въ прошедшее царствованіе правительство какъ бы отступилось само отъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и предоставило ихъ и учащуюся въ нихъ молодежь въ безконтрольное почти завѣдываніе профессорскихъ коллегій и ими избираемыхъ должностныхъ лицъ, а самимъ этимъ коллегіямъ предоставило управляться и пополняться какъ знаютъ и умѣютъ. Въ своемъ отчужденіи отъ власти, а нерѣдко и въ борьбѣ съ нею, болѣе всего опасаясь ея вмѣшательства въ свои дѣла и потому не ища въ ней опоры, а по возможности и скрывая отъ нея все, что происходитъ въ учебномъ заведеніи, профессорскія коллегіи и избираемыя ими должностныя лица мало по малу и неминуемо должны были утратить всѣ тѣ дисциплинарныя полномочія,

которыя по закону и по правиламъ были имъ предоставлены. Вся сила и мощь оказались въ рукахъ не начальниковъ и наставниковъ, не профессорскихъ коллегій, стоявшихъ надъ ними, а въ рукахъ учащейся молодежи, которая, дѣйствуя скопомъ и заговоромъ, устраивая сходки и всякаго рода демонстраціи, всегда вдвойнѣ могла запугать всѣ эти выборныя власти—какъ самими безпорядками и безчинствами, такъ чуть ли еще не болѣе необходимостью прибѣгнуть ко вмѣшательству посторонней учебному заведенію власти, какою въ университетахъ считалась даже и власть попечителя округа. Не только помощники инспектора или проректора, не только профессора, но и самъ инспекторъ или проректоръ и ректоръ всячески избѣгали поводовъ и случаевъ дѣлать какія бы то ни было замѣчанія, а тѣмъ паче выговоры студентамъ, чтобы не возбуждать «студенческихъ исторій». Могъ ли при этомъ сохраниться бывшій прежде грозою для студентовъ академическій карцеръ? Такимъ образомъ мало по малу всѣ основы порядка и дисциплины въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были подорваны, и нынѣ не представляется возможности возстановить ихъ иначе какъ съ помощью такой экстраординарной мѣры, какъ принудительное привлеченіе виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ къ отбыванію воинской повинности; ибо только возможность прибѣгнуть къ такой мѣрѣ дастъ твердую и надежную опору нынѣ столь расшатанной и поколебленной дисциплинарной власти учебныхъ начальствъ, малѣйшее проявленіе которой въ настоящее время способно вызвать сильнѣйшій отпоръ со стороны отдѣльныхъ студентовъ, а затѣмъ и со стороны болѣе или менѣе значительной ихъ массы.

Всякаго рода другія мѣры не представляются сами по себѣ дѣйствительными, ибо онѣ или непримѣнимы къ массамъ, или не заключаютъ въ себѣ никакихъ гарантій оздоровленія, отрезвленія и дисциплинированія молодыхъ людей, способныхъ черезчуръ разгорячатьс и разбушевываться. Дѣйствительно, духъ неповиновенія начальству, наиболѣе проявляющійся въ студенческихъ безпорядкахъ, питается главнѣйше тѣмъ разчетомъ, что чѣмъ болѣе окажется участниковъ въ этихъ безпорядкахъ, тѣмъ большею безнаказанностью будутъ они пользоваться: отсюда всѣ усилія зачинщиковъ и подстрекателей направлены бываютъ къ тому, чтобы вовлечь въ эти безпорядки сколь можно большее число товарищей. Никакихъ карцеровъ, если бы они и существовали, и никакихъ мѣстъ заключенія не хватило бы на всю эту толпу участниковъ въ безпорядкахъ, и это тѣмъ болѣе, что бо-

лѣе или менѣе всѣ высшія учебныя заведенія бываютъ солидарны въ этомъ отношеніи между собою, и безпорядки, начавшіеся въ Харьковѣ или въ Одессѣ, тотчасъ отзываются въ Кіевѣ и въ Москвѣ, въ Петербургѣ и Казани, и наоборотъ. Положимъ, что для отрезвленія этой разбушевавшейся молодежи было бы учреждено нѣчто въ родѣ *Maison Paternelle, хотя бы и съ сотнею келій (вмѣсто 50-ти).* Очевидно, что стоило бы только употребить усилія и вовлечь въ безпорядки 200, 300 и болѣе человѣкъ, чтобы учрежденіе это оказалось недѣйствительнымъ, не говоря уже о томъ, сколько времени и какихъ расходовъ потребовало бы его устройство и содержаніе, какъ не легко было бы найдти для него руководителей и какъ сомнительно, чтобъ это одиночное заключеніе могло содѣйствовать довоспитанію молодыхъ людей въ дисциплинарномъ отношеніи. Во Франціи «Maison Paternelle» предназначенъ, правда, отчасти и для строптивыхъ учениковъ лицеевъ и коллежей (нашихъ гимназій), которые совершенно вышли изъ повиновенія родителямъ, наставникамъ и начальникамъ (во Франціи, какъ и у насъ, тѣлесныя наказанія въ школахъ не употребляются), но главнымъ образомъ для неисправимыхъ лѣнтяевъ, для юношей попавшихъ въ дурную компанію и предающихся кутежамъ, распущенности и мотовству. Какъ мѣра карательная, учрежденіе это ближе всего подходитъ къ карцеру и отчасти къ одиночному тюремному заключенію; какъ мѣра исправительная, оно какъ нельзя болѣе пригодно противъ лѣности и распущенности, но въ весьма малой мѣрѣ противъ духа неповиновенія, ибо почти вовсе не представляетъ случаевъ упражнять свою волю въ безусловномъ подчиненіи волѣ старшихъ. Особыя военныя команды, учрежденныя для исключаемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки, конечно, могли бы вмѣстить всѣхъ, кто только подвергся бы этому взысканію, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы онѣ могли содѣйствовать ихъ отрезвленію и дисциплированію, и несомнѣнно потребовалось бы огромное число унтеръ-офицеровъ и офицеровъ, чтобы хоть сколько-нибудь держать эти команды въ дисциплинѣ и порядкѣ, и можно опасаться самаго тлетворнаго вліянія другъ на друга этихъ молодыхъ людей болѣе или менѣе одинаковаго образованія, одинаковаго направленія и въ одинаковомъ положеніи, особенно же если бы между ними оказались лица съ превратнымъ образомъ мыслей или даже зараженныя ученіями крамолы: въ послѣднемъ случаѣ возможно было бы возникновеніе весьма опаснаго тайнаго революціоннаго сообщества съ опредѣленными планами и замыслами на будущеее время по увольненіи изъ та-

кихъ командъ. Притомъ же подобныя команды ни для какихъ военныхъ цѣлей не были бы пригодны и въ сущности никакой службы не несли бы, а были бы въ родѣ существующихъ нынѣ дисциплинарныхъ ротъ и баталіоновъ. Напротивъ, къ отбыванію воинской повинности въ рядахъ арміи можетъ быть привлечено столько лицъ, сколько окажется имѣющихъ надобность въ подобномъ довоспитаніи въ дисциплинарномъ отношеніи. Увеличивать число участниковъ въ безпорядкахъ въ разчетѣ на безнаказанность окажется уже невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько бы ихъ ни было, всѣ опи попали бы въ среду вполнѣ здоровую, отрезвляющую и способную всѣмъ строемъ своимъ дѣйствовать на нихъ самымъ дисциплинирующимъ образомъ.

Притомъ же лишеніе всѣхъ льготъ по воинской повинности представляетъ собою кару, устрашающій характеръ которой несомнѣнно побудитъ и самихъ молодыхъ людей, и ихъ семейства, а также ихъ наставниковъ и ихъ начальниковъ, стать въ несравненно большей мѣрѣ чѣмъ теперь на стражѣ противъ усилій злоумышленниковъ, подстрекателей и зачинщиковъ студенческихъ безпорядковъ.

Быть можетъ, въ разчетѣ на непослѣдовательность и слабодушіе учебныхъ начальствъ кое-гдѣ на первыхъ порахъ и возникали бы еще студенческіе безпорядки; но и тогда они не содѣйствовали бы пополненію рядовъ крамольной партіи и разносу по странѣ ея ученій, ибо виновные въ безпорядкахъ были бы немедленно привлекаемы къ отбыванію воинской повинности: крамола убѣдилась бы въ безполезности для нея этихъ безпорядковъ, а два - три примѣра лишенія за участіе въ нихъ всѣхъ льготъ по воинской повинности не замедлили бы отрезвить и образумить учащихся и положить конецъ безпорядкамъ, а временемъ дѣйствія этой мѣры и наставники юношества, и учебныя начальства должны были бы воспользоваться для окончательнаго и твердаго водворенія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ духа дисциплины и порядка.

Указываютъ на Военно-Медицинскую Академію, которая и безъ вышеозначенной мѣры стала почти непричастна въ настоящее время къ студенческимъ безпорядкамъ. Мѣры, которыя были съ этою цѣлью употреблены военнымъ вѣдомствомъ, совершенно невозможны для другихъ вѣдомствъ и особенно для министра народнаго просвѣщенія по отношенію къ университетамъ. а) Въ Военно-Медицинской Академіи могли быть упразднены, хотя и временно, два низшіе курса въ разсчетѣ на эти курсы въ медицинскихъ и физико-математическихъ факультетахъ въ университетахъ. Очевидна совершенная невозможность

этой мѣры для университетовъ. б) Молодые люди, удостоенные пріема въ Военно-Медицинскую Академію, сначала всѣ, а нынѣ двѣ-трети всего числа, обращены въ стипендіатовъ правительства и считаются уже состоящими на военной службѣ со всѣми соотвѣтственными правами, обязанностями и требованіями дисциплины. Какъ ни велико число правительственныхъ и частныхъ стипендій въ нашихъ университетахъ, оно далеко не соотвѣтствуетъ двумъ третямъ всего числа ихъ студентовъ, и никто изъ стипендіатовъ не считается состоящимъ на службѣ. Едва-ли желательно и едва-ли возможно какъ увеличеніе числа стипендій въ университетахъ, такъ и зачисленіе стипендіатовъ на службу. в) Привлеченіе на службу по инспекціи въ Военно-Медицинской Академіи военныхъ штабъ-офицеровъ, распространеніе на ея студентовъ нѣкоторыхъ требованій военной дисциплины, возможность располагать для ихъ обузданія въ случаѣ надобности военною силою, а для ихъ наказанія военными гауптвахтами, — все это такія условія, которыя сравнительно съ вышеозначенными, конечно, имѣютъ лишь второстепенную важность, но которыхъ лишены всѣ другія вѣдомства. Что Медико-Хирургическая академія могла быть очагомъ непрерывныхъ студенческихъ безпорядковъ, находясь въ военномъ вѣдомствѣ, это было обстоятельствомъ по истинѣ удивительнымъ и чрезвычайнымъ.

Наконецъ, 7) въ вопросахъ, имѣющихъ несомнѣнную государственную важность, едва-ли было бы умѣстно оцѣнивать ту или другую мѣру по тому, насколько она будетъ популярна или непопулярна. Несравненно вѣрнѣе и основательнѣе другой критерій, а именно полезна ли, необходима ли, удобоисполнима ли и справедлива ли данная мѣра. Всѣми этими качествами, какъ выше изъяснено, отличается разсматриваемая здѣсь мѣра, а потому ее слѣдовало бы принять въ принципѣ, хотя бы въ видѣ опыта на 3 года, и разработать подробныя правила относительно порядка примѣненія ея на дѣлѣ.

Когда журналъ засѣданія комитета гг. министровъ по сему предмету былъ представленъ Государю Императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. Собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Не раздѣляя опасеній и мнѣній 14-и особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава».

Новый университетскій уставъ дѣйствительно былъ Высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 г., но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ безпорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Вопросъ о мѣрахъ взысканія въ административномъ порядкѣ за грубыя оскорбленія должностныхъ лицъ учебнаго персонала учащимися.

Впрочемъ нѣкоторое соотношеніе съ этимъ дѣломъ имѣетъ вопросъ, возбужденный въ іюнѣ 1884 г. главноначальствовавшимъ гражданскою частью на Кавказѣ, объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на примѣненіе къ Кавказскому краю особыхъ мѣръ взысканія для лицъ виновныхъ въ оскорбленіи чиновъ учебнаго персонала. Въ своемъ отношеніи по этому предмету къ г. министру народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ прежде всего обращаетъ вниманіе на частое повтореніе преступленій, состоящихъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ учителей и начальниковъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа, совершаемыхъ какъ учащимися, такъ и сторонними лицами, поставленными въ извѣстныя отношенія къ учебному начальству. Случаевъ такихъ преступленій приведено 6 со стороны учащихся и 3 со стороны должностныхъ лицъ въ теченіе всего двухъ лѣтъ. Послѣднія должны подлежать судебному преслѣдованію; но во избѣжаніе вреднаго ихъ вліянія на учащихся и на незрѣлую часть общества, они немедленно по совершеніи преступленія должны быть, по распоряженію начальника края, подвергаемы тюремному заключенію, по возможности, одиночному, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла; учащіеся же должны быть также немедленно лишаемы свободы, оставаясь или подъ наблюденіемъ начальства заведенія, или же въ особыхъ помѣщеніяхъ подъ надзоромъ лицъ полицейскаго или учебнаго вѣдомства, а затѣмъ по соглашенію главнаго начальника края съ министромъ народнаго просвѣщенія къ нимъ должны быть примѣняемы административныя мѣры, а именно, впредь до устройства особыхъ рабочихъ пріютовъ или исправительныхъ учебныхъ заведеній, они должны быть помѣщаемы въ рабочіе дома или колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, смотря по возрасту, впредь до ихъ исправленія и усвоенія ими извѣстнаго умѣнья, способнаго обезпечить ихъ жизнь.

Коммиссія 1885 г.

Министръ народнаго просвѣщенія, находя съ своей стороны установленіе особаго порядка взысканій для виновныхъ въ оскорбленіи дѣйствіемъ должностныхъ лицъ учебнаго персонала необходимымъ не

для одного Кавказскаго края, но и для всей Имперіи, по предварительномъ соглашеніи съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, испросилъ 28-го февраля 1885 г. Высочайшее соизволеніе подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію особой коммиссіи, въ составъ которой вошли отъ министерства народнаго просвѣщенія товарищъ министра кн. М. С. Волконскій (въ качествѣ предсѣдателя), тайный совѣтникъ Георгіевскій и д. с. с. Аничковъ, отъ министерства юстиціи тайн. сов. Н. А. Неклюдовъ и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Н. Н. Сабуровъ.

Посвятивъ 5 засѣданій этому дѣлу (съ 3 по 15 апрѣля 1885 г.), коммиссія прежде всего привела за истекшее четырехлѣтіе 17 случаевъ оскорбленія дѣйствіемъ учениками и студентами лицъ учебнаго вѣдомства, 7 случаевъ подобнаго же оскорбленія, посредствомъ разбитія оконъ и взрывовъ въ квартирахъ означенныхъ лицъ, и 5 случаевъ грубаго оскорбленія ихъ словами, по вѣдомству народнаго просвѣщенія, и 8 подобныхъ же случаевъ по духовно-учебному вѣдомству за то же время. Замѣну уголовнаго суда рѣшеніемъ дѣла въ порядкѣ административномъ коммиссія признавала необходимою по нижеслѣдующимъ причинамъ: продолжительное предварительное слѣдствіе, являющееся необходимымъ элементомъ судопроизводства, долгое время поддерживаетъ возбужденіе и ненормальное состояніе воспитанниковъ даннаго учебнаго заведенія; за симъ, какъ при предварительномъ слѣдствіи, такъ и при судебномъ разбирательствѣ, ученики привлекаются въ качествѣ свидѣтелей противъ своего начальства, и имъ предлагаются вопросы, несомнѣнно расшатывающіе школьную дисциплину и дающіе возможность ученикамъ публично оцѣнивать и одобрять или осуждать поступки своихъ учителей и начальниковъ; до произнесенія приговора, а часто даже и до вступленія онаго въ законную силу, обвиняемые оставляются на свободѣ, что даетъ имъ возможность похваляться своимъ поступкомъ и возбуждать въ товарищахъ сочувствіе къ себѣ и побуждать ихъ, а часто даже и лицъ постороннихъ, къ заявленіямъ неодобренія учебному начальству, доходящимъ иногда до нанесенія новыхъ оскорбленій. Притомъ же судебное разбирательство подобнаго рода дѣлъ, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, не всегда оканчивается обвиненіемъ подсудимыхъ, вслѣдствіе чего положеніе потерпѣвшаго лица становится совсѣмъ невозможнымъ, и ему приходится просить или о перемѣщеніи, или объ отставкѣ; учебное же заведеніе на долго послѣ того остается въ разстройствѣ, и приходится принимать чрезвычай-

ныя мѣры для возстановленія въ немъ дисциплины, столь необходимой для успѣшнаго хода ученія и воспитанія. Наконецъ, самое наказаніе, которому обыкновенно судъ подвергаетъ виновныхъ, не только не способствуетъ къ ихъ исправленію, а скорѣе, напротивъ, ведетъ къ окончательной ихъ порчѣ, такъ что отсидѣвъ болѣе или менѣе долгое время въ тюрьмѣ въ сообществѣ съ людьми совершенно преступными и порочными, эти молодые люди и сами выходятъ на свободу вполнѣ испорченными и представляютъ собою весьма удобный матеріалъ для происковъ крамолы.

Объ одиночномъ тюремномъ заключеніи виновныхъ въ оскорбленіи своихъ наставниковъ.

Хотя въ томъ же 1885 г. съ Высочайшаго соизволенія одинъ ученикъ Тифлисской духовной семинаріи (Джибладзе) и двое учениковъ Виленскаго учительскаго института (Апенченко и Мамовичъ) были отданы въ дисциплинарные баталіоны, первые двое на два года, а послѣдній на одинъ, за оскорбленіе дѣйствіемъ ихъ начальниковъ, и совѣщаніе гг. министровъ въ 1882 и 1883 гг. высказалось въ пользу этого наказанія въ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе коммиссія, выслушавъ вновь показанія генералъ-майора Н. И. Петрова о дисциплинарныхъ баталіонахъ, признала эту мѣру взысканія, спеціально приноровленную къ нижнимъ воинскимъ чинамъ, непригодною для воспитанниковъ гражданскихъ (не военныхъ) учебныхъ заведеній, какъ совершенно незнакомыхъ съ порядками и требованіями военной службы и военной дисциплины, и полагала, что наиболѣе подходящимъ для нихъ наказаніемъ было бы одиночное заключеніе въ тюрьмѣ военнаго или гражданскаго вѣдомства за оскорбленіе дѣйствіемъ на срокъ не свыше одного года (а по мнѣнію тайн. сов. Неклюдова—не свыше 6-и мѣсяцевъ), а за грубое оскорбленіе словомъ на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ (а по мнѣнію тайн. сов. Неклюдова не свыше 3-хъ мѣсяцевъ), причемъ во вниманіе къ молодости, въ видахъ смягченія наказанія и вящаго исправленія заключеннаго, предполагалось допускать не только духовныя увѣщанія духовника или законоучителя, но и руководство лицъ педагогическаго сословія данной мѣстности по назначенію соотвѣтственнаго высшаго учебнаго начальства, а также продолженіе прерванныхъ научныхъ занятій по учебнымъ книгамъ и свиданія отъ времени до времени съ родителями и ближайшими родственниками.

Военныя тюрьмы для одиночнаго заключенія.

Свѣдѣнія относительно военныхъ тюремъ и установленнаго въ нихъ порядка были сообщены коммиссіи бывшимъ членомъ военно-тюремнаго комитета генералъ-майоромъ Гавриловымъ. Свѣдѣнія эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Въ настоящее время существуютъ три военныя тюрьмы: Петербургская, Московская и Варшавская, каждая на 200 человѣкъ, и два временныя военно-тюремныя отдѣленія: въ Кронштадтѣ на 75 и въ Ригѣ на 50 заключенныхъ (всего на 725 ч.).

Кромѣ того главнымъ военно-тюремнымъ комитетомъ (нынѣ упраздненнымъ) предполагалось учредить вновь: а) военную тюрьму въ Кіевѣ на 100 человѣкъ и б) тюремныя отдѣленія въ Вильнѣ и Харьковѣ, на 75 человѣкъ каждое, а въ Казани на 50 человѣкъ; но предположенія эти пока не осуществлены.

2) Военныя тюрьмы и отдѣленія назначены для содержанія въ нихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ всѣхъ сословій, приговариваемыхъ полковыми и военно-окружными судами къ одиночному заключенію на сроки до 4-хъ мѣсяцевъ, опредѣленные воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, изданія 1875 г.

3) Каждою военною тюрьмою и каждымъ военно-тюремнымъ отдѣленіемъ завѣдуетъ особый начальникъ, назначаемый изъ штабъ-офицеровъ и пользующійся, въ отношеніи наложенія дисциплинарныхъ взысканій на подчиненныхъ ему чиновъ и преданія сихъ чиновъ суду, правами полковаго командира.

4) Въ каждой военной тюрьмѣ и въ каждомъ отдѣленіи полагаются, по утвержденнымъ для нихъ штатамъ: а) помощники начальниковъ тюремъ и отдѣленій (въ тюрьмахъ по два, а въ отдѣленіяхъ по одному), изъ оберъ-офицеровъ, съ правами ротнаго командира; б) священникъ съ причетникомъ; в) врачъ съ фельдшерами; г) секретарь; д) фельдфебели (по числу помощниковъ начальниковъ тюремъ и отдѣленій) и унтеръ-офицеры, между которыми заключенные нижніе чины распредѣляются по 25 человѣкъ, составляющихъ отдѣленіе, на каждаго, и е) служители, для приготовленія пищи заключеннымъ и содержанія тюремныхъ помѣщеній въ надлежащей чистотѣ.

5) Соотвѣтственно своему назначенію, военныя тюрьмы и отдѣленія состоятъ изъ одиночныхъ камеръ. Нѣсколько камеръ въ каждой тюрьмѣ и въ каждомъ отдѣленіи могутъ быть обращаемы, по-

средствомъ придѣланныхъ къ окнамъ глухихъ ставней, въ карцеры для провинившихся заключенныхъ.

Кромѣ того въ зданіяхъ, занимаемыхъ военно-тюремными заведеніями, имѣются, въ каждомъ: церковь, баня или ванны, пріемная для прибывающихъ, кухня съ пекарнею, цейхгаузъ, помѣщеніе для канцеляріи и жилыя помѣщенія для всѣхъ служащихъ въ тюремныхъ заведеніяхъ.

6) Камеры устраиваются съ откидной форточкой въ дверяхъ, для подачи пищи заключеннымъ, и съ окошечкомъ для наблюденія за ихъ дѣйствіями. Въ каждой камерѣ находятся: кровать, столикъ, табуретъ, кувшинъ съ водою или кранъ съ раковиною, миска для пищи, кружка для питья и клозетъ. Вся утварь—такого устройства, чтобы заключенный не могъ ложиться днемъ и пользоваться ею какъ орудіями разрушенія. Камеры обозначаются нумерами. Корридоры и лѣстницы всѣхъ мѣстъ заключенія освѣщаются въ теченіе всей ночи, а камеры заключенныхъ лишь до 9 часовъ вечера.

7) Нижніе чины, присужденные къ заключенію въ военной тюрьмѣ, отправляются въ мѣста заключенія, согласно росписанію тюремныхъ заведеній по военнымъ округамъ и по предварительномъ опредѣленіи, письменными сношеніями, числа имѣющихся въ данной тюрьмѣ свободныхъ мѣстъ, по распоряженію того начальства, въ вѣдѣніи котораго они состоятъ, порядкомъ, установленнымъ для пересылки арестантовъ.

Собственныя деньги и вещи нижнихъ чиновъ, подвергаемыхъ тюремному заключенію, хранятся въ полкахъ и командахъ до освобожденія этихъ чиновъ изъ заключенія; въ тѣхъ же случаяхъ, когда не нужныя для употребленія, во время заключенія, вещи, а также собственныя деньги оказываются у нижнихъ чиновъ при пріемѣ ихъ въ тюремное заведеніе,—и тѣ, и другія отъ нихъ отбираются и хранятся, согласно установленному порядку, при управленіяхъ этими заведеніями. Деньги же, умышленно скрываемыя поступающими въ тюрьмы нижними чинами и затѣмъ обнаруживаемыя помимо воли ихъ собственниковъ, отбираются безвозвратно и поступаютъ въ хозяйственныя тюремныя суммы.

8) Нижніе чины содержатся въ военныхъ тюрьмахъ и ихъ отдѣленіяхъ въ одиночномъ заключеніи, кромѣ времени, употребляемаго для физическихъ ихъ упражненій съ гигіеническими цѣлями (маршировка и гимнастика) и для исполненія хозяйственныхъ работъ въ оградѣ тюремныхъ помѣщеній. Заключенные совершаютъ молитву,

исполняютъ мастеровыя работы и получаютъ пищу въ своихъ камерахъ. Въ воскресные и праздничные дни, а также въ кануны ихъ, заключенные выводятся въ церковь для слушанія Богослуженія.

Въ теченіе Великаго поста, заключенные православнаго исповѣданія обязаны говѣть, а заключенные другихъ христіанскихъ исповѣданій исполняютъ эту обязанность по обрядамъ своей церкви, когда представится къ тому возможность, но непремѣнно внутри тюремной ограды.

Въ баню и ванны заключенные посылаются еженедѣльно или два раза въ мѣсяцъ, а бѣлье мѣняютъ разъ въ недѣлю.

9) Каждому изъ заключенныхъ отпускается въ день: а) хлѣба ржанаго 3 фунта и соли по 6 золотниковъ, и б) горячая пища, только къ обѣду, состоящая изъ щей или похлебки, приготовляемыхъ: въ скоромные дни—съ мясомъ, по $^1/_4$ фунта на человѣка, а въ постные—съ постнымъ масломъ или рыбою, полагая по $^1/_4$ фунта масла и по $^3/_4$ фунта рыбы на каждыхъ 10 человѣкъ.

10) Въ случаѣ тяжкой болѣзни, заключенные помѣщаются на излѣченіе въ ближайшій госпиталь или больницу и лѣчатся на общемъ основаніи съ войсками; при легкихъ же болѣзняхъ, не требующихъ госпитальнаго лѣченія, они пользуются въ своихъ камерахъ.

Время болѣзни, проведенное въ госпиталѣ или больницѣ, исключается изъ срока пребыванія въ тюрьмѣ, опредѣленнаго судебнымъ приговоромъ.

11) Во время нахожденія въ тюрьмѣ, заключенные обязаны сохранять тишину. Имъ безусловно, во всѣхъ случаяхъ и при всякихъ занятіяхъ, воспрещаются разговоры и даже мимическіе знаки для обмѣна мыслей, а также всякое сношеніе другъ съ другомъ, употребленіе спиртныхъ напитковъ, куреніе и нюханіе табаку. Деньги и какія бы то ни было вещи или орудія заключеннымъ имѣть также не дозволяется.

Свиданія съ родными и знакомыми вовсе не допускаются, а переписка съ тѣми и другими дозволяется не иначе, какъ съ разрѣшенія и подъ контролемъ тюремнаго начальства.

12) Всѣ ежедневныя занятія заключенныхъ, какъ то: маршировка, гимнастика и хозяйственныя работы внутри тюремной ограды исполняются съ соблюденіемъ строгаго порядка и безусловнаго молчанія; въ остальное же за тѣмъ время заключенные занимаются въ своихъ камерахъ мастеровыми работами, безвредными для здоровья и не требующими большаго числа инструментовъ, а также чтеніемъ учебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ.

Подробное распредѣленіе дня въ тюрьмахъ составляется начальниками тюремныхъ заведеній и утверждается подлежащимъ военнымъ начальствомъ. Приблизительно же день распредѣляется такъ:

Въ 6 часовъ утра заключенные подымаются отъ сна и до 7 часовъ убираютъ свои камеры, чистятъ свою одежду и обувь и убираются сами; отъ 7 до 10 часовъ—работы хозяйственныя и мастеровыя; отъ 10 до 12 часовъ—маршировка заключенныхъ (на дворѣ или въ корридорахъ), на дистанціи одинъ отъ другаго въ 5 шаговъ; въ 12 часовъ—раздача пищи по камерамъ и обѣдъ; отъ 1 часу до 6 часовъ по полудни—мастеровыя работы; съ 6 до 7 часовъ гимнастическія упражненія (на дворѣ или въ корридорахъ), съ соблюденіемъ того же порядка, какъ и при маршировкѣ; отъ 8 до 9 часовъ вечера заключенные ложатся спать.

Книги для чтенія выдаются въ праздничные и воскресные дни. Для неграмотныхъ эти книги читаются унтеръ-офицерами, подъ наблюденіемъ священника и помощника начальника тюрьмы.

Въ часы, свободные отъ перечисленныхъ выше занятій, камеры заключенныхъ ежедневно посѣщаются священникомъ, для духовно-нравственныхъ бесѣдъ съ содержащимися въ нихъ.

13) За проступки, совершенные въ тюрьмѣ и не влекущіе за собою преданія суду, заключенные подвергаются слѣдующимъ взысканіямъ: а) лишенію подстилки на кровати, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; б) строгому аресту (въ темномъ карцерѣ) на 5 и на 8 дней; в) усиленному аресту (въ темномъ же карцерѣ, но съ содержаніемъ на хлѣбѣ и на водѣ) на такіе же сроки и г) смѣшанному аресту (строгій и усиленный, поочередно, до 14 сутокъ).

По отзывамъ большинства начальниковъ частей войскъ, одиночное заключеніе въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ сильно и благотворно вліяетъ на нравственность подвергавшихся этому наказанію нижнихъ чиновъ; самое же нахожденіе въ этихъ заведеніяхъ производитъ на заключенныхъ удручающее впечатлѣніе.

Къ сему генералъ-майоръ Гавриловъ присовокупилъ, что, по его мнѣнію, едва ли могло бы встрѣтиться со стороны военнаго вѣдомства препятствіе къ помѣщенію въ означенныхъ тюрьмахъ лицъ, виновныхъ въ проступкахъ противъ учебнаго начальства; но условія, при которыхъ помѣщенія въ военныхъ тюрьмахъ могутъ быть предоставляемы для такихъ арестантовъ, равно какъ и сущность изъятій для такихъ лицъ изъ установленнаго въ тюрьмѣ порядка содержанія, могутъ быть опредѣлены лишь по соглашенію Министерствъ Военнаго и Народнаго Просвѣщенія.

Тюрьмы гражданскаго вѣдомства для одиночнаго заключенія.

Тюрьмы гражданскаго вѣдомства, по сообщенію статскаго совѣтника Коковцева, какъ строившіяся въ различное время, весьма разнообразны, но тѣмъ не менѣе про большинство тюремъ въ уѣздныхъ городахъ можно опредѣлительно сказать, что онѣ для исправленія виновныхъ не годны. въ нихъ или вовсе не имѣется одиночныхъ камеръ, или если таковыя и имѣются, то въ общихъ корридорахъ и заключенные въ нихъ не лишены возможности сообщенія съ другими арестантами. Въ губернскихъ городахъ тюрьмы тоже различнаго типа; одиночныя камеры хотя въ нихъ и имѣются, но въ большинствѣ случаевъ недостаточно изолированы, и въ нихъ условія одиночнаго заключенія провести трудно. Надзоръ въ этихъ тюрьмахъ организованъ неудовлетворительно. Смотрителямъ предоставлены очень небольшія служебныя права (VIII и IX классы по должности и содержаніе отъ 400 до 700 р.). Надзиратели комплектуются почти безъ всякаго выбора, такъ какъ они служатъ по вольному найму за весьма незначительную плату до 15 руб. въ мѣсяцъ и не получаютъ притомъ ни одежды, ни сапогъ, и даже большинство не имѣетъ казеннаго помѣщенія.

Одиночныя камеры въ этихъ тюрьмахъ предназначаются для содержанія выдающихся преступниковъ или буйныхъ, и, наконецъ, для содержанія лицъ привиллегированныхъ; такихъ одиночныхъ камеръ въ 53-хъ городахъ имѣется около 500, но эти камеры нельзя назвать строго одиночнымъ заключеніемъ, потому что общенія арестантовъ между собою избѣжать нельзя: камеры соединены общимъ корридоромъ, куда выходятъ заключенные на прогулки, по надобностямъ и проч.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, сознавая неудовлетворительность нашихъ мѣстъ заключенія, въ настоящее время занято постройкой новыхъ тюремъ, въ которыхъ будутъ изолированныя камеры для одиночнаго заключенія, такъ какъ таковое проектируется ввести въ систему наказаній по новому уголовному уложенію. Такія тюрьмы строются уже въ Старой Руссѣ (30 одиночныхъ камеръ), Уральскѣ, Царицынѣ и Вязьмѣ (по 125 камеръ) и предположены къ постройкѣ съ 1886 года въ Гроднѣ (225 одиночныхъ камеръ) и въ Москвѣ (350 камеръ). Затѣмъ, въ ближайшемъ будущемъ будутъ строиться такія же тюрьмы въ Ревелѣ, Ригѣ, Варшавѣ и Петроковѣ. Въ началѣ 1886 г. будетъ открыта одна половина тюрьмы въ С.-Петербургѣ (480 оди-

ночныхъ камеръ). Кромѣ того существуютъ каторжныя тюрьмы съ изолированными одиночными камерами; таковыхъ двѣ въ Харьковской губерніи, по одной въ Вильнѣ, въ Псковѣ, въ Симбирскѣ, Илецкѣ и Перми, и три тюрьмы въ Тобольскѣ и въ Александровскомъ селеніи близъ Иркутска. Тюрьмы эти замѣняютъ собою каторжныя работы, и были устроены вслѣдствіе недостаточности каторжныхъ работъ въ Сибири; въ настоящее же время, за открытіемъ таковыхъ работъ на о. Сахалинѣ, нѣкоторыя изъ перечисленныхъ каторжныхъ тюремъ упразднены, а другія предназначены къ закрытію.

Помѣщеніе въ тюрьмахъ новаго типа лицъ, виновныхъ въ оскорбленіи учебнаго начальства, едва ли можетъ встрѣтить какое либо препятствіе, такъ какъ въ виду немногочисленности этого рода заключенныхъ, мѣсто для нихъ всегда можетъ быть отведено; но при этомъ необходимо выработать опредѣленныя правила какъ относительно занятій такого рода арестантовъ, такъ и касательно ихъ пищи, одежды и т. п. Помѣщеніе же этихъ лицъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ тюрьмахъ стараго устройства представляется крайне опаснымъ: въ нихъ арестованные весьма быстро знакомятся между собою и усваиваютъ всѣ нежелательныя стороны тюремной жизни.

Изъ вышеизложенныхъ данныхъ, какъ по отношенію военныхъ тюремъ, такъ и тюремъ новаго типа гражданскаго вѣдомства, усматривается, что для заключенія въ нихъ учениковъ, оскорбившихъ своихъ наставниковъ, препятствій не встрѣчается, и отводъ помѣщенія въ нихъ для таковыхъ арестантовъ вполнѣ возможенъ; затѣмъ заключенные будутъ изолированы отъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній, и такимъ образомъ заключеніе это, устраняя съ одной стороны изъ общества вредный элементъ и подвергая виновныхъ довольно суровому наказанію, въ то же время дастъ имъ возможность исправленія, для чего, безъ сомнѣнія, должны быть въ послѣдствіи выработаны особыя правила по соглашенію Министерства Народнаго Просвѣщенія съ подлежащими военнымъ и гражданскимъ вѣдомствами.

О мѣрахъ наказанія и исправленія (въ томъ числѣ и о тѣлесномъ наказаніи) виновныхъ не достигшихъ 18-лѣтняго возраста.

Одиночному заключенію въ тюрьмѣ могутъ быть подвергнуты виновные воспитанники высшихъ, среднихъ и даже низшихъ учебныхъ заведеній, буде они достигли уже 18-лѣтняго возраста; учениковъ же моложе 18-и лѣтъ, но уже настолько испорченныхъ, что дальнѣй-

шее пребываніе ихъ въ школѣ невозможно, по мнѣнію коммиссіи, все-таки не слѣдовало бы выбрасывать изъ учебныхъ заведеній на произволъ судьбы и въ добычу крамольникамъ, а слѣдовало бы учредить для нихъ исправительныя учебныя заведенія по образцу Maison Paternelle въ Меттрэ или согласно съ проектомъ, выработаннымъ въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. Георгіевскаго въ 1878—79 г. «Коммиссія считала бы не безполезнымъ устройство (въ самомъ близкомъ будущемъ) средняго учебнаго заведенія съ исправительнымъ характеромъ и надѣется, что министерство народнаго просвѣщенія вновь возбудитъ это дѣло».

«Но принимая во вниманіе, что прошло бы не мало времени, прежде чѣмъ подобное учебно-исправительное заведеніе могло бы быть устроено и открыто, коммиссія находила бы необходимымъ усилить нынѣ же дисциплинарную власть учебнаго начальства, предоставивъ ему право въ чрезвычайныхъ случаяхъ подвергать малолѣтнихъ, въ замѣнъ исключенія ихъ изъ учебныхъ заведеній, исправительнымъ взысканіямъ, напримѣръ, тѣлесному наказанію по опредѣленію педагогическаго совѣта. Во всякомъ случаѣ коммиссія признаетъ цѣлесообразнымъ возбудить нынѣ же общій вопросъ о тѣхъ дисциплинарныхъ мѣрахъ, коимъ могли бы быть подвергаемы малолѣтніе воспитанники, при чемъ рѣшеніе сего вопроса должно быть предоставлено министерству народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, въ вѣдѣніи коихъ находятся среднія и низшія учебныя заведенія».

Проектъ правилъ, выработанный коммиссіей 1885 г.

По предположеніямъ коммиссіи, тѣмъ же наказаніямъ, что̀ и воспитанники учебныхъ заведеній, достигшіе 18-лѣтняго возраста, должны были бы подвергаться какъ посторонніе молодые люди того же возраста, виновные въ оскорбленіи учебнаго начальства, если въ пору нанесенія сего оскорбленія они находились относительно учебнаго заведенія въ одинаковыхъ съ учениками его условіяхъ (напр., на экзаменахъ пріемныхъ или выпускныхъ), такъ равно учинившіе означенное преступленіе по выбытіи изъ учебнаго заведенія, если поводомъ къ тому послужили школьныя отношенія (I). О всякомъ такого рода преступленіи начальство учебнаго заведенія сообщаетъ жандармскому штабъ-офицеру, который немедленно дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ дознанія, въ присутствіи депутата отъ учебнаго вѣдомства, и засимъ означенное дознаніе передаетъ начальству учеб-

наго заведенія, если при этомъ не обнаружено другихъ, болѣе тяжкихъ уголовныхъ или имѣющихъ политическій характеръ преступленій (II). При производствѣ означенныхъ дознаній, жандармская полиція дѣйствуетъ на основаніи правилъ объ усиленной охранѣ (а по мнѣнію Т. Сов. Неклюдова, на общемъ основаніи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора) и можетъ подвергнуть виновнаго предварительному задержанію, донося объ этомъ губернатору или градоначальнику и сообщивъ копію протокола о задержаніи прокурору (III).

Протоколъ дознанія, по разсмотрѣніи его въ правленіи университета, конференціи или совѣтѣ высшихъ учебныхъ заведеній или въ педагогическомъ совѣтѣ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, по принадлежности, вмѣстѣ съ заключеніемъ сего правленія или совѣта о виновности и мѣрѣ взысканія, препровождается въ порядкѣ подчиненности въ центральное управленіе того вѣдомства, въ которомъ состоитъ учебное заведеніе, для направленія въ особое совѣщаніе, по симъ дѣламъ учрежденное (IV).

При Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ, образуется особое совѣщаніе изъ представителей отъ Министерства Юстиціи, Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, а также изъ представителя того вѣдомства, въ учебномъ заведеніи коего совершено преступленіе; если это будетъ заведеніе вѣдомства Народнаго Просвѣщенія, то кромѣ непремѣннаго члена отъ сего Министерства командируется еще особый представитель (V).

Означенное совѣщаніе постановляетъ по симъ проступкамъ приговоры, которые, по утвержденіи ихъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по его распоряженію приводятся въ исполненіе.

Вѣдомству, къ которому принадлежитъ обвиняемый, предоставляется право входить въ означенное совѣщаніе съ ходатайствомъ о сокращеніи срока заключенія, если заключенный своимъ поведеніемъ во время пребыванія въ тюрьмѣ того заслужитъ, а также отъ того же начальства зависитъ разрѣшить, по отбытіи заключенія, принять воспитанника вновь въ то же или другое учебное заведеніе (VI).

Всѣ эти предположенія коммиссіи 1885 г. остались безъ всякихъ послѣдствій, и въ послѣдующихъ неоднократныхъ случаяхъ оскорбленія дѣйствіемъ лицъ учебнаго персонала виновные отдавались въ дисциплинарные баталіоны, на что всякій разъ приходилось испрашивать особыя Высочайшія повелѣнія.

Университетскій уставъ 1884 года.

Самою значительною и самою существенною изъ всѣхъ состоявшихся доселѣ мѣръ нельзя не признать новый университетскій уставъ, Высочайше утвержденный 23-го августа 1884 г. Уставъ этотъ несомнѣнно заключаетъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для полнаго оздоровленія университетовъ; но для этого нужно болѣе или менѣе продолжительное время при самомъ точномъ осуществленіи устава. Не мало пройдетъ времени прежде чѣмъ министръ народнаго просвѣщенія, пользуясь вновь предоставленными ему полномочіями, успѣетъ замѣстить медленно открывающіяся профессорскія вакансіи лицами, вполнѣ благонадежными, нераздѣльно преданными Престолу и Отечеству, ясно сознающими свои обязанности наставниковъ юношества и твердо ихъ выполняющими, а затѣмъ измѣнивъ въ этомъ духѣ и направленіи весь составъ профессорскихъ коллегій, будетъ имѣть возможность назначать изъ нихъ вполнѣ соотвѣтствующихъ своему призванію ректора и декановъ факультетовъ. Точно также не мало пройдетъ времени прежде чѣмъ подъ вліяніемъ учебныхъ плановъ, утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія и изданныхъ имъ экзаменныхъ требованій и правилъ, при точномъ выполненіи ихъ назначаемыми имъ ежегодно экзаменными коммиссіями, все университетское преподаваніе и все ученіе студентовъ приметъ направленіе, вполнѣ согласное съ видами правительства, и прежде чѣмъ инспекція, вновь организованная новымъ уставомъ, при необходимомъ нравственномъ содѣйствіи ей со стороны профессоровъ, котораго въ настоящее время ей вовсе не оказывается, успѣетъ водворить среди студентовъ духъ порядка и дисциплины. Но какъ бы то ни было, новый университетскій уставъ, предоставивъ правительственной власти назначеніе всѣхъ профессоровъ, ректора, декановъ, инспектора и подчинивъ ея вліянію все университетское преподаваніе и ученіе студентовъ и поставивъ въ прямую зависимость отъ нея же назначеніе студентамъ стипендій, пособій и льготъ относительно платы за ученіе, заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія для оздоровленія въ будущемъ нашихъ университетовъ.

Новый университетскій уставъ, лишивъ профессоровъ и ихъ коллегіи значительной доли присвоенной имъ прежде власти, весь направленъ къ тому, чтобы обратить профессоровъ изъ чиновниковъ съ болѣе или менѣе обширною властью, какими они были по уставу

1863 г., въ истинныхъ и дѣйствительныхъ наставниковъ юношества, возстановить и возвысить ихъ нравственный авторитетъ для студентовъ и положить конецъ взаимному ихъ отчужденію. Въ этихъ видахъ новый уставъ и изданныя въ развитіе его правила устанавливаютъ на всѣхъ факультетахъ научныя упражненія студентовъ подъ непосредственнымъ руководствомъ профессоровъ, обязываютъ хотя бы одинъ часъ въ недѣлю (такъ-называемый совѣщательный) назначать для бесѣды съ отдѣльными студентами или съ небольшими ихъ группами, устанавливаютъ (въ замѣнъ годовыхъ экзаменовъ, которые, зависяя отъ случайнаго настроенія и произвола профессоровъ и въ то же время рѣшая окончательно судьбу студентовъ, не только не сближали ихъ съ профессорами, а напротивъ удаляли отъ нихъ и даже приводили ихъ прямо во враждебныя отношенія и столкновенія съ профессорами) повѣрочныя испытанія вконцѣ каждаго учебнаго полугодія преимущественно съ дидактическою цѣлью, для повѣрки познаній студентовъ, съ цѣлью пополненія и разъясненія того, что оказалось бы въ нихъ недостаточнымъ или невѣрно усвоеннымъ (§ 10 правилъ о зачетѣ полугодій студентамъ), такъ что каждый студентъ мало по малу долженъ привыкнуть «видѣть въ преподавателѣ не судью, который допытывается его недочетовъ и недостатковъ за тѣмъ, чтобы по нимъ постановить приговоръ, а наставника и руководителя, призваннаго способствовать ему въ усвоеніи тѣхъ необходимыхъ познаній, въ которыхъ придется ему отдать отчетъ на предстоящемъ по окончаніи университетскаго ученія рѣшающемъ судѣ правительственныхъ испытаній. При такихъ отношеніяхъ,—гласитъ далѣе § 9-й правилъ о зачетѣ,—характеристическимъ признакомъ каждаго студента, имѣющаго право на зачетъ семестра, будетъ охотное обращеніе въ серіозныхъ затрудненіяхъ къ преподавателямъ, готовность выслушивать ихъ замѣчанія и указанія и пользоваться оными, довѣрчивая откровенность въ отвѣтахъ на вопросы по предметамъ преподаванія на повѣрочныхъ испытаніяхъ и въ другихъ случаяхъ». Новый университетскій уставъ и правила не только не разъединяютъ профессоровъ и студентовъ, а напротивъ направлены къ возможно большему сближенію ихъ между собою, къ установленію вполнѣ нормальныхъ отношеній между ними, какъ наставниковъ и руководителей къ наставляемымъ и руководимымъ. Профессорамъ вмѣняется въ обязанность наблюдать за исправнымъ слушаніемъ лекцій студентами, за участіемъ ихъ въ научно-практическихъ занятіяхъ и въ повѣрочныхъ испытаніяхъ и за прилежаніемъ въ домашнихъ работахъ и удосто-

вѣрять все это предъ факультетомъ въ установленные сроки. Но сверхъ того ректоръ обязанъ всѣми мѣрами заботиться о томъ, «чтобы профессоры, вообще преподаватели и прочія лица университетскаго учащаго персонала не только не противодѣйствовали инспекціи въ достиженіи указанныхъ ей цѣлей, но и сами были руководителями обучающихся у нихъ молодыхъ людей на пути долга, никогда и ни въ какомъ случаѣ не забывая своихъ наставническихъ по отношенію къ учащемуся юношеству обязанностей»(§ 23 инструкціи для инспекціи).

Отъ установленія правильныхъ истинно-наставническихъ отношеній профессоровъ къ студентамъ и отъ согласнаго во всемъ съ видами правительства образа дѣйствій профессоровъ зависитъ весь успѣхъ дѣла, ввѣреннаго высшимъ учебнымъ заведеніямъ. А потому при назначеніи профессоровъ на должность, при повышеніи ихъ изъ экстраординарныхъ въ ординарные и при всякихъ почетныхъ и иныхъ наградахъ должно быть обращаемо строжайшее вниманіе не на одни ученыя ихъ качества и заслуги или на даръ изложенія и преподаванія, а столько же на ихъ религіозно-нравственное и патріотическое направленіе и на ихъ способность и готовность стать истинно-доброжелательными руководителями и наставниками юношества. На эту сторону ихъ обязанностей необходимо постоянно указывать и всѣмъ имъ вмѣстѣ, и каждому изъ нихъ порознь при каждомъ удобномъ случаѣ. Новый университетскій уставъ какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ такому осмотрительному и разумному образу дѣйствій учебнаго начальства, ибо онъ предоставляетъ самому начальству, помимо всякихъ выборовъ со стороны профессорскихъ коллегій, назначать профессоровъ и устанавливаетъ трехгодовой искусъ для всякаго желающаго достигнуть профессуры, въ продолженіе котораго дѣятельность каждаго начинающаго свое преподавательское поприще молодого ученаго въ званіи приватъ-доцента подлежитъ ближайшему наблюденію декана, ректора и попечителя: необходимо, чтобы эти постановленія устава не были мертвою буквою, а чтобы въ концѣ каждаго полугодія были сообщаемы министерству наиболѣе характерныя данныя о каждомъ приватъ-доцентѣ — о его личности, о его воззрѣніяхъ, о его преподавательской и наставнической дѣятельности, объ успѣшности ея и т. д. Необходимо самое внимательное отношеніе къ дѣлу такой первостепенной важности какъ замѣщеніе каѳедръ и постоянное памятованіе при этомъ вполнѣ справедливой англійской поговорки: Men, no measures. Далѣе, какъ назначеніе

экстраординарныхъ профессоровъ изъ числа приватъ-доцентовъ, такъ и повышеніе изъ экстраординарныхъ въ ординарные, оставленіе послѣднихъ на службѣ по истеченіи 25 лѣтъ,—все предоставлено новымъ уставомъ усмотрѣнію начальства, и отъ него зависитъ вовсе не давать хода лицамъ, которыя не могутъ стать такими наставниками и руководителями юношества, какіе желательны для правительства.

Стипендіи, пособія и льготы относительно платы за слушаніе лекцій, будучи назначаемы студентамъ по уставу 1863 г. при маломъ или даже и безъ всякаго участія правительственной власти (какъ, напримѣръ, стипендіи), по правиламъ, которыя каждый университетъ составлялъ для себя особо, безъ большой разборчивости, безъ предъявленія какихъ либо особыхъ требованій и условій къ желавшимъ ихъ вновь получить или сохранить за собою, несомнѣнно приносили болѣе вреда чѣмъ пользы университетамъ: черезчуръ легкая ихъ раздача породила и укоренила въ средѣ студентовъ мысль, что ищущіе высшаго образованія имѣютъ право не только на даровое обученіе, но и на даровое содержаніе, а государство и общество обязаны доставлять имъ то и другое. Будучи назначаемы и сохраняемы главнѣйше на основаніи однихъ лишь общихъ для всѣхъ студентовъ курсовыхъ или годовыхъ экзаменовъ, стипендіи и пособія наиболѣе содѣйствовали пониженію уровня экзаменныхъ требованій и крайней слабости ихъ производства, ибо какая либо точность и отчетливость требованій, обращенныхъ къ студентамъ, заинтересованнымъ полученіемъ или сохраненіемъ стипендій, наиболѣе возмущала противъ профессоровъ не только этихъ самихъ студентовъ, но и всѣхъ ихъ товарищей, а затѣмъ ослабляя и понижая требованія для однихъ, по необходимости приходилось оказывать то же снисхожденіе и всѣмъ другимъ.

Уставъ 1884 г. содержитъ въ себѣ всѣ постановленія, необходимыя для того, чтобы положить конецъ всему этому злу, а именно въ силу этого устава правила, на основаніи которыхъ должны быть назначаемы студентамъ всѣ эти вспоможенія и льготы, должны быть общія для всѣхъ университетовъ, правила прямо даются всѣмъ университетамъ министромъ народнаго просвѣщенія, и статьею 82-ю устава установлены особыя, состязательныя испытанія на стипендіи и вспоможенія, а въ силу ст. 128-й «занятія студентовъ, получающихъ стипендіи, находятся подъ особымъ наблюденіемъ и контролемъ, по правиламъ, утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія».

Всѣми этими льготами и вспоможеніями не только было желательно, но и совершенно необходимо воспользоваться для упорядоченія и оздоровленія нашихъ университетовъ, а наилучшимъ къ тому путемъ нельзя не признать усиленіе серіозныхъ научныхъ занятій студентовъ и поощреніе означенными льготами и вспоможеніями тѣхъ изъ недостаточныхъ студентовъ, которые, отличаясь своими дарованіями, своею подготовкою, прилежаніемъ и исправностью во всѣхъ отношеніяхъ, серіозно и съ полнымъ успѣхомъ занимаются науками. Стипендіаты и пользующіеся пособіями и льготами студенты должны были вновь, какъ и въ уваровскую пору казеннокоштные студенты, составить здоровое ядро студенчества, въ которомъ всѣ лучшіе элементы его находили бы себѣ поддержку, опору и помощь какъ въ нравственно-дисциплинарномъ отношеніи, такъ и въ научныхъ своихъ стремленіяхъ. Этому результату, кромѣ крайне разборчиваго присужденія льготъ, пособій и стипендій, а равно таковаго же сохраненія оныхъ, на условіи серіозныхъ и успѣшныхъ научныхъ занятій и полной исправности во всѣхъ отношеніяхъ, должно было содѣйствовать и поставленіе ищущихъ и пользующихся ими въ особенно близкія отношенія къ профессорамъ.

Въ такомъ духѣ и были составлены и утверждены въ 1887 г. г. министромъ народнаго просвѣщенія правила о состязательныхъ на стипендіи и пособія испытаніяхъ и о наблюденіи за занятіями стипендіатовъ. Ищущіе стипендіи и пособія съ 1-го октября по 1-е апрѣля поручаются, относительно своего ученія и своихъ способностей, особенному вниманію и наблюденію своихъ профессоровъ, которымъ и обязаны лично представиться въ ближайшіе совѣщательные ихъ часы, относительно же своего поведенія и своей исправности во всѣхъ отношеніяхъ—особенному наблюденію инспекціи, черезъ которую и самое прошеніе ихъ сообщается ихъ декану со всѣми справками о просителяхъ. На декана и инспектора возлагается главная отвѣтственность за правильный ходъ всего дѣла о присужденіи стипендій и пособій, почему они обязаны и сами лично ближайше ознакомиться съ просителями; сверхъ того декану и преподаватели, и инспекція сообщаютъ результаты своихъ наблюденій, и затѣмъ уже къ 1-му апрѣля факультетъ рѣшаетъ, кто изъ соискателей допускается къ состязательному испытанію (§ 3). Состязательное испытаніе обнимаетъ собою: а) заданныя для сего факультетомъ особыя научныя работы, которыя должны быть вообще исполнены въ послѣдніе два мѣсяца весенняго полугодія, представлены

къ 31 мая, разсмотрѣны и оцѣнены по порученію декана соотвѣтственными преподавателями въ лѣтнее вакаціонное время, такъ чтобы отчетъ о нихъ факультету былъ представленъ въ самомъ началѣ осенняго полугодія, и затѣмъ б) особое устное испытаніе только изъ того предмета, къ которому относится вышеозначенная научная работа (§§ 4—7). На основаніи всей совокупности данныхъ соискателями доказательствъ ихъ способностей, успѣховъ, прилежанія и вообще исправности во всѣхъ отношеніяхъ, составляется деканомъ, съ помощью факультета, списокъ, въ который имена студентовъ вносятся въ порядкѣ нисходящихъ степеней признаннаго достоинства. При семъ принимаются въ соображеніе: 1) степень даровитости соискателей; 2) число зачтенныхъ имъ полугодій; 3) знаніе ими новыхъ иностранныхъ языковъ; 4) количество и качество домашняго изученія ими соотвѣтственныхъ факультету авторовъ, памятниковъ, источниковъ, ученыхъ и учебныхъ сочиненій; 5) исправное записываніе, исправленіе и составленіе слушаемыхъ лекцій и 6) вообще исправность ихъ въ исполненіи всѣхъ обязанностей студента (§ 9). Списокъ этотъ вносится деканомъ въ правленіе, которое распредѣляетъ между соискателеми предоставленныя факультету стипендіи, соображая преимущества сихъ стипендій съ преимуществами соискателей оныхъ, и затѣмъ представляетъ свои предположенія на окончательное утвержденіе попечителя округа (§§ 10 и 11). На стипендіи, не соединенныя съ обязательствомъ службы, конкурсъ возобновляется ежегодно; соединенныя же съ обязательствомъ службы стипендіи сохраняются при самомъ точномъ соблюденіи всѣхъ условій зачета полугодій, а именно, при безукоризненномъ поведеніи, при полной исправности во всѣхъ отношеніяхъ и при серіозности н успѣшности научныхъ занятій, доказанныхъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ въ каждое полугодіе. На факультетѣ и правленіи, особенно же на ихъ предсѣдателяхъ—деканѣ и ректорѣ, а также на инспекціи, лежитъ ближайшая забота о томъ, чтобы стипендіи и пособія были сохраняемы за получающими ихъ лишь на то время, пока они дѣйствительно ихъ заслуживаютъ, почему факультету предоставляется установить такіе способы наблюденія за ихъ занятіями, кромѣ вышеуказанныхъ, какіе самъ признаетъ за лучшее съ доведеніемъ о нихъ лишь до свѣдѣнія попечителя (§§ 12 и 16).

Въ какой мѣрѣ эти правила, при добросовѣстномъ ихъ выполненіи, могли бы содѣйствовать развитію серіозныхъ научныхъ занятій среди студентовъ, а слѣдовательно, и обращенію ихъ на путь по-

рядка и долга, объ этомъ можно судить по тому, что въ 6-и университетахъ, подчиненныхъ дѣйствію устава 1884 г., имѣется 1700 стипендій, и предполагая по 5-ти соискателей на каждую стипендію, получимъ 8500 студентовъ, которые болѣе или менѣе подлежатъ дѣйствію этихъ правилъ. Въ правилахъ этихъ, сверхъ того, заключаются нѣкоторыя ручательства за добросовѣстное выполненіе ихъ профессорами: небрежное отношеніе къ работамъ, представляемымъ на конкурсъ, или къ провѣркѣ этихъ работъ на коллоквіумѣ, или къ производству устнаго испытанія изъ предмета, къ которому относится работа, едва-ли возможно въ виду того, что подобное отношеніе къ дѣлу влекло бы за собою несправедливость относительно самихъ студентовъ, крайне заинтересованныхъ въ точной и правильной оцѣнкѣ сравнительныхъ достоинствъ ихъ работъ, ихъ отвѣтовъ и вообще ихъ научныхъ успѣховъ, и небрежности въ этомъ отношеніи не дозволитъ профессору ни его совѣсть, ни весьма естественное вниманіе къ общему мнѣнію студентовъ: на состязательныхъ испытаніяхъ на опредѣленное число стипендій и пособій, притомъ не равныхъ между собою, послабленіе и потворство однимъ оказывалось бы вопіющею несправедливостью въ отношеніи къ другимъ. Такимъ образомъ въ установленныхъ въ 1887 г. правилахъ о состязательныхъ испытаніяхъ заключаются, какъ для студентовъ, такъ и для профессоровъ, весьма сильныя побужденія къ возможно болѣе добросовѣстному выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей.

Весьма понятно, что какъ эти правила, такъ и вообще весь уставъ 1884 г. и принятыя въ развитіе его мѣры и распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, завершившіяся вполнѣ къ началу 1888 г., будучи направлены къ полному возстановленію авторитета правительственной власти въ университетахъ, къ водворенію въ нихъ серіознаго ученія, твердаго и разумнаго порядка и дисциплины, и требуя отъ всѣхъ и каждаго въ этихъ цѣляхъ большаго труда, болѣе строгаго исполненія обязанностей, никоимъ образомъ не могли разсчитывать на сочувствіе не только крамольниковъ и анархистовъ, но и вообще всѣхъ тѣхъ, кто дорожилъ такъ - называемою университетскою автономіей по уставу 1863 г., всѣхъ весьма многочисленныхъ сторонниковъ этого устава какъ среди профессоровъ, такъ и въ обществѣ, всѣхъ тѣхъ, кто полагаетъ, что для Россіи нужно не усиленіе, а напротивъ ослабленіе правительственной власти, всѣхъ кому ненавистны были государственныя и педагогическія идеи М. Н. Каткова, наиболѣе, конечно, даровитаго, и не менѣе чѣмъ

11*

кто-либо преданнаго, усерднаго и самоотверженнаго дѣятеля университетской реформы 1884—87 годовъ, лучше чѣмъ кто либо понимавшаго огромное ея значеніе, всѣхъ, наконецъ, по натурѣ своей склонныхъ къ распущенности, къ *небрежному исполненію своихъ обязанностей*. Такимъ образомъ университетская реформа 1884—87 годовъ должна была соединить противъ себя не мало самыхъ разнородныхъ враговъ, и самое начало ея ознаменовалось въ Москвѣ появленіемъ на Страстномъ бульварѣ предъ жилищемъ покойнаго М. Н. Каткова, вечеромъ 2-го октября 1884 г., цѣлой толпы студентовъ университета, техническаго училища, Петровской земледѣльческой академіи и студентокъ курсовъ Герье и Лубянскихъ съ криками, съ шумомъ *и гамомъ, но сверхъ того еще съ камнями, съ палками*, съ кинжалами и револьверами,—толпа, которую не замедлила тотчасъ же захватить Московская полиція.

Мѣры къ ограниченію числа евреевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Впрочемъ за этою вспышкою 2-го октября 1884 г. послѣдовало какъ бы нѣкоторое затишье до 1-го *марта* 1887 г., *лишь изрѣдка* прерываемое незначительными чисто-мѣстными безпорядками, какъ, напримѣръ, свалкою между студентами-христіанами и студентами-*евреями* въ Харьковскомъ университетѣ. Повидимому, этотъ случай напомнилъ о томъ, что «во всѣхъ повторявшихся время отъ времени въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядкахъ главными агитаторами этихъ безпорядковъ являлись студенты - евреи», и вызвалъ противъ нихъ циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го марта 1886 г., которымъ предписывалось, на основаніи вышеприведеннаго мотива, «установивъ возможно-строгій надзоръ за ними, въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны нарушенія *установленныхъ для студентовъ правилъ, увольнять* ихъ изъ числа студентовъ и доносить объ этомъ министерству».

5-го декабря 1886 г. состоялось Высочайше утвержденное положеніе комитета *министровъ* объ ограниченіи числа евреевъ, обучающихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а 26-го іюня 1887 г. таковымъ же положеніемъ министру народнаго просвѣщенія предоставлено ввести мѣры, какія онъ признаетъ необходимыми для вышеозначенной цѣли. Распоряженіемъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 1-го іюля 1887 г. *было установлено ограниченіе самаго*

пріема вновь евреевъ въ высшія и среднія учебныя заведенія извѣстнымъ процентомъ, а именно въ Виленскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, Варшавскомъ, Дерптскомъ и Западно-Сибирскомъ округахъ они могутъ быть принимаемы въ количествѣ 10%, въ Казанскомъ и Харьковскомъ въ количествѣ 5%, а въ С.-Петеруургскомъ и Московскомъ 3% всего числа вновь поступающихъ въ началѣ каждаго учебнаго года въ означенныя учебныя заведенія.

Въ 1889 г. послѣдовали въ этомъ отношеніи небольшія смягченія, а именно въ циркулярномъ предложеніи отъ 7-го сентября изъяснено нижеслѣдующее:

Число евреевъ, оканчивающихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, естественно, превышаетъ норму, установленную для пріема ихъ въ высшія учебныя заведенія. Вслѣдствіе сего ежегодно обращаются весьма многіе молодые люди изъ евреевъ съ прошеніями въ министерство о пріемѣ ихъ въ высшія учебныя заведенія сверхъ нормы, что̀ вызываетъ постоянныя сношенія какъ съ управленіями округовъ, такъ и съ начальствомъ гимназій, и возбуждаетъ обширную, а иногда и излишнюю переписку. Озабочиваясь тѣмъ, чтобы предварительныя свѣдѣнія о такихъ молодыхъ людяхъ изъ евреевъ, желающихъ поступить въ высшія учебныя заведенія сверхъ нормы, собирались ближайшимъ начальствомъ, г. министръ призналъ болѣе цѣлесообразнымъ обратить этихъ лицъ съ прошеніями къ начальству тѣхъ учебныхъ округовъ, въ коихъ находятся высшія учебныя заведенія, дабы лучшіе изъ учениковъ-евреевъ могли поступить сверхъ нормы въ то или другое высшее учебное заведеніе преимущественно того округа, въ гимназіяхъ коего они окончили курсъ и гдѣ прошедшее ихъ, такимъ образомъ, лучше извѣстно. При этомъ такіе воспитанники гимназій изъ округовъ, не имѣющихъ университетовъ, могли бы быть направлены въ высшія учебныя заведенія сосѣднихъ округовъ, а Виленскаго округа въ учебныя заведенія Дерптскаго и Варшавскаго учебныхъ округовъ. По симъ соображеніямъ попечителямъ учебныхъ округовъ предложено сдѣлать распоряженіе по соотвѣтственнымъ учебнымъ заведеніямъ, чтобы молодые люди изъ евреевъ, окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, обращались съ просьбами о пріемѣ ихъ сверхъ установленной нормы къ нимъ самимъ, попечителямъ. Если представленные ими аттестаты объ окончаніи курса будутъ свидѣтельствовать объ отличномъ ихъ поведеніи и очень хорошихъ успѣхахъ въ наукахъ (не менѣе $3^1/_2$ въ общемъ выводѣ), то рѣшеніе о пріемѣ будетъ зависѣть отъ самого попечителя. Въ дру-

гихъ же, или сомнительныхъ случаяхъ, попечитель имѣетъ представлять дѣло на усмотрѣніе министерства. За тѣмъ, въ виду возбужденнаго однимъ университетомъ вопроса, было разъяснено циркуляромъ отъ 26-го ноября 1889 г., что евреи, окончившіе курсъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета и желающіе поступить въ студенты медицинскаго факультета, должны быть принимаемы сверхъ нормы, опредѣленной правиломъ о процентномъ ограниченіи пріема евреевъ.

Дѣло 1-го марта 1887 г. и мѣры къ болѣе осмотрительному пріему въ высшія учебныя заведенія.

1887-й годъ ознаменовался событіями въ высшей степени прискорбными: злоумышленіемъ противъ жизни Государя Императора, въ которомъ участниками оказались 11 студентовъ С.-Петербургскаго университета: Петръ Горкунъ, Василій Генераловъ, Михаилъ Канчеръ, Василій Осипановъ, Пахомій Андреюшкинъ, Александръ Ульяновъ, Брониславъ Пильсудскій, Іосифъ Лукашевичъ, Петръ Яковлевъ Шевыревъ, Говорухинъ Орестъ и Рудевичъ Николай—скрывшіеся, и студенческими безпорядками въ концѣ ноября и началѣ декабря, которые повели къ временному закрытію 5-и университетовъ, Харьковскаго технологическаго института и Казанскаго ветеринарнаго института.

Гнусное дѣло 1-го марта послужило къ обнаруженію, между прочимъ, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжали свое существованіе не только разныя тайныя землячества, но и явныя quasi-литературныя общества, и студенческая читальня, и университетскій буфетъ, — учрежденія, служившія, между прочимъ, для уловленія въ сѣти крамолы безхитростныхъ провинціаловъ, наѣхавшихъ въ Петербургъ изъ захолустьевъ; но за то отсутствовалъ вовсе карцеръ.

Дѣло это побудило профессора философіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ и декана историко-филологическаго факультета М. И. Владиславлева представить г. министру народнаго просвѣщенія записку, въ которой указывалось, хотя и съ большою осторожностью, на вышеозначенныя бросающіяся въ глаза нарушенія устава и правилъ, и предлагались мѣры къ очищенію С.-Петербургскаго университета отъ вредныхъ элементовъ. Записка эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Она не осталась безъ довольно серіозныхъ послѣдствій, выдвинула ея автора на первый планъ и побудила г. министра

назначить его ректоромъ С.-Петербургскаго университета. Поэтому признается не излишнимъ сообщить здѣсь подробное извлеченіе изъ этой записки.

Зло, говоритъ М. И. Владиславлевъ, въ университетѣ есть; но относительно массы студентовъ революціонная партія въ немъ не велика и даже менѣе, чѣмъ была до введенія устава 1884 года. Много ли, мало ли въ немъ анархистовъ, *объ этомъ можно спорить, но нельзя отрицать*, послѣ 1 марта 1887 года, что они въ немъ есть, что ихъ болѣе, чѣмъ взято полиціей, и что они могутъ еще нарости въ немъ же. Огромное, скажемъ подавляющее, большинство студентовъ не сочувствуетъ этой партіи, но есть колеблющіеся и почти наготовѣ пристать къ ней. Матеріалъ для нея несомнѣнно есть. Она можетъ вербовать далѣе себѣ сторонниковъ изъ бѣдняковъ университетскаго пролетаріата, который, перебиваясь изо-дня въ день, ища всякихъ знакомствъ, въ надеждѣ *воспользоваться ими для заработковъ, рыская* по городу въ погонѣ за уроками, всегда подвергается опасности встрѣчи съ революціонерами, готовыми помогать, лишь бы потомъ вовлечь жертву въ свое преступное сообщество. Можетъ эта партія ловить въ свои сѣти и тѣхъ не малочисленныхъ праздныхъ студентовъ, которые, охладѣвъ къ наукѣ и заболтавшись о политикѣ, легко попадаютъ въ притоны, надъ которыми выставленъ флагъ такъ-называемаго народолюбія. Въ столичномъ университетѣ, въ мѣстопребываніи Государя Императора, въ Которомъ залогъ спокойствія и благоденствія государства, рѣшительно невозможно оставить студенчество въ настоящемъ его составѣ. Мѣры къ измѣненію состава студенчества должны имѣть двѣ цѣли: во 1-хъ, возможное устраненіе всѣхъ дающихъ болѣе или менѣе основательный поводъ предполагать хотя нѣкоторую ихъ прикосновенность къ партіи безпорядка, и во 2-хъ, освобожденіе университета отъ мало и плохо или совсѣмъ не учащагося пролетаріата, не имѣющаго ни въ какомъ отношеніи яснаго положенія. Для сихъ цѣлей слѣдуетъ: послѣ зачета полугодій первымъ 6 семестрамъ, признать всѣхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета выбывшими изъ него, при чемъ объявить, что могутъ быть обратно *приняты въ него лишь тѣ, которые признаются особою* коммиссіей того заслуживающими. Выбывшимъ студентамъ должно быть объявлено, что желающіе изъ нихъ быть принятыми обратно должны подать (иногородные по почтѣ) о томъ прошеніе въ коммиссію и при этомъ собственноручно изложить свое curriculum vitae въ теченіе университетскаго пребыванія: у кого кто жилъ и какія откуда

получалъ средства, чѣмъ предполагаетъ жить далѣе въ Петербургѣ, принадлежалъ ли къ землячеству и къ какому, дать подписку о непринадлежности ни къ какимъ не допущеннымъ правительственною властію товариществамъ. Не подавшіе своевременно прошенія считаются выбывшими изъ университета, и таковымъ высылаются на мѣсто ихъ жительства документы. Коммиссія, назначенная министромъ не изъ профессоровъ, но съ участіемъ въ ней университетской инспекціи въ полномъ ея составѣ, должна выдѣлить ненадежный элементъ изъ среды студентовъ и рѣшительно отклонить прошенія лицъ, такъ или иначе ею замѣченныхъ въ разныхъ проступкахъ, всѣхъ кажущихся подозрительными по нѣкоторымъ основаніямъ, не посѣщавшихъ лекцій вообще или весьма рѣдко, состоящихъ на замѣчаніи у полиціи, отъ которой въ семъ случаѣ должно просить указаній, всѣхъ живущихъ безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ и въ то же время уроженцевъ отдаленныхъ мѣстностей, какъ и тѣхъ, кто вообще не можетъ указать, чѣмъ они жили. За исключеніемъ явно неблагонадежныхъ, всѣмъ выбывшимъ студентамъ и не принятымъ обратно слѣдуетъ дозволить учиться въ другихъ университетахъ (кромѣ Московскаго). Если бы, по разборѣ, составъ студентовъ уменьшился на цѣлую треть нынѣшняго (около 2000 ч.), то это количество какъ разъ соотвѣтствовало бы тому числу, которое здѣшній университетъ можетъ дѣйствительно обучать и надъ которымъ можетъ имѣть хотя нѣкоторое наблюденіе. Относительно пріема вновь студентовъ въ С.-Петербургскій университетъ М. И. Владиславлевъ замѣчаетъ: необходимо прежде всего установить то положеніе, что совершенно неосновательно, какъ многіе воображаютъ, что на обученіе въ университетѣ, и притомъ въ любомъ русскомъ, существуетъ у каждаго окончившаго гимназическій курсъ неотъемлемое, какъ бы прирожденное право. Это есть совершенная иллюзія. При ненормальныхъ обстоятельствахъ, каковы нынѣ, правительство можетъ съузить условія, на которыхъ оно дозволяетъ поступать въ университетъ, и обставить поступленіе въ извѣстный университетъ, напримѣръ въ здѣшній, такъ, какъ оно считаетъ то нужнымъ. Именно теперь оно должно поставить вопросы: 1) Надобно ли гимназистовъ, кое какъ окончившихъ курсъ и очевидно бездарныхъ, вести непремѣнно чрезъ университетъ, гдѣ они безпомощно, какъ бы въ туманѣ, проведутъ нѣсколько лѣтъ, забывая что знали и ничему серіозно не выучиваясь? 2) Слѣдуетъ ли сзывать въ университетъ лицъ, которыя, по бѣдности своей, должны перебиваться изо-дня въ день

копѣечными уроками или перепискою, учиться, съ одной стороны, подъ страхомъ голодной смерти, а съ другой,—отдавая наибольшую часть времени посторроннимъ и чуть не механическимъ занятіямъ, безъ средствъ на руководства и пособія, безъ возможности посѣщать лекціи болѣе или менѣе аккуратно, и т. д.? Конечно, нѣтъ. 3) Спеціально въ примѣненіи къ С.-Петербугскому университету: есть ли какая надобность, говоря вообще, кубанцу или донцу и т. п. идти для образованія непремѣнно въ здѣшній университетъ? Если будущій студентъ тронутъ въ революціонномъ смыслѣ (читалъ книжки, встрѣчался съ мыслящими реалистами), то по пріѣздѣ въ Петербургъ similibus gaudet, сближается съ ними, можетъ быть привозитъ рекомендаціи, и въ скоромъ времени поступаетъ въ банду. Надобно сказать, что именно бѣдняки льнутъ къ Петербургскому университету, думая скорѣе тутъ устроиться, чѣмъ въ провинціальномъ городѣ, и легче получить стипендію, такъ какъ ихъ здѣсь много. Попавъ въ Петербургъ, такой студентъ оглушается шумомъ большаго города, его глаза разбѣгаются на жизнь, которая несется мимо его, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, забытымъ, никому не нужнымъ; даже въ университетѣ имъ никто не интересуется, развѣ для полученія съ него денегъ и исполненія разныхъ формальностей. Между тѣмъ крамола ловитъ его въ читальнѣ, въ университетскомъ буфетѣ, сначала чрезъ мѣченаго земляка, съ которымъ онъ естественно желаетъ сблизиться и отъ котораго думаетъ получить совѣтъ и практическія указанія, въ публичномъ скверѣ, гдѣ уныло слоняясь, такъ какъ никакихъ знакомствъ нѣтъ, онъ иногда встрѣчается съ добрыми людьми, готовыми подслужиться уроками, полезнымъ, развивающимъ чтеніемъ и, наконецъ, знакомствомъ съ радѣтелями о благѣ народномъ, на особыхъ квартирахъ съ женщинами. Не такова ли исторія этихъ двухъ казаковъ, взятыхъ послѣ 6-ти мѣсячнаго пребыванія студентами здѣшняго университета, съ бомбами въ рукахъ на Невскомъ проспектѣ? Развѣ не можетъ она повториться и съ другими студентами, если не принять противъ того мѣръ? Изъ сказаннаго можно вывести относительно набора новыхъ студентовъ въ С.-Петербургскій университетъ: а) Принимать въ него съ разборомъ гимназистовъ даже здѣшняго округа. Мѣстное начальство о каждомъ таковомъ аспирантѣ должно доставить свѣдѣнія: не былъ ли онъ въ чемъ нравственно-дурномъ замѣченъ, благонадеженъ ли по развитію и способностямъ къ высшему образованію, имѣетъ ли какія средства для жизни, отъ кого ихъ получаетъ. б) Могутъ встрѣтиться

случаи, когда гимназистъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни въ Петербургѣ, обѣщаетъ съ большимъ успѣхомъ пройти университетскій курсъ и по нравственнымъ своимъ качествамъ заслуживаетъ полной поддержки. Вотъ такимъ-то лицамъ и слѣдуетъ давать стипендіи съ момента поступленія ихъ въ университетъ. О казенныхъ стипендіяхъ слѣдуетъ узаконить, что они даются преимущественно гимназистамъ здѣшняго округа, что̀ будетъ вполнѣ справедливо. в) Что же касается до воспитанниковъ гимназій другихъ округовъ, то слѣдовало бы въ принципѣ постановить, что пріемъ ихъ есть не правило, а исключеніе. Кромѣ свидѣтельства о нравственныхъ качествахъ, имущественномъ положеніи и всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, какія долженъ представить воспитанникъ здѣшняго округа, необходимо требовать отъ нововступающаго изъ другаго округа еще подробной мотивизаціи, почему, вмѣсто ближайшаго, онъ желаетъ поступить въ здѣшній университетъ. При рѣшеніи должны приниматься въ разсчетъ только уважительныя причины: всего менѣе надежды найти въ столицѣ уроки и платныя занятія. Сокращеніе числа студентовъ дастъ возможность осуществить мысль, къ которой рано или поздно должно придти министерство народнаго просвѣщенія: устроить при здѣшнемъ университетѣ, на глазахъ власти, нѣчто въ родѣ профессорскаго института, или сосредочить здѣсь молодыхъ людей, оставляемыхъ при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію, и здѣшнія научныя силы направить, между прочимъ, на службу и этому дѣлу. При надлежащемъ подборѣ студентовъ и профессоровъ, С.-Петербургскій университетъ можетъ получить такой характеръ и достигнуть такой нравственной высоты, что всякаго рода либеральная болтовня, а тѣмъ болѣе разрушительныя идеи станутъ въ немъ невозможностью. Но и подборъ студентовъ не достигнетъ желанной цѣли, если не будетъ обращено вниманіе на подъемъ дисциплины въ студенческой средѣ и на правильное неуклонное исполненіе правительственныхъ предписаній и указаній всѣми университетскими властями. Первая настоятельнѣйшая нужда университета въ настоящее время есть дѣйствительная постановка инспекціи въ духѣ новаго устава. Въ лицѣ инспектора и помощниковъ его она должна быть въ большинствѣ случаевъ дѣятельно-самостоятельною, строго относиться ко всѣмъ случаямъ нарушенія дисциплины, порядка, установленныхъ правилъ и... карцеръ не долженъ бездѣйствовать. Можетъ быть, составъ инспекціи недостаточенъ и его слѣдуетъ увеличить, но прежде

всего слѣдуетъ оживить ее и особенно внушить ей, что она должна слушаться прежде всего своей инструкціи, неотступно требовать отъ студентовъ исполненія ими своихъ обязанностей и неуклонно штрафовать ихъ при всякомъ нарушеніи ими правилъ. Большинство студентовъ живетъ на случайныхъ квартирахъ, занимая комнаты и даже иногда только углы: у многихъ нѣтъ ни порядочнаго знакомства, ни средствъ на книгу, никто о нихъ не заботится, съ кѣмъ они знакомы и что̀ дѣлаютъ. Вотъ тутъ-то и долженъ университетъ оказать нравственную услугу студенту. Инспекція должна знать, какъ и гдѣ онъ живетъ, особенно пріѣхавшій изъ отдаленной мѣстности, съ кѣмъ онъ знакомъ. Должно быть обращено вниманіе на посѣщеніе лекцій студентами. Когда студентъ не занятъ дѣломъ, то онъ, если не бѣгаетъ съ утра до ночи по урокамъ, бездѣльничаетъ, и тутъ какъ разъ—самообразованіе, образованіе въ кружкахъ, поступленіе въ общество. Въ виду важности дѣла и высокой цѣли сдѣлать С.-Петербургскій университетъ достойнымъ милости Монарха, вѣроятно, профессоры и нѣкоторые преподаватели охотно послѣдуютъ приглашенію министерства участвовать въ этомъ дѣлѣ нравственной помощи студенчеству. Небольшія группы учащихся могли бы ввѣряться спеціальному надзору профессора, который обращалъ бы вниманіе на жизнь и ученье студента и могъ бы отъ многаго предостеречь его и во многомъ направить его къ доброму. Русскій студентъ, надобно сознаться, нуждается въ побужденіи къ труду и въ постоянномъ контролѣ, иначе онъ легкомысленно откладываетъ свои занятія ad calendas. Въ принципѣ такимъ мотивомъ и контролемъ служатъ для него зачеты полугодія, и такъ оно будетъ на самомъ дѣлѣ, когда они станутъ правдою. Быть можетъ, полезно будетъ завести при этомъ какіе либо способы различенія: блестяще ли, хорошо или только удовлетворительно зачтенъ семестръ, что̀ во всякомъ случаѣ станетъ побуждать даровитыхъ молодыхъ людей изъ уваженія къ себѣ и соревнованія, въ виду будущихъ экзаменовъ въ коммисіяхъ, ревностнѣе заниматься своимъ дѣломъ.

Послѣдствіемъ записки дѣйствительно было удаленіе изъ С.-Петербургскаго университета нѣкотораго числа студентовъ, бывшихъ на дурномъ замѣчаніи у полиціи или у инспекціи и затѣмъ установленіе на будущее время болѣе осмотрительнаго пріема въ студенты этого университета на основаніи тѣхъ правилъ, которыя выше приведены подъ пп. а) и b) изъ записки М. И. Владиславлева, такъ что число студентовъ С.-Петербургскаго университета уменьшилось

съ 1996 (къ 1-му января 1887 г.) до 1759 (къ 1-му января 1890 г.). Впрочемъ какъ записка М. И. Владиславлева, такъ и въ особенности событіе 1-го марта 1887 г. не могли не напомнить министерству народнаго просвѣщенія о циркулярномъ предложеніи, состоявшемся еще 12-го января 1880 г. при графѣ Д. А. Толстомъ, о томъ, чтобы начальства гимназій доставляли въ подлежащіе университеты свѣдѣнія о воспитанникахъ гимназіи, заявившихъ желаніе по окончаніи гимназическаго курса поступить въ университетъ, съ возможно полною характеристикой каждаго изъ сихъ молодыхъ людей какъ относительно хода ихъ ученія въ гимназіи, такъ и относительно нравственныхъ ихъ качествъ и внѣклассной жизни. Съ того времени смѣнились три министра народнаго просвѣщенія, и означенное распоряженіе, хотя и не отмѣненное, было предано забвенію, а затѣмъ изъ судебныхъ разбирательствъ и изъ дознаній касательно распространенія между учащимися противоправительственной пропаганды оказалось, что въ студенты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принимаются нерѣдко молодые люди, которые еще въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ заявляли себя дурными наклонностями и даже принадлежали къ тайнымъ кружкамъ, такъ-называемымъ «кружкамъ саморазвитія или самообразованія», и нерѣдко привлекались къ дознаніямъ въ качествѣ обвиняемыхъ или какъ свидѣтели. Этого, конечно, не могло бы быть, если бы вышеозначенный циркуляръ не былъ забытъ, или «если бы начальники среднихъ учебныхъ заведеній относились къ исполненію указанной въ немъ мѣры не формально, а съ сердечнымъ участіемъ и въ твердомъ сознаніи, что полная и вѣрная характеристика молодыхъ людей, поступающихъ въ университеты и другія высшія школы, необходима сколько для предотвращенія поступленія въ нихъ негодяевъ, изъ коихъ впослѣдствіи образуются злодѣи, столько вообще для упорядоченія состава студентовъ», и тогда «высшія учебныя заведенія были бы избавлены отъ присутствія лицъ вредныхъ, а молодые люди, съ характеромъ не вполнѣ установившимся, были бы съ самаго начала подчинены болѣе строгому надзору и могли бы исправиться и успѣшно окончить курсъ». Руководясь этими соображеніями и назвавъ неосмотрительностью или же неумѣстною и даже преступною снисходительностью обозначеніе въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ отличными по поведенію такихъ молодыхъ людей, которые вовсе этого не заслуживаютъ, г. министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярномъ предложеніи отъ 7-го іюня 1887 г., признавъ точное

исполненіе вышеозначенной мѣры дѣломъ весьма важнымъ, особенно въ настоящее время, и «имѣя въ виду, что педагогическій персоналъ среднихъ учебныхъ заведеній, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учениками въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, иногда въ теченіе всего курса, при должной заботливости о нравственномъ развитіи и добромъ направленіи учащихся, не можетъ не составить себѣ яснаго понятія объ ихъ образѣ мыслей и направленіи», предложилъ чрезъ попечителей учебныхъ округовъ начальствамъ среднихъ учебныхъ заведеній сообщать университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, по принадлежности, полныя и обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ мыслей и направленіи желающихъ поступить въ нихъ молодыхъ людей, объ ихъ склонностяхъ, условіяхъ матеріальнаго быта и общественной среды, къ коей принадлежатъ ихъ родители, а также доставлять такія же, по возможности, свѣдѣнія и о постороннихъ лицахъ, кои получатъ свидѣтельства зрѣлости и заявятъ о желаніи своемъ продолжать образованіе»; «тѣхъ же молодыхъ людей, которые хотя и получатъ аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, но почему либо подаютъ мало надежды на успѣшное занятіе науками, лучше отклонять отъ поступленія въ высшія учебныя заведенія, рекомендуя имъ избрать для себя другія занятія».

Распоряженіе это было дополнено другимъ отъ 26-го іюля 1887 г. о томъ, чтобы начальства университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній зачисляли въ студенты лишь тѣхъ, о которыхъ доставлены необходимыя свѣдѣнія отъ директоровъ тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ они обучались и выдержали выпускной экзаменъ, директоры же должны предупреждать абитуріентовъ, что въ случаѣ перемѣны заявленнаго ими намѣренія они должны своевременно сообщать о томъ директору, дабы онъ могъ принять мѣры къ пересылкѣ упомянутыхъ характеристикъ изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое. За мѣсяцъ передъ тѣмъ (26-го іюня 1887 г.) плата за ученіе въ пользу собственно университета, независимо отъ гонорара, была увеличена съ 10-и до 50-и р. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялось назначеніе Владиславлева ректоромъ университета. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ серіозно озабоченъ усиленіемъ дисциплины и надзора за студентами и искорененіемъ того зла, которое, очевидно, гнѣздилось въ университетѣ, и потому въ Петербургѣ студенческіе безпорядки были направлены противъ ректора Владиславлева въ такой же мѣрѣ, какъ въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Одессѣ они были направлены противъ инспекторовъ Брызгалова, Алякритскаго, Потапова и Балдина и вообще противъ инспекціи

Дѣятельность новой университетской инспекціи.

Изъ всѣхъ нововведеній устава 1884 г. прежде всего должны были принести замѣтные добрые плоды тѣ, которыя относились къ инспекціи. По свидѣтельству попечителя Харьковскаго учебнаго округа, «результатомъ дѣятельности инспекціи за три года послѣ введенія новаго университетскаго устава было то, что студенты стали неузнаваемы сравнительно съ тою распущенностью, разнузданностью и невѣроятнымъ отсутствіемъ благопристойности, какими они прежде отличались. Инспекторъ Алякритскій, подобно своему предмѣстнику Ресницкому, вступилъ въ должность съ твердою рѣшимостью, согласно моему требованію,—говоритъ попечитель,—осуществить на дѣлѣ всѣ правила, которыя студенты обязываются соблюдать и сами даютъ въ томъ подписку при поступленіи въ университетъ. Алякритскій дѣйствовалъ прямо, и добросовѣстно безъ всякаго раздраженія и какого бы то ни было оскорбленія молодежи, но послѣдовательно и настойчиво. Никакихъ признаковъ обостренія въ отношеніяхъ студентовъ къ инспекціи рѣшительно не замѣчалось до несчастной вспышки по знаку, данному изъ Москвы, съ лозунгомъ: «долой и бей инспекцію».

Какъ Ресницкій, такъ и Алякритскій были прежде помощниками инспектора студентовъ въ Москвѣ А. А. Брызгалова и дѣйствовали въ Харьковѣ въ его духѣ и направленіи и его способами и пріемами. Самъ же Брызгаловъ былъ прежде преподавателемъ географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, издалъ учебникъ по этому предмету, удостоившійся одобренія ученаго комитета, бывалъ за границей на съѣздахъ тамошнихъ ученыхъ географовъ, 6-го ноября 1876 г. былъ избранъ совѣтомъ Московскаго университета въ помощники проректора, 19-го февраля 1883 г. на него были возложены попечителемъ округа всѣ обязанности инспектора, 3-го апрѣля 1883 г. былъ назначенъ исправ. должность инспектора, а 2-го ноября 1884 г. инспекторомъ студентовъ. Такимъ образомъ это былъ человѣкъ далеко не новый въ своемъ дѣлѣ, хорошо извѣстный и начальству, и профессорамъ, и самимъ студентамъ. Пользуясь тѣми полномочіями, которыя новый уставъ предоставилъ инспекціи, Брызгаловъ, всецѣло преданный своему долгу, употребилъ всѣ усилія для водворенія духа порядка и дисциплины между Московскими студентами, и вводя новыя для студентовъ правила, наблюдая за посѣщеніемъ ими лекцій, за строгимъ соблюденіемъ возстановленной формы одежды, за предъ-

явленіемъ при входѣ въ университетъ входныхъ билетовъ, за своевременнымъ взносомъ гонорара и платы за ученіе, за исправностью ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, карая виновныхъ арестомъ, онъ сумѣлъ избѣгнуть при томъ какихъ бы то ни было столкновеній со студентами. Не ограничиваясь одною лишь отрицательною дѣятельностью, онъ привлекъ весьма значительное число студентовъ (до 200 ч.) къ благороднымъ занятіямъ, въ часы досуга, инструментальною музыкою и пѣніемъ, организовавъ изъ нихъ очень хорошій оркестръ и пѣвческій хоръ, которые собирались для упражненій подъ ближайшимъ его наблюденіемъ въ его же, весьма обширной для холостяка, какимъ онъ былъ, квартирѣ. Эти оркестръ и хоръ, устраивая въ пользу своихъ бѣдныхъ товарищей концерты, а хоръ, замѣнивъ собою въ университетской церкви Чудовскихъ пѣвчихъ, значительно увеличивали средства вспоможенія бѣднымъ студентамъ Московскаго университета. Казалось, Брызгаловъ настолько уже достигъ своей цѣли нравственно-политическаго оздоровленія и упорядоченія московскаго студенчества во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ безбоязненно явился ходатаемъ предъ попечителемъ округа и другими властями о томъ, чтобы Ихъ Императорскія Величества въ бытность Свою въ Москвѣ удостоили студенческій концертъ въ университетѣ Своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Мѣстная администрація не была въ пользу таковой Высочайшей милости, опасаясь, конечно, возможности какого-либо нарушенія порядка или приличія; но тѣмъ не менѣе Высочайшее посѣщеніе Московскаго университета состоялось 15-го мая 1886 г. и вызвало, какъ въ томъ и были увѣрены попечитель округа и инспекторъ студентовъ, самое искреннее и самое чистосердечное проявленіе восторженныхъ патріотическихъ чувствъ молодежи, при самомъ полномъ соблюденіи порядка и приличія. Это милостивое, исполненное довѣрія къ чувствамъ молодежи, посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Московскаго университета, и эти восторженныя патріотическія чувства, которыя выказала при этомъ молодежь, не могли не встревожить шайку крамольниковъ, показавъ ей, что подъ вліяніемъ новаго устава университеты, а за ними, конечно, и всѣ другія высшія учебныя заведенія, не замедлятъ совершенно уйти изъ-подъ ея вліянія и воздѣйствія. Ненависть крамолы къ Брызгалову, какъ къ одному изъ виновниковъ этого поворота въ настроеніи университетской молодежи, выразилась, между прочимъ, присылкой къ нему со взрывчатыми веществами пакета, неосторожное распечатаніе котораго могло сопровождаться для него если не смертью, то увѣчьемъ и лишеніемъ

зрѣнія. Письмо это прислано было изъ Харькова, гдѣ дѣйствовали одинъ за другимъ бывшіе помощники Брызгалова.

Въ Казани, подъ ближайшимъ руководствомъ и наблюденіемъ попечителя округа П. Н. Масленникова, съ большимъ тактомъ, большимъ усердіемъ и разумѣніемъ дѣйствовалъ инспекторъ студентовъ Н. Г. Потаповъ, бывшій прежде преподавателемъ математики, инспекторомъ 3-й С.-Петербургской гимназіи, инспекторомъ студентовъ С.-Петербургскаго университета въ 1879—1880 г. и директоромъ Псковскаго реальнаго училища. Инструкція для инспекціи и правила для студентовъ далеко не были мертвою буквою въ Казани: было установлено тщательное наблюденіе за студентами, за посѣщеніемъ ими лекцій, за исполненіемъ ими всѣхъ ихъ обязанностей; въ концѣ каждаго полугодія инспекція представляла деканамъ списки относительно исправнаго посѣщенія студентами лекцій, и какъ для нихъ, такъ и для ректора и попечителя, всегда была возможность справиться о поведеніи студентовъ въ штрафной и кондуитной книгахъ; не бездѣйствовалъ также и карцеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекція въ Казани была поставлена въ правильныя отношенія къ общей полиціи и жандармскому управленію и, какъ кажется, первая напала на слѣдъ т. н. «землячествъ».

Въ запискѣ по поводу безпорядковъ 1887 г., которая была удостоена высокой чести представленія, для прочтенія, Самому Государю Императору, авторъ ея заслуженный профессоръ Московскаго университета и членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Н. А. Любимовъ такъ характеризуетъ дѣятельность университетскихъ инспекцій до означенныхъ безпорядковъ: „Можно было наконецъ ожидать истребленія издавна таящихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и около нихъ гнѣздъ агитаціи и злоумышленій. Для цѣлей сохраненія такихъ гнѣздъ пригодна система, при которой на поверхности учрежденія лежалъ бы покровъ благонадежности, подъ покровомъ же этимъ были бы незамѣтны или не замѣчаемы эти гнѣзда и спокойно до случая продолжали бы развивать и укрѣплять свое дѣло“. Систему эту авторъ записки весьма удачно называетъ системою прикрышки. „Нѣсколько самоотверженныхъ и убѣжденныхъ людей, и между ними на переднемъ планѣ Брызгаловъ, приняли на себя трудную и опасную задачу—замѣтить и искоренить эти гнѣзда, къ чему новый уставъ предоставлялъ возможность. Онъ нашелъ подражателей или единомышленниковъ въ университетахъ Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ. Дѣло надзора за сту-

дентами, получивъ тонъ, начало приводить къ результатамъ. Продолжись и укрѣпись ходъ дѣла въ этомъ направленіи, пропаганда въ университетахъ была бы прижата къ стѣнѣ и была бы вынуждена изъ нихъ удалиться". Студенческіе безпорядки въ концѣ 1887 г. были произведены именно съ тѣмъ, чтобы цѣль эта не была достигнута, чтобы добиться обычной цѣли всѣхъ революціонныхъ движеній—смѣны лицъ и замѣны однихъ постановленій другими. Безпорядки эти были дѣломъ такъ-называемыхъ „землячествъ" — въ Казани несомнѣнно, въ другихъ городахъ—почти достовѣрно.

Землячества и предвѣстники безпорядковъ конца 1887 г.

Начало землячествъ или тайныхъ студенческихъ обществъ изъ уроженцевъ одной и той же губерніи или земляковъ восходитъ по меньшей мѣрѣ ко временамъ еще А. А. Сабурова. Первое офиціальное упоминаніе о нихъ встрѣчается въ запискѣ коммиссіи временнаго совѣта при С.-Петербургскомъ градоначальникѣ, переданной графомъ Н. П. Игнатьевымъ въ коммиссію графа И. Д. Делянова (см. стр. 84). Организація ихъ выяснилась лишь въ послѣдствіи, въ связи съ безпорядками 1887 г. Оказалось, что они соединяли въ себѣ нерѣдко питомцевъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній одного и того же города и поддерживали сношенія между собою, находясь даже въ различныхъ городахъ. Такъ, между прочимъ, въ Казани студентъ ветеринарнаго института Сергѣй Ферафонтовъ содѣйствовалъ организаціи Симбирскаго землячества, въ составъ котораго входили и студенты университета, и былъ библіотекаремъ этого землячества. Всѣ высшія учебныя заведенія различныхъ категорій и различныхъ мѣстностей были такимъ образомъ связаны цѣлою сѣтью тайныхъ обществъ (землячествъ), которыя всячески укрывались даже отъ такой дѣятельной и блительной инспекціи, какою была инспекція Московскаго университета при покойномъ А. А. Брызгаловѣ, или Казанскаго университета при Н. Г. Потаповѣ. Первая демонстрація противъ университетскаго устава въ Казани была, повидимому, дѣломъ „землячествъ". Демонстрація эта имѣла еще довольно мирный характеръ и заключалась въ запрещеніи студентамъ быть на университетскомъ актѣ 5-го ноября 1886 г. Съ этою цѣлью были составлены гектографированные листки, приглашавшіе студентовъ въ видѣ демонстраціи не быть на вышеозначенномъ актѣ. 2-го и 3-го ноября 6 такихъ листковъ были найдены въ различныхъ помѣщеніяхъ университета. 1-го декабря того же года

въ Казани разсылались профессорамъ однимъ по почтѣ, другимъ съ неизвѣстными лицами, а на имя 12-ти изъ нихъ, адресы коихъ были вѣроятно неизвѣстны агитаторамъ, были опущены въ университетскій ящикъ для писемъ гектографированныя письма, упрекавшія профессоровъ въ отсутствіи съ ихъ стороны протеста противъ новаго университетскаго устава. Цѣль этихъ писемъ, по словамъ ихъ составителя или составителей, заключалась въ томъ, чтобы выяснить значеніе протеста 5-го ноября и заявить недовольство существующими въ университетѣ порядками. Сообщая объ этомъ ректору 5-го декабря 1886 г., инспекторъ студентовъ Н. Г. Потаповъ присовокупилъ: „Такъ какъ со времени введенія новаго устава и правилъ неудовольствіе со стороны студентовъ никогда не проявлялось, а напротивъ, въ частныхъ разговорахъ, въ разное время, со студентами мнѣ приходилось постоянно слышать противное, то есть основаніе предполагать, что этотъ протестъ явился изъ среды, чуждой университету, и что сочувствіе къ себѣ вызвалъ, вѣроятно, въ небольшой части студентовъ". По несчастію, эта небольшая часть студентовъ, сплотившись въ землячествахъ, оказалась очень дѣятельною, предпріимчивою и дерзкою. 19 февраля 1887 г. принадлежавшіе безъ сомнѣнія къ этой категоріи студенты служили панихиду по Потѣхинѣ и были на его могилѣ: по свидѣтельству наблюдавшаго за ними служителя инспекціи, во время панихиды и вообще на кладбищѣ они вели себя хорошо; но затѣмъ устроили шествіе по городу съ пѣніемъ, между прочимъ и мимо квартиры попечителя, что̀ несомнѣнно имѣло характеръ демонстраціи, но не въ той рѣзкой и грубой формѣ, какъ о томъ говорилось въ городѣ, ибо по сообщенію шедшаго со студентами пристава студенты шли чинно и пѣли негромко. Такъ какъ случай этотъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ, то полиція сообщила инспектору, что будетъ составленъ протоколъ и виновные будутъ привлечены къ отвѣтственности; но по обыкновенію ничего этого сдѣлано не было и не было затѣмъ ничего болѣе сообщено инспекціи. Не имѣя точныхъ и подробныхъ свѣдѣній отъ полиціи, инспекторъ не счелъ возможнымъ привлекать студентовъ къ отвѣтственности.

Въ мартѣ 1887 г., по Воскресенской улицѣ, студентъ юридическаго факультета Милоновъ, къ которому вообще студенты относились враждебно и котораго они даже преслѣдовали, выведенный изъ терпѣнія студентомъ Камковымъ, схватилъ его за уши, на что̀ Камковъ, будучи его слабѣе, отвѣтилъ бранью. Чрезъ нѣсколько дней человѣкъ 5 студентовъ, намѣреваясь поколотить Милонова за Камкова,

отправились часу въ первомъ на квартиру къ Милонову, который жилъ въ номерахъ; но привести въ исполненіе свое намѣреніе имъ не удалось, такъ какъ Милоновъ заперъ дверь свою на ключъ, другіе же жильцы потребовали немедленнаго ихъ удаленія, грозя пригласить полицію и составить протоколъ. Обо всемъ этомъ Милоновъ самъ сообщилъ инспектору, но назвать студентовъ, приходившихъ къ нему ночью на квартиру, не могъ, потому что самъ ихъ не видѣлъ, а другіе жильцы фамилій ихъ не знали.

Противъ этого-то Милонова состоялся «приговоръ студенческаго суда». Онъ признанъ былъ виновнымъ въ доносахъ инспектору въ 1886 г. о существованіи одного «изъ представительныхъ студенческихъ учрежденій и Симбирскаго землячества», далѣе въ полученіи ссуды съ разрѣшенія инспектора изъ денегъ, присланныхъ Симбирскимъ обществомъ для нуждающихся Симбиряковъ, наконецъ, въ томъ, что былъ на актѣ 5-го ноября 1886 г. вопреки состоявшемуся по этому предмету «постановленію студентовъ». За эти вины свои онъ, Милоновъ, 1) не долженъ быть допускаемъ ни въ какую студенческую организацію; 2) знакомство съ нимъ для всякаго студента должно считаться по меньшей мѣрѣ предосудительнымъ, и 3) въ случаѣ нанесенія ему оскорбленій студенческій судъ отказывается его защищать. Приговоръ этотъ былъ гектографированъ, и содержавшіе его листки разсылались къ «начальствующимъ лицамъ Казанскаго университета».

Кромѣ Симбирскаго землячества, съ которымъ слилось землячество Самарское, въ Казани существовали еще землячества: Казанское, Уфимское, Екатеринбургское, Вятское и Сибирское. Въ каждомъ землячествѣ есть свой предсѣдатель и судьи. Предсѣдатели всѣхъ землячествъ вмѣстѣ составляютъ депутатское собраніе, а выборные отъ каждаго землячества члены—общій студенческій судъ. Землячества эти поддерживаются и матеріальными средствами, и вліяніемъ лицъ постороннихъ. Главнѣйшимъ источникомъ средствъ были вечера, устраиваемые или совершенно негласно, или съ вѣдома, но безъ прямого разрѣшенія полиціи, или, наконецъ, легальнымъ образомъ, подъ предлогомъ какой-либо благотворительной цѣли. По всей вѣроятности, такую же организацію имѣли землячества и въ другихъ университетскихъ городахъ.

21-го января 1887 г. послѣдовало противъ землячествъ циркулярное предложеніе г. министра народнаго просвѣщенія, именно отобрать отъ каждаго студента подписку о непринадлежности ни къ какому землячеству подъ страхомъ въ противномъ скучаѣ увольненія изъ выс-

шаго учебнаго заведенія. Тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ предыдущаго, землячества продолжали существовать и дѣйствовать.

Встрѣтившись съ завѣдывающимъ Болгарскимъ пансіономъ въ Николаевѣ чиновникомъ особыхъ порученій министра народнаго просвѣщенія Ѳ. Н. Минковымъ на пароходѣ, шедшемъ изъ Херсона въ Одессу 22-го октября 1887 года, тайный совѣтникъ Георгіевскій услыхалъ отъ него, будто бы позднею осенью того же года студенты университетовъ намѣреваются одновременно произвести повсюду безпорядки съ цѣлью протестовать противъ устава 1884 г. Прибывъ въ Одессу, Георгіевскій имѣлъ по этому предмету разговоръ и съ ректоромъ университета, и съ попечителемъ округа, и съ начальникомъ Одесскаго жандармскаго управленія полковникомъ нынѣ (генералъ-маіоромъ) Цугаловскимъ, и съ бывшимъ временнымъ Одесскимъ генералъ-губернаторомъ Хр. Хр. Роопомъ, и отъ всѣхъ ихъ получилъ самыя успокоительныя свѣдѣнія, а именно, что въ Новороссійскомъ университетѣ есть человѣкъ 30 — 40 неблагонадежныхъ студентовъ, но что всѣ они извѣстны начальству, всѣ состоятъ подъ ближайшимъ его наблюденіемъ и что въ случаѣ какихъ либо приготовленій къ безпорядкамъ они всѣ или будутъ арестованы, или же получатъ предостереженіе, что въ случаѣ безпорядковъ будутъ исключены изъ университета и высланы вонъ изъ Одессы; что объ общихъ студенческихъ безпорядкахъ осенью 1887 г. были дѣйствительно слухи, но что затѣмъ они совсѣмъ замолкли.

По прибытіи 16-го ноября 1887 г. въ Харьковъ, тайный совѣтникъ Георгіевскій бесѣдовалъ о томъ же предметѣ и съ попечителемъ округа, и съ начальникомъ Харьковскаго жандармскаго управленія полковникомъ Вельбицкимъ, и съ Харьковскимъ губернаторомъ тайнымъ совѣтникомъ Петровымъ, и отъ всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ слышалъ самые благопріятные отзывы о студентахъ Харьковскаго университета. Полковникъ Вельбицкій хотя не отрицалъ, что и между ними найдется нѣсколько десятковъ неблагонадежныхъ лицъ, но настроеніе огромнаго большинства признавалъ вполнѣ похвальнымъ; напротивъ, неблагопріятно отзывался о студентахъ технологическаго института и даже опасался, что здѣсь могутъ возникнуть крупные безпорядки и столкновенія съ инспекціей. О какихъ бы то ни было общихъ студенческихъ безпорядкахъ никакихъ свѣдѣній не имѣлось.

Но еще въ бытность Георгіевскаго въ Харьковѣ (16—25-го ноября 1887 г.) въ тамошнемъ обществѣ ходило уже много тревожныхъ слуховъ, но не о Московскихъ безпорядкахъ, которые уже были въ полномъ

разгарѣ, а о безпорядкахъ въ Петербургскомъ университетѣ по поводу будто бы крупнаго столкновенія между ректоромъ Владиславлевымъ и проф. Менделѣевымъ и о закрытіи будто бы въ Петербургѣ университета, тогда какъ въ эту пору никакихъ явныхъ безпорядковъ въ Петербургѣ еще не было.

Студенческіе безпорядки въ Москвѣ въ 1887 году.

22-го ноября 1887 г. въ залѣ благороднаго собранія въ Москвѣ, во время концерта, который давали оркестръ и хоръ студентовъ Московскаго университета при огромномъ стеченіи публики, послѣ антракта, въ началѣ 2-го отдѣленія, когда инспекторъ студентовъ ст. сов. Брызгаловъ, подсчитавъ кассу, возвратился въ главную залу, студентъ 5-го семестра юридическаго факультета Александръ Синявскій нанесъ ему сзади сильный ударъ по лицу, и когда Брызгаловъ обернулся къ нему, то онъ со словами: «вотъ тебѣ еще», съ прибавкой браннаго выраженія, хотѣлъ еще вторично его ударить, но Брызгаловъ успѣлъ отстранить этотъ ударъ, а Синявскій былъ схваченъ и отвезенъ въ Тверской полицейскій частный домъ. Брызгаловъ подошелъ къ попечителю въ 1-мъ ряду креселъ, не растерявшись, и доложилъ о случившемся. Множество студентовъ, которыхъ попечитель видѣлъ послѣ концерта, были въ удрученномъ состояніи духа и крайне возмущены происшедшимъ.

Синявскій, уроженецъ Смоленска, сынъ коллежскаго секретаря, воспитывался въ Смоленской гимназіи, и, будучи въ крайней бѣдности, получалъ пособія, какъ отъ общества вспоможенія бѣднымъ ученикамъ, такъ и отъ дворянства; въ университетъ поступилъ осенью 1885 года, осеннее полугодіе этого года не было ему зачтено, 2-е весеннее полугодіе было зачтено, и онъ получилъ отъ университета пособіе въ 50 руб., а затѣмъ и небольшую частную стипендію Дурново въ 50 руб.; слѣдующія два полугодія были ему зачтены условно. Проживалъ онъ въ даровыхъ квартирахъ, устроенныхъ для студентовъ купцомъ Лапинымъ. Въ тотъ же вечеръ онъ заявилъ попечителю округа, что лично онъ противъ Брызгалова ничего не имѣетъ, никакимъ взысканіямъ не подвергался и ни на какія притѣсненія пожаловаться не можетъ, но что онъ рѣшился на свой поступокъ единственно, чтобы избавить студентовъ отъ подобнаго инспектора, оскорбляющаго студенчество, но дѣйствовалъ единолично безъ всякаго уговора съ какими-либо другими лицами. На вопросъ, въ чемъ выра-

зились оскорбленія со стороны Брызгалова, Синявскій отвѣтилъ, что онъ происшествій не записывалъ и потому указать ихъ не можетъ, на дальнѣйшія же настоянія попечителя объяснилъ, будто бы по случаю пропажи въ университетѣ осенью 1887 года нѣсколькихъ пальто и шинелей Брызгаловъ заподозрилъ студентовъ въ кражѣ, чего вовсе не было, такъ какъ инспекція заподозрила не студентовъ, а служителей: ни на какіе другіе факты, кромѣ этого вымышленнаго, Синявскій указать не могъ. Въ послѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ (отъ 20-го марта 1888 года), вѣроятно, на основаніи показаній самого Синявскаго, будто бы онъ имѣлъ личную непріязнь къ Брызгалову за исключеніе изъ студенческаго хора и еще въ 1886 г. выражалъ намѣреніе его побить или даже убить,—обстоятельство, о которомъ ни самъ Синявскій не упоминалъ въ самый день происшествія, ни Брызгаловъ, ни ректоръ, ни попечитель ни разу не поминали.

Между тѣмъ въ Москвѣ все время упорно держались слухи, что мѣстная администрація имѣла въ рукахъ письмо одного изъ студентовъ Московскаго университета, писанное еще до 22-го ноября, къ одному изъ студентовъ Казанскаго университета, въ которомъ было подробно описано совѣщаніе, бывшее на одной изъ дачъ близъ Петровской академіи, на которомъ обсуждался вопросъ объ оскорбленіи Брызгалова и о способахъ возбужденія студентовъ Московскаго университета къ безпорядкамъ. Слухъ этотъ до нѣкоторой степени подтверждается вышеозначеннымъ письмомъ графа Д. А. Толстого отъ 20-го марта 1888 года, въ которомъ говорится, что еще въ первой половинѣ ноября Московская полиція получила свѣдѣніе, что одна изъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ развозитъ пригласительные билеты на вечеринку студентовъ Петровской земледѣльческой академіи. Желая предупредить это сборище, завѣдывающій Петровско-Разумовскимъ участкомъ сообщилъ объ этомъ запиской помощнику инспектора Петровской академіи Иванову, но послѣдній увѣдомилъ, что директоръ академіи строго воспретилъ ему являться на студенческія вечеринки. Сборище это состоялось какъ разъ 21-го ноября, и прежде чѣмъ оно было прекращено мѣрами полиціи, на немъ дѣло шло о Брызгаловѣ, высказывалось противъ него неудовольствіе, и въ этомъ сборищѣ участвовалъ и Синявскій.

Воспитанники Петровской земледѣльческой академіи принимали дѣятельное вообще участіе въ тѣхъ уличныхъ безпорядкахъ, которые происходили въ Москвѣ вслѣдъ за оскорбленіемъ Брызгалова.

Одинъ изъ главныхъ подстрекателей своихъ товарищей къ безпорядкамъ студентъ Московскаго университета Клавдій Алексѣевъ Звягинцевъ, сынъ умершаго священника г. Ельца, занимавшій въ теченіе ноября и декабря одновременно двѣ квартиры, изъ коихъ одна служила для сходокъ и переговоровъ студентовъ по возбужденію молодежи къ безпорядкамъ, былъ также въ сношеніи со студентами Петровской академіи. Это, какъ видно, былъ очень ловкій агитаторъ, такъ что хотя онъ и былъ арестованъ въ числѣ 57 человѣкъ около университета, но на другой же день былъ освобожденъ вслѣдствіе хорошаго о немъ отзыва инспекціи.

Въ инспекцію доходили неблагопріятные слухи относительно частаго посѣщенія нѣкоторыми студентами университета и воспитанниками другихъ высшихъ учебныхъ заведеній избранныхъ ими пивныхъ, гдѣ происходили между ними совѣщанія, обращавшія на себя вниманіе и полиціи, которая даже арестовала нѣкоторыхъ изъ нихъ, не сообщивъ впрочемъ учебному начальству никакихъ свѣдѣній объ арестованныхъ.

Все указываетъ на то, что оскорбленіе, нанесенное Брызгалову, было отнюдь не личнымъ дѣломъ Синявскаго, ни даже дѣломъ студентовъ Московскаго университета или какого-либо ихъ кружка, а такой же организаціи смѣшанныхъ изъ студентовъ различныхъ учебныхъ заведеній землячествъ, какая существовала въ Казани.

Впрочемъ студенты Петровской Земледѣльческой Академіи легко могли быть возбуждены противъ Брызгалова двумя своими товарищами, которыхъ онъ встрѣтилъ въ театрѣ на спектаклѣ отъ Высочайшаго Двора для воспитанниковъ и воспитанницъ 14-го ноября 1887 г. въ Высокоторжественный день рожденія Государыни Императрицы. Эти молодые люди были въ крайне неприличномъ видѣ, и Брызгаловъ, освѣдомившись, что въ театрѣ не было никого изъ непосредственнаго ихъ начальства, отобралъ отъ нихъ съ помощью полиціи билеты, удостовѣряющіе ихъ личность, и выпроводилъ ихъ изъ театра, а билеты ихъ отослалъ къ ихъ начальству. Сверхъ того въ концѣ весенняго полугодія 1887 г. былъ такой случай. Одинъ изъ помощниковъ инспектора сообщилъ ему, что въ большой юридической аудиторіи происходитъ безпорядокъ: студенты повставали съ своихъ мѣстъ, окружили каѳедру профессора Ковалевскаго и производятъ сильный шумъ. Брызгаловъ поспѣшилъ въ аудиторію и, войдя въ нее, приказалъ студентамъ занять свои мѣста, что они и начали приводить въ исполненіе, когда профессоръ Ковалевскій, возвысивъ

голосъ, обратился къ нему съ рѣзкими упреками, что онъ самъ пригласилъ студентовъ къ каѳедрѣ для бесѣды съ ними въ виду зачета истекающаго полугодія, что инспекторъ не имѣетъ права распоряжаться въ его аудиторіи и что онъ проситъ его удалиться. Вслѣдъ за тѣмъ раздалось нѣсколько свистковъ со стороны студентовъ, и Брызгаловъ ушелъ, сказавъ, что дозволившіе себѣ свистать имъ замѣчены и будутъ имъ занесены за то въ штрафную книгу. Лѣтомъ того же года Ковалевскій былъ удаленъ изъ университета на основаніи неблагопріятныхъ о немъ свѣдѣній въ департаментѣ государственной полиціи: но студенты виновникомъ его удаленія считали единственно Брызгалова, и возвращеніе въ Москву Ковалевскаго, продолжавшаго собирать у себя студентовъ, немногимъ предшествовало оскорбленію Брызгалова Синявскимъ. Въ вину Брызгалову ставилось въ эту пору въ Москвѣ и не только студентами, но отчасти и обществомъ, даже и то, что онъ завелъ студенческій хоръ и оркестръ, имѣя будто бы въ виду обратить участниковъ въ нихъ въ шпіоновъ среди ихъ товарищей. Говорили также, что онъ былъ будто бы иногда черезчуръ рѣзокъ, а также неровенъ въ обращеніи со студентами, оказывая будто бы и особенное вниманіе, и особенное снисхожденіе молодымъ людямъ изъ болѣе богатыхъ и знатныхъ фамилій и, напротивъ, нѣкоторое пренебреженіе студентамъ изъ низшихъ и бѣдныхъ классовъ общества. Впрочемъ фактовъ въ подтвержденіе этихъ нареканій ни студентами, ни профессорами, ни начальствующими лицами не приводилось.

Самымъ неблагопріятнымъ для Брызгалова обстоятельствомъ было то, что «князь В. А. Долгоруковъ, какъ доносилъ попечитель округа, вообще не былъ расположенъ къ Брызгалову и послѣ происшествія 22-го ноября не скрылъ этого нерасположенія и говорилъ не только мнѣ (пишетъ графъ П. А. Капнистъ), но и очень многимъ другимъ, что онъ, Московскій генералъ-губернаторъ, предвидѣлъ, что то, что̀ случилось, могло случиться, разъ Брызгаловъ былъ инспекторомъ. Эти слова были перетолкованы, и стоустая молва вывела изъ нихъ, что если самъ генералъ-губернаторъ противъ Брызгалова, то, значитъ, студенты правы, всему виной Брызгаловъ, Синявскій не болѣе какъ жертва. Это чрезвычайно содѣйствовало разгоряченію и ожесточенію молодежи». Тогда какъ мясники Охотнаго ряда, охотники вообще подраться, такъ и рвались въ драку со студентами, все что̀ можно назвать обществомъ было рѣшительно на сторонѣ студентовъ.

Такому настроенію и молодежи, и общества не мало, безъ сомнѣ-

нія, содѣйствовали профессора, вообще крайне нерасположенные къ уставу 1884 г. и ко всѣмъ его ревнителямъ, къ каковымъ несомнѣнно принадлежалъ Брызгаловъ.

О причинахъ этого нерасположенія профессоровъ, бывшій Московскій профессоръ Н. А. Любимовъ въ упомянутой выше своей запискѣ говоритъ слѣдующее: «Извѣстно, что въ преподаваніи нѣкоторыхъ профессоровъ проявлялось противоправительственное направленіе, которое затруднено новыми постановленіями; но наклонность къ нему не исчезла. Дѣйствія лицъ, прямолинейно слѣдующихъ правительственнымъ требованіямъ и указаніямъ, столько же ненавистны профессорамъ этой категоріи, какъ и агитаторамъ, дѣйствующимъ среди студентовъ. Кромѣ того есть не мало профессоровъ, которые постоянно заявляли себя враждебными государственнымъ идеямъ и педагогическимъ началамъ, представителемъ которыхъ былъ М. Н. Катковъ. Противодѣйствіе, успѣшно оказанное имъ потоку политическаго легкомыслія и пагубныхъ затѣй революціоннаго и конституціоннаго характера, породило во многихъ кружкахъ значительное озлобленіе, переносимое на университетскій уставъ, въ составленіи и проведеніи котораго ему приписывается значительная доля участія, и на распоряженія министерства, не разъ призывавшаго его въ свои совѣты. Замѣчательно, что по его смерти въ 1887 г. по немъ въ университетѣ не было даже панихиды, хотя онъ состоялъ почетнымъ членомъ университета, по которымъ всегда бываютъ панихиды. Есть наконецъ не мало профессоровъ просто недовольныхъ умаленіемъ корпоративныхъ—избирательныхъ и распорядительныхъ привилегій, произведеннымъ новымъ уставомъ. Къ инспекціи профессорскія коллегіи во многихъ мѣстахъ относятся нерасположенно. Въ нѣкоторыхъ же профессорскихъ кругахъ (а именно въ Москвѣ) замѣчается ненависть къ инспекціи, не уступающая той, какую имѣютъ къ ней враждебные къ порядку студентскіе круги... Московскій инспекторъ съ горячностью обвиняетъ нѣкоторыхъ профессоровъ болѣе чѣмъ въ потворствѣ безпорядкамъ, имъ приписываетъ брошенную въ среду студентовъ мысль объ аналогіи производимыхъ ими безпорядковъ съ февральскою (sic) революціей въ Германіи, которую начали тамъ профессоры и студенты, явившіеся такимъ образомъ главными виновниками германской конституціи».

Выразителемъ чувствъ Московскихъ профессоровъ предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія явился переведенный въ Москву изъ Нѣжина 20-го авг. 1886 г. профессоръ философіи Н. Я. Гротъ. Въ письмѣ

своемъ къ графу И. Д. Делянову отъ 26 ноября 1887 г. онъ говоритъ, между прочимъ: «Я сочувствую студентамъ и ихъ невольному негодованію по поводу безтактности и безчестности ихъ ближайшаго начальника.. Студента Синявскаго, конечно, слѣдуетъ наказать продолжительнымъ, хотя бы 2-мѣсячнымъ карцеромъ, а г. Брызгалова тотчасъ уволить. Если онъ останется...., то мы сами, профессора, можемъ очутиться въ положеніи безвыходномъ—въ положеніи, въ которомъ для честнаго человѣка нѣтъ выбора между службою и отставкою». «Бредъ юноши подъ диктовку передовой партіи», такъ характеризовалъ это письмо г. министръ. Профессора въ этомъ случаѣ не бездѣйствовали. 9 человѣкъ изъ нихъ, въ томъ числѣ и г. Гротъ, были «за совѣтомъ» и у Московскаго генералъ-губернатора, который и отъ нихъ не скрылъ, по словамъ г. Грота, что по его мнѣнію, „въ Брызгаловѣ источникъ всѣхъ бѣдъ и золъ», и на ихъ же совѣтъ сдался и попечитель округа, согласившись, чтобы Брызгаловъ былъ освобожденъ „хотя бы на нѣсколько дней отъ исполненія служебныхъ обязаностей", рапортуясь, конечно, больнымъ: это была роковая ошибка, которая рѣшила участь не только самого Брызгалова, но, можно сказать, и самой университетской инспекціи. Она привела въ уныніе и деморализовала всю инспекцію и напротивъ ободрила всѣхъ ея противниковъ и увеличила число ихъ въ средѣ студентовъ, показавъ, что власть не на сторонѣ представителя инспекціи, что она готова имъ пожертвовать, что она запугана и боится ихъ раздражить, сохранивъ за нимъ его должность.

Не таковы были первопачально виды и намѣренія самого попечителя округа, который отъ 23-го ноября доносилъ г. министру, что «если по горячности характера Брызгаловъ, быть можетъ, и бывалъ иногда нѣсколько рѣзокъ со студентами, онъ тѣмъ не менѣе дѣлалъ имъ много полезнаго и добраго. По отношенію къ университету онъ имѣетъ несомнѣнно большія достоинства и заслуживаетъ полнаго вниманія, почему я и полагаю, что прискорбный вчерашній случай не долженъ имѣть никакого вліянія на его служебное положеніе». И дѣйствительно первые дни—23 и 24 ноября, хотя Брызгаловъ и не появлялся передъ студентами, но продолжалъ дѣйствовать и распоряжаться чрезъ своихъ помощниковъ, и самъ попечитель округа, повидимому, желалъ поддержать его авторитетъ въ глазахъ студентовъ. Такъ, съ этою именно цѣлью на другой день послѣ преступленія Синявскаго, утромъ 23-го ноября попечитель и ректоръ пришли сами въ актовый залъ, гдѣ должны были слушать

лекціи юристы 3-го семестра и гдѣ было 146 человѣкъ. На слова попечителя о случившемся, когда онъ выходилъ, послышалось весьма робкое, но внятное шиканье 5—6 голосовъ. На вызовъ попечителя назвать себя, безъ чего всѣ подвергнутся взысканію, и на его слова, что прятаться за толпу безчестно и подло, никто не назвалъ себя: всѣ были переписаны, и никто не пошелъ въ университетскій садъ, гдѣ въ то время собирались кучки студентовъ, и всего только одна группа не разсѣялась по требованію помощника инспектора и была переписана.

На 24-е ноября была назначена сходка на дворѣ стараго зданія университета. Объ этомъ не дано было знать попечителю округа, и графъ П. А. Капнистъ, вмѣстѣ съ ректоромъ, отправились на храмовой праздникъ Екатериненской больницы. Агитаторы сзывали студентовъ на сходку и лично, и чрезъ записки. На лекціи профессора анатоміи Зернова тайкомъ ходили записки такого содержанія: „Гг. студенты! Сегодня собирается сходка на дворѣ стараго зданія университета; предметъ собранія — вопросъ объ удаленіи Брызгалова и порицаніи новыхъ реформъ“. Около 12-ти часовъ дня, замѣтивъ лично, что въ аркѣ прохода подъ старымъ зданіемъ университета начинаютъ собираться студенты, Брызгаловъ тотчасъ послалъ одного изъ своихъ помощниковъ пригласить студентовъ разойтись и при первой возможности запереть двери внутри прохода. Толпа студентовъ не разошлась и даже совѣтовала самому помощнику инспектора уйти, а когда заперли двери въ проходѣ, то она бросилась на дворъ къ Моховой. Тогда инспекторъ распорядился дать знать объ этомъ сборищѣ ректору и попечителю округа, которые извѣщенія этого не получили, находясь въ Екатериненской больницѣ, и самъ приказалъ позвать всѣхъ педелей, чтобы переписали участниковъ сходки, и усмотрѣвъ, что часть толпы бросилась со двора въ зданіе, гдѣ въ аудиторіяхъ, библіотечной и актовой залахъ собралось множество студентовъ для слушанія лекцій, очевидно съ цѣлью возбужденія ихъ къ безпорядкамъ, распорядился запереть всѣ двери стараго зданія университета и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ по телефону мѣстнаго участковаго пристава прислать полицейскихъ для прекращенія уличнаго безпорядка. Ворвавшаяся толпа встрѣтила было отпоръ со стороны юристовъ 1-го и 3-го семестровъ; но тѣмъ не менѣе успѣла выпроводить изъ аудиторіи только-что вошедшаго въ нее профессора Алексѣева, которому кричали: „Уходите, лекцій сегодня не будетъ, мы идемъ на сходку“, и затѣмъ, прежде чѣмъ были за-

перты двери, увлекла за собою на дворъ часть юристовъ 3-го семестра и незначительное число юристовъ 1-го семестра, большинство же первыхъ (до 80 человѣкъ) удалились въ библіотечный залъ, ожидая, пока все успокоится и можно будетъ уйти изъ университета. Толпа на дворѣ, двигаясь то къ крыльцу, то къ воротамъ, кричала, требуя къ себѣ немедленно ректора, и тѣмъ привлекала вниманіе проходившей посторонней публики, а также и проходившихъ изъ новаго зданія студентовъ. Въ скоромъ времени, впрочемъ, прибыло значительное число городовыхъ, которые и выстроились у воротъ. Тогда толпа студентовъ стала еще болѣе шумѣть и имѣя въ виду открыть себѣ выходъ на улицу, отворила выходящія на нее ворота. Между тѣмъ толпа постороннихъ на улицѣ все болѣе росла; бросились было къ университету и мясники изъ Охотнаго ряда, но они во время были остановлены полиціей; относительно же толпы студентовъ полиція рѣшительно не знала что̀ ей дѣлать.

Тѣмъ временемъ извѣщенные о всемъ около часу дня въ Екатериненской больницѣ, прибыли къ университету попечитель и ректоръ. Попечитель остановился на дворѣ спросить мѣстнаго полицеймейстера въ чемъ дѣло и потребовать отъ студентовъ разойтись, ректоръ же пошелъ прямо въ правленіе. Здѣсь начальникъ охраны Бердяевъ доложилъ ему, что для успокоенія студентовъ необходимо впустить ихъ въ зданіе университета и выслушать ихъ, что̀ ректоръ немедленно исполнилъ, приказавъ объявить студентамъ, чтобъ они шли въ актовый залъ и что имъ за это ничего не будетъ. Это было несомнѣнно большою ошибкой. „Винить за это Г. А. Иванова, прибавляетъ г. попечитель, нельзя; онъ еще неопытенъ въ администраціи и въ данномъ случаѣ повѣрилъ авторитету начальника охраны“. Слѣдовало, замѣчаетъ графъ П. А. Капнистъ въ позднѣйшемъ нѣсколько донесеніи своемъ, тотчасъ по нашемъ прибытіи арестовать всю сходку на дворѣ университета, „и я увѣренъ, что это разомъ положило бы конецъ безпорядкамъ“, какъ то не разъ бывало и прежде въ Москвѣ же.

Въ актовомъ залѣ толпа, при входѣ и выходѣ и ректора, и попечителя, почтительно предъ ними разступалась, тѣмъ не менѣе нисколько не поддавалась увѣщаніямъ ректора, который „съ замѣчательнымъ самообладаніемъ и тактомъ старался успокоить студентовъ и привести ихъ къ повиновенію“. Изъ этой толпы то и дѣло раздавались возгласы: „долой уставъ, долой Брызгалова, освободить Синявскаго“! Взошелъ на каѳедру попечитель округа и, возвысивъ голосъ, потребовалъ, чтобы студенты оставили залу, сдавъ свои би-

леты при выходѣ изъ нея, при чемъ ректоръ объяснилъ имъ, что за приходъ въ залъ они не подвергнутся никакому взысканію, а только за произведенный ими прежде безпорядокъ, а попечитель присовокупилъ, что всякое обѣщаніе, данное ректоромъ, будетъ исполнено, но чтобы студенты не разчитывали на безнаказанность. Вслѣдъ за тѣмъ и попечитель, и ректоръ вышли изъ залы, а за ними послѣдовали и студенты, сдавая свои билеты. Ихъ оказалось 199, и правленіе подъ предсѣдательствомъ попечителя въ тотъ же вечеръ рѣшило разослать къ нимъ повѣстки съ воспрещеніемъ входа въ университетъ впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла о нихъ правленіемъ и увѣдомить администрацію о назначеніи на слѣдующій день особаго наряда полицейскихъ на случай могущихъ повториться безпорядковъ и о разстановкѣ городовыхъ у всѣхъ университетскихъ воротъ и подъѣздовъ университетскихъ зданій, дабы задерживать студентовъ, у которыхъ были отобраны билеты, буде они попытаются проникнуть въ университетъ. Арестовать разомъ всѣхъ бывшихъ въ актовомъ залѣ попечитель не призналъ удобнымъ, ибо тамъ, кромѣ студентовъ, собравшихся для сходки собственно въ этомъ залѣ и кромѣ приглашенныхъ ректоромъ со двора, были еще юристы 3-го семестра, пришедшіе слушать тамъ лекціи и не успѣвшіе удалиться въ библіотечный залъ, а также и случайно зашедшіе въ актовый залъ изъ сосѣдней аудиторіи юристы 1-го семестра.

Ни въ актовомъ залѣ, ни во дворѣ не было уже болѣе студентовъ, но на Моховой и на Никитской собирались кучки народа и отчасти студентовъ неохотно расходившихся по требованію полиціи и находившихся на мѣстѣ казаковъ. Скопленіе ихъ на этихъ улицахъ прекратилось лишь послѣ 4-хъ часовъ.

На другой день, 25-го ноября, лекціи и занятія въ университетѣ происходили въ полномъ порядкѣ безъ всякаго перерыва и помѣхи, но на тротуарахъ противъ новаго университета между 12 и 2 часами дня стали появляться кучки студентовъ и разныхъ постороннихъ лицъ, которыя не обращали вниманія на требованіе полиціи разойтись и были уже силою разсѣяны къ 2-мъ часамъ; но вслѣдъ за тѣмъ та же толпа студентовъ собралась на Рождественкѣ предъ клиниками, желая, вѣроятно, проникнуть на дворъ, но ворота были заперты, и полиція вскорѣ разсѣяла эту толпу. Одни и тѣ же лица показывались 23-го ноября въ университетскомъ саду, 24-го во дворѣ университета и въ актовомъ залѣ и 25-го на тротуарахъ противъ новаго университета и противъ клиникъ. 26-е ноября прошло въ универ-

ситетскихъ помѣщеніяхъ точно также въ полномъ порядкѣ; но около 2-хъ часовъ на Страстномъ бульварѣ, а затѣмъ на Тверской площади, собралась разнообразная толпа молодежи изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и постороннихъ лицъ съ палками и съ каменьями, и между этою толпой и полиціей съ жандармами произошла сильная схватка, при чемъ съ одной стороны были пущены въ ходъ камни и палки, а съ другой шашки и нагайки. По слухамъ, были тяжкія раны и увѣчья съ обѣихъ сторонъ. Слухи эти въ тотъ же день проникли и въ университетъ и сильно взволновали молодежь, но никакихъ нарушеній порядка не было, и только многіе студенты уходили отъ послѣднихъ лекцій. 27-го ноября на лекціи явилось уже сравнительно меньше студентовъ, и хотя по поводу побоища у Страстнаго монастыря замѣчалось между ними сильное возбужденіе, тѣмъ не менѣе между филологами, математиками и юристами старшихъ семестровъ, которые слушаютъ лекціи въ новомъ зданіи университета, обнаружилось замѣтное теченіе противъ безпорядковъ. Нѣсколько юристовъ старшихъ курсовъ явились къ попечителю въ правленіе, сообщая, что теперь студентовъ наиболѣе волнуетъ слухъ, что двое изъ ихъ товарищей, избитыхъ наканунѣ въ схваткѣ съ полиціей, умерли отъ ранъ, и многіе изъ студентовъ хотятъ отправиться на ихъ похороны, и просили совѣта и указаній, что̀ имъ дѣлать, чтобы предотвратить дальнѣйшіе безпорядки. Въ это время попечителю доложено было, что до 150 студентовъ собралось близъ новой химической лабораторіи, имѣя въ виду просить его и ректора защитить ихъ на будущее время отъ насилій полиціи и дозволить имъ хоронить ихъ «убитыхъ» товарищей. Попечитель послалъ бывшихъ у него юристовъ старшихъ курсовъ успокоивать ихъ, что̀ имъ и удалось при помощи проходившихъ тутъ случайно профессоровъ Марковникова, Чупрова и Звѣрева. Толпа начала расходиться и при этомъ просила передать попечителю записку съ адресами и именами двухъ будто бы умершихъ отъ ранъ студентовъ. Получивъ эту записку, попечитель тотчасъ же отправилъ прозектора Тихомирова и помощника инспектора Рабуса разыскать квартиры этихъ студентовъ, а студентовъ, которые еще не успѣли разойтись, пригласить въ аудиторію при химической лабораторіи, чтобы тамъ обождать провѣрки слуховъ о смерти указанныхъ двухъ студентовъ. Между тѣмъ съ Никитской улицы около воротъ столпилось до 60 студентовъ, которые требовали, чтобы ихъ впустили во дворъ. Въ виду сильнаго возбужденія этой толпы и не желая какъ бы узаконивать

сходки, попечитель рѣшительно отказалъ ей въ просьбѣ и просилъ полицейскаго пристава принять зависящія отъ него мѣры къ прекращенію уличнаго безпорядка, указавъ лишь для примѣра, что въ прежнее время Московская полиція всегда арестовывала толпу въ подобныхъ случаяхъ, не позволяя себѣ ни малѣйшаго насилія. Такъ было поступлено и на этотъ разъ, и при этомъ 57 человѣкъ были арестованы. «Если бы полиція съ самаго начала такъ дѣйствовала, замѣчаетъ попечитель, то давно бы все уже кончилось», между тѣмъ какъ во всѣ эти 4 дня (24—27 ноября) толпѣ постоянно давали собираться, а затѣмъ разгоняли ее иногда съ излишними насиліями и никого не арестуя: разогнанная въ одномъ мѣстѣ толпа тотчасъ же собиралась въ другомъ, а сцены неизбѣжнаго при этомъ насилія возбуждали и озлобляли молодежь и обывателей изъ образованныхъ классовъ общества, подавая поводъ къ измышленію всевозможныхъ и самыхъ тревожныхъ извѣстій. Подобный образъ дѣйствій Московской полиціи попечитель округа совершенно справедливо находитъ совершенно непонятнымъ. Между тѣмъ Тихомировъ и Рабусъ возвратились и доложили, что одного изъ указанныхъ студентовъ не оказалось дома, но по увѣренію его брата онъ здравъ и невредимъ, а другой только что вернулся изъ кухмистерской и долго не могъ понять, чего хотятъ отъ него. Объ этомъ было сообщено ожидавшимъ въ лабораторіи студентамъ и указано, какъ ихъ морочатъ и какъ не слѣдуетъ вѣрить слухамъ въ виду особенно даннаго генералъ-губернаторомъ ректору удостовѣренія, что ни убитыхъ, ни тяжело раненыхъ при свалкахъ за эти дни не было.

Въ послѣдствіи по иниціативѣ попечителя и по предложенію прокурора Московской судебной палаты, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ графомъ П. А. Капнистомъ, жандармскимъ управленіемъ произведено было дознаніе, коимъ несомнѣнно установлено, что имѣющая званіе акушерки (но на дѣлѣ имъ никогда не пользовавшаяся) дворянка Марья Константинова Лопатина умышленно распространяла ложные слухи объ убійствѣ студента Ѳедорова, который оказался живъ и невредимъ, и разказывала о его смерти съ большими подробностями, какъ бы очевидица. Послѣ долгаго запирательства она созналась въ совершенномъ ею преступленіи и показала, что поступила такъ по уговору двухъ случайно встрѣченныхъ ею молодыхъ людей, которые, разжалобивъ ее на счетъ тяжелаго положенія студентовъ въ настоящее время, сверхъ того заплатили ей еще 200 р. Послѣднее показаніе прокуроръ считаетъ не выясненнымъ и сомни-

тельнымъ, и такъ какъ Лопатина сама—личность подозрительная, то вѣроятно, что она по собственному побужденію распространяла ложный слухъ. Несомнѣнно уже изъ этого, что «посторонняя агитація принимала дѣятельное участіе въ студенческихъ безпорядкахъ». Графъ Капнистъ былъ очень въ пользу того, чтобы Лопатина была предана суду, а не наказана въ административномъ порядкѣ.

Но прокуроръ судебной палаты пришелъ къ заключенію, что такъ какъ не доказана политическая цѣль распространенія ею ложныхъ слуховъ, то она могла бы быть предана суду не по 932-й ст., а по 57-й, то-есть, предъ мировымъ судьею, а потому считалъ долгомъ высказаться о заключеніи ея въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ административнымъ порядкомъ. Въ виду сего графъ Капнистъ настаивалъ только на томъ, чтобы результаты дознанія не остались негласными. Дѣло было рѣшено (29-го сентября 1888 г.) по докладу министра юстиціи Государю Императору тюремнымъ одиночнымъ заключеніемъ ея на 6 мѣсяцевъ и затѣмъ двухлѣтнимъ гласнымъ надзоромъ полиціи въ мѣстности по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

28-го ноября ректору удалось успокоить студентовъ въ старомъ зданіи университета на счетъ мнимо-умершихъ ихъ товарищей, но когда онъ съ тѣмъ же намѣреніемъ началъ обходить аудиторіи въ новомъ зданіи, то замѣтилъ сильное возбужденіе: студенты безпорядочно толпились около него, шумѣли, спрашивали уже о совершенно постороннихъ вещахъ, а не о товарищахъ, толпились въ сѣняхъ и корридорахъ, и громко разговаривая, производили тѣмъ значительный шумъ. Призванные въ профессорскую къ попечителю студенты обнаружили, что возбужденіе ихъ достигло такой степени, при которой люди плохо понимаютъ то, что̀ имъ говорятъ. Профессора, пошедшіе читать лекціи, приглашали за собою и студентовъ, но только незначительное число за ними пошло, а большинство оставалось въ сѣняхъ и корридорахъ и продолжало шумѣть, при чемъ слышались крики: «долой Брызгалова, долой инспекцію» и т. п. Уходя изъ зданія университета, попечитель еще разъ предложилъ студентамъ, стоявшимъ въ сѣняхъ, идти на лекціи, такъ какъ иначе придется на время закрыть университетъ, но на это послышались возгласы: «не пойдемъ на лекціи; пусть закрываютъ университетъ». Въ тотъ же день по совѣщанію съ ректоромъ и по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ было рѣшено ходатайствовать о временномъ закрытіи университета, на что̀ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 29-го ноября.

До 26-го ноября включительно изъ 3500 студентовъ до 2600 чел. продолжало посѣщать лекціи, и безпорядки производились внѣ университета толпою въ 200—250 человѣкъ, которыхъ полиція нигдѣ не захватывала, а разгоняла въ одномъ мѣстѣ, давая возможность затѣмъ собраться въ другомъ. «При такомъ положеніи дѣла закрытіе университета представлялось мѣрою крайне нежелательною, такъ какъ университетъ служилъ убѣжищемъ для спокойной части молодежи и предохранялъ ее отъ участія въ уличныхъ безпорядкахъ». Затѣмъ начиная съ 27-го, и особенно 28-го ноября (въ субботу) «волненіе, державшееся 5 дней на улицѣ и не остановленное тамъ должными мѣрами (то-есть, задержаніемъ толпы), ворвалось внутрь университета. Студенты образовали толпу настолько разгоряченную и отуманенную, что они потеряли способность понимать, что̀ имъ говорили, и ожесточенную до того, что въ эту минуту полѣзли бы на явную для нихъ опасность. Наступилъ моментъ, при которомъ воздѣйствіе на толпу уже немыслимо. Нужно было изыскать средство дать ей время остыть и главное, лишить студентовъ на время возможности собираться массами»; единственнымъ средствомъ являлось закрытіе университета. 28-го ноября ввести войска въ университетъ и всѣхъ участниковъ въ безпорядкахъ арестовать было уже невозможно: 1) волненіе разомъ охватило всѣ зданія университета, и пришлось бы вездѣ дѣлать нѣчто въ родѣ облавы, и 2) настроеніе толпы было настолько ожесточенное противъ полиціи, что отъ него не были свободны даже студенты изъ такихъ семей, какъ гр. Уваровыхъ, кн. Долгорукихъ, Львовыхъ и т. д., и можно было опасаться кровавой схватки.

Одновременно съ закрытіемъ университета была рѣшена участь Синявскаго: по докладу г. министра народнаго просвѣщенія 29-го ноября было Высочайше повелѣно отдать его на три года въ дисциплинарный баталіонъ. По сношеніи съ военнымъ министерствомъ онъ былъ сданъ въ дисциплинарный баталіонъ въ Херсонѣ. Здѣсь онъ велъ себя безукоризненно, усердно и безупречно исполнялъ всѣ свои служебныя обязанности, былъ вѣжливъ и почтителенъ къ старшимъ, во время пастырскихъ бесѣдъ съ нимъ баталіоннаго священнослужителя неоднократно сознавалъ всю свою виновность и каялся въ своемъ преступленіи, при чемъ выражалъ горячее желаніе безропотно перенести наказаніе, примѣрно держалъ себя во время богослуженія и усердно участвовалъ въ церковно-пѣвческомъ хорѣ. Во вниманіе къ такому его поведенію командующій войсками Одесскаго

военнаго округа ходатайствовалъ о смягченіи ему наказанія, и г. военный министръ на основаніи дѣйствующихъ узаконеній сократилъ срокъ пребыванія его въ баталіонѣ на 1/6 времени, на которое онъ былъ сданъ въ него (то-есть, на 8 мѣсяцевъ,—40 мѣсяцевъ вмѣсто 48). Всѣхъ удаленныхъ за участіе въ безпорядкахъ 1887 г. изъ Московскаго университета было 97. Сверхъ того 38 студентовъ были подвергнуты аресту отъ 1-го до 10-ти дней, 87-ми былъ сдѣланъ выговоръ отъ имени правленія. Виновными въ той или другой мѣрѣ было такимъ образомъ признано 222 чел.

Наиболѣе пострадавшимъ за свою беззавѣтную преданность долгу службы оказался Брызгаловъ: уступая настояніямъ попечителя, Московскаго генералъ-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, которые считали сохраненіе порядка въ Московскомъ университетѣ невозможнымъ при оставленіи Брызгалова въ должности инспектора студентовъ, г. министръ народнаго просвѣщенія отозвалъ его 7-го января какъ бы по дѣламъ службы въ Петербургъ. Это отозваніе онъ считалъ за ссылку и до крайности тяготился своимъ положеніемъ, своимъ бездѣйствіемъ и своею жизнью въ Петербургѣ, не смотря на всѣ старанія нѣсколькихъ здѣшнихъ друзей и цѣнителей его истинно-полезной дѣятельности сколько-нибудь утѣшить и успокоить его. Въ такомъ крайне удрученномъ состояніи духа онъ вскорѣ заболѣлъ тифомъ и скончался отъ воспаленія мозговой оболочки (meningitis) въ Еленинскомъ клиническомъ институтѣ. Но какъ ни тяжко было его положеніе до начала болѣзни, никакихъ ни на кого жалобъ и сѣтованій не было отъ него слышно.

Студенческіе безпорядки въ Харьковѣ въ 1887 г.

Изъ Москвы, какъ изъ общаго центра, студенческіе безпорядки распространились по всѣмъ университетскимъ городамъ: въ Харьковѣ и въ Одессѣ взрывъ произошелъ 1-го декабря, въ Казани 4-го декабря, въ Петербургѣ 9-го декабря, и только въ Кіевѣ всѣ усилія Московскихъ и другихъ бунтовщиковъ встрѣтили сильнѣйшій отпоръ со стороны самихъ студентовъ, и порядокъ почти вовсе не былъ возмущенъ.

Въ Харьковѣ безпорядки начались въ Технологическомъ институтѣ. Еще 13-го октября 1887 г. объявленіе отъ инспекціи о томъ, чтобы студенты увѣдомляли инспекцію каждый разъ, когда кто-либо изъ нихъ, по уважительнымъ причинамъ, не можетъ быть одинъ

или нѣсколько дней на лекціяхъ, вызвало волненіе и сходки студентовъ, въ корридорѣ, въ курильной и въ буфетѣ, и онѣ, не повинуясь инспекціи, расходились каждый разъ только по неоднократнымъ требованіямъ директора, при чемъ студенты, и во главѣ ихъ Вовкъ и Россетъ, заявляли, что объявленное имъ требованіе слишкомъ для нихъ стѣснительно. Затѣмъ лекція профессора Гемиліана «о производствѣ сѣрной кислоты» почему-то вызвала рукоплесканія, за что всѣмъ участникамъ былъ сдѣланъ строгій выговоръ, а Гемиліану самъ попечитель замѣтилъ, что студенты не позволятъ себѣ рукоплескать тому профессору, который, не ссылаясь на «приказъ начальства», самъ съ достоинствомъ и твердостью отринетъ этого рода одобреніе своихъ слушателей. Но настоящее возбужденіе началось съ 28 ноября, то-есть, со времени полученія первыхъ извѣстій о Московскихъ безпорядкахъ, когда технологи начали сговариваться выразить свое сочувствіе Московскимъ студентамъ. 1-го декабря студентъ Піотровскій, жившій въ мѣстности, не имѣющей удобнаго сообщенія съ институтомъ, явился въ него въ высокихъ сапогахъ, такъ какъ въ ночь на 1-ое декабря выпало множество снѣгу и по дорогѣ образовались сугробы. Такъ какъ студентамъ не дозволяется носить такіе сапоги, и было прежде 2—3 случая удаленія изъ института студентовъ, являвшихся по случаю грязи въ такихъ сапогахъ, то и на этотъ разъ было предложено Піотровскому исправляющимъ должность инспектора Стихіемъ уйти, но онъ не послушался, и когда ему было приказано идти въ карцеръ, то онъ пошелъ объясняться съ директоромъ, спустивъ панталоны поверхъ ботфортовъ и увѣряя, что онъ одѣтъ по формѣ. Заключеніе Піотровскаго въ карцеръ на 6 часовъ и было ближайшимъ поводомъ къ безпорядкамъ, которые сосредоточились главнѣйше въ курильной комнатѣ, гдѣ студенты читали письма, полученныя изъ Москвы, кричали: «за Московскихъ студентовъ, ура!» встрѣчали крайне дерзкими возгласами членовъ инспекціи и оказали явное и упорное неповиновеніе директору, а потомъ заперлись и никого къ себѣ не пускали. Прекративъ чтеніе лекцій, удаливъ всѣхъ другихъ студентовъ изъ института и распорядившись, чтобы всѣ участники въ сходкѣ были переписаны, директоръ далъ знать попечителю, увѣщанія и угрозы котораго были прерываемы возгласами объ освобожденіи Піотровскаго, жалобами на исправляющаго должность инспектора и одиночными дерзкими выходками изъ-за угла. Между тѣмъ у входа въ институтъ расположились городовые, и полицеймейстеръ былъ уже на пути въ институтъ. Тогда студенты

всѣ разошлись, и попечитель, устранивъ участіе учебнаго комитета, собственною властью исключилъ совсѣмъ двоихъ и уволилъ безъ прошенія и безъ права обратнаго поступленія въ институтъ 28 человѣкъ, и изъ нихъ 16 были уже высланы въ ночь на 2 декабря. Институтъ былъ закрытъ въ виду сильнаго волненія и возбужденія какъ студентовъ, такъ и всего Харьковскаго общества. Между тѣмъ уволенные и не высланные еще технологи вошли въ соглашеніе съ нѣкоторыми студентами университета съ цѣлью произвести буйную демонстрацію и по всей вѣроятности оскорбить дѣйствіемъ инспектора студентовъ и его помощника.

Въ сущности студенты университета ничего не могли имѣть противъ своего инспектора. За мѣсяцъ былъ, правда, случай, который нѣкоторые студенты и тогда, и особенно въ декабрѣ, старались раздуть и представить какъ тяжкое оскорбленіе всего студенчества, а именно инспекторъ, замѣтивъ, что около одного студента собралась кучка товарищей, которымъ онъ что-то читаетъ, подошелъ къ этой толпѣ и спросилъ, что̀ они читаютъ. Читавшій студентъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и заявленій, что тутъ нѣтъ ничего важнаго, добродушно передалъ исписанный листокъ инспектору съ просьбою не записывать его. Инспекторъ, увидавъ съ первыхъ строкъ, что это цинически-скабрёзное стихотвореніе, ограничился замѣчаніемъ: «какая охота читать вамъ это публично», и спокойно разорвалъ этотъ листокъ. Такое дѣйствіе инспектора было тогда же принято нѣкоторыми болѣе горячими и заносчивыми студентами за оскорбленіе всего студенчества, и они обратились съ жалобами къ декану факультета профессору Алексѣенко, который успѣлъ однако же вполнѣ ихъ успокоить.

2-го декабря случайная остановка войскъ, совершавшихъ военную прогулку, около университетскаго зданія, выстроеннаго и пожертвованнаго Харитоненко, произвела весьма неблагопріятное впечатлѣніе на студентовъ, принявшихъ это за угрозу, ничѣмъ съ ихъ стороны не вызванную. Но буйство разразилось собственно только 3-го декабря около полудня, когда изъ сборнаго зала вслѣдъ за выходомъ изъ него помощника инспектора Ульриха, вдругъ раздался неистовый крикъ: «бей!» и толпа человѣкъ въ 50 съ неистовыми криками выбѣжала вонъ изъ зала, отбросивъ въ сторону стоявшихъ у дверей служителей инспекціи и сторожей. Попытки г. Ульриха остановить и успокоить этихъ студентовъ вызвали только крики: «Молчать! Ни слова»! Выбѣжавъ на улицу и соединившись съ технологами,

шедшими въ то время на встрѣчу съ университетской горки, очевидно, по заранѣе условленному соглашенію, эти буяны стали бить стекла во всемъ нижнемъ этажѣ, затѣмъ опять было ворвались въ зданіе совмѣстно съ технологами, но такъ какъ въ это время отдано было приказаніе закрыть всѣ входы и выходы, то студенты моментально выбѣжали вонъ и остановились на углу зданія, образовавъ группы и крича: «насъ бьетъ полиція». Полиціи же было всего 60 городовыхъ, которые оставались спокойными зрителями этихъ дикихъ выходокъ студентовъ. Толпа шумѣла и кричала, не смотря на увѣщанія попечителя и жандармскаго полковника, и стала расходиться лишь тогда, когда разнесся слухъ о скоромъ прибытіи казаковъ. При этомъ были арестованы двое технологовъ Шульцъ и Станджальскій, уже уволенные изъ института и не высланные изъ Харькова наканунѣ, только потому что не были найдены на своихъ квартирахъ. Вся эта дикая сцена продолжалась всего $^3/_4$ часа. Участники ея хотя не были арестованы, но всѣ были переписаны и затѣмъ уволены.

На слѣдующій день, 4-го декабря, университетъ былъ временно закрытъ, а для предупрежденія безпорядковъ поставленъ караулъ. Около 12-ти часовъ студенты и технологи стали собираться на университетской горкѣ; число собравшихся доходило до 300 ч.; они съ шумомъ требовали попечителя, ректора и инспектора студентовъ и кричали: «долой полицію», «ура, московскіе студенты». Не смотря на требованіе полицеймейстера и г. исправл. должн. губернатора д. с. с. Сипягина разойтись, толпа не слушалась. Тогда явились казаки и пѣхота и общими силами окружили толпу; но вмѣсто того, чтобы всю ее арестовать, ей было снова предложено разойтись, и она бросилась внизъ по Екатеринославской улицѣ и разсѣялась по прилегающимъ улицамъ и переулкамъ. Хотя изъ 1.374 студентовъ университета въ безпорядкахъ и буйствѣ участвовало лишь весьма небольшое число, тѣмъ не менѣе учебныя власти заодно съ общими гражданскими властями рѣшили закрыть университетъ.

Въ Ветеринарномъ институтѣ замѣчалось также сильное возбужденіе и подстрекательство выразить безпорядками солидарность съ технологами; безпорядки эти уже были назначены на 4-е декабря, но не состоялись, потому что въ ночь на 4-ое декабря 18 ветеринаровъ, въ томъ числѣ главные зачинщики и подстрекатели, были арестованы и высланы изъ Харькова. Когда одинъ изъ нихъ (Кануковъ), случайно не арестованный по причинѣ своего отсутствія изъ квар-

тиры, явился въ Ветеринарный институтъ и сталъ настойчиво приглашать бывшихъ въ сборномъ залѣ ветеринаровъ немедленно идти помогать въ чемъ-то технологамъ, то никто за нимъ не послѣдовалъ, и онъ по выходѣ изъ зданія института былъ арестованъ и высланъ изъ города. 10-ти изъ нихъ было потомъ дозволено возвратиться въ городъ и продолжать занятія, а прочіе были исключены или уволены.

Изъ Москвы то и дѣло присылались въ Харьковъ воззванія отъ имени студентовъ, призывавшихъ выразить имъ сочувствіе при записываніи на весенній семестръ 1888 г. По наступленіи этого семестра студенты медлили внесеніемъ платы, опасаясь новаго закрытія университета въ случаѣ безпорядковъ. Есть указанія, говоритъ Харьковскій губернаторъ въ шифрованной телеграммѣ отъ 30 янв. 1888 г., о приготовляющейся сходкѣ и намѣреніи оскорбить инспектора. Благомыслящіе студенты, возмущающіеся давленіемъ на нихъ меньшинства, заявляютъ объ этомъ полиціи, ища ея покровительства. По свѣдѣніямъ жандармскаго полковника Вельбицкаго и полицеймейстера, студенты-евреи почти поголовно принадлежали къ числу волнующихъ. 29 января были сдѣланы обыски, и два студента арестованы, изъ нихъ Іуда Койфманъ, исключенный изъ университета въ декабрѣ и самовольно возвратившійся въ Харьковъ.

И въ Харьковѣ не было недостатка въ попыткахъ всю вину свалить на инспектора студентовъ, хотя и самые безпорядки начались не въ университетѣ. Такъ, по свѣдѣніямъ, которыя сообщались министерству народнаго просвѣщенія, составъ инспекціи будто бы оказалъ свою долю вліянія на обостреніе отношеній студентовъ къ ихъ начальству. Инспекторъ Алякритскій — человѣкъ болѣзненный, раздражительный и будто бы даже трусливый, и ближайшими оцѣнщиками поведенія и образа мыслей студентовъ являются служители инспекціи, и между ними даже исключенный за пьянство изъ корпуса жандармовъ унтеръ-офицеръ Никита Сылтыковъ. Попечитель округа рѣшительно отклоняетъ эти нареканія на г. Алякритскаго и отдаетъ должное его заслугамъ. Правда, онъ не явился къ толпѣ, собравшейся 3-го февраля на площади близъ зданія университета и на сходкахъ 4-го февраля, а оставался въ помѣщеніи правленія университета въ теченіе нѣсколькихъ дней по закрытіи университета и по возобновленіи вновь лекцій съ 25 января, когда со всѣхъ сторонъ, и офиціально, и неофиціально, получались свѣдѣнія о возобновленіи еще болѣе крупныхъ безпорядковъ и о замыслахъ оскорбить непремѣнно

инспектора. «Но не трусость руководила имъ въ этомъ случаѣ, а 1) увѣренность, что появленіе его предъ толпою вмѣсто укрощенія безпорядковъ могло бы послужить только поводомъ къ ихъ усиленію, и 2) горькое сознаніе, что усердное и добросовѣстное исполненіе долга имѣетъ для него послѣдствіемъ нареканія и обвиненія со стороны не студентовъ, а немалаго числа лицъ, принадлежащихъ къ составу начальствъ разныхъ вѣдомствъ, общественныхъ учрежденій и высшихъ общественныхъ слоевъ... Педель Сылтыковъ никѣмъ еще не замѣченъ въ нетрезвости, но что онъ былъ опредѣленъ безъ предварительнаго сношенія съ прежнимъ его начальствомъ, было поставлено на видъ Алякритскому. Не легко за 25 руб. въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи и большею частью безъ квартиры найти 14 нижнихъ чиновъ благонадежныхъ, расторопныхъ, вѣжливыхъ и грамотныхъ. Случаи столкновеній между студентами и педелями чрезвычайно рѣдки и жалобы, какія на нихъ бывали, обнаруживали ихъ невиновность»; со времени послѣднихъ безпорядковъ учрежденіе служителей инспекціи съ разныхъ сторонъ подвергается рѣзкимъ порицаніямъ и нареканіямъ, и потому попечитель приказалъ, чтобы служители инспекціи напоминали студентамъ объ ихъ обязанностяхъ только въ трехъ случаяхъ, а именно при несоблюденіи правилъ о куреніи табаку, объ оставленіи въ шинельной верхней одежды и о предъявленіи входнаго билета, во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ доносили только инспектору или кому-либо изъ его помощниковъ.

За участіе въ безпорядкахъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го декабря было уволено и выслано изъ Харьковской губерніи 42 студента университета, 40 технологовъ и 19 ветеринаровъ, — всего 101 ч.

Студенческіе безпорядки въ Одессѣ.

Поводомъ къ студенческимъ безпорядкамъ въ Одессѣ были также письма изъ Москвы. Студенты Новороссійскаго университета въ числѣ около 150 ч. собрались 1-го декабря на площадкѣ предъ актовымъ заломъ, отказались дать какія-либо объясненія инспектору и требовали къ себѣ ректора, чтобы ему выразить свое недовольство новымъ университетскимъ уставомъ, на увѣщанія инспектора отвѣчали криками и свистомъ, а когда онъ пошелъ за ректоромъ, выбили дверь актоваго зала, но въ немъ не остались, а, возвратясь на площадку, препятствовали проходить въ аудиторіи какъ профессорамъ, такъ и студентамъ, желавшимъ идти на лекціи. Когда появился ректоръ,

изъ толпы раздались крики, что студенты требуютъ отмѣны новаго устава со всѣми къ нему дополненіями, при чемъ одинъ студентъ Месхи Константинъ (изъ дворянъ Кутаисской губ., православнаго исповѣданія) прочелъ по гектографированному листку заявленіе отъ имени студентовъ, въ которомъ указывалось, 1) будто бы при новомъ уставѣ невозможны серіозныя научныя занятія, 2) что учреждаемая новымъ уставомъ инспекція оказываетъ деморализующее вліяніе на студентовъ, оскорбляетъ и унижаетъ ихъ достоинство, а потому 3) студенты требуютъ, чтобы уставъ 1884 г. былъ замѣненъ уставомъ 1863 г. При этомъ раздались крики, что студенты не требуютъ, а просятъ. Ректоръ отказалъ принять это письменное заявленіе, но сказалъ, что къ крайнему прискорбію долженъ будетъ донести начальству о случившемся, а затѣмъ по ихъ просьбѣ вошелъ съ ними вмѣстѣ въ актовый залъ и повторилъ имъ то же, послѣ чего они разошлись: въ актовомъ залѣ портретъ гр. Д. А. Толстого оказался поврежденнымъ. На другой день 2-го декабря предъ главнымъ входомъ въ университетъ были разставлены казаки; въ университетъ впускались студенты только по предъявленіи входныхъ билетовъ, при чемъ записывались ихъ фамиліи, и отмѣчались также выходящіе вонъ. Тѣмъ не менѣе студенты, занявъ прежнюю свою позицію, каждому изъ проходившихъ на лекцію профессоровъ заявляли, что слушателей нѣтъ, и просили возвратиться въ профессорскую, помѣшавъ такимъ образомъ чтенію лекцій, заявляли требованіе объ удаленіи казаковъ и о вызовѣ къ нимъ ректора и попечителя. На требованіе ректора идти на лекціи отвѣчали, что не пойдутъ, и точно также на требованіе разойтись отвѣчали отказомъ. Имъ дано было $^{1}/_{4}$ часа на размышленіе, и затѣмъ ректоръ С. П. Ярошенко, прибывъ съ деканами и инспекторомъ, согласно распоряженію попечителя, объявилъ университетъ закрытымъ. 2-го и 3-го декабря 84 студента были подвергнуты допросу въ правленіи, и изъ нихъ 5 исключены (въ томъ числѣ Месхи и еврей-естественникъ II сем. Ройзенблитъ Шміель, 5 уволены безъ прошенія, но безъ воспрещенія поступленія въ другіе университеты, въ томъ числѣ евреи Коберманъ Давидъ—естеств. III сем. и—юристы Гинзбургъ Симонъ III сем., Бромбергъ Файвель IV сем. и 25 уволены какъ бы по прошенію (признаны выбывшими), въ томъ числѣ Фугалевичъ Ѳедоръ Павловъ, мѣщанинъ г. Каменца, род. 8 іюня 1862 г., юр. ф. I с. Изъ нихъ Коберманъ, Бромбергъ, Гинзбургъ и Ройзенблитъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности

заключены подъ стражу, а остальные 6 2-хъ первыхъ категорій высланы. Всѣхъ же удаленныхъ было 35 ч.

Г. министръ народнаго просвѣщенія былъ недоволенъ какъ бы нѣкоторою слабостью, обнаруженною начальствомъ Новороссійскаго университета 1-го декабря, и 2-го декабря телеграфировалъ попечителю округа: «Вмѣсто безплодныхъ увѣщаній попросили бы генералъ-губернатора арестовать. 90 изъ ста убѣжали бы при одномъ появленіи войска, а теперь изъ-за сотни негодяевъ 500 страдаютъ». На это д. с. с. Сольскій отвѣчалъ конфиденціальнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, высказывалъ опасеніе, что 1-го или 2-го декабря при арестѣ сходки казаками легко могло произойти кровопролитное столкновеніе. Основанія къ этому опасенію разъясняетъ Ѳ. Н. Минковъ въ частномъ письмѣ своемъ къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 15-го декабря 1887 г. изъ Николаева. Такъ какъ это должностное лицо еще 22-го октября указывало, какъ оказалось вполнѣ вѣрно, что позднею осенью 1887 г. вездѣ будутъ студенческіе безпорядки, направленные противъ устава 1884 г., то признается не излишнимъ сообщить здѣсь его письмо въ подробномъ извлеченіи: «Въ еврейскихъ домахъ, пишетъ онъ между прочимъ, гдѣ бываютъ студенты изъ евреевъ, я узналъ» (въ бытность свою въ Одессѣ въ пору безпорядковъ 1-го и 2-го декабря), «что евреи изъ какихъ-то источниковъ знаютъ, что въ февралѣ 1888 г. въ высшихъ правительственныхъ сферахъ будетъ разсматриваться вопросъ объ удобопримѣнимости и недостаткахъ новаго университетскаго устава. Въ виду этого, говорятъ студенты-евреи, необходимо было выразить протестъ противъ устава и тѣмъ повлiять на ходъ рѣшеній при обсужденіи вопроса о немъ въ Петербургѣ. Если слухъ о предстоящемъ будто бы пересмотрѣ университетскаго устава невѣренъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ пущенъ въ ходъ неблагонамѣренными пропагандистами для приманки университетской молодежи къ безпорядкамъ... Противъ своего инспектора (Балдина), какъ человѣка, студенты говорятъ, что ничего не имѣютъ, но что будутъ противъ каждаго, кто займетъ эту должность, чтобы заставить вовсе не занимать ея. Изъ словъ же студентовъ я узнаю, будто бы половина профессоровъ сочувствуетъ ихъ протесту. Насколько это вѣрно, я не берусь судить.... На мой вопросъ студентамъ: правда ли, что въ Москвѣ народъ бросался на студентовъ какъ на бунтовщиковъ, они отвѣчали: «Да, но это были только мясники, а здѣсь въ Одессѣ всѣ биндюжники были бы за насъ, если бы

пришлось драться съ войсками.“ Биндюжники—это громадный классъ людей отчаянныхъ, нравственно испорченныхъ, которые имѣютъ большіе заработки отъ негоціантовъ за выгрузку и нагрузку судовъ и потому вполнѣ зависятъ отъ торгашей-евреевъ.... «Администрація и жандармское вѣдомство признали за лучшее не производить арестовъ въ зданіи университета, а, узнавъ фамиліи участниковъ въ безпорядкахъ, арестовывать ихъ постепенно ночью безъ шума и скандала. Такая мѣра предотвратила возможность большаго безпорядка и быть можетъ уличнаго кровопролитія».

Студенческіе безпорядки въ Казани.

Въ дни, предшествовавшіе безпорядкамъ, студентовъ въ университетѣ бывало немного, что не представляло, впрочемъ, чего-нибудь ненормальнаго, ибо и въ прежніе годы съ началомъ репетицій для зачета полугодій студентовъ тоже бывало не много; къ тому же съ 30-го ноября по 3-е декабря не читали своихъ лекцій профессоры Загоскинъ (исторіи русскаго права) и Ермолаевъ (анатоміи), у которыхъ бываетъ обыкновенно много слушателей, а между бывшими въ университетѣ студентами не замѣчалось никакого возбужденія и не было ничего предосудительнаго, ни въ ихъ поведеніи, ни въ ихъ разговорахъ, такъ что всѣ эти студенты или огромное ихъ большинство были вполнѣ чужды дѣлу безпорядковъ.

Приготовлялись они, очевидно, внѣ университета въ различныхъ землячествахъ и ихъ органахъ. Такъ, въ ночь съ 29-го на 30-е ноября, было замѣчено полиціей большое сборище студентовъ въ домѣ на улицѣ Георгіевской, но что тамъ происходило осталось невыясненнымъ. Къ числу самыхъ вредныхъ членовъ Симбирско-Самарскаго землячества принадлежали студенты Португаловъ, сынъ ссыльнаго въ Самарѣ врача, и Полянскій, и оба были выбраны въ судьи этого землячества. У перваго изъ нихъ, по указанію попечителя, былъ произведенъ въ ночь со 2-го на 3-е декабря жандармскій обыскъ, и были найдены и гектографъ, и набранные листы вышедшаго гектографированнаго приговора (противъ Милонова? см. стр. 179), и письмо его сестры съ поздравленіемъ по случаю выбора его въ студенческіе судьи, что при настоящихъ обстоятельствахъ, говорится въ письмѣ, представляетъ обширное поле для дѣятельности. Какъ несомнѣнно уличаемый въ принадлежности къ землячеству, Португаловъ тотчасъ же былъ удаленъ, что, конечно, не помѣшало ему принимать дѣя-

тельное участіе въ подготовкѣ безпорядковъ. Изъ постороннихъ лицъ, мутившихъ студентовъ въ это время, были замѣчены особенно присяжный повѣренный Гиршфельдъ и ученицы фельдшерскихъ земскихъ курсовъ дочь генералъ-маіора Балль и мѣщанка Амбарова. Попечитель округа телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости немедленно ихъ выслать изъ Казани, что̀ и было исполнено по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

Сигналомъ къ взрыву и здѣсь послужило письмо изъ Москвы. Гектографированная копія съ одного такого письма, полученнаго студентомъ изъ Москвы, о томъ, что̀ тамъ происходило, была найдена помощникомъ инспектора Виноградовымъ въ среду 2-го декабря, въ 6 часовъ вечера, въ одномъ изъ столовъ 12-й аудиторіи, гдѣ около 7 часовъ должны были собраться нѣкоторые изъ студентовъ юридическаго факультета для практическихъ занятій по гражданскому судопроизводству. Письмо это читалось 3-го декабря на такъ-называемомъ общемъ студенческомъ судѣ (см. стр. 179) и тамъ рѣшено было произвести одновременно безпорядки 4-го декабря и въ ветеринарномъ институтѣ, и въ университетѣ, и были установлены всѣ подробности дѣла.

Безпорядки были такимъ образомъ подготовлены въ земляческихъ учрежденіяхъ, объединявшихъ студентовъ и университета, и ветеринарнаго института, и въ обоихъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были въ точности выполнены рѣшенія «общаго студенческаго суда».

Дѣло началось въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ 4-го декабря долженъ былъ защищать свою диссертацію ветеринаръ Третьяковъ. На этотъ диспутъ изъ предосторожности не были допущены ни студенты университета, ни постороннія лица. Предъ самымъ началомъ диспута одинъ изъ студентовъ института подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли директоръ и члены совѣта, и подалъ директору листъ, говоря, что это петиція студентовъ, и прося тотчасъ же ее прочесть. Директоръ, не читая листа, сказалъ, что если студенты имѣютъ какія нужды, то пусть переговорятъ о нихъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Тогда вся толпа студентовъ поднялась съ своихъ мѣстъ и подошла къ столу. Директоръ, закрывъ засѣданіе совѣта, потребовалъ отъ студентовъ немедленнаго удаленія. Нѣкоторые послушались, но человѣкъ 40 остались въ залѣ и шумно требовали объясненія по поводу поданной петиціи. Послѣ вторичнаго требованія директора, толпа, правда, перешла въ другую аудиторію, но продолжала шумѣть

и оказывать явное неповиновеніе. Директоръ поѣхалъ къ попечителю и отъ него, по его указанію, въ 1-ю полицейскую часть, а тѣмъ временемъ студенты-ветеринары направились въ университетъ, гдѣ также начались уже безпорядки.

Несомнѣнные признаки ихъ наступленія въ университетѣ обнаружились къ 10 часамъ утра 4-го декабря. Еще въ $8^1/_2$ часовъ служитель инспекціи Михайловъ передалъ инспектору письмо на имя ректора съ городскою маркою, но принесенное неизвѣстнымъ мальчикомъ отъ Ферлюдина (фамилія одного изъ студентовъ-юристовъ). Письмо было тотчасъ же отправлено къ ректору и, какъ оказалось, было анонимное отъ 4-го декабря слѣдующаго содержанія: «Желая предотвратить зло, могущее произойти отъ предполагаемаго возстанія студентовъ университета и ветеринарнаго института, я рѣшился извѣстить васъ, что сегодня, или завтра, или вообще на этихъ дняхъ студенты сговорились устроить общую сходку въ университетѣ, не очень миролюбиваго характера, и такъ какъ отъ этого не будетъ никакого толку, а только безполезно погибнутъ молодыя силы, могущія въ послѣдствіи принести несравненно бо̀льшую пользу обществу, то не мѣшало бы предупредить и не допустить до этого, не прибѣгая къ крайнимъ мѣрамъ и не дѣлая никому зла. Сегодня же будьте осторожны». Въ одиннадцатомъ часу инспектора извѣстили изъ вѣрнаго источника, что студенты юридическаго факультета, которымъ въ этотъ день долженъ былъ читать лекцію ректоръ отъ 12 до 1 часу, при самомъ входѣ его въ аудиторію намѣревались пригласить его вмѣстѣ съ ними пойти въ залъ для собесѣдованія, о чемъ инспекторъ тотчасъ же увѣдомилъ ректора запиской, а затѣмъ, когда студенты въ очень возбужденномъ настроеніи стали собираться въ шинельной и курильной, и одинъ изъ нихъ, входя въ курильную, громко сказалъ: «скоро ждемъ грозной бури», что̀ тотчасъ же было сообщено инспектору однимъ изъ его помощниковъ, то инспекторъ въ $11^1/_2$ часовъ отправился самъ къ ректору, который только тогда далъ ему прочесть вышеприведенное анонимное письмо и заявилъ, что онъ въ залъ толковать со студентами не пойдетъ, а будетъ имъ читать лекцію. Возвратясь въ канцелярію, инспекторъ нашелъ въ ней уволеннаго изъ университета Португалова, который довольно дерзко спрашивалъ, скоро ли ему выдадутъ его документы, на что̀ Н. Г. Потаповъ отвѣтилъ ему, что по дѣйствующимъ правиламъ онъ получитъ ихъ чрезъ полицію. Выйдя изъ канцеляріи за 10 минутъ до 12 часовъ и пройдя нѣсколько шаговъ по корридору, Португаловъ, какъ передавали инспек-

тору, громко закричал «готово». Немедленно изъ шинельной и курильной быстро двинулась толпа съ шумомъ, крикомъ и свистомъ; слышались возгласы: «въ залу», «ректора», «долой инспектора», «къ черту инспектора», «идите, братцы». Нѣкоторые, отдѣляясь отъ толпы, забѣгали въ аудиторіи, настежъ растворяли въ нихъ двери и, не стѣсняясь присутствіемъ профессоровъ, кричали: «На сходку! на сходку!» Студенты-филологи, которымъ въ это время профессоръ Нагуевскій дѣлалъ репетицію по римскимъ древностямъ, спокойно остались на своихъ мѣстахъ и продолжали заниматься, не смотря на весь шумъ и гамъ, а затѣмъ согласно съ его увѣщаніями, по окончаніи своихъ занятій, вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ университета и отправились по своимъ квартирамъ. Составилась вскорѣ толпа человѣкъ въ 150—200, которая съ крикомъ подвигалась къ актовому залу. Услышавъ эти крики, инспекторъ студентовъ немедленно вышелъ изъ канцеляріи на встрѣчу толпѣ и усиленно убѣждалъ ее разойтись, вернуться назадъ, не губить себя. Но все напрасно: толпа незадержимо стремилась въ залъ, а за нею вошелъ и инспекторъ, сопровождаемый своимъ помощникомъ Войцеховичемъ и двумя служителями инспекціи. Инспекторъ продолжалъ въ залѣ увѣщевать студентовъ, а они, расположась около него полукругомъ, кричали и махали какими-то листками, которые содержали ту же самую «петицію», какая ветеринарами была подана ихъ директору, и сверхъ того воззваніе къ студентамъ: обѣ записки были гектографированы. Воззваніе гласило: «Товарищи! Тяжкимъ бременемъ легъ новый университетскій уставъ. Васъ, питомцевъ дорогой alma mater, васъ, представителей молодой интелигентной мысли, онъ отдалъ во власть шпіонствующей инспекціи, онъ сузилъ и низвелъ на «нѣтъ» значеніе профессорской коллегіи, сдѣлалъ изъ нихъ учителей-чиновниковъ, онъ ограничилъ доступъ въ университетъ сыновьямъ бѣдныхъ отцовъ, увеличивъ взносъ за право слушанія лекцій, установилъ тяжелыя условія при полученіи стипендій и т. д. Но это еще не все: циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 18-го іюня 1887 года лишилъ вашихъ юныхъ братьевъ возможности даже получить гимназическое образованіе. Наконецъ, въ событіяхъ Московскихъ 23-го, 24-го, 25-го ноября текущаго года, когда лилась кровь нашихъ товарищей (2 студента было убито), когда нагайки свистали надъ головами ихъ, въ этихъ событіяхъ нанесено было позорное оскорбленіе всей русской интелигентной молодежи. Казанскіе студенты! неужели мы не встанемъ на защиту попранныхъ правъ нашихъ уни-

верситетовъ, неужели мы не выразимъ нашего протеста предъ разыгравшеюся во всю ширь реакціей? Мы вѣримъ въ Казанское студенчество и мы зовемъ его на открытый протестъ въ стѣнахъ университета». А вотъ и текстъ гектографированной петиціи: «Собрало насъ сюда ничто иное какъ сознаніе невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще и студенческая въ частности а также желаніе обратить вниманіе общества на эти условія и предъявить правительству нижеслѣдующія требованія. Мы пришли къ заключенію, что:

I. Реформы наивозможно-ближайшаго будущаго по отношенію къ университетамъ должны быть слѣдующія:

a) Для всѣхъ россійскихъ университетовъ уставъ долженъ быть одинъ и тотъ же;

b) Университетомъ должна завѣдывать коллегія профессоровъ совершенно самостоятельно;

c) Никакого контроля со стороны университета надъ частною жизнью студента не должно быть;

d) Студентамъ должно быть предоставлено право сходокъ для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, а также и право коллективной подачи петицій;

e) Право имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимной помощи, кухмистерскія и управлять ими чрезъ своихъ выборныхъ;

f) Долженъ быть гласный студенческій судъ, рѣшеніе котораго профессорская коллегія не можетъ игнорировать;

g) Студенты получаютъ право распредѣлять стипендіи и пособія по усмотрѣнію выборныхъ отъ студенчества лицъ.

II. Уничтоженіе сословности и всякаго рода препятствій, затрудняющихъ доступъ въ учебныя заведенія (напримѣръ, высокая плата, форма и т. п.).

III. Справедливость требуетъ, чтобы наши товарищи—всѣхъ университетовъ—исключенные за студенческія волненія были приняты вновь.

IV. Для удовлетворенія возмущеннаго нашего и общественнаго мнѣнія необходимо, чтобы были наказаны тѣ лица, по приказанію или недосмотру которыхъ были совершены въ 20-хъ числахъ прошедшаго мѣсяца звѣрскія насилія и даже убійства, оффиціально скрываемыя, надъ нашими товарищами, Московскими студентами.—Казанскіе студенты».

Сообщая эти «воззваніе» и «петицію» г. министру народнаго просвѣщенія, попечитель Казанскаго учебнаго округа П. Н. Масленни-

ковъ совершенно справедливо указалъ не только на «отсутствіе практическаго смысла въ дерзкихъ студенческихъ требованіяхъ», но и на то, что требованія эти рѣшительно не имѣютъ никакого мѣстнаго характера или оттѣнка, не вызваны никакими мѣстными условіями и потребностями, а «судя по IV-му пункту этихъ требованій были редактированы въ Москвѣ», а не въ Казани, а потому и безъ малѣйшаго вниманія къ пособникамъ взбунтовавшихся студентовъ Казанскаго университета—ветеринарамъ, хотя послѣдніе безсмысленно усвоили себѣ вполнѣ эту «петицію».

Между тѣмъ въ актовомъ залѣ Казанскаго университета было совершено гнусное насиліе надъ достопочтеннымъ инспекторомъ студентовъ. На слова его: «замолчите же наконецъ и скажите толкомъ что̀ вамъ надо», изъ переднихъ рядовъ толпы выступили двое студентовъ Іоновъ и Алексѣевъ и приблизились къ Н. Г. Потапову, который, полагая, что они желаютъ ему сообщить желанія студентовъ, спокойно оставался на своемъ мѣстѣ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ только-что поступившій въ августѣ 1887 года на юридическій факультетъ Константинъ Алексѣевъ, поднявъ правую руку, быстро ударилъ его кулакомъ въ лѣвую щеку около глаза, и вслѣдъ затѣмъ вся толпа стала надвигаться на Н. Г. Потапова, который замѣтилъ въ рукахъ двухъ или трехъ студентовъ обломки отъ кресла. Защищая голову руками, инспекторъ началъ подвигаться къ выходной двери, оберегаемый отъ дальнѣйшихъ ударовъ своимъ помощникомъ и двумя служителями инспекціи. Буйная толпа, проводивъ его до дверей, осталась въ залѣ, и Н. Г. Потаповъ могъ свободно пройти корридоромъ второго этажа и немедленно отправился къ ректору сообщить ему о всемъ случившемся. Возвратясь въ университетъ съ ректоромъ, онъ отправился къ себѣ на квартиру, не чувствуя себя способнымъ, послѣ столь сильнаго нервнаго потрясенія, явиться вновь къ сборищу студентовъ для исполненія своихъ обязанностей. Сборище это межъ тѣмъ увеличилось: вслѣдъ за удаленіемъ инспектора часть толпы бросилась изъ актоваго зала въ шинельную съ криками: «Ректора сюда, ректора», «подавайте намъ инспекцію», «наша взяла», и къ этимъ крикамъ присоединилась новая толпа студентовъ. Помощникъ инспектора Войцеховичъ не имѣлъ возможности войдти въ залъ, такъ какъ двери въ него студенты затворили, но, оставаясь въ корридорѣ, уговаривалъ студентовъ, шедшихъ въ залъ, не идти туда, но безуспѣшно. Онъ же встрѣтилъ ректора Н. А. Кремлева и проводилъ его въ актовый залъ, но въ самый залъ не вошелъ, потому что ректоръ сказалъ, что ему нѣтъ

надобности быть въ залѣ, и остался въ коридорѣ, куда пришелъ и другой помощникъ Виноградовъ. Собесѣдованіе ректора со сходкою студентовъ «происходило при закрытыхъ дверяхъ, оберегаемыхъ отъ входа инспекціи студентами». Когда и какъ произошла передача Алексѣева въ руки полиціи, объ этомъ обстоятельныхъ свѣдѣній не имѣется: въ первомъ донесеніи попечителя сказано только, что ректоръ распорядился передачею Алексѣева полиціи. Вѣроятно, это было первымъ дѣйствіемъ ректора по входѣ его въ актовый залъ, и оно было, вѣроятно, исполнено имъ безъ всякаго сопротивленія со стороны Алексѣева или другихъ студентовъ, при помощи г. Войцеховича. Какъ бы то ни было, но въ передаваемыхъ самимъ ректоромъ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ, обращенныхъ имъ къ сходкѣ, нѣтъ и помину объ этомъ возмутительномъ актѣ насилія противъ столь почтеннаго должностнаго лица какъ Н. Г. Потаповъ. Прибытіе ректора было возвѣщено студентамъ криками ихъ товарищей: «Тише, ректоръ идетъ». Затѣмъ ректору стоило большаго труда и терпѣнія установить и затѣмъ поддерживать хоть какой-нибудь порядокъ и тишину, чтобы можно было держать рѣчь къ студентамъ; но возгласы вожаковъ: «всѣ студенты долой съ каѳедры» (на которую теперь взошелъ ректоръ) и «очистить мѣсто около каѳедры и передъ каѳедрой» были тотчасъ же исполнены. Ректоръ объявилъ собравшуюся сходку противозаконною, присовокупивъ, что всѣ, кто по его требованію не разойдутся, будутъ переданы во власть полиціи и войска. Студенты отвѣтили, что они сами разойдутся, но предварительно просятъ выслушать причину сходки и ихъ просьбы, что просьбы эти изложены въ «петиціи», на бумагѣ, которую они тутъ же и положили предъ ректоромъ на каѳедрѣ, и что они просятъ дать ходъ этой ихъ просьбѣ. Ректоръ отвѣтилъ, что бумага не можетъ не быть имъ представлена по начальству, такъ какъ подача ея есть новое нарушеніе ими установленныхъ для нихъ правилъ, что въ ней, безъ сомнѣнія, рѣчь идетъ о давно извѣстныхъ вещахъ—о разрѣшеніи сходокъ, депутацій, читаленъ, ссудныхъ кассъ, кухмистерскихъ и о распредѣленіи самими студентами между собою стипендій и пособій, — словомъ, о вещахъ, которыя были уже не разъ предметомъ обсужденія для университетовъ и для правительства, «и если такія учрежденія не существуютъ, значитъ правительство признало существованіе ихъ ненужнымъ, и это есть твердое рѣшеніе правительства, и поэтому, продолжалъ ректоръ Н. А. Кремлевъ, я не буду подавать студентамъ никакихъ ложныхъ надеждъ: «я привыкъ говорить со студентами прямо и безбоязненно»!

Эти послѣднія слова были прерваны апплодисментами. Когда они прекратились, то изъ среды студентовъ послышался голосъ, что въ петиціи выражены и другія желанія. Ректоръ взялъ лежавшую предъ нимъ петицію и началъ ее читать. «Отказать рѣшительно, рѣзко въ просьбѣ» (ознакомиться съ петиціей), «выраженной въ формѣ вполнѣ благопристойной», — пишетъ ректоръ въ своемъ донесеніи попечителю отъ 19-го декабря 1887 г.,—притомъ при условіяхъ, которыя давали мнѣ надежду на добровольный уходъ студентовъ, это значило бы не смирить толпу, а еще болѣе взволновать ее и, слѣдовательно, вызвать необходимость прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, на которую я былъ уполномоченъ вашимъ превосходительствомъ, — къ введенію войска и, слѣдовательно, къ допущенію всѣхъ случайныхъ послѣдствій такой мѣры. По моимъ соображеніямъ принять тотчасъ же эту мѣру было бы несогласно съ пользою и интересами ни университета и правительства, ни общества и семействъ, къ составу которыхъ принадлежатъ собравшіеся студенты».

Какъ бы то ни было, «петиція» студентовъ была принята ректоромъ, и начало ея, гдѣ говорится о «невозможности всѣхъ условій, въ которыя поставлена русская жизнь вообще», и о «предъявленіи студентами правительству требованій», подало ректору случай «возможно понятнѣе объяснить основные принципы общежитія, ознакомить вкратцѣ съ основными началами государственной и общественной жизни, при которыхъ только и возможно пользоваться благотворными плодами жизни людей въ обществѣ и безнаказанное нарушеніе которыхъ отняло бы у человѣчества возможность дальнѣйшаго усовершенствованія. Я указалъ на необходимость существованія органовъ, спеціально уполномоченныхъ завѣдываніемъ той или другой стороной, той или другой функціей общественной жизни, заявленіемъ о тѣхъ или другихъ нуждахъ и ходатайствомъ о соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ въ существующихъ законахъ или правилахъ, и что самый интересъ общежитія требуетъ, чтобы правительство пресѣкало всякую попытку отдѣльныхъ людей или группъ людей самовольно вмѣшиваться въ такую дѣятельность, которая по закону имъ не предоставлена, что такое противозаконное вмѣшательство наноситъ вредъ обществу и потому не можетъ быть терпимо. Отсюда сдѣлалъ выводъ о противозаконности настоящаго поведенія устроившихъ сходку для подачи петиціи и о необходимости наказанія за такое поведеніе, о томъ, что такое самозванное принятіе на себя студентами не усвоенной имъ закономъ роли есть нарушеніе правъ того самого общества,

о которомъ они яко бы принимаютъ на себя заботу, и крайне вредно для успѣховъ народнаго образованія, которые должны быть особенно близки студентамъ университета. Словомъ, мнѣ пришлось прочитать цѣлую лекцію. И долгъ совѣсти побуждаетъ засвидѣтельствовать, что аудиторія, затихнувшая уже въ самомъ началѣ обращенной къ ней рѣчи, все съ возрастающимъ вниманіемъ относилась къ моимъ словамъ, какъ будто предъ ней раскрывалось новое, дотолѣ невѣдомое ей міровоззрѣніе».

Лекція профессора римскаго права при столь необычной обстановкѣ произвела на слушателей не совсѣмъ то впечатлѣніе, какое онъ предполагалъ. По крайней мѣрѣ въ гектографированной прокламаціи по поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ говорится: «Но на встрѣчу намъ шла та «наука для науки», которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4-го декабря, та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины.... Мы не пошли за нашими учителями». Неблагопріятное впечатлѣніе эта лекція ректора произвела и на попечителя округа. «Я вообще и по моимъ убѣжденіямъ, и по опыту всѣхъ извѣстныхъ мнѣ прежнихъ студенческихъ безпорядковъ, нахожу»,—говоритъ П. Н. Масленниковъ въ одномъ изъ своихъ донесеній,—«бесѣды со студентами профессоровъ университета, а тѣмъ болѣе ректора, во время самаго разгара этихъ безпорядковъ, совершенно неумѣстными, если эти лица не пользуются сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди студентовъ, и въ этомъ смыслѣ хотѣлъ дать предложеніе ректору еще до начала безпорядковъ, но не успѣлъ. Его же бесѣды и бывшихъ съ нимъ профессоровъ были тѣмъ болѣе неумѣстны и даже противозаконны, что онѣ слѣдовали за нанесеніемъ тяжкаго оскорбленія инспектору студентовъ и при этомъ ректоръ самъ нанесъ новое оскорбленіе инспекціи, не дозволивъ чинамъ ея присутствовать въ залѣ при этихъ бесѣдахъ со студентами. По слухамъ, которые безъ сомнѣнія идутъ отъ самихъ же студентовъ, въ рѣчахъ ректора и нѣкоторыхъ профессоровъ сильно проглядывало нерасположеніе и злорадство по отношенію къ инспектору студентовъ и стремленіе выставить дѣйствія инспекціи и попечителя діаметрально противоположными дѣйствіямъ профессорской коллегіи».

Но еще въ началѣ обращенія ректора къ студентамъ оно дважды было прервано на нѣкоторое время. Часу во второмъ подошла къ уни-

верситету толпа человѣкъ во сто студентовъ-ветеринаровъ, и изъ нихъ сорока удалось проникнуть въ университетъ, и они съ крикомъ побѣжали по корридору по направленію къ актовому залу. Помощники инспектора Виноградовъ и Войцеховичъ употребили всѣ усилія, чтобы задержать ихъ предъ стеклянною дверью, ведущею во 2-й этажъ; но часть ихъ, оттолкнувъ Войцеховича, успѣла прорваться, на помощь же другой, все еще сдерживаемой Виноградовымъ, подоспѣлъ студентъ Подбѣльскій съ другой стороны двери: онъ началъ палкою бить въ ней стекла и грозить ею Виноградову. Этимъ воспользовались задерживаемые имъ ветеринары и вмѣстѣ съ товарищами проникли въ актовый залъ, гдѣ ихъ радостно и шумно привѣтствовали студенты университета. Затѣмъ «лекція» ректора была прервана заявленіемъ, что и въ другомъ мѣстѣ, въ главной швейцарской, собралась также толпа студентовъ, которая также желала бы его выслушать. За этою толпою отправился самъ ректоръ, но предварительно хотѣлъ зайдти къ инспектору, чтобы наскоро освѣдомиться о характерѣ этого сборища. Инспектора онъ встрѣтилъ, не доходя еще до его квартиры, вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, который сказалъ ректору: «Къ вашимъ услугамъ. Я сейчасъ пойду, если считаете нужнымъ, въ залъ и предложу студентамъ удалиться». Но ректоръ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что надѣется уговорить студентовъ добровольно удалиться. При этомъ онъ узналъ отъ инспектора, что толпа въ главной швейцарской весьма незначительна, и чрезъ посредство экзекутора (такъ какъ никакихъ чиновъ и служителей инспекціи тутъ не было, кромѣ самого инспектора) пригласилъ и эту толпу въ актовый залъ, полицеймейстера же просилъ распорядиться, чтобы съ улицы никого изъ студентовъ въ университетъ болѣе не пускали.

Когда ректоръ возвратился въ залу, «гдѣ дѣйствительно засталъ порядокъ, котораго не нарушили и вновь прибывшіе изъ швейцарской студенты», сходка стала просить его, чтобъ онъ «пригласилъ гг. профессоровъ, которые бы выслушали ихъ самихъ о цѣли ихъ сходки, а эта цѣль, по словамъ ихъ, состояла въ томъ, чтобъ университетъ представилъ правительству ходатайство о предоставленіи студентамъ университета льготъ, изложенныхъ въ ихъ петиціи». Въ отвѣтъ на это ректоръ «указалъ, 1) что совмѣстное собраніе студентовъ и профессоровъ для обсужденія студенческихъ желаній было бы опять новымъ нарушеніемъ закона, что такое собраніе, какъ противозаконное, не можетъ имѣть никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ преслѣдованія и наказанія участниковъ его, и все, что бы ни было принято

въ этомъ собраніи, было бы признано незаконнымъ и слѣдовательно недѣйствительнымъ, а 2) просьба эта и фактически невыполнима, такъ какъ однихъ профессоровъ 60, и если бы сейчасъ была имъ послана пригласительная повѣстка, то пришлось бы ихъ слишкомъ долго ждать. Послышался голосъ: «мы готовы ждать цѣлый вечеръ».

Между тѣмъ въ читальной комнатѣ университета были уже въ сборѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ, и между ними шла рѣчь, что вотъ уже около двухъ часовъ какъ ректоръ совершенно одинъ передъ возбужденною толпою студентовъ, «что стыдно въ такую опасную для университета минуту оставаться нейтральнымъ, что долгъ и совѣсть, а также и непосредственныя предписанія министерства обязываютъ насъ, профессоровъ, — пишетъ одинъ изъ нихъ, деканъ медицинскаго факультета Щербаковъ къ ректору, — употребить все отъ насъ зависящее для того, чтобы убѣдить студентовъ разойтись; что мѣсто наше не здѣсь, а около васъ; что мы должны сколько возможно помочь вамъ уговорить и успокоить возбужденную толпу. Нѣкоторые изъ профессоровъ тутъ же выразили желаніе, чтобы я, продолжаетъ Щербаковъ, взялъ на себя высказать студентамъ мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ моихъ товарищей о незаконности поступка университетской молодежи и напомнить ей ея прямыя обязанности». Дѣйствительно, всѣ 16 профессоровъ и 5 приватъ-доцентовъ пришли въ актовый залъ, и д. с. с. Щербаковъ отъ имени всѣхъ держалъ слѣдующую рѣчь: «По порученію пришедшихъ сюда моихъ товарищей, а вашихъ учителей, я, старѣйшій изъ нихъ, убѣдительно прошу васъ разойтись. Въ этомъ храмѣ чистой науки нѣтъ мѣста безпорядкамъ, подобнымъ настоящему. Вы пришли сюда учиться и только учиться. Въ теченіе университетской жизни васъ должны поэтому занимать только чисто-научные интересы, рѣшать же интересы общественные вы не призваны, да и не можете. Для этого нѣтъ у васъ ни надлежащей степени подготовки, ни надлежащей степени зрѣлости. Только вполнѣ докончивъ свое образованіе, вы можете быть полезными гражданами, только тогда можете съ пользою примѣнять тѣ знанія, которыя здѣсь получаете. Собравшись же незаконно, рискуя поэтому не докончить свое ученіе, вы въ остальную, еще долгую, жизнь вашу рискуете остаться безполезными гражданами отечества, интересы котораго вамъ, надѣюсь, такъ же дороги, какъ и намъ, вашимъ учителямъ. Ради науки, которой мы являемся здѣсь представителями, ради пользы дорогаго намъ отечества, ради чувства долга и законности, я еще разъ прошу васъ разойтись. Успокоив-

шись, вы сами потомъ будете горько осуждать свой поступокъ. Лучше же исправить, когда еще не слишкомъ поздно». Затѣмъ говорили еще профессора Васильевъ, Каноннковъ, И. Н. Смирновъ, Любимовъ и Преображенскій,—изъ коихъ наименѣе благонадежными попечитель считаетъ Васильева и Преображенскаго (послѣдній вскорѣ затѣмъ подалъ въ отставку). Сходка длилась уже около 4-хъ часовъ. «Краснорѣчію ректора и нѣкоторыхъ его коллегъ не предвидѣлось конца», по словамъ П. Н. Масленникова. Тогда въ 3 ч. 45 м. попечитель округа далъ ему формальное предложеніе, на основаніи ст. 8-й устава, немедленно покинуть залъ и очистить его отъ студентовъ съ помощью полиціи, а если нужно, то и войска, котораго цѣлый баталіонъ, и съ боевыми патронами, былъ уже наготовѣ.

Предложеніе это, полученное ректоромъ въ виду всей сходки, было по всей вѣроятности вкратцѣ ей сообщено, хотя ректоръ ничего объ этомъ не говоритъ, и удаленіе студентовъ приписываетъ только краснорѣчію своему и своихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе «студенты заявили, что хотя они и удаляются изъ залы, но такъ какъ ни ректоръ, ни профессора не даютъ имъ надежды на осуществленіе ихъ желаній, то имъ ничего болѣе не остается какъ оставить университетъ и въ знакъ этого они возвращаютъ свои входные билеты, при чемъ стали складывать эти билеты на столъ передъ каѳедрой». Такихъ билетовъ оказалось потомъ 99. Часть студентовъ двинулась-было за тѣмъ къ выходу, но тутъ же другіе начали требовать, чтобы на ихъ пути при ихъ проходѣ не было ни полиціи, ни инспекціи, или, какъ сообщаетъ объ этомъ ректоръ, «обратились съ просьбой о свободномъ пропускѣ ихъ изъ университета во избѣжаніе могущихъ быть случайныхъ столкновеній кого-либо изъ нихъ съ полиціей или инспекціей. Я отвѣтилъ, что сдѣлаю распоряженіе о свободномъ пропускѣ, но съ тѣмъ, чтобы студенты съ своей стороны воздержались отъ всякаго рода демонстративныхъ поступковъ». Затѣмъ, выйдя изъ залы, онъ пошелъ къ инспектору на квартиру и сообщилъ (по донесенію инспектора отъ 8-го декабря попечителю): «Я обѣщалъ студентамъ, что при выходѣ ихъ изъ залы и университета не будутъ слѣдить за ними полиція и инспекція, а потому просилъ меня, чтобъ я попросилъ уйти чиновъ инспекціи». Хотя инспекторъ не признавалъ требованія ректора законнымъ, но такъ какъ всѣ бывшіе на сходкѣ студенты были уже замѣчены и переписаны и желательно было скорѣйшее удаленіе ихъ изъ университета въ виду того, что начинало уже смеркаться, «я, говоритъ инспекторъ, счелъ за лучшее исполнить

распоряженіе г. ректора и объявилъ помощнику моему Войцеховичу, чтобы онъ удалился изъ университета, и предложилъ то же самое и другимъ чинамъ инспекціи». Дѣло и здѣсь, какъ въ Москвѣ, окончилось полнымъ торжествомъ взбунтовавшихся студентовъ и пораженіемъ университетской инспекціи и вообще правительственной власти; пораженіе же это въ Казани было ей нанесено главнѣйше самимъ ректоромъ. При этомъ былъ и полицеймейстеръ. «Переговоривъ съ ними (инспекторомъ и полицеймейстеромъ) о порядкѣ выхода студентовъ и пути для этого выхода, я, пишетъ Н. А. Кремлевъ, возвратился въ залу» и «указалъ студентамъ для выхода ближайшій путь чрезъ дверь, ведущую въ большую выходную швейцарскую. Они немедленно и быстро разошлись».

Бурное броженіе между студентами, доносилъ попечитель округа г. министру, продолжалось какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни: студенты толпами ходили по городу и по Воскресенской улицѣ, въ особенности, гдѣ зданіе университета и 1-я полицейская часть. 5-го декабря и университетъ, и институтъ были уже временно закрыты, и еще 4-го декабря попечитель собственною своею властью, на основаніи ст. 8-й устава, исключилъ изъ университета 45 болѣе виновныхъ студентовъ и уволилъ 23-хъ, не желая показанія инспектора и полиціи подвергать разсмотрѣнію правленія, и 22 студентовъ Ветеринарнаго института, — всего же 90 человѣкъ. Масса студентовъ иногородныхъ начала проситься въ отпускъ, что̀ и было всѣмъ разрѣшено, другіе же, поддаваясь дурнымъ вліяніямъ, начали просить объ увольненіи ихъ вовсе изъ университета, въ подражаніе студентамъ, которые побросали свои входные билеты еще на сходкѣ въ знакъ того, что они желаютъ покинуть университетъ. Попечитель приказалъ ректору, не давая пока хода всѣмъ этимъ прошеніямъ, составить списокъ всѣмъ подавшимъ оныя и побросавшимъ свои входные билеты и предполагалъ раздѣлить ихъ на 3 категоріи: 1) подлежащихъ если не исключенію, то увольненію безъ прошенія; 2) подлежащихъ по сомнительному направленію и малому прилежанію увольненію по прошенію и 3) достойныхъ по своимъ учебнымъ занятіямъ продолжать курсъ, о коихъ полагалъ войти въ сношеніе съ ихъ семьями, дабы онѣ ихъ образумили. Сообщенное по телеграфу извѣстіе объ отдачѣ Алексѣева въ дисциплинарный баталіонъ на 3 года и послѣдовавшая затѣмъ высылка изъ города исключенныхъ отрезвили студентовъ, и послѣ того случаевъ нарушенія ими спокойствія и порядка въ городѣ не было. Публика вообще обнаруживала любо-

пытство къ безпорядкамъ и сочувствіе къ высылаемымъ. Еще въ самомъ полицейскомъ помѣщеніи и на дорогу ихъ въ большомъ количествѣ снабжали и деньгами, и особенно крѣпкими напитками.

По поводу исключенія и высылки изъ Казани нѣкоторыхъ студентовъ университета вскорѣ появилась гектографированная прокламація, въ которой говорится: «Прощай, Казань! Прощай, университетъ! Недалеко еще то время, когда мы въѣзжали сюда полные вѣры и любви къ университету и его жизни; мы думали, что здѣсь, въ храмѣ науки, мы найдемъ тѣ знанія, опираясь на которыя мы могли бы войти въ жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины!.. Но на встрѣчу намъ шла та «наука для науки», которую такъ яростно защищали нѣкоторые изъ гг. профессоровъ на сходкѣ 4 дек., та наука, благодаря которой, говорили они, мы, студенты, могли бы спокойно и безстрастно смотрѣть на гнетъ и страданія дорогой родины. Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ охватило и деморализующее вліяніе инспекціи и ея клики шпіоновъ-клевретовъ... Мы не пошли за нашими учителями... Мы сгруппировались въ землячества, твердо вѣруя, что здѣсь въ товарищескомъ кругу мы поддержимъ другъ друга, здѣсь мы найдемъ также и выходъ нашимъ страстнымъ стремленіямъ къ развитію въ насъ убѣжденій и взглядовъ, твердыхъ и честныхъ, читая и бесѣдуя другъ съ другомъ... Но намъ запретили организоваться въ землячества, грозя исключеніемъ!.. Съ каждымъ днемъ гнетъ новаго устава чувствовался жестче и жестче... На весь этотъ гнетъ мы сдержанно отвѣчали мирными протестами въ дни нашего университетскаго акта; кромѣ того мы письменно обращались ко всѣмъ профессорамъ, приглашая придти къ намъ на помощь въ борьбѣ съ гнетомъ новаго университетскаго устава. Въ отвѣтъ—ни слова. Наконецъ, вышли въ свѣтъ извѣстные циркуляры, закрывшіе доступъ въ гимназіи, а тѣмъ самымъ и въ университетъ, неимущей молодежи, дѣтямъ тружениковъ, бѣдняковъ, дѣтямъ крестьянъ, мѣщанъ и т. д. Все это страшно возмутило насъ»... За упоминаніемъ о «нахальной и звѣрской расправѣ со студентами Московскаго университета» слѣдуетъ такое заключеніе: «Мы уѣзжаемъ изъ Казани съ глубокой вѣрой въ правду нашего дѣла»... «P. S. Искреннее спасибо за сочувствіе и матеріальную поддержку многихъ членовъ Казанскаго общества!!!»

Если подстрекатели сохраняли «глубокую вѣру въ правду своего дѣла», то уступившій ихъ подстрекательствамъ и подъ ихъ вліяніемъ дерзнувшій поднять руку на своего ближайшаго начальника Алексѣевъ тотчасъ же и сильно раскаялся въ своемъ преступленіи. Константинъ

Александровъ Алексѣевъ, старшій сынъ обремененнаго большою семьею непремѣннаго члена Уфимскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, коллежскаго, нынѣ статскаго, совѣтника, 19 лѣтъ отъ роду, только въ авг. 1887 г. поступилъ изъ Уфимской гимназіи на юридическій факультетъ Казанскаго университета; во время пребыванія своего въ университетѣ не имѣлъ никакихъ личныхъ сношеній съ инспекціей и былъ избранъ на гнусное дѣло 4-го декабря, вѣроятно, въ томъ предположеніи, что онъ никому изъ инспекціи неизвѣстенъ. Сгубило его болѣе всего то, что онъ съ самаго начала попалъ въ одно изъ землячествъ (Уфимское). Какъ пишетъ въ своемъ прошеніи на Высочайшее имя несчастный его отецъ, «онъ обучаясь въ Уфимской гимназіи, жилъ постоянно въ родной семьѣ, подъ ея вліяніемъ, и совершенно былъ изолированъ отъ вліянія посторонних людей. Оторванный, при поступленіи въ университетъ, отъ семьи и ея вліянія, столкнувшись съ совершенно посторонними людьми, съ полнымъ довѣріемъ къ нимъ, онъ могъ совершить свой тяжело-прискорбный поступокъ единственно вслѣдствіе своей молодости и совершенной неопытности». По свидѣтельству жандармскаго полковника Гангардта, онъ далеко не принадлежитъ къ выдающимся по своему умственному развитію молодымъ людямъ, съ политическими или соціальными теоріями незнакомъ, и вообще по кругу своихъ понятій не выдается ничѣмъ изъ массы ординарныхъ гимназистовъ старшихъ классовъ провинціальныхъ гимназій. Нравственныя же его качества представляютъ много симпатичнаго. Хотя въ средѣ его товарищей явилась мысль, быть можетъ, поданная и изъ болѣе высокаго круга, о томъ, чтобы отрицать самый фактъ, такъ какъ кромѣ инспекціи и студентовъ никого не было при этомъ, или же настаивать на совершеніи этого преступленія вовсе не имъ, а другимъ неизвѣстнымъ ему лицомъ, тѣмъ не менѣе онъ съ перваго же раза не только признался въ преступленіи, но и изъявилъ полное въ немъ раскаяніе. Вскорѣ по преступленіи онъ написалъ письмо къ Н. Г. Потапову, но предъявилъ его къ отправленію уже послѣ того, какъ состоялось его осужденіе, дабы не заподозрѣли его въ неискренности его раскаянія и въ желаніи смягчить себѣ наказаніе. Письмо это гласитъ: «Ваше Превосходительство, Николай Гавриловичъ! Придя въ себя и сознавъ весь ужасъ своего поступка, который я совершилъ не преднамѣренно, а чисто подъ вліяніемъ стаднаго влеченія, умоляю Ваше Превосходительство вѣрить моему искреннему раскаянію, такъ какъ лично противъ Вашего Превосходительства я не смѣю имѣть ровно ничего, какъ противъ лица, честно

и строго исполняющаго свои обязанности. Еще разъ умоляю Ваше Превосходительство, какъ должностное лицо и какъ человѣка, не только принять мое настоящее письменное раскаяніе, но и разрѣшить мнѣ публично испросить прощеніе. Я рѣшаюсь испрашивать Вашего прощенія не въ видахъ облегченія ожидающаго меня наказанія, а какъ виновный, который въ этомъ прощеніи будетъ почерпать утѣшеніе своей совѣсти и всею своею будущею жизнью я постараюсь искупить тяжесть моего преступленія. Умоляю Ваше Превосходительство принять мое увѣреніе въ высокомъ моемъ уваженіи къ Вамъ. Бывшій студентъ Константинъ Алексѣевъ. 9 дек. 1887 г. Казань». Онъ раскаявался также и въ участіи въ студенческой сходкѣ и приготовленіи къ ней и безъ всякаго побужденія добровольно сообщилъ довольно цѣнныя свѣдѣнія объ организаціи студенческихъ землячествъ. По своей натурѣ и по первоначальному семейному направленію онъ далеко не склоненъ къ революціоннымъ протестамъ особенно же въ такой грубой формѣ, а лишь по слабости характера поддался въ такой мѣрѣ вліянію заправилъ землячества и по натурѣ своей можетъ еще стать добропорядочнымъ человѣкомъ и честнымъ гражданиномъ. Попечитель ходатайствовалъ о замѣнѣ трехлѣтняго содержанія въ дисциплинарномъ баталіонѣ 3-лѣтнею службою въ рядахъ войскъ. По соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ предположено было по истеченіи нѣкотораго времени исходатайствовать сокращеніе срока наказанія.

Отецъ его дважды (19-го апрѣля 1888 г. и 23 іюня 1889 г.) повергалъ на Высочайшее воззрѣніе прошеніе свое и «убитой горемъ всей семьи своей» о помилованіи его сына Константина. По первому его прошенію было сношеніе съ г. военнымъ министромъ, и оказалось, что Алексѣевъ былъ доставленъ въ Бобруйскій дисциплинарный баталіонъ только 22-го февраля 1888 г. и по правиламъ подвергнутъ былъ на двѣ недѣли (до 8-го марта) строгому одиночному заключенію, а потомъ 24 марта былъ отправленъ въ Бобруйскій лазаретъ вслѣдствіе открывшейся болѣзни, полученной имъ еще въ Казани, и такимъ образомъ былъ всего 16 дней въ самомъ баталіонѣ; поэтому баталіонное начальство затруднилось дать о немъ какое-либо заключеніе. Еще и 18 авг. 1889 г. никакого ходатайства о смягченіи ему наказанія получено не было отъ ближайшаго военнаго начальства, «а это по правиламъ необходимо для сокращенія срока пребыванія въ дисциплинарномъ баталіонѣ», и сокращенъ онъ можетъ быть по закону только на $^1/_6$ часть того времени, на какое сданъ виновный для исправленія.

Въ числѣ исключенныхъ изъ университета были, между прочимъ, Кониковъ и Матвѣевъ, высланные въ Царицынъ. Здѣсь они пытались образовать кружокъ саморазвитія и успѣли вовлечь въ него нѣсколькихъ полуцивилизованныхъ лицъ, но безуспѣшно старались о томъ же относительно гимназистовъ и гимназистокъ. Особенно сочувствовалъ имъ и устраивалъ въ ихъ пользу негласнымъ образомъ спектакль секретарь уѣздной земской управы Жуковъ, когда-то приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь за политическія преступленія. Заручившись нѣкоторыми средствами, Кониковъ и Матвѣевъ уѣхали въ Цюрихъ, получивъ заграничные паспорты одинъ изъ Смоленска, а другой изъ Варшавы. Кониковъ—еврей, а Матвѣевъ—сынъ бѣднаго водовоза.

Оправдывая свой образъ дѣйствій во время безпорядковъ 4-го декабря, ректоръ Н. А. Кремлевъ писалъ къ министру народнаго просвѣщенія отъ 9-го февраля 1888 г.: «Есть слухъ, что на сходкѣ нѣкоторые студенты были съ карманными револьверами на случай столкновенія съ полиціей и войскомъ» (тѣмъ болѣе жаль, по замѣчанію г. товарища министра, что они не были арестованы), и родители и родственники въ тотъ же и слѣдующіе дни приходили къ нему со слезами благодарить его, что онъ не допустилъ до этого столкновенія, и что ихъ дѣти вышли изъ университета живы и невредимы «Въ первые дни было подано такихъ прошеній (объ увольненіи изъ числа студентовъ) около 150, но вслѣдствіе моихъ убѣжденій подача прошеній остановилась, а подавшіе стали ходатайствовать о возвращеніи имъ этихъ прошеній. Въ засѣданіи совѣта 5-го декабря 1887 г. слушали обращеніе къ ректору Щербакова, что «только благодаря Вашему (ректора) такту, энергіи и честному отношенію къ дѣлу взволнованная молодежь постигла всю неправильность и незаконность своего поступка и спокойно разошлась со сходки и такимъ образомъ исключительно благодаря Вамъ нашъ университетъ былъ избавленъ отъ тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя несомнѣнно имѣли бы мѣсто въ немъ при введеніи военной силы».

Къ заявленію этому присоединились всѣ присутствовавшіе члены совѣта и вставъ, съ своихъ мѣстъ, привѣтствовали г. ректора, выражая ему свою признательность за его дѣятельность по прекращенію студенческихъ безпорядковъ, энергію и тактъ, благодаря которымъ сходка студентовъ 4-го декабря имѣла такой мирный (?!!) исходъ.

О дисциплинарныхъ взысканіяхъ студентамъ, еще не понесшимъ кары за участіе ихъ въ сходкѣ 4-го декабря, попечителемъ округа

было предложено правленію 23-го декабря. На другой день ректоръ собралъ правленіе въ экстраординарное засѣданіе, и тутъ же заявилъ, что для опредѣленія степени виновности студентовъ, внесенныхъ въ списки бывшихъ на сходкѣ, онъ находитъ необходимымъ изслѣдовать, какія были дѣйствительныя причины недовольства студентовъ ихъ положеніемъ и, слѣдовательно, причины произведенныхъ ими безпорядковъ, что̀ и разобрать въ правленіи, выслушавъ показаніе каждаго изъ студентовъ. Мнѣніе это было горячо поддерживаемо Щербаковымъ и опровергаемо другими членами, такъ что засѣданіе было отложено до 28-го декабря. «Дѣйствія ректора и сочувствующаго ему декана Щербакова, по убѣжденію попечителя, направлены къ тому, чтобы вмѣсто дисциплинарнаго суда надъ студентами сдѣлать правленіе ареною суда надъ инспекціей, надъ представляемыми ею интересами порядка и косвенно надъ новымъ университетскимъ уставомъ», «коего эти лица явили себя, особенно въ послѣднее время, явными противниками»... «Положеніе инспектора въ правленіи при такомъ предсѣдателѣ, какъ ректоръ Кремлевъ, уподобляется нравственной пыткѣ». Притомъ же «ректоръ и Щербаковъ городскими разсказами о неправильныхъ будто бы дѣйствіяхъ инспектора, о жестокихъ мѣрахъ противъ провинившихся студентовъ и о необходимости разслѣдовать все дѣло о безпорядкахъ въ университетскомъ совѣтѣ, позволяютъ себѣ волновать общественное мнѣніе и публики, и оставшагося спокойнымъ большинства студентовъ. На эти дѣйствія обратилъ справедливое вниманіе и начальникъ Казанскаго губернскаго жандармскаго управленія и донесъ уже объ этомъ, какъ онъ мнѣ словесно сообщилъ, департаменту полиціи». По поводу записи инспекторомъ въ списокъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ начали поступать прошенія съ заявленіями объ ихъ alibi, удостовѣренными частью клиническими преподавателями, частью сторонними лицами и даже хозяйками квартиръ. Мысль объ этомъ alibi, по упорно ходящимъ слухамъ, была подана студентамъ-медикамъ самимъ Щербаковымъ, при чемъ, по замѣчанію инспектора, многіе изъ студентовъ, бывшихъ на клиническихъ или амбулаторныхъ занятіяхъ, потомъ явились на сходку. Въ виду всего этого попечитель пріостановилъ дѣло о назначеніи правленіемъ дисциплинарныхъ взысканій участвовавшимъ въ сходкѣ студентамъ и сообщилъ г. министру, что «дальнѣйшее оставленіе въ должности гг. Кремлева и Щербакова было бы нежелательно какъ для общаго порядка въ университетѣ, такъ и для правильнаго руководствованія уставомъ 1884 г.». Сверхъ того «выдающееся количество виновныхъ

студентовъ изъ естественниковъ обратило на себя справедливое вниманіе жандармскаго надзора, который связываетъ это число студентовъ съ неблагонадежнымъ направленіемъ одного изъ профессоровъ разряда естественныхъ наукъ Штукенберга», неблагонадежность котораго была обнаружена еще въ 1883 г. по дѣлу о фиктивномъ владѣніи публичною библіотекой.

Впрочемъ жандармскій полковникъ Гангардтъ, нисколько не отрицая вреднаго направленія ректора Кремлева и декана Щербакова, полагалъ, что смѣна перваго изъ нихъ можетъ вызвать извѣстное раздраженіе въ нѣкоторой части городскаго общества, которое можетъ потомъ перейти и къ студентамъ и подать поводъ къ новымъ смутамъ. Инспекторъ студентовъ Н. Г. Потаповъ, какъ ни было для него невыносимо-тягостно состоять подъ начальствомъ Кремлева, который вмѣсто поддержки его всячески къ нему придирался и оскорблялъ его, тѣмъ не менѣе также склонялся къ временному оставленію Кремлева ректоромъ во избѣжаніе новыхъ смутъ и просилъ только немедленно устранить Щербакова отъ должности декана, заявляя, что иначе ему самому придется проситься въ отставку. И дѣйствительно Щербаковъ то и дѣло возбуждалъ въ правленіи нареканія противъ инспектора, усиливаясь доказать, что представленный имъ списокъ участвовавшихъ на сходкѣ студентовъ не вѣренъ, что въ этотъ списокъ съ одной стороны не занесены лица, присутствіе которыхъ на сходкѣ доказывается оставленными ими на столѣ предъ каѳедрой входными билетами, а съ другой стороны записаны лица, фактически тамъ не бывшія, и прибавляя, что странно было бы ожидать отъ инспекціи вполнѣ вѣрнаго списка при томъ положеніи, въ какомъ она находилась 4 декабря. Хотя инспекторъ объяснилъ, что въ его списокъ внесены только тѣ студенты, которые вошли въ залъ до разрѣшенія ректора впускать въ залъ тѣхъ студентовъ, которые находятся въ университетѣ, и затѣмъ представилъ отдѣльно списки: 1) тѣхъ, которые были на сходкѣ при немъ до прибытія ректора; 2) тѣхъ, которые пришли послѣ, но до разрѣшенія ректора, и 3) тѣхъ, которые пришли послѣ этого разрѣшенія, тѣмъ не менѣе ректоръ и Щербаковъ старались какъ бы уличить его въ противорѣчивости его заявленій и показаній.

На представленія по сему предмету попечителя Казанскаго учебнаго округа ему было отвѣчено, что «министерству хорошо извѣстны несогласныя съ видами правительства дѣйствія и распоряженія ректора Казанскаго университета и декана медицинскаго его факультета,

но въ виду исключительныхъ въ настоящее время обстоятельствъ, оно затрудняется сдѣлать теперь же (24-го января 1888 г.) какое-либо распоряженіе по отношенію къ означеннымъ должностнымъ лицамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ было предложено, не смотря на такія несогласія въ нѣдрахъ самого правленія университета, ускорить возобновленіемъ учебныхъ занятій въ университетѣ.

Ректоръ Кремлевъ всячески старался замедлить возобновленіе лекцій до марта, ибо, какъ ходили въ городѣ слухи, онъ обязался предъ студенческою сходкой или отстоять виновниковъ ея отъ наказанія, или же самому подать въ отставку. Предложеніе министра отъ 31-го декабря (о возобновленіи лекцій) было нѣкоторыми частными лицами доставлено въ копіи нѣкоторымъ членамъ университетской корпораціи до полученія его попечителемъ и послужило Кремлеву къ распространенію въ городѣ слуховъ, что самъ министръ боится возобновленія безпорядковъ.

Вопросъ объ открытіи университета въ засѣданіяхъ 18-го и 19-го января подалъ поводъ Щербакову и особенно Кремлеву къ нескончаемымъ сѣтованіямъ на попечителя, что правленіе не было привлечено къ разсмотрѣнію дѣла о безпорядкахъ 4-го декабря и поэтому ничего не знаетъ ни объ ихъ причинахъ, ни объ ихъ характерѣ, и къ таковымъ же обвиненіямъ инспектора въ несоблюденіи имъ § 22 инструкціи (въ несообщеніи ничего о поступкахъ студентовъ внѣ стѣнъ университета), въ непредусмотрительности и самоувѣренности, въ неисполненіи приказанія о томъ, чтобы держать актовый залъ въ заперти и не впускать никого изъ студентовъ въ университетъ послѣ 5-го декабря. Съ мая 1887 г. были увольняемы и исключаемы студенты, и ректоръ ничего не зналъ о причинахъ этихъ распоряженій и не могъ дать никакихъ объясненій родителямъ или родственникамъ, да и о продолжающемся существованіи землячествъ онъ узналъ только изъ распоряженій начальства объ увольненіи студентовъ за принадлежность къ нимъ. Свою длинную обвинительную рѣчь Кремлевъ заключилъ такъ: «Тяжело отозвались на университетѣ вообще и на ходѣ мирныхъ научныхъ и учебныхъ занятій въ частности безпорядки 4-го декабря, которые, по моему мнѣнію, при болѣе дѣятельной и предусмотрительной инспекціи, могли бы быть предупреждены или по крайней мѣрѣ ограничены въ размѣрахъ и формѣ своего проявленія. Но повтореніе безпорядковъ послѣ возобновленія учебныхъ занятій повлечетъ за собою еще болѣе тяжкія послѣдствія, хотя съ другой стороны было бы желательно возможно скорѣйшее ихъ от-

крытіе. Вотъ почему въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ я затрудняюсь высказаться сколько нибудь опредѣленно въ пользу или противъ возобновленія учебныхъ занятій раньше предположеннаго министерствомъ крайняго срока (1-го марта), особенно въ виду тѣхъ опасеній, которыя выражены въ циркулярѣ г. министра отъ 31-го декабря». Деканъ медицинскаго факультета обратилъ вниманіе на то, что циркуляръ этотъ возлагаетъ отвѣтственность на коллегію профессоровъ, а потому и дѣло о возобновленіи занятій должно быть рѣшено не въ правленіи, а въ совѣтѣ. Затѣмъ правленіе единогласно высказалось въ такомъ смыслѣ, что «такъ какъ оно не принимало участія въ разслѣдованіи дѣла о безпорядкахъ и не имѣетъ свѣдѣній о ихъ причинахъ ни отъ попечителя округа, ни отъ инспектора, то поэтому оно не имѣетъ данныхъ, чтобы сказать съ увѣренностью, что безпорядки съ возобновленіемъ учебныхъ занятій не повторятся. Но имѣя въ виду заявленіе г. инспектора, что онъ не имѣетъ основаній опасаться безпорядковъ, правленіе, при общемъ желаніи открыть учебныя занятія возможно скорѣе, ожидаетъ о томъ распоряженія отъ г. попечителя, если и Его Превосходительство съ своей стороны не встрѣчаетъ препятствій къ открытію производства испытаній и зачета полугодій». Деканъ историко-филологическаго факультета Бѣляевъ сверхъ того заявилъ, что на этомъ факультетѣ репетиціи и испытанія могутъ быть начаты теперь же, и что многіе студенты давно уже обращались къ нему съ вопросомъ о началѣ репетицій, которыя для нихъ тѣмъ болѣе важны, что только по зачетѣ полугодія можетъ быть возбуждено ходатайство о продолженіи имъ стипендій, безъ которыхъ многіе студенты окажутся безъ всякихъ средствъ. По вопросу о способахъ узнать мнѣніе всѣхъ профессоровъ относительно времени возобновленія занятій съ нѣкоторою увѣренностью въ сохраненіи спокойствія, ректоръ и деканы факультетовъ медицинскаго и юридическаго (Нелидовъ) полагали, что дѣло это должно быть перенесено въ совѣтъ, а деканы историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ (Ворошиловъ) и инспекторъ—что отзывы профессоровъ удобнѣе получить чрезъ факультетскія собранія порознь, такъ какъ профессора болѣе компетентны въ сужденіяхъ о студентахъ только своего факультета и въ факультетскія собранія могутъ быть приглашены по этому дѣлу и приватъ-доценты. Послѣднее мнѣніе было одобрено и попечителемъ, и предложеніе министра отъ 23-го января было объявлено профессорамъ чрезъ факультетскія собранія.

Изъ нападокъ ректора на инспектора и возраженій сего послѣдняго выясняются, между прочимъ, нижеслѣдующіе факты. Съ самаго вступленія своего въ должность ректора (28-го ноября 1885 г.) Н. А. Кремлевъ оказался крайне недоступнымъ для частыхъ свиданій и бесѣдъ: дома у себя онъ обыкновенно не принималъ инспектора, въ университетъ же приходилъ только на засѣданія правленія и совѣта и на лекціи, и его надобно было ловить въ промежуткахъ между лекціями и говорить съ нимъ большею частью при другихъ, что̀ не всегда было удобно. Притомъ же съ того времени, какъ инспекторъ истолковалъ § 14 правилъ о зачетѣ полугодій въ томъ смыслѣ, что не только инспекція, но и профессоры, обязаны слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами, и что при разбросанности университетскихъ помѣщеній и при одновременности чтенія лекцій въ 12-и и болѣе мѣстахъ и при необходимости чинамъ инспекціи находиться преимущественно при многолюдныхъ аудиторіяхъ, нѣтъ для нея возможности знать, пошелъ ли студентъ, прибывшій въ университетъ, на лекцію или же въ какое-либо изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, ректоръ началъ относиться къ инспектору не совсѣмъ доброжелательно, что̀ и имѣло не малое вліяніе на ходъ дѣлъ и на отношенія студентовъ къ инспекціи, а равно и на ходъ самыхъ безпорядковъ 4-го декабря. Тѣмъ не менѣе всѣ сколько нибудь выдающіеся случаи со студентами всегда были доводимы инспекторомъ до свѣдѣнія ректора: случаи смерти, самоубійства, «которыхъ, къ сожалѣнію, было не мало въ 1887 году», случаи заключенія въ карцеръ и т. д. О менѣе важныхъ случаяхъ выговоровъ и замѣчаній ректоръ могъ всегда освѣдомиться въ штрафной книгѣ и въ книгѣ простыхъ выговоровъ по п. *а* § 31 правилъ (то-есть, безъ внесенія въ штрафную книгу). Какъ видно, инспекція въ Казанскомъ университетѣ вела какъ слѣдуетъ свое дѣло.

По возобновленіи лекцій въ ветеринарномъ институтѣ 3-го, а въ университетѣ 6-го февраля 1888 года попечитель округа отнесся къ Казанскому губернатору Андреевскому съ просьбою о содѣйствіи полиціи учебному начальству, опредѣливъ, въ чемъ это содѣйствіе должно состоять: 1) «Такъ какъ опытъ бывшихъ въ декабрѣ безпорядковъ показалъ, что они организуются главнымъ образомъ въ такъ-называемыхъ землячествахъ и принятыя на этихъ землячествахъ рѣшенія распространяются между студентами на устроиваемыхъ негласныхъ вечерахъ, то весьма желательно, чтобы полиція, отнюдь не дозволяя устройства такихъ вечеровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обо всѣхъ сдѣлавшихся ей извѣстными собраніяхъ студентовъ по землячествамъ

сообщала словесно или письменно мнѣ (попечителю), для принятія своевременно надлежащихъ мѣръ. 2) «Весьма важно также для меня имѣть своевременно свѣдѣнія, не дѣйствуютъ ли нѣкоторыя посторонніе лица вреднымъ образомъ на студентовъ, подбивая ихъ къ агитаціи и безпорядкамъ. 3) «Если до свѣдѣнія полиціи дойдутъ какія-нибудь рукописныя или гектографированныя воззванія къ студентамъ, то я былъ бы очень признателенъ за доставленіе мнѣ ихъ для прочтенія». Далѣе, 4) попечитель сообщаетъ о слухахъ, будто нѣкоторые изъ удаленныхъ или исключенныхъ студентовъ намѣреваются возвратиться въ Казань и проситъ этого до времени полнаго успокоенія не допускать. Наконецъ, 5) въ случаѣ обнаруженія вновь какихъ-либо безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ проситъ предоставить учебному вѣдомству такія же помощь и содѣйствіе, какія были оказаны 4-го декабря.

Казанскому губернатору дѣйствительно было предложено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не допускать впредь устройства какихъ-либо студенческихъ вечеровъ съ платою за входъ, такъ какъ сборы съ этихъ вечеровъ въ большинствѣ случаевъ поступали на увеличеніе средствъ студенческихъ землячествъ и на другія недозволенныя цѣли. Донося о тѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались 4-го декабря, чтобы вовлечь студентовъ историко-филологическаго факультета въ безпорядки, и о совершенной безуспѣшности этихъ попытокъ, покойный попечитель Казанскаго округа присовокупилъ, что изъ 57 наличныхъ студентовъ этого факультета не было ни одного, сколько-нибудь прикосновеннаго къ дѣлу о безпорядкахъ 4-го декабря, и по этому поводу высказалъ нижеслѣдующее: «Это утѣшительное явленіе обусловливается, по моему мнѣнію, не столько хорошимъ составомъ студентовъ этого факультета и не столько даже составомъ наукъ, преподаваемыхъ въ немъ, сколько разумнымъ распредѣленіемъ занятій, при которомъ чтеніе лекцій правильно чередуется съ самостоятельными работами студентовъ подъ надзоромъ профессоровъ, весьма усердно и съ любовію относящихся и къ студентамъ, и къ своимъ научнымъ занятіямъ». Затѣмъ въ письмѣ своемъ отъ 25-го декабря 1887 г., № 675, первою мѣрою «для упорядоченія внутренняго строя университета и даже ветеринарнаго института» онъ признавалъ «приближеніе порядка занятій на всѣхъ факультетахъ университета и въ ветеринарномъ институтѣ, по возможности, къ порядку занятій, нынѣ принятому на историко-филологическомъ факультетѣ, отведя какъ можно болѣе мѣста, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущер-

бомъ для лекціонныхъ занятій, самостоятельнымъ работамъ студентовъ подъ обязательнымъ надзоромъ и руководствомъ преподавателей".

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургѣ въ концѣ 1887 г.

Свѣдѣній объ этихъ безпорядкахъ сохранилось весьма мало въ дѣлахъ какъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и окружнаго управленія, и самого университета. Извѣстно только, что безпорядки эти достигали весьма крупныхъ размѣровъ, особенно 9-го, 10-го и 11-го декабря, что направлены они были главнѣйше противъ ректора Владиславлева, что возбуждены были противъ него столько же профессора, сколько и студенты, что пришлось прибѣгнуть къ помощи г. С.-Петербургскаго градоначальника, по распоряженію котораго и было арестовано 9-го декабря въ самомъ университетѣ 67 студентовъ, что и затѣмъ безпорядки не прекращались и пришлось закрыть университетъ. Въ ночь на 11-е декабря поручено было приставу 1-го участка Васильеостровской части арестовать 9 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ товарищей къ безпорядкамъ. Изъ нихъ двое, не бывъ въ ту ночь разысканы на своихъ квартирахъ, были на другой день вызваны приставомъ Араповымъ изъ университета подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ требуетъ къ себѣ градоначальникъ, и затѣмъ были арестованы. Узнавъ объ этомъ, профессоры Бекетовъ и Менделѣевъ, не стѣсняясь присутствіемъ студентовъ, во всеуслышаніе говорили, что полиція не имѣетъ права производить аресты въ стѣнахъ университета, заявили то же самое ректору и просили возбудить судебное преслѣдованіе противъ пристава Арапова.

Въ самомъ правленіи обнаружилось раздвоеніе: только ректоръ, инспекторъ и деканъ факультета восточныхъ языковъ были въ пользу того, чтобы изъ числа удаленныхъ принять обратно тѣхъ, кто дастъ письменное обязательство, подкрѣпленное честнымъ словомъ, воздерживаться впредь отъ всякаго участія въ сходкахъ и всякаго рода безпорядкахъ. Всѣхъ исключенныхъ и удаленныхъ за безпорядки изъ С.-Петербургскаго университета оказалось больше чѣмъ изъ какого-либо другаго, отдѣльно взятаго, высшаго учебнаго заведенія, а именно 74 человѣка.

Однимъ изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета было получено и доставлено въ министерство письмо, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Все русское студенчество недавно сдѣлало попытку освободиться отъ гнета постановленій новаго университетскаго

устава, губящихъ свободу науки полными произвола программами и распредѣленіями университетскихъ чтеній, губящихъ нашу студенческую свободу и товарищество, приводящихъ къ порядкамъ, прямо оскорбительнымъ для нашего человѣческаго достоинства... Нашъ протестъ выразился въ томъ, что мы лишились 72-хъ (вѣрнѣе, 74-хъ) товарищей... Соберемтесь вновь въ университетскихъ стѣнахъ спокойно, безъ шума (не въ протестѣ дѣло) и, пригласивъ къ себѣ кого-нибудь изъ лучшихъ профессоровъ нашихъ, попросимъ довести до свѣдѣнія министра наше заявленіе о полномъ единодушіи всѣхъ насъ съ 72-мя товарищами. Кто намъ не сочувствуетъ, пусть о томъ заявитъ инспекціи, какъ это недавно сдѣлали нѣкоторые изъ студентовъ Медицинской академіи»... «Тѣ измѣненія настоящихъ порядковъ, которыхъ мы добиваемся: 1) Пересмотръ и измѣненіе постановленій, которыя оказались прямо вредными дѣлу науки, вводя подъ именемъ «академической свободы» искусственную регламентацію науки, не имѣющую болѣе научныхъ основаній, чѣмъ чиновничій произволъ ихъ авторовъ (хорошія иллюстраціи: программа филологическаго факультета и экзаменныя требованія для того же факультета). 2) Возвращеніе университетской автономіи: а) избираніе ректора профессорами сдѣлаетъ немыслимымъ появленіе на этомъ почетномъ мѣстѣ людей, подобныхъ Владиславлеву; б) университетскій судъ избавитъ студенчество отъ безконтрольныхъ распоряженій инспекціи, погубившей столько нашихъ товарищей; доносы потеряютъ силу истинъ, не требующихъ доказательства, и слѣдовательно естественно кончится процвѣтаніе сплетничества, которому принадлежитъ львиная доля заслугъ нашей инспекціи. 3) Устраненіе инспекціи отъ вмѣшательства въ раздачу стипендій, цѣль коихъ есть поощреніе способныхъ къ наукѣ, а не къ искательству. 4) Отмѣна безнравственныхъ правилъ, преслѣдующихъ товарищество во всѣхъ его проявленіяхъ (научно-литературныя общества, землячества, студенческія кассы). 5) Смѣна ректора Владиславлева, доказавшаго полную свою несостоятельность и какъ ученый, и какъ ректоръ, и какъ человѣкъ... Просятъ эти листки передавать по прочтеніи кому-либо изъ товарищей... Нелѣпость и безнравственность лѣтняго циркуляра о гимназіяхъ сами по себѣ привели уже къ неофиціальному приказу о неисполненіи его предписаній. Мы думаемъ, что не зачѣмъ просить профессоровъ доложить министру о нашихъ требованіяхъ. Мы доведемъ ихъ до свѣдѣнія вліятельныхъ людей, пользующихся честною славой, посылая имъ эти листки».

Сохраненіе порядка въ университетѣ Св. Владимира.

Изъ Москвы, Харькова и Одессы были употреблены всѣ усилія, чтобы произвести безпорядки и въ Кіевскомъ университетѣ; но усилія эти подѣйствовали на 100 — 200 человѣкъ изъ 2038 студентовъ, преимущественно на тѣхъ, которые перебывали въ различныхъ университетахъ, переходили съ одного факультета на другой и оставались по нѣскольку семестровъ безъ зачета. Они пытались произвести сходку (въ особенности на 7 декабря), чтобы заявить сочувствіе къ пострадавшимъ студентамъ Московскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго университетовъ, выразить неодобреніе новому университетскому уставу и побудить начальство закрыть университетъ или пріостановить въ немъ ходъ учебныхъ занятій. Огромное большинство этому не сочувствовало, находясь, очевидно, еще подъ вліяніемъ послѣдствій безпорядковъ, бывшихъ въ 1884 г. Такъ, чтобы выгородить себя заранѣе и не потерпѣть вновь увольненія, многіе являлись къ ректору съ просьбою дозволить студентамъ, не сочувствующимъ безпорядкамъ, подписаться и выразить свой протестъ противъ агитаторовъ и волненій; но ректоръ благоразумно отклонилъ это предложеніе, объяснивъ, что такія подписки не имѣютъ никакого значенія и даже не гарантируютъ, чтобы и сами подписавшіеся не приняли потомъ участія въ безпорядкахъ, и что въ данныхъ обстоятельствахъ университету нужны не подписки, а дѣло, то-есть, положительный отпоръ злонамѣреннымъ агитаторамъ, а что въ случаѣ безпорядковъ несомнѣнно вновь пострадаютъ всѣ студенты, такъ какъ въ массовыхъ безпорядкахъ невозможно отличить участниковъ отъ попустителей и пассивныхъ зрителей. «Опасеніе, что въ случаѣ безпорядковъ будетъ закрытъ университетъ и всѣмъ студентамъ не зачтутъ семестра, вліяло очень сильно и сдержало многихъ горячихъ и увлекающихся». Но и вообще «въ послѣдніе годы въ настроеніи студентовъ произошелъ видимый поворотъ къ лучшему; они стали болѣе приличны, дисциплинированы и осторожнѣе и здравомысленнѣе по отношенію къ зловреднымъ политическимъ агитаціямъ», такъ что и въ это трудное время «по крайней мѣрѣ $^4/_5$ всего числа (1600 — 1800 ч.) продолжали заниматься своимъ дѣломъ, желая сохранить порядокъ», а изъ нихъ не менѣе $^1/_3$, въ особенности старшіе курсы, начиная съ 7-го декабря, «открыто и сознательно приняли дѣятельное и непосредственное участіе въ успокоеніи умовъ и охраненіи порядка. Курильная комната, гдѣ впрочемъ темно и можетъ собраться не болѣе

50 человѣкъ, была въ эту пору очагомъ и средоточіемъ волненій: тамъ читались возбудительныя письма изъ Москвы и Одессы, шли горячіе споры и раздавались призывы къ сходкѣ; чины инспекціи однако же не входили туда, чтобы не подать повода къ столкновенію, но сами студенты старшихъ курсовъ, человѣкъ 100—150, наблюдали за курильною комнатой, «и когда тамъ поднимался крикъ, отправлялись туда, убѣждали успокоиться и расходиться, а болѣе безпокойныхъ агитаторовъ вѣжливо, но настойчиво выпроваживали изъ университета». На лекцію къ ректору, при посѣщеніи ея попечителемъ, явилось около 30 человѣкъ этихъ добровольныхъ охранителей порядка и стали около его каѳедры, и вообще съ 7-го декабря они «являлись ежедневно на дежурство въ учебномъ корридорѣ университета для вразумленія своихъ младшихъ товарищей и поддержанія порядка въ университетѣ вообще». Попечитель округа покойный С. П. Голубцовъ бывалъ также ежедневно въ университетѣ съ 7 по 11 декабря включительно. Весь наличный составъ инспекціи, со времени ея установленія на основаніи новаго устава, отличался вообще своими благожелательными и дружественными отношеніями къ студентамъ, а всѣ профессора, завѣдывающіе учебно-вспомогательными учрежденіями: анатомическимъ театромъ, химическою, технологическою, зоологическою, физіологическою лабораторіей, откуда въ прежнее время нерѣдко начинались безпорядки, исполнили на этотъ разъ свой долгъ и много содѣйствовали успокоенію взволнованныхъ, вспомоществуемые прозекторами, ихъ помощниками, лаборантами, ассистентами и т. д. Лица эти обыкновенно избираются изъ лучшихъ студентовъ, тотчасъ же по окончаніи ими курса, и остаются на своихъ должностяхъ по два, по три года; они—ближайшіе руководители студентовъ, старшіе ихъ товарищи, они повторяютъ отдѣльнымъ группамъ студентовъ всѣ опыты и упражненія, которые на лекціяхъ демонстрируютъ профессоры предъ цѣлою аудиторіей. При выборѣ этихъ лицъ необходимо обращать особенно строгое вниманіе на ихъ нравственную и политическую благонадежность, что́ не всегда бывало прежде и не всегда бываетъ и теперь, какъ показываютъ примѣръ Келлера въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а за прежнее время примѣры лаборанта Киселя и метеорологіи наблюдателей Ювеналіева, Классовскаго, Бѣловѣжскаго, Пѣтухина въ Кіевѣ, и которые сами бывали дѣятельными участниками въ безпорядкахъ, а во ввѣренныхъ имъ учебныхъ помѣщеніяхъ нерѣдко производились обыски, при чемъ въ метеорологической обсерваторіи находимы были даже принадлежности тайнаго ти-

пографскаго станка. Въ ноябрѣ 1883 г. въ Кіевѣ было обращено особенное вниманіе на эту сторону дѣла и были установлены болѣе строгія условія при назначеніи этихъ вспомогательныхъ лицъ учебнаго персонала, и въ концѣ 1887 г. составъ этотъ въ Кіевскомъ университетѣ оказался вполнѣ благонадежнымъ и содѣйствовалъ въ свою очередь охраненію въ немъ порядка и спокойствія. Тѣмъ не менѣе за обнаруженное сочувствіе къ попыткамъ произвести волненіе въ университетѣ правленіе онаго 21 дек. въ присутствіи попечителя округа опредѣлило 4-хъ уволить безъ прошенія съ высылкою ихъ изъ Кіева и смежныхъ съ нимъ уѣздовъ, а 19-и объявить выговоръ съ предостереженіемъ объ увольненіи въ случаѣ проявленія попытокъ къ волненіямъ или неодобрительнаго поведенія, ограничившись этою общею мѣрою взысканія и по отношенію къ 5-и евреямъ (изъ этихъ 19-и), которые собственно подлежали дѣйствію предложенія министра отъ 14 марта 1886 г. объ увольненіи студентовъ-евреевъ въ случаѣ даже малѣйшаго нарушенія ими правилъ.

Въ началѣ января 1888 года въ Кіевъ прибылъ студентъ Казанскаго университета, уволенный 8-го декабря въ отпускъ, уроженецъ г. Тифлиса, дворянинъ Иванъ Михайловъ Кавторадзе, который, вращаясь среди учащейся молодежи, выдавалъ себя за студента, исключеннаго изъ Казанскаго университета за участіе въ послѣднихъ безпорядкахъ. Онъ прибылъ въ Кіевъ, по словамъ его, съ цѣлью возбудить студентовъ къ безпорядкамъ, распространяя слухъ, что среди Московскихъ студентовъ, благодаря его стараніямъ, состоялось рѣшеніе вслѣдъ за открытіемъ университета вновь приступить къ волненіямъ и не подчиняться требованіямъ новаго устава. Онъ былъ арестованъ и 7-го января отправленъ съ конвоемъ въ распоряженіе Харьковскаго губернатора для дальнѣйшаго направленія въ Тифлисъ, при чемъ при отъѣздѣ изъ Кіева на вокзалѣ обратился къ публикѣ съ возгласомъ: «Посмотрите, какъ съ честными людьми поступаютъ». Въ послѣдствіи и ему, не смотря даже на малограмотность его прошеній, было оказано снисхожденіе и дозволено въ августѣ 1888 года вступить вновь въ студенты, но не Казанскаго, а Харьковскаго университета.

По самымъ тщательнымъ наблюденіямъ за поведеніемъ студентовъ Кіевскаго университета, громадное большинство ихъ не только не раздѣляло взглядовъ участниковъ бывшихъ въ университетахъ безпорядковъ, но въ случаѣ надобности готово было оказать самое активное противодѣйствіе тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые хотѣли нару-

шить установившійся въ университетѣ порядокъ. Такого же мнѣнія былъ и начальникъ Кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія генералъ-маіоръ Новицкій, который, впрочемъ, прибавлялъ (13-го января), что «если открытіе закрытыхъ университетовъ не будетъ сопровождаться безпорядками, то и движенія между студентами Кіевскаго университета ожидать нельзя; если же произойдутъ малѣйшія волненія въ Московскомъ университетѣ, то Кіевскій университетъ воздержать въ спокойствіи не представится возможнымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы послѣдовало безотлагательное удаленіе изъ него неблагонадежныхъ элементовъ».

Броженіе среди студентовъ и приготовленія ихъ къ новымъ безпорядкамъ.

5 университетовъ, Харьковскій технологическій и Казанскій ветеринарный институты были временно закрыты. Возникалъ естественно вопросъ: когда и какъ возобновить въ нихъ ученіе? Вопросъ этотъ представлялъ не малыя трудности, ибо вездѣ замѣчалось сильное броженіе въ средѣ студентовъ, и преступная агитація употребляла всѣ усилія съ возобновленіемъ ученія возобновить и безпорядки. Агитація эта главнѣйше исходила изъ Москвы. Тамъ былъ ея центръ и тамъ былъ, по слухамъ, центральный комитетъ волненій. По мысли агитаторовъ, безпорядки въ университетахъ не должны были прекращаться, пока общество не станетъ громко заявлять, что необходимо измѣненіе системы и перемѣна лицъ, и правительство не вступитъ на путь уступокъ, не отмѣнитъ устава 1884 года или же не обречетъ его на полное бездѣйствіе и не возстановитъ столь желательную для крамолы «систему прикрышки». Безпорядками предполагалось достигнуть обычной цѣли всѣхъ революціонныхъ движеній—смѣны лицъ и измѣненія или обезсиленія постановленій.

Печать и притомъ самыхъ различныхъ направленій въ свою очередь содѣйствовала этимъ цѣлямъ и поддерживала агитацію. «Новости» въ Петербургѣ и «Русскія Вѣдомости» въ Москвѣ въ одинъ и тотъ же день возбудили вопросъ о необходимости произвести независимо отъ министра народнаго просвѣщенія ревизію университетовъ, при чемъ, по мнѣнію «Новостей», ревизія эта должна быть сенаторская, и во главѣ ея долженъ быть сенаторъ Ѳ. М. Дмитріевъ, который настолько не сочувствовалъ новому университетскому уставу, что по Высочайшемъ его утвержденіи счелъ за нужное сложить съ себя

званіе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. «Гражданинъ» возлагалъ всю вину за безпорядки на чье-то холодное и бездушное отношеніе къ учащейся молодежи и тѣмъ какъ бы оправдывалъ послѣднюю, а вмѣстѣ съ тѣмъ прямо требовалъ удаленія отъ должности какого-то «тайнаго совѣтника отъ педагоговъ». Мало того: та же газета дозволила себѣ во всеуслышаніе разсуждать, «уходитъ ли куда-нибудь министръ Деляновъ» и будетъ ли онъ замѣщенъ попечителемъ Дерптскаго, нынѣ С.-Петербургскаго, учебнаго округа М. Н. Капустинымъ. «Новое Время», выгораживая уставы университетовъ и гимназій, всю вину безпорядковъ сваливало также на какихъ-то ихъ исполнителей. Понятно, на сколько подобные толки и инсинуаціи должны были колебать авторитетъ министра и ближайшихъ его сотрудниковъ въ глазахъ и молодежи, и учебнаго вѣдомства, и это въ пору волненій, когда власть министра должна была являться во всей своей силѣ, дабы всѣ указанія его были въ точности и безъ колебаній исполняемы.

«Новое Время» 20-го января 1888 г., какъ разъ наканунѣ возобновленія ученія въ обоихъ столичныхъ университетахъ, ни мало не задумываясь, сообщило, что «по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ вопросъ объ увеличеніи платы за слушаніе лекцій въ университетахъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ: предполагается, возвышая ежегодно плату на 10 р., довести это возвышеніе до 50% нынѣ существующаго взноса. Мѣра эта мотивируется необходимостью увеличить спеціальныя средства университетовъ для расширенія штата преподавателей». Понятно, въ какой мѣрѣ этотъ ложный слухъ долженъ былъ подлить масла въ огонь, если принять во вниманіе, что еще 26-го іюня 1887 г. размѣръ платы собственно въ пользу университета (независимо отъ гонорора) былъ увеличенъ съ 10 р. до 50 р. въ годъ и что это увеличеніе играло весьма важную роль въ студенческихъ жалобахъ и «петиціяхъ».

Въ Москвѣ, какъ было уже упомянуто (см. стр. 183), была въ ноябрѣ и декабрѣ 1887 г. особая квартира, которую нанималъ студентъ Звягинцевъ и въ которую сходились для совѣщаній подстрекатели къ безпорядкамъ. По сообщенію отъ 31-го декабря г. товарища министра, завѣдывающаго полиціей, студентами Московскаго университета были разосланы телеграммы къ студентамъ прочихъ университетовъ съ приглашеніемъ присоединиться къ общестуденческому протесту, и вслѣдствіе сего даже студенты Кіевскаго университета, не успѣвшіе организовать движенія до праздниковъ, будто

бы намѣревались при началѣ лекцій произвести безпорядки. Одинъ изъ уволенныхъ изъ Московскаго университета студентовъ Яковъ Дуновичъ (математикъ 7-го семестра, еврей) писалъ къ студенту Харьковскаго университета Владиміру Андрееву Дыбскому вымышленныя подробности о столкновеніи студентовъ на Тверскомъ (?) бульварѣ съ полиціей и войсками и прибавлялъ: «И все это изъ-за того, что мы требуемъ устраненія Брызгалова отъ должности инспектора и отмѣны новаго устава. Если вы разскажете это товарищамъ, и они поддержатъ насъ въ послѣднемъ пунктѣ, то этимъ мы всѣмъ покажемъ, какая солидарность существуетъ между университетами, и главное, мы этимъ наглядно докажемъ, что новый уставъ не достигъ своей цѣли». Хотя по обыску 22-го декабря у Дуновича не было найдено ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе, по распоряженію мѣстной администраціи, онъ былъ препровожденъ въ Варшаву, какъ избранное имъ мѣсто жительства, а по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, ему воспрещено вступленіе вновь въ какое-либо учебное заведеніе.

Въ какомъ настроеніи была въ Москвѣ не только учащаяся молодежь, но отчасти и ея наставники, и само общество, это видно, между прочимъ, изъ того, что въ ней готовился въ январѣ 1888 г. какой-то спектакль въ пользу Синявскаго съ участіемъ студентовъ и даже фельдшерицъ Московской Маріинской больницы. Для входа на спектакль были заготовлены билеты съ особыми знаками. Хотя спектакль не состоялся, но по слухамъ собранныя деньги были вручены профессору Чупрову и бывшему доценту Гольцеву.

Дабы отъ закрытія Московскаго университета не пострадали особенно студенты-медики, имѣвшіе уже 9 зачтенныхъ семестровъ и не принимавшіе никакого участія въ безпорядкахъ, по соглашенію съ Московскимъ генералъ-губернаторомъ еще 11-го декабря 1887 г. было испрошено разрѣшеніе допустить ихъ тотчасъ же къ продолженію учебныхъ занятій, но съ предварительнымъ отобраніемъ отъ нихъ нижеслѣдующей подписки: «Я нижеподписавшійся симъ подтверждаю передъ г. ректоромъ, какъ представителемъ университета, обязательство и готовность мою безпрекословно подчиняться существующимъ въ университетѣ порядкамъ и властямъ, при чемъ выражаю сожалѣніе о событіяхъ, вызвавшихъ прекращеніе занятій въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ»: каждый студентъ долженъ былъ подписать это заявленіе и послать его ректору по городской почтѣ. Мѣра эта въ примѣненіи къ студентамъ-медикамъ 9-го семе-

стра имѣла успѣхъ; уже въ 2 дня изъ наличныхъ 185 студентовъ этой категоріи 156 дали эту подписку. Примѣръ этого старшаго курса студентовъ медицинскаго факультета могъ хорошо подѣйствовать и на другихъ студентовъ, и гр. П. А. Капнистъ возъимѣлъ мысль связать открытіе Московскаго университета съ предварительнымъ отобраніемъ подобныхъ подписокъ отъ всѣхъ студентовъ до 10 января и во кремя еще исполненія Брызгаловымъ обязанностей инспектора студентовъ.

Мѣра эта представляла безспорно много хорошихъ сторонъ не столько въ смыслѣ ручательства за сохраненіе порядка въ будущемъ, сколько въ смыслѣ нѣкотораго искупленія всѣми студентами тѣхъ прискорбныхъ и гнусныхъ дѣяній, которыя были совершены нѣкоторыми изъ нихъ въ двадцатыхъ числахъ ноября, и въ смыслѣ нѣкотораго возстановленія авторитета правительственной власти и авторитета того должностнаго лица, противъ котораго ближайшимъ образомъ были направлены безпорядки, такъ какъ еще при немъ отбиралась бы подписка съ обязательствомъ безпрекословно подчиняться существующимъ въ университетѣ и властямъ, и порядкамъ. Завзятые противники и этихъ порядковъ, и властей, а въ томъ числѣ и инспектора студентовъ Брызгалова, подписки этой не дали бы, и это послужило бы къ несомнѣнно желательному очищенію студенчества Московскаго университета.

Мѣра эта была обсуждаема 26 декабря въ совѣщаніи гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, финансовъ и оберъ-прокурора Св. Сѵнода и была отвергнута, какъ кажется, вслѣдствіе преувеличеннаго опасенія относительно распространенности въ средѣ Московскихъ студентовъ дѣйствительной враждебности къ Брызгалову. Хотя со всѣхъ сторонъ и попечителемъ округа, и Московскимъ генералъ-губернаторомъ, и министромъ внутреннихъ дѣлъ получались извѣстія о твердой будто-бы рѣшимости студентовъ Московскаго университета произвести вновь безпорядки, буде Брызгаловъ не будетъ отозванъ, тѣмъ не менѣе эти извѣстія и слухи главнымъ образомъ имѣли своею цѣлью поколебать рѣшимость самого правительства и заставить его пока хотя бы въ этомъ только пунктѣ вступить на путь уступокъ. Это было своего рода испытаніемъ, какая власть сильнѣе, власть ли правительства или власть крамолы, породившей несомнѣнно студенческіе безпорядки 1887 г. Послѣдняя оказазась сильнѣе: Брызгаловъ былъ призванъ въ Петербургъ 7 января 1888 г. даже безъ той малой регабилитаціи, за которую очень

сильно стоялъ графъ П. А. Капнистъ. Впрочемъ онъ же самъ писалъ къ г. министру народнаго просвѣщенія отъ 27-го декабря 1887 г.: «Пока предполагалась разсылка подписокъ, время, когда должна была послѣдовать его (Брызгалова) командировка, опредѣлялось само собою совершенно ясно: подписки должны были быть отобраны во время исполненія Брызгаловымъ своихъ обязанностей, то-есть, по 10 января, открытіе лекцій предполагалось послѣ 20-го января, и слѣдовательно, вызовъ Брызгалова въ С.-Петербургъ долженъ былъ послѣдовать между 10-мъ и 20-мъ января. Съ отмѣною распоряженія о разсылкѣ подписокъ срокъ 10 января отпадаетъ, и время командировки Брызгалова становится неопредѣленнымъ. Рѣшаюсь во всякомъ случаѣ просить о томъ, чтобъ А. А. Брызгаловъ былъ отозванъ изъ Москвы до открытія не только лекцій, но и подписки на таковыя, которая должна начаться за 10 дней до начала лекцій. Положеніе А. А. Брызгалова въ Москвѣ стало совершенно невозможнымъ; общее осужденіе его, которое распространилось и поддерживается во всѣхъ сферахъ, создало такое настроеніе, при которомъ ему невозможно дѣйствовать сколько-нибудь успѣшно. Студенты живутъ въ этой атмосферѣ, и она настолько вліяетъ на нихъ, что ожидать благоразумнаго отношенія къ инспектору нельзя. Съ другой стороны Брызгаловъ въ настоящее время не способенъ разумно и спокойно исполнять свои обязанности. Начать лекціи съ Брызгаловымъ во главѣ инспекціи значило бы уничтожить всякій порядокъ и подорвать всякую власть, такъ какъ ни порядокъ, ни правильное дѣйствіе власти не мыслимы». Впрочемъ и по отозваніи Брызгалова, и по возобновленіи лекцій, Московскіе студенты, по агентурнымъ свѣдѣніямъ отъ 10 февраля, изъявляли готовность поддержать студентовъ С.-Петербургскаго университета въ томъ случаѣ, если въ средѣ послѣднихъ возникнутъ безпорядки.

Положеніе дѣлъ въ Москвѣ много усложнялось тѣмъ, что съ самаго начала безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ мѣстная администрація систематически воздерживалась отъ сообщенія попечителю округа какихъ-либо свѣдѣній и вообще приняла какое-то недружелюбное къ учебному вѣдомству положеніе. Оно продолжалось еще и въ началѣ новаго года. Такъ, даже по вопросу о времени открытія университета попечитель былъ извѣщенъ 6-го января, что соображенія администраціи по этому предмету сообщены министру внутреннихъ дѣлъ для окончательнаго соглашенія съ министромъ народнаго просвѣщенія, сообщать же эти соображенія ему, попечителю, администра-

нія не видитъ надобности, такъ какъ теперь дѣло должно рѣшиться совѣщаніемъ министровъ. О такомъ ненормальномъ отношеніи высшей мѣстной администраціи къ учебному начальству попечитель округа счелъ за должное 8-го января 1888 г. представить г. министру тѣмъ болѣе, «что ходъ послѣднихъ безпорядковъ ясно выказалъ, насколько непонятный и нецѣлесообразный образъ дѣйствій мѣстной администраціи повліялъ на усиленіе броженія среди молодежи и способствовалъ развитію безпорядковъ, вызвавшему необходимость прекращенія занятій въ университетѣ».

Изъ Одессы также сообщалось, что по свѣдѣніямъ инспекціи въ Новороссійскомъ университетѣ имѣется до 100 ч., «не имѣющихъ никакой связи съ наукою, не занимающихся и не способныхъ успѣвать въ той мѣрѣ, которая соотвѣтствовала бы новымъ экзаменнымъ требованіямъ и правиламъ». Въ случаѣ возобновленія безпорядковъ весною всю эту группу студентовъ слѣдуетъ объявить выбывшею, хотя бы нѣкоторые изъ нея и не были замѣчены въ прямомъ участіи въ смутѣ. Такого мнѣнія былъ и временный Одесскій генералъ-губернаторъ и градоначальникъ, а для немедленнаго ареста участниковъ безпорядка при открытіи университета близъ него должны быть на готовѣ отряды полиціи и войска. На это неутѣшительное сообщеніе г. министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, что не лучше ли было бы уволить этихъ ненадежныхъ и плохихъ студентовъ, не дожидаясь возобновленія безпорядковъ.

Несравненно болѣе тревожныя извѣстія получались изъ Харькова. Студенты Харьковскаго университета, сообщалъ отъ 23-го декабря г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій полиціей, «недовольные ничтожностью безпорядковъ, бывшихъ въ началѣ декабря, намѣрены, по открытіи университета, вновь произвести безпорядки и нанести оскорбленіе дѣйствіемъ инспектору студентовъ и даже попечителю учебнаго округа, на котораго они особенно озлоблены вслѣдствіе полученной имъ будто бы благодарности за успѣшное подавленіе волненія среди учащейся молодежи». Но особенно сильно броженіе между студентами Харьковскаго технологическаго института, и порядокъ въ немъ послѣ Рождественской вакаціи равнымъ образомъ будетъ нарушенъ. Студенты этого института,—сообщалось изъ того же источника отъ 2-го января 1888 г.,—«послѣ предупрежденія инспекціей, что ношеніе палокъ студентамъ запрещено по уставу (?), поголовно пріобрѣли себѣ палки и нынѣ постоянно являются съ оными какъ на улицахъ, такъ и въ институтѣ, и по агентурнымъ свѣдѣніямъ палки эти пріобрѣтены студентами на случай столкновенія ихъ съ полиціей».

Мѣры къ предупрежденію безпорядковъ по возобновленіи ученія въ университетахъ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ вопросъ о томъ, когда и какъ возобновить ученіе во временно-закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, представлялся не особенно легкимъ.

Прежде всего съ Высочайшаго соизволенія было отмѣнено празднованіе торжественныхъ актовъ въ университетѣ Московскомъ 12-го января, въ Харьковскомъ 17-го января и въ С.-Петербургскомъ 8-го февраля.

Затѣмъ 31-го декабря въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было напечатано, что лекціи и практическія занятія въ пяти закрытыхъ университетахъ не откроются 15-го января, а о времени ихъ открытія послѣдуетъ заблаговременно объявленіе въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ столичныхъ и мѣстныхъ. Въ то же время, согласно съ мнѣніемъ И. А. Вышнеградскаго, одобреннымъ на совѣщаніи гг. министровъ 26-го декабря, сообщено попечителямъ соотвѣтственныхъ округовъ, что возобновленіе лекцій предположено лишь съ марта 1888 года, но дабы это полугодіе могло быть зачтено студентамъ, оно должно быть продолжено до 15-го іюля 1888 года, но что даже въ случаѣ открытія занятій ранѣе марта, въ періодъ времени между 15-мъ января и 1-мъ февраля, можно было бы предупредить всякія попытки къ возобновленію безпорядковъ. «Посему, сказано далѣе въ циркулярѣ,—если бы профессоры ввѣреннаго вамъ университета, коимъ вслѣдствіе постоянныхъ и многочисленныхъ со студентами научныхъ занятій ближе можетъ быть извѣстно настроеніе учащагося юношества и на которыхъ, какъ на наставникахъ онаго, ближайшимъ образомъ лежитъ священная обязанность направлять своихъ слушателей къ началамъ порядка и благоразумія, нераздѣльнымъ съ правильнымъ обученіемъ, признали бы возможнымъ возобновить учебныя занятія не ожидая крайняго предложеннаго срока, съ увѣренностью, что спокойствіе, для сего необходимое, не будетъ нарушено, то лекціи и другія занятія могли бы быть возобновлены постепенно въ періодъ съ 15-го января по 1-е февраля. Ходатайство о семъ по совѣщаніи вашемъ съ кѣмъ признаете нужнымъ должно быть возбуждено заранѣе, дабы оно могло быть своевременно разсмотрѣно и сообразно съ имѣющимися въ министерствѣ народнаго просвѣщенія свѣдѣніями разрѣшено, при чемъ въ случаѣ отдаленія срока открытія лекцій далѣе 1-го февраля необходимо продолжить весеннее полугодіе 1888 г.

на каникулярное время соотвѣтственно сроку возобновленія лекцій, на что̀ и будетъ испрошено Высочайшее соизволеніе». По усмотрѣнію попечителя ему предоставлялось для обсужденія этого дѣла созвать совѣтъ университета на основаніи ст. 7-й устава.

Въ Московскомъ университетѣ попечитель созвалъ совѣтъ, въ которомъ «было высказано мнѣніе, что ни профессора, ни кто-либо другой не могъ бы выразить требуемую увѣренность въ смыслѣ безусловной гарантіи сохраненія порядка. Затѣмъ члены совѣта единогласно заявили, что, имѣя увѣренность въ томъ, что огромное большинство студентовъ желаетъ спокойнаго возобновленія занятій, они находятъ возможнымъ положиться на благоразуміе студентовъ, и съ своей стороны, какъ всегда, готовы оказать нравственное свое вліяніе на успокоеніе студентовъ и имѣютъ основаніе разсчитывать на успѣхъ». Предположено было открыть подписку на лекціи 21-го января, а самыя лекціи начать 26-го января. Вслѣдъ затѣмъ Московскій попечитель ходатайствовалъ о томъ, чтобы осеннее полугодіе 1887 года было зачтено и чтобы факультетамъ было предоставлено принять мѣры для сего зачета въ теченіе весенняго семестра 1888 года, что̀ и было разрѣшено.

14-го января 1888 года на совѣщаніи изъ гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, финансовъ, синодальнаго оберъ-прокурора, товарища министра завѣдывающаго полиціей, градоначальника и директоровъ департаментовъ полиціи и народнаго просвѣщенія было постановлено: 1) возобновить учебныя занятія въ С.-Петербургскомъ университетѣ 21-го января; 2) предварительно сего дать, чрезъ начальство учебнаго округа, совѣту университета предложеніе, въ которомъ разъяснить профессорамъ обязанности ихъ по отношенію къ нравственному воздѣйствію ихъ на студентовъ; 3) чрезъ министра народнаго просвѣщенія самымъ рѣшительнымъ образомъ объявить деканамъ факультетовъ для сообщенія преподавателямъ университета, что въ случаѣ возобновленія безпорядковъ и могущей, сверхъ чаянія, оказаться необходимости прекратить учебныя занятія на болѣе или менѣе продолжительное время, всѣ служащіе въ университетѣ будутъ уволены отъ службы, такъ какъ немыслимо и несправедливо, чтобы податныя средства, собираемыя съ народа, обращались на содержаніе лицъ, которыя не будутъ нести никакихъ служебныхъ обязанностей, и 4) объявить студентамъ, что, въ случаѣ прекращенія лекцій, имъ не будетъ зачтено цѣлое полугодіе и производство стипендій прекратится». 16-го января

было о семъ всеподданнѣйше доведено до свѣдѣнія Государя Императора г. министромъ народнаго просвѣщенія съ приложеніемъ предложенія начальству округа и объявленія студентамъ, и на другой день эти бумаги возвращены Его Величествомъ съ парафой. 18-го января къ попечителю С.-Петербургскаго округа, а 23-го января 1888 года къ попечителямъ другихъ округовъ было препровождено нижеслѣдующее предложеніе: «При устроеніи университетскаго быта на основаніи устава 1884 года, министерство народнаго просвѣщенія руководилось тѣмъ убѣжденіемъ, что между преподавателями университетовъ и студентами должна существовать крѣпкая нравственная связь и постоянное общеніе. Съ этою цѣлью въ уставѣ и сдѣланныхъ министерствомъ въ развитіе его распоряженіяхъ, кромѣ обыкновенныхъ средствъ каѳедры, были приняты особыя мѣры для возможнаго расширенія практическихъ занятій, ставящихъ учащихъ и учащихся въ ближайшее взаимное соприкосновеніе, и введены совѣщательные часы, дающіе возможность стутентамъ обращаться съ своими недоумѣніями и вопросами къ преподавателямъ. Пользуясь случаями общенія съ юношествомъ, преподаватели могутъ разъяснять ему его обязанности и долгъ предъ университетомъ и отечествомъ—пріобрѣтать путемъ постояннаго труда научныя познанія и воспитать изъ себя будущихъ слугъ престола и Россіи.

«Къ прискорбію, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, смятенія и безпорядки въ студенчествѣ въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ принимали нерѣдко весьма острый характеръ и къ несчастію повторились въ настоящее время.

«Вслѣдствіе сего министерство народнаго просвѣщенія считаетъ священнымъ долгомъ убѣдительнѣйше просить профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства для воздѣйствія въ добрую на студентовъ сторону. Находясь въ мѣстопребываніи Государя Императора» (а Московскому: «будучи старѣйшимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Имперіи») и составляя во многихъ отношеніяхъ, въ особенности по сосредоточеннымъ въ немъ научнымъ силамъ, одинъ изъ первенствующихъ университетовъ въ Россіи, С.-Петербургскій (Московскій) университетъ [1]) долженъ возвышаться надъ другими учебными заве-

---

[1]) Для прочихъ университетовъ предыдущее замѣнялось такъ: «Представляя важнѣйшее по научнымъ силамъ и учебно-вспомогательнымъ средствамъ учрежденіе въ краѣ, Харьковскій (Казанскій, Новороссійскій) университетъ» и т. д.

деніями не только достоинствомъ своихъ научныхъ силъ, но и нравственною развитостью своихъ студентовъ. Министерство не сомнѣвается, что преподавательскій составъ сего университета проникнутъ этимъ взглядомъ на свое значеніе и, конечно, приметъ твердое рѣшеніе всѣми силами своими содѣйствовать водворенію спокойствія и такимъ образомъ отвратить то печальное положеніе, въ коемъ могутъ оказаться студенты, а равно и преподаватели университета, въ случаѣ возобновленія безпорядковъ, могущихъ повлечь за собою болѣе или менѣе продолжительное его закрытіе».

Того же 23-го января было разослано къ попечителямъ учебныхъ округовъ, гдѣ университеты были закрыты, нижеслѣдующее объявленіе студентамъ: «По распоряженію министра народнаго просвѣщенія начальство (такого-то) университета, открывая въ немъ учебныя занятія, считаетъ нужнымъ указать студентамъ, что, дорожа временемъ для своего образованія въ университетѣ, сознавая всю необходимость сохраненія порядка, они обязаны воздерживаться отъ участія въ сборищахъ и сходкахъ. Посему благоразумные и желающіе продолжать свое ученіе студенты, каковыхъ, безъ сомнѣнія, огромное большинство, должны нравственно воздѣйствовать на увлекающихся своихъ товарищей и противостоять всякимъ попыткамъ къ нарушенію спокойствія. Если бы вслѣдствіе безпорядковъ, мѣшающихъ чтенію лекцій, пришлось прекратить учебныя занятія, то независимо отъ наказанія виновныхъ въ безпорядкахъ, всѣмъ студентамъ полугодіе не будетъ зачтено и производство стипендій прекратится». Объявленіе это попечители должны были предлагать начальству университета, буде сочли бы это по обстоятельствамъ мѣста и времени полезнымъ. Въ Москвѣ еще прежде было выставлено другое объявленіе, въ которомъ просто указывалось, что за созываніе сходокъ или за участіе въ нихъ студенты будутъ подвергаемы исключенію или увольненію, и поэтому министерскимъ объявленіемъ уже неудобно было воспользоваться. Сверхъ того на другой день 24-го января было сообщено «совершенно секретно» попечителямъ округовъ, гдѣ были временно закрыты университеты, что «если бы, паче чаянія, вновь возникли безпорядки во ввѣренномъ каждому изъ нихъ университетѣ и пришлось бы закрыть оный, то представится необходимымъ уволить отъ службы весь составъ преподавателей университета, такъ какъ немыслимо и несправедливо, чтобы средства государственнаго казначейства обращались на содержаніе лицъ, которыя не будутъ нести никакихъ служебныхъ обязанностей. Признавая необходимымъ поста-

вить объ изложенномъ въ извѣстность всѣхъ преподавателей университета, министръ предложилъ попечителямъ, собравъ у себя ректора и декановъ, словесно объявить имъ объ указанныхъ послѣдствіяхъ закрытія университета, дабы они въ свою очередь сообщили объ этомъ преподавателямъ онаго".

7-го февраля 1888 года въ Харьковской газетѣ «Южный Край», очень близкой къ кружку профессора Ляшкевича, появилась статья: «Газетные слухи объ университетскихъ дѣлахъ», въ которой данное министромъ «совершенно секретно» указаніе на послѣдствія закрытія университета для его профессоровъ представляется въ видѣ нелѣпаго, ни съ чѣмъ несообразнаго слуха, возникшаго изъ бесѣды о государственныхъ вопросахъ Ивана Давыдовича съ Петромъ Ивановичемъ гдѣ-нибудь на Васильевскомъ или на Выборгской за стаканами пунша. «Смыслъ вышеизложенной «мѣры», по мнѣнію Ивана Давыдовича, вотъ какой: если лишить профессоровъ жалованья въ случаѣ безпорядковъ, то тѣмъ самымъ можно достигнуть того, что профессора всѣми силами будутъ удерживать студентовъ отъ безпорядковъ, потому что вѣдь жалованье—не шутка. Конечно, отъ подобнаго соображенія такъ и пахнетъ прилавкомъ мелочной лавченки; но помимо этого запаха не трудно даже изобразить всю практическую нелѣпость его. Да вѣдь чтобы удерживать студентовъ отъ безумныхъ поступковъ, профессоръ долженъ имѣть подавляющее нравственное вліяніе на нихъ, а какое же нравственное вліяніе онъ можетъ имѣть, если его будутъ третировать какъ продажную каналью, торгующую своимъ вліяніемъ? Какое нравственное вліяніе онъ можетъ имѣть, если каждый студентъ будетъ знать, что профессоръ удерживаетъ его отъ безпорядковъ единственно съ тѣмъ, чтобъ не потерять своего жалованья? Вообще въ настоящее время, къ сожалѣнію, профессора рѣшительно не имѣютъ на студентовъ никакого нравственнаго вліянія, а если ихъ поставить въ такое положеніе, что или вліяй, или лишайся жалованья, то, конечно, изъ всего этого ничего кромѣ глупой и жалкой комедіи не выйдетъ».

Попечитель Харьковскаго учебнаго округа не былъ однако же одного мнѣнія съ этою подцензурною газетой, и въ письмѣ своемъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія отъ 11-го февраля говоритъ: «По заявленію нѣкоторыхъ профессоровъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія, предложеніе министра (совершенно секретное) имѣло послѣдствія очень благотворныя для спокойствія въ университетѣ и настроенія студентовъ, которые узнали о секретѣ прежде, чѣмъ нѣкоторые

изъ преподавателей. Мысль о томъ, что это предложеніе парализовало будто бы первое о нравственномъ содѣйствіи преподавателей, что̀ съ такимъ грубымъ цинизмомъ высказывается въ статьѣ «Южнаго Края», принадлежитъ также нѣкоторымъ профессорамъ». Предложеніе г. министра отъ 18-го января 1888 г. о томъ, чтобы профессора воздѣйствовали въ добрую на студентовъ сторону, въ свою очередь, также вызвало протестъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ С.-Петербургскаго университета. Когда оно было заявлено въ совѣтѣ 20-го января 1888 г., тотчасъ же явилась попытка къ обсужденію его. Предвидя, въ какомъ смыслѣ оно было бы ведено, ректоръ рѣшительно не допустилъ этого обсужденія; но деканъ физико-математическаго факультета проф. Глазенапъ испросилъ частнымъ образомъ у г. министра разрѣшеніе обсудить это дѣло въ факультетскомъ собраніи. Этимъ разрѣшеніемъ факультетъ воспользовался главнѣйше для обвиненія ректора М. И. Владиславлева, а затѣмъ и устава 1884 г. «Поставленъ ли профессоръ,—говоритъ факультетъ,—въ такія условія, въ которыхъ онъ могъ бы разъяснять студентамъ ихъ обязанности передъ университетомъ и ихъ недоумѣнія и вопросы? Профессоръ не знаетъ, какія въ данный моментъ примѣнены относительно студентовъ мѣры, такъ какъ г. ректоръ ни разу не обсуждалъ таковыя съ совѣтомъ, а напротивъ не только устранялъ отъ этого совѣтъ, но и не допускалъ обсужденія такихъ вопросовъ въ совѣтѣ. Затѣмъ, при разговорѣ со студентомъ, профессоръ не можетъ ссылаться на уставъ, такъ какъ г. ректоръ постоянно прибѣгаетъ къ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ... Студенты могутъ указывать на причины безпорядковъ и просить ихъ устраненія. Такъ какъ причины безпорядковъ не были изслѣдованы, то на собесѣдованіяхъ со студентами послѣдними могутъ быть возбуждены вопросы въ высшей степени щекотливые, напримѣръ, просьба объ отмѣнѣ тѣхъ или другихъ правилъ, объ удаленіи г. инспектора и даже самого г. ректора и т. п... Во время тѣхъ же совѣщаній студенты-крикуны могутъ закричать профессору, что онъ старается ихъ убѣждать поступать такъ или иначе не по внутреннему убѣжденію, но изъ желанія сохранить жалованье, такъ какъ при повтореніи безпорядковъ университетъ можетъ быть закрытъ, и профессора будутъ лишены жалованья... Когда 10-го декабря 1887 г. сходка студентовъ разошлась послѣ немногихъ словъ нѣкоторыхъ профессоровъ, то эти профессора, вернувшись въ канцелярію университета, получили отъ г. попечителя (по его прибытіи) указаніе, что вмѣшались не въ свое дѣло,

что успокоивать студентовъ не дѣло профессора, равно какъ и попечителя, а есть исключительно дѣло ректора. На слѣдующій день 11-го декабря г. ректоръ пригласилъ нѣкоторыхъ профессоровъ идти съ нимъ для увѣщанія студентовъ на сходкѣ. Вернувшись же со сходки и успокоившись, г. ректоръ одного (объ одномъ?) просилъ, чтобы болѣе гг. профессоры не принимали участія въ успокоеніи студентовъ. Примѣненіе предложенія г. министра не безопасно для гг. профессоровъ. Нѣкоторыми близко стоящими къ университету лицами дѣятельность профессоровъ физико-математическаго факультета характеризуется такимъ образомъ, что одна треть профессоровъ этого факультета прямо или косвенно принимала участіе въ бывшихъ безпорядкахъ. Мнѣніе это было высказано г. ректоромъ С. П. Глазенапу, что̀ и послужило поводомъ къ подачѣ прошенія объ его увольненіи отъ должности декана. Теперь клевету не трудно разрушить, такъ какъ гг, профессора говорили при помощникахъ инспектора, при служителяхъ инспекціи и пр. Но въ какомъ положеніи окажутся профессора, если будутъ исполнять предложеніе г. министра во время практическихъ занятій и совѣщательныхъ часовъ»? Притомъ же эти часы и занятія превратились бы «въ сходки, которыя инспекторъ не будетъ имѣть права просить разойтись,—сходки со всѣми ихъ аттрибутами: шумомъ, гамомъ и возгласами, подъ предсѣдательствомъ невольнаго предсѣдателя—профессора». «Потому профессора физико-математическаго факультета вынуждены отказаться отъ дѣятельнаго участія въ примѣненіи предложенія г. министра». «Средства, которыми можно достичь этого» (воздѣйствія на студентовъ въ добрую сторону), состоятъ въ слѣдующемъ: а) чтобы строго-научнымъ, объективнымъ, лишеннымъ всякой тенденціозности преподаваніемъ облегчить студентамъ доступъ къ познанію научныхъ истинъ, вселять имъ (sic!) любовь и уваженіе къ наукѣ и привлекать ихъ къ самостоятельному научному труду, и б) чтобы собственнымъ примѣромъ строгаго исполненія долга укрѣплять и въ студентахъ сознаніе о необходимости свято чтить законъ и во всемъ съ нимъ сообразоваться». Средства эти факультетъ и самъ признаетъ недостаточными: «занятія наукой не всегда способны всецѣло поглотить умы учащагося юношества, а примѣръ людей старшаго поколѣнія не всегда способенъ найти подражаніе въ болѣе молодомъ». Но «дополнить эти средства другими, необходимыми для водворенія прочнаго спокойствія и мирнаго процвѣтанія университета, не во власти профессоровъ».

Въ этомъ представленіи заключалось еще ходатайство созвать совѣтъ университета и въ немъ обсудить вопросъ о причинахъ студенческихъ безпорядковъ и о мѣрахъ къ ихъ устраненію. Ходатайство, конечно, было оставлено безъ послѣдствій, и представленіе факультета велѣно пріобщить къ дѣлу, и это кромѣ списка уволенныхъ и исключенныхъ почти единственный слѣдъ въ дѣлахъ министерства безпорядковъ, бывшихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ декабрѣ 1887 г.

При обсужденіи въ совѣтѣ Новороссійскаго университета вопроса объ открытіи въ немъ лекцій, большинствомъ 30 голосовъ была принята предложенная ректоромъ редакція конца совѣтскаго постановленія, а именно, что, высказываясь въ пользу открытія университета 29-го января, «совѣтъ считаетъ долгомъ прибавить, что онъ не можетъ выразить твердой увѣренности въ томъ, что порядокъ въ университетѣ не будетъ нарушенъ»; проф. Табашниковъ предлагалъ вставить слова: «не имѣя въ виду никакихъ несомнѣнныхъ данныхъ, говорящихъ въ пользу возможности нарушенія или сохраненія порядка», проф. Войтковскій и Клосовскій находили вообще излишнимъ говорить объ увѣренности или неувѣренности, а 9 профессоровъ (Умовъ, Заленскій, Ковалевскій, Успенскій, Вериго, Клименко, Меликовъ, Петріевъ и Кирпичниковъ) предлагали такую редакцію: «мы не можемъ съ увѣренностью сказать, что не будетъ нарушено необходимое для учебныхъ занятій спокойствіе, такъ какъ поводы къ недовольству частью намъ неизвѣстны, частью лежатъ въ условіяхъ, регулирующихъ научныя занятія студентовъ и отношеніе ихъ къ университету».

Совѣтъ Московскаго университета донесъ 30-го марта г. попечителю, что, «выслушавъ предложеніе г. министра отъ 23-го января, онъ проситъ вновь подтвердить и засвидѣтельствовать предъ г. министромъ полную готовность профессоровъ нравственно содѣйствовать успокоенію студентовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ довести до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства, что профессора въ своихъ усиліяхъ къ поддержанію спокойнаго теченія университетскихъ занятій руководятся единственно сознаніемъ нравственнаго и служебнаго долга и что всякія соображенія о печальномъ положеніи, въ коемъ могутъ оказаться преподаватели въ случаѣ возобновленія безпорядковъ, они отстраняютъ отъ себя, находя, что побужденія личнаго интереса къ исполненію этого долга несовмѣстны ни съ ихъ честью, ни съ достоинствомъ того учрежденія, которому они служатъ». Такъ или иначе,

но съ 21-го января по 8-е февраля лекціи во всѣхъ временно-закрытыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были возобновлены, и нигдѣ серіознымъ образомъ порядокъ не былъ нарушенъ.

Ближайшій результатъ безпорядковъ 1887 года.

Въ попыткахъ къ нарушенію порядка не было однако же недостатка. Такъ, въ Одессѣ студентъ Евстаѳій Луцековичъ, принятый обратно въ университетъ за поручительствомъ нѣкоторыхъ профессоровъ, явился 7-го февраля къ профессору Богдановскому и заявилъ, что въ виду извѣстнаго ему, Луцековичу, намѣренія студентовъ произвести 10-го или 11-го февраля безпорядки, онъ, не желая компрометтировать ручавшихся за него профессоровъ, проситъ уволить его въ отпускъ. Заявленіе это вполнѣ согласовалось со свѣдѣніями, полученными начальникомъ жандармскаго управленія г. Одессы и попечителемъ учебнаго округа, о томъ, что студенты предполагаютъ настойчиво заявить о непризнаніи ими дѣйствующаго университетскаго устава и выразить порицаніе профессорамъ, не поддерживающимъ ихъ требованій.

Гораздо обширнѣе и серіознѣе были приготовленія къ безпорядкамъ въ Харьковѣ, и при этомъ какъ здѣсь, такъ болѣе или менѣе вездѣ, въ особенности же въ Москвѣ, не замѣчалось болѣе той бодрости духа, той твердости, рѣшительности и энергіи, съ какими велось дѣло инспекціи до безпорядковъ, — естественный результатъ не столько студенческихъ насилій и угрозъ, сколько тѣхъ нападокъ, которымъ оскорбленные или угрожаемые подвергались частью въ самихъ правительственныхъ сферахъ, частью въ университетскихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ. Такъ, въ Харьковѣ по возобновленіи лекцій и въ виду возобновлявшихся съ 3-го февраля сходокъ инспекторъ студентовъ Алякритскій не показывался, скрывался въ помѣщеніи правленія и просился въ отставку.

Между тѣмъ по свѣдѣніямъ товарища министра, завѣдывающаго полиціей, въ Харьковскомъ университетѣ должны были возникнуть серіозные безпорядки не позднѣе 15-го февраля; около ста студентовъ, какъ сообщалъ Курскій губернаторъ Т. С. Косаговскій Харьковскому, намѣрены были требовать обратнаго пріема ихъ товарищей, уволенныхъ въ декабрѣ 1887 г., и при этомъ нанести оскорбленіе инспектору.

По дальнѣйшимъ извѣстіямъ изъ того же источника, студенты университета предполагали собраться въ значительномъ числѣ на одной

изъ городскихъ площадей или улицъ, шумно ходить по городу, заходить въ церкви и служить молебны по случаю 27-й годовщины освобожденія крестьянъ, и предъявить общей администраціи и своему учебному начальству свои требованія. Дабы прекратить эту агитацію, 18 февраля были подвергнуты обыску, а затѣмъ личному задержанію при Харьковскомъ тюремномъ замкѣ, студенты Альфонсъ-Игнатій Махвитзъ и Михаилъ Петровъ Поповъ. У Махвитза найдена петиція харьковскихъ студентовъ, писанная карандашемъ, на имя министра народнаго просвѣщенія о возстановленіи устава 1863 г., объ обратномъ пріемѣ всѣхъ исключенныхъ за послѣдніе безпорядки и о назначеніи гласнаго суда присяжныхъ надъ Синявскимъ и Алексѣевымъ. Такая же петиція была найдена 30-го января въ сборномъ залѣ университета, при чемъ почеркъ, коимъ она писана, по заключенію экспертовъ, оказался тождественнымъ съ почеркомъ Попова. Оба они были впрочемъ вскорѣ освобождены изъ-подъ стражи. Правленіе Харьковскаго университета отнеслось къ нимъ очень снисходительно, полагая ограничиться уже послѣдовавшимъ увольненіемъ ихъ за невзносъ платы и, слѣд., потерею для нихъ одного полугодія; но попечитель и министръ рѣшили уволить ихъ, и это тѣмъ болѣе, что явившись въ университетъ изъ тюрьмы, Поповъ позволилъ себѣ крайне грубо и дерзко упрекать инспектора за его будто бы доносы, каковыхъ на дѣлѣ и не было, а Махвитзъ во время содержанія его въ тюрьмѣ обнаружилъ упорство и запирательство, внушающія большое недовѣріе къ его образу мыслей и дальнѣйшему поведенію; притомъ же отецъ его, проживающій нынѣ въ Харьковѣ, пожертвовалъ всѣмъ почти состояніемъ послѣднему польскому мятежу. Махвитзъ, дворянинъ, римско-католическаго исповѣданія, родился въ Ковенской губ. 1-го февр. 1868 г., былъ 5 лѣтъ въ Виленской прогимназіи и 6 лѣтъ въ Виленской 1-й гимназіи, пользуясь стипендіей гр. Валицкаго; былъ довольно способенъ и имѣлъ большую склонность къ физикѣ и математической географіи, характера тихаго, но довольно скрытнаго и нѣсколько вспыльчиваго; въ августѣ 1887 г. поступилъ на естественное отдѣленіе Харьковскаго университета. Поповъ — сынъ псаломщика одной изъ станицъ войска Донскаго, но какъ видно, съ достаткомъ, ибо въ Усть-Медвѣдицкой гимназіи онъ содержался лучше многихъ сыновей достаточныхъ родителей—и пріобрѣталъ учебныя пособія, какими не могли располагать другіе. Родился въ Области Войска Донскаго 10-го ноября 1865 г., прошелъ курсъ Донскаго духовнаго училища, а потомъ Донской духовной семинаріи, и, выбывъ изъ III-го класса, держалъ экзаменъ на аттестатъ

зрѣлости, но не выдержалъ его, былъ годъ внѣ учебнаго заведенія, а затѣмъ выдержалъ удовлетворительно экзаменъ въ VIII классъ Усть-Медвѣдицкой гимназіи, гдѣ и пробылъ ученикомъ одинъ учебный 1886—1887 годъ, учась весьма удовлетворительно и обнаруживъ недюжинныя способности, безпрекословно подчиняясь всѣмъ правиламъ и заслуживъ репутацію аккуратнаго и исправнаго ученика. Съ тѣмъ вмѣстѣ бросалась въ глаза его общительность: онъ умѣлъ сойтись и понравиться каждому изъ товарищей, которые видѣли въ немъ человѣка искренняго и симпатичнаго. Въ образѣ мыслей его, какъ видно и изъ его сочиненій, не обнаруживалось ничего ненормальнаго.

Относительно Московскаго университета г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій полиціей, отъ 18-го февраля 1888 г., сообщалъ, что «въ средѣ его студентовъ поддерживается броженіе, имѣющее цѣлью добиться отмѣны университетскаго устава путемъ неисполненія требованій, обязательныхъ для учащихся. Въ этихъ видахъ нѣкоторые студенты позволяютъ себѣ являться на лекціи не въ форменной одеждѣ, носятъ пледы, вышитыя рубашки, организуютъ кассы, землячества и кружки, не вносятъ учебной платы и предполагаютъ устроить студенческій судъ и контроль надъ товарищами, полагая, что въ послѣдствіи все это войдетъ въ обычай и инспекція окажется безсильною къ возстановленію порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ полученныхъ свѣдѣній усматривается также, что инспекція, относясь пассивно къ такого рода нарушеніямъ, оставляетъ безнаказанными проступки противъ дисциплины».

Попечитель Московскаго учебнаго округа, не отрицая, что подобныя попытки были, особенно съ пледами по случаю большихъ морозовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ университетскую инспекцію подъ свою защиту, говоря, что она дѣйствовала съ прежнею, если не съ большею еще, строгостью. Шитыя рубашки, это—мода, которой еще не удалось искоренить; о землячествахъ и кассахъ ходятъ слухи, но напасть на слѣдъ ихъ еще не удалось.

Статистическія данныя о числѣ уволенныхъ и исключенныхъ за безпорядки въ концѣ 1887 г.

Какъ ни широко раскинулись и какъ ни значительны были студенческіе безпорядки въ концѣ 1887 г., тѣмъ не менѣе число исключенныхъ и уволенныхъ за участіе въ нихъ было все-таки невелико. Относящіяся къ этому предмету данныя были тщательно разработаны въ департаментѣ государственной полиціи, и главнѣйшія изъ нихъ усматриваются изъ нижеслѣдующей таблицы:

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	Общее число учащихся къ началу безпорядковъ.	Число исключенныхъ и уволенныхъ.	Процентное ихъ отношеніе къ общему числу.	Изъ общаго числа уволенныхъ приходится %.	Въ общемъ числѣ уволенныхъ.					
					Православныхъ и единовѣрцевъ ().	Католиковъ.	Лютеранъ.	Армянъ.	Магометанъ.	Евреевъ.
Университеты:										
С.-Петербургскій .	2023	74	3,6%	16,2%	44	13	5	—	1	11
Московскій . . .	3354	64	1,9	14,2	51(3)[1]	1	—	—	—	12
Казанскій	945	45	4,7	11,4	38(1)[1]	2	1	—	—	4
Харьковскій . . .	1382	43	3,1	10,8	21	4	—	1	(2)[2]	15
Новороссійскій. . .	588	35	5,9	8,1	19	1	1	—	—	14
Итого. . .	6292	261	4,15%	66,25%	173	21	7	1	1(2)[2]	56
Другія высшія учебныя заведенія.										
Харьковскій Техн Институтъ	295	56	18,9	14,2	Свѣдѣ	ній	не	до	став	лено
Харьковскій Ветер. Институтъ	173	19	10,9	4,8	15	2	1	—	1	—
Казанскій Ветерин. Институтъ	180	21	11,6	5,3	21	—	—	—	—	—
Петровская Земл. Академія.	339	37	10,9	9,3	29(1)[1]	1	1	2	2	2
Итого. . .	987	133	13,47%	33,75	65(1)[1]	3	2	2	3	2
А всего . .	7279	394	5,41%	—	238(5)[1]	24	9	3	4(2)	58
					(% об	ща	го	чис	ла у	вол.)
					70,41	7,1	2,7	0,9	1,2	17,1
					(% общ.	ч. с	туд	. со	отв.	исп.)
					3,6	3,5	3,5	1,5	20	4,9

[1]) Въ томъ числѣ единовѣрцевъ.

[2]) Объ этихъ двоихъ не показано, какого они вѣроисповѣданія.

Заслуживаетъ вниманія, что въ университетахъ, куда поступаютъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и съ гимназическимъ образованіемъ, процентъ участниковъ въ безпорядкахъ оказывается слишкомъ въ три раза меньшимъ чѣмъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Безпорядки въ Московскомъ университетѣ едва-ли были менѣе сильны чѣмъ въ какомъ-либо другомъ изъ причастныхъ къ нимъ учебныхъ заведеній, и однако же процентъ уволенныхъ изъ него оказывается наименьшимъ. Очевидно, что здѣсь начальство подъ вліяніемъ всей окружавшей его среды, и профессорской, и общественной, оказалось снисходительнѣе чѣмъ гдѣ-либо, чему, конечно, способствовали также плохой совѣтъ данный начальникомъ охраны ректору, и крайне непонятный образъ дѣйствій полиціи, которая большею частью только разгоняла толпы студентовъ не безъ большихъ, по слухамъ, насилій, но не захватывала ихъ.

Общее число единовѣрцевъ въ соотвѣтственныхъ учебныхъ заведеніяхъ (18) и магометанъ (20) слишкомъ мало, чтобы большому проценту участвовавшихъ изъ нихъ въ безпорядкахъ (27,7 и 20) придавать какое-либо особенное значеніе. Но общее число евреевъ весьма значительно (1163) и число армянъ (189) все-таки довольно велико, чтобы не обратить вниманія на неблагопріятный процентъ для первыхъ (4,9) и напротивъ весьма благопріятный для вторыхъ (1,5). Кромѣ особенностей племеннаго характера и весьма понятнаго общаго недовольства евреевъ своимъ положеніемъ въ Россіи первое изъ этихъ явленій объясняется еще тѣмъ, что начальства въ силу циркулярнаго предложенія г. министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го марта 1886 г. должны были значительно строже относиться къ евреямъ, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ студентамъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ о безпорядкахъ.

При разработкѣ этихъ статистическихъ данныхъ вовсе не приняты во вниманіе ни факультеты, ни курсы, къ коимъ принадлежали исключенные и уволенные за безпорядки. По С.-Петербургскому университету особенно выдается участіе въ безпорядкахъ студентовъ старшихъ курсовъ. Въ числѣ 48 главныхъ участниковъ, первоначально приговоренныхъ къ увольненію или исключенію, 15 (31,2%) были IV-го курса, 18 (37,6%) — III-го курса, 14 — II-го курса и всего только 1 — I-го курса, такъ что студенты двухъ старшихъ курсовъ дали 68,8%, а двухъ младшихъ всего 31,2% [1]).

[1]) Въ числѣ арестованныхъ полиціей былъ и консерваторъ кабинета практической механики, оставленный при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію *Левъ Келлеръ*, окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1884 г. Самъ онъ, правда, увѣряетъ, что былъ на сходкѣ 9-го

Заключающаяся въ запискѣ департамента полиціи таблица о распредѣленіи уволенныхъ по сословіямъ представляетъ нѣкоторыя не разъясненныя затрудненія къ правильному ея пониманію, а именно показанныя въ ней общія числа учащихся даютъ сумму 9.257, на 1.978 бо́льшую противъ дѣйствительной суммы всѣхъ учащихся. По всей вѣроятности, дворяне считались дважды (одинъ разъ сами по себѣ, а въ другой вмѣстѣ съ сыновьями чиновниковъ гражданскаго вѣдомства и сыновьями генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ) и точно также сыновья почетныхъ гражданъ (вмѣстѣ съ сыновьями купцовъ), сыновья нижнихъ воинскихъ чиновъ (вмѣстѣ съ сыновьями чиновъ казачьяго войска) и сыновья иностранцевъ (вмѣстѣ съ сыновьями разночинцевъ), ибо лица этихъ категорій даютъ сумму 1.984 только на 6 бо́льшую противъ указанной выше разности между суммою чиселъ всѣхъ поименованныхъ въ таблицѣ званій. Въ то же время числа уволенныхъ всѣхъ категорій даютъ сумму 392 на 2 меньше противъ дѣйствительности. (На 1 меньше показано число уволенныхъ изъ Харьковскаго университета и изъ Петровской земледѣльческой академіи). Очевидно, что таблица представляетъ неясности, а быть можетъ и нѣкоторыя неустранимыя погрѣшности. Какъ бы то ни было, судя по этой не совсѣмъ понятной таблицѣ, сыновья крестьянъ дали наибольшій процентъ уволенныхъ (29 изъ 495 или 5,8%), затѣмъ мѣщане (102 изъ 1993 или 5,1%), иностранцы (8 изъ 162 или 4,9%), сыновья купцовъ (43 изъ 904 или 4,7%), сыновья чиновъ казачьяго войска (9 изъ 190 или 4,6%), сыновья дворянъ (69 изъ 1508) и лицъ духовнаго званія (33 изъ 719), тѣ и другіе 4,5%, сыновья разночинцевъ (11 изъ 252 или 4,3%); наименьшій же процентъ дали сыновья нижнихъ воинскихъ чиновъ (1 изъ 79 или 1,2%), сыновья почетныхъ гражданъ (4 изъ 235 или 1,7%), сыновья чиновниковъ гражданскаго вѣдомства (66 изъ 2193 или 3%) и сыновья генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ (17 изъ 527 или 3,2%).

Такъ какъ въ итогѣ уволенныхъ оказывается лишь незначительная погрѣшность всего на 2 (по Харьковскому университету и по Петровской земледѣльческой академіи), то мѣра участія лицъ каждаго сословія и званія въ бывшихъ въ 1887 г. безпорядкахъ въ каждомъ учебномъ заведеніи можетъ лучше выясниться изъ нижеслѣдующей таблицы:

декабря, чтобъ отвлечь отъ нея своего брата Владиміра, юриста 5-го семестра, что студенты склонялись разойтись, но не иначе, какъ гурьбою, что половина уже ушла, а другая половина, въ томъ числѣ и самъ онъ, не успѣла этого сдѣлать, будучи оцѣплена полиціей. Но такъ какъ онъ не заявилъ объ этомъ г. градоначальнику при всѣхъ студентахъ, то былъ уволенъ отъ должности консерватора по распоряженію г. министра.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.	Общее число уволенныхъ.	Въ томъ числѣ по сословіямъ и званіямъ.											
		Дворянъ.	Сын. чиновн. гражд. вѣдом.	Сын. ген.-штаб. и оберъ-офиц.	Сын. почетныхъ гражданъ.	Сын. купцовъ.	Сын. лицъ духовн. званія.	Сын. мѣщанъ.	Сын. крестьянъ.	Сын. нижнихъ воин. чиновъ.	Сын. чиновъ казач. войскъ.	Сын. разночинцевъ.	Сын. иностранцевъ.
Университеты:													
С.-Петербургскій . . .	74	18	13	7	—	8	11	—	1	—	—	3	2
Московскій	64	4	11	1	—	7	5	23	8	—	3	—	2
Казанскій	45	3	11	2	—	2	5	12	6	1	—	2	1
Харьковскій	42 [1])	11	4	—	—	10	2	12	1	—	2	—	—
Новороссійскій	35	8	—	2	1	3	2	17	1	—	—	1	—
Итого. .	260[1])	44	39	12	1	30	25	75	17	1	5	6	5
Другія высшія учебн. завед.													
Харьковскій Техн. Инст.	56	16	8	3	1	4	3	13	6	—	—	—	2
„ Вет. Инст.	19	4	5	1	1	2	—	2	3	—	—	—	1
Казанскій Вет. Инст. .	21	4	6	—	—	2	3	3	—	—	1	2	—
Петровская Земл. Ак. .	36[1])	1	8	1	1	5	2	9	4	—	3	3	—
Итого. . .	132[1])	25	27	5	3	13	8	27	13	—	4	5	3
А всего . .	392[2])	69	66	17	4	43	33	102	30	1	9	11	8

Причисляя къ высшимъ сословіямъ и званіямъ—дворянъ, чиновниковъ, генераловъ и офицеровъ, лицъ духовнаго званія и почетныхъ гражданъ, всѣхъ же прочихъ къ низшимъ сословіямъ и званіямъ, усматриваемъ, что все это безпорядочное движеніе было по преимуществу мѣщанскимъ, особенно въ университетахъ, ибо на долю однихъ мѣщанъ приходится изъ общаго числа уволенныхъ: въ уни-

[1]) Показано на 1 меньше противъ дѣйствительнаго числа.

[2]) Показано на 2 меньше противъ дѣйствительнаго числа.

версітетахъ почти 29%, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ 20,4%, а на долю вообще низшихъ классовъ: въ университетахъ 139 изъ 260 или 53,4%, въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ 65 изъ 132 или 49,2%. Особенно мѣщанскій характеръ имѣло это движеніе тамъ, гдѣ оно началось—въ Московскомъ университетѣ, ибо здѣсь на долю однихъ мѣщанъ приходится почти 36%, а съ прочими низшими классами болѣе двухъ третей (67% или 43 изъ 64). Соотвѣтственныя процентныя отношенія будутъ: для С.-Петербургскаго университета 14,8 (для однихъ мѣщанъ) и 33,7 (съ прочими низшими классами), для Казанскаго 26,6 и 53,3, для Харьковскаго 28,6 и 59,5, и, наконецъ, для Новороссійскаго 48,5 и 63. Такимъ образомъ только С.-Петербургскій университетъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила, ибо въ немъ почти ²/₃ всѣхъ бунтовщиковъ оказываются принадлежащими къ высшимъ, а съ небольшимъ ¹/₃ къ низшимъ общественнымъ классамъ.

Наконецъ, изъ данныхъ разсматриваемой записки оказывается также, что вездѣ, за исключеніемъ только Казанскаго университета, бунтовали главнѣйшимъ образомъ бывшіе питомцы среднихъ учебныхъ заведеній не своего, а чужихъ учебныхъ округовъ. Въ числѣ уволенныхъ эти чужаки составляли: въ С.-Петербургскомъ университетѣ 53 изъ 74 (71,6%), въ Московскомъ 48 изъ 64 (75%), въ Харьковскомъ 36 изъ 43 (83,7%), въ Новороссійскомъ 16 изъ 35 (п. 46%), но въ Казанскомъ 15 изъ 45 (всего ¹/₃), безъ сомнѣнія, потому что и въ составѣ всего студенчества Казанскаго университета мало чужаковъ; напротивъ въ Казанскомъ ветеринарномъ институтѣ 17 изъ 21 (80,9%), въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ 14 изъ 19 (73,6%), въ Харьковскомъ технологическомъ институтѣ 37 изъ 56 (66%) и, наконецъ, въ Петровской земледѣльческой академіи 34 изъ 37 (91,9%). Во всѣхъ пяти университетахъ, вмѣстѣ взятыхъ, «чужаки» составляли почти двѣ трети или, точнѣе, 64,3% (168 изъ 261) всего числа уволенныхъ изъ нихъ за безпорядки, а въ прочихъ четырехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ болѣе ³/₄ или 76% (102 изъ 133), во всѣхъ же 9-и вышепоименованныхъ учебныхъ заведеніяхъ на долю бывшихъ питомцевъ чужихъ учебныхъ округовъ приходится 270 изъ 394 или 68,5%. Такъ блистательно подтверждается статистическими данными мысль, которая промелькнула еще въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 31-го мая 1861 года (см. на стр. 4-й), которая прямо была указана коммиссіей графа И. Д. Делянова въ 1882 г. (см. стр. 80, конецъ п. 4-го), но встрѣ-

тила рѣшительный отпоръ со стороны бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретаря барона А. П. Николаи (см. на стр. 95) и, наконецъ, была развита и мотивирована въ запискѣ М. И. Владиславлева (см. на стр. 169 и 170),—мысль о томъ, что всякаго рода агитація и безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прежде всего усвоиваются и поддерживаются пришельцами изъ чужихъ учебныхъ округовъ и что въ видахъ противодѣйствія этимъ безпорядкамъ желательно и необходимо сколь можно болѣе препятствовать наплыву этихъ чуждыхъ элементовъ, отрывающихся отъ родной почвы и отъ родной семьи и ея добрыхъ вліяній и дѣлающихся въ чуждой имъ средѣ весьма легкою добычею всякаго рода агитаторовъ и пропагандистовъ.

Посѣщеніе университетовъ г. министромъ народнаго просвѣщенія осенью 1888 г.

Чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ университетахъ, подчиненныхъ дѣйствію общаго устава 1884 г., и по возможности внести въ нихъ миръ и спокойствіе, графъ И. Д. Деляновъ предпринялъ лично обозрѣть ихъ осенью 1888 г. въ сопровожденіи члена совѣта министра народнаго просвѣщенія Н. А. Любимова и члена ученаго комитета и С.-Петербургскаго окружнаго инспектора Ф. Ф. Гельбке при младшемъ дѣлопроизводителѣ департамента В. П. Лобойковѣ. Въ каждомъ университетѣ г. министръ обращался съ рѣчью къ студентамъ, стараясь ихъ вразумить и растолковать имъ все безуміе и всю пагубность для нихъ же самихъ безпорядковъ, къ которымъ ихъ подстрекаютъ злоумышленники, знакомился съ состояніемъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій, вникалъ во всѣ нужды и потребности каждаго университета и выслушивалъ мнѣнія и желанія профессоровъ въ ихъ факультетскихъ собраніяхъ.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этомъ посѣщеніи университетовъ, отъ 13-го ноября 1888 г., высказано, между прочимъ, что при введеніи новаго университетскаго устава имѣлись въ виду три главныя цѣли: прекратить отчужденіе отъ власти, господствовавшее въ университетахъ, гдѣ привыкли уже на своеволіе корпорацій смотрѣть какъ на нѣкоторую законную привилегію учрежденія; поднять занятія студентовъ, для значительнаго большинства ограничивавшіяся заучиваніемъ предъ курсовыми экзаменами дурно составленныхъ литографированныхъ записокъ, и внести духъ порядка и дисциплины

въ среду учащихся. «Было бы преувеличеніемъ сказать, что цѣли эти нынѣ вполнѣ достигнуты, но я (говоритъ г. министръ) имѣлъ случай убѣдиться, что довольно многое уже сдѣлано. Важнымъ препятствіемъ къ тому, чтобы университетскіе дѣятели со всею готовностью примкнули къ направленію, указываемому новыми постановленіями, служитъ то обстоятельство, что значительное разногласіе мнѣній въ правительственныхъ сферахъ, предшествовавшее утвержденію новаго устава, оставило не исчезнувшій еще слѣдъ, поселяя неувѣренность въ прочности вводимыхъ порядковъ... Въ корпораціяхъ нынѣ болѣе мира и согласія чѣмъ было прежде. Въ младшемъ сравнительно поколѣніи профессоровъ болѣе готовности содѣйствовать видамъ правительства... Развитіе практическихъ занятій, въ особенности по наукамъ опытнымъ, встрѣчаетъ сочувствіе и въ профессорахъ, и въ студентахъ; но замѣчается при этомъ 1) недостаточность второстепеннаго обучающаго персонала — профессорскихъ помощниковъ, ассистентовъ, лаборантовъ и пр. и крайняя его необезпеченность, и 2) недостатокъ средствъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Важно не привлеченіе къ высшему образованію большаго числа лицъ, а поставленіе избраннаго и способнаго меньшинства въ условія благопріятныя для широкаго развитія талантовъ... Умственное вооруженіе націи также требуетъ средствъ и пожертвованій, какъ и вооруженіе матеріальное, и такъ же, какъ это послѣднее, вызывается требованіями государственной пользы» (Государю Императору благоугодно было противъ этого мѣста Собственноручно написать «Да».)... «Студенты по внѣшности и пріемамъ всюду производили весьма удовлетворительное впечатлѣніе. Мѣра эта (возстановленіе форменной одежды) удалась и принесла видимые плоды. Сами студенты не тяготятся формою и сознаютъ выгодныя ея стороны Не могу не упомянуть (продолжаетъ г. министръ) о беззавѣтно преданной правительственнымъ указаніямъ дѣятельности покойнаго инспектора студентовъ Московскаго университета Брызгалова, павшаго, можно сказать, жертвою исполненія своего долга. Хотя повсюду встрѣченные мною спокойствіе и порядокъ служатъ свидѣтельствомъ дисциплинарнаго упорядоченія студентовъ, однако самыя опасенія могущихъ послѣдовать волненій и скрытая агитація, дѣйствовавшая въ студентской средѣ, показываютъ, что элементы броженія еще не исчезли, и университеты еще не гарантированы отъ повторенія безпорядковъ по тому или другому поводу. Требуется еще много и настойчивой бдительности начальства, и въ осо-

бенности неуклоннаго по одному пути слѣдованія со стороны высшаго правительства, чтобы окончательно лишить враждебные элементы силы и довѣрія. Слѣдуетъ тщательно еще очищать студентскую среду отъ вредныхъ членовъ при первомъ ихъ обнаруженіи».

Къ этому всеподданнѣйшему докладу была приложена передача сказаннаго г. министромъ народнаго просвѣщенія студентамъ въ Москвѣ и въ Одессѣ. На этой запискѣ Государю Императору благо угодно было Собственноручно написать: «Совершенно одобряю все вами сказанное, а въ особенности ваши слова, обращенныя къ Одесскимъ студентамъ». Здѣсь, между прочимъ, было сказано: «Вѣрьте мнѣ, что масса ничего не значитъ. Что̀ такое нѣсколько сотъ и даже тысячъ молодыхъ людей въ сравненіи со ста милліонами русскаго народа, который видитъ въ Государѣ Помазанника Божія и свято повинуется Ему и исходящимъ отъ Него законамъ. Берегите не только себя и университетъ, который даетъ вамъ науку, но и своихъ родителей».

По практическимъ своимъ послѣдствіямъ наибольшее значеніе имѣли совѣщанія г. министра съ профессорами по факультетамъ. Объ этихъ совѣщаніяхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ сказано слѣдующее: «Предложенные факультетамъ вопросы касались главнымъ образомъ устройства учебной части и учебно-вспомогательныхъ учрежденій и обсуждались пофакультетно въ моемъ присутствіи. Вопросъ о мѣрахъ, кои могли быть приняты со стороны факультетовъ и отдѣльныхъ преподавателей для облегченія студентамъ приготовленія къ окончательному испытанію въ коммиссіяхъ, согласно изданнымъ министерствомъ программамъ, былъ предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія».

Что̀ было сдѣлано съ этою цѣлью профессорами и факультетами неизвѣстно; но въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ началѣ 1889 г. была составлена инструкція для намѣченныхъ предсѣдателей экзаменныхъ коммиссій, которыя должны были приступить къ дѣлу осенью 1889 г., и въ инструкціи этой были допущены значительныя послабленія и отступленія отъ экзаменныхъ требованій, утвержденныхъ г. министромъ еще лѣтомъ 1885 г., и отъ правилъ производства испытаній, установленныхъ еще въ іюнѣ 1887 г. Такъ, напримѣръ, по историко-филологическому факультету для важнѣйшей части устнаго испытанія по латинскому языку можно было избрать такого легкаго автора какъ Юстинъ, котораго нѣкогда читали

у насъ (и кое-гдѣ читаютъ и теперь во Франціи) во II классѣ (en cinquième); домашнее сочиненіе можно было представлять и не по классической филологіи; число письменныхъ работъ на самомъ испытаніи (такъ наз. клаузурныхъ) было уменьшено съ 4-хъ до 2-хъ, безъ опредѣленія даже, что работы эти должны быть по древнимъ языкамъ, и, наконецъ, программы испытаній, изданныя въ апрѣлѣ 1888 г. (за *полтора слишкомъ года до начала испытаній*), могли быть сокращены и приноравливаемы къ тому, что̀ было преподано, по соглашенію предсѣдателя экзаменной коммиссіи съ соотвѣтственнымъ факультетомъ, для чего предсѣдатели и были еще весною 1889 г. командированы во всѣ университетскіе города.

Вслѣдъ за тѣмъ было рѣшено возстановить прежнее устройство историко-филологическихъ факультетовъ, какое они имѣли въ пору дѣйствія устава 1863 г., то-есть, первые два года обучать всѣхъ студентовъ болѣе или менѣе всѣмъ предметамъ факультета, а для послѣднихъ двухъ годовъ ввести раздѣленіе по отдѣленіямъ классической филологіи, славяно-русской филологіи и исторіи, такъ какъ новое ихъ устройство, установленное лѣтомъ 1885 г. при ближайшемъ участіи въ этомъ дѣлѣ М. Н. Каткова, не находило сочувствія ни въ профессорахъ, ни въ студентахъ (см. выше на стр. 226, п. 1-й). При этомъ не былъ даже допущенъ рядомъ съ этими тремя учебными планами и такой одинъ, который предоставлялъ бы студентамъ возможность усвоить себѣ предметы и классической филологіи, и русскаго языка и словесности, въ мѣрѣ необходимой для совмѣстнаго преподаванія одними и тѣми же лицами отечественнаго и древнихъ *языковъ въ каждомъ изъ классовъ гимназіи*, что̀, по общепринятому во всемъ образованномъ мірѣ порядку, признается необходимымъ, дабы сдѣлать гимназическое ученіе и вполнѣ плодотворнымъ, и основательнымъ, и для всѣхъ учащихся привлекательнымъ и доступнымъ, и въ значительной мѣрѣ облегчить гимназіямъ достиженіе ихъ нравственно-воспитательныхъ цѣлей.

Усилія Т. Сов. Георгіевскаго сохранить на нашихъ историко-филологическихъ факультетахъ хотя бы въ качествѣ необязательнаго такой учебный планъ не увѣнчались успѣхомъ въ виду оппозиціи профессоровъ, представителями которыхъ въ министерствѣ въ данномъ случаѣ были ректоръ М. И. Владиславлевъ и деканъ историко-филологическаго факультета И. В. Помяловскій. Въ августѣ 1889 г. было рѣшено возвратиться въ этомъ отношеніи къ тому, что̀ было установлено при дѣйствіи устава 1863 г.

Въ то же время было рѣшено возстановить прежній академическій годъ вмѣсто учебныхъ полугодій, прежніе годовые переводные изъ курса въ курсъ экзамены изъ прочитанныхъ курсовъ, производимые читавшими ихъ преподавателями по назначенію факультета, но съ утвержденія попечителя, съ присвоеніемъ этимъ факультетскимъ испытательнымъ коммиссіямъ функцій, принадлежащихъ по уставу только коммиссіямъ, назначаемымъ на годъ министромъ народнаго просвѣщенія, замѣнить этими годовыми экзаменами установленный новымъ уставомъ зачетъ полугодій каждаго въ отдѣльности, возстановить прежнее курсовое по академическимъ годамъ распредѣленіе преподаванія, а равно и самихъ студентовъ по курсамъ, и въ заключеніе всего требовать отъ факультетовъ представленія обозрѣнія преподаванія не на каждое полугодіе, а на цѣлый годъ впередъ.

Но и эти отступленія отъ устава 1884 г. не водворили спокойствія въ университетахъ, и безпорядки въ нихъ возобновились весною 1890 г.

Безпорядки въ Новороссійскомъ университетѣ въ ноябрѣ 1889 г.

Подстрекательства къ безпорядкамъ начались на этотъ разъ въ Новороссійскомъ университетѣ. Тамъ затѣвались разнаго рода демонстраціи съ политическимъ болѣе или менѣе характеромъ, въ томъ числѣ и демонстративная панихида по Чернышевскомъ, въ которой чуть-ли не главными участниками были студенты-евреи; тамъ же открыта была и негласная студенческая касса. Въ видахъ предупрежденія болѣе крупныхъ безпорядковъ начальство рѣшилось исключить 13 человѣкъ, большею частью, если не исключительно, евреевъ, каковы: Коганъ, Шапиро, Якобсонъ, Леви, Марголисъ, Шлемензенъ Еммануилъ и др. Вслѣдъ за исключеніемъ изъ университета гражданскія власти обязали ихъ подпиской о выѣздѣ изъ города въ теченіе трехъ дней. Эта мѣра сильно взволновала агитаторовъ, и имъ удалось созвать довольно большую сходку на 20-е ноября 1889 г., которая въ продолженіе шести часовъ (съ 11 до 5) буйствовала, шумѣла, кричала на чиновъ инспекціи, требуя ихъ удаленія, и требовала къ себѣ ректора для объясненій. Ректоръ однако же не явился. Чтеніе лекцій должно было на это время прекратиться. Дѣло окончилось исключеніемъ изъ Новороссійскаго университета еще 34 студентовъ, съ воспрещеніемъ пріема ихъ въ какое-либо другое учебное заведеніе и съ недопущеніемъ ихъ къ педагогической

дѣятельности. Еще прежде чѣмъ рѣшена была ихъ участь, на другой день послѣ сходки, отъ имени студентовъ Новороссійскаго университета началась разсылка по почтѣ рукописнаго воззванія къ студентамъ другихъ университетовъ съ приглашеніемъ присоединиться къ ихъ протесту противъ установленныхъ въ университетахъ порядковъ. «Практика послѣднихъ лѣтъ, — говорится, между прочимъ, въ этомъ воззваніи,—установила обычай при затруднительныхъ обстоятельствахъ университетской жизни сноситься между собою студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ. Декабрская исторія позапрошлаго (т. е., 1887) года рѣзко показала, что такія сношенія въ высшей степени полезны при томъ небываломъ въ исторіи русскихъ университетовъ единодушіи, какое выразили студенты въ послѣдніе два года». Разсказавъ о поводѣ къ этому новому протесту— исключеніи 13-ти ихъ товарищей и о сходкѣ 20-го ноября, воззваніе продолжаетъ: «Популярнѣйшіе профессора выражаютъ намъ сочувствіе, и мы рѣшили стойко добиваться либо возвращенія безправно исключенныхъ, либо закрытія университета... Возмутительный актъ своеволія, которое позволило себѣ университетское начальство по отношенію къ нашимъ товарищамъ, находится въ самой тѣсной связи съ режимомъ, установленнымъ уставомъ 1884 г.,—режимомъ, лишившимъ русское студенчество всякихъ правъ, всякой самостоятельности, низведшимъ его въ положеніе безправныхъ школьниковъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ даже въ самомъ невинномъ и законномъ стремленіи нашемъ—стремленіи къ пріобрѣтенію знаній. Итакъ, товарищи, сплотимся еще разъ, еще разъ соединимся дружной семьей и сбросимъ съ себя позорное иго устава 1884 г. Студенты Новороссійскаго университета». («Просимъ сообщить въ другіе университеты»).

Въ виду такихъ подстрекательствъ къ общимъ студенческимъ безпорядкамъ, министерство народнаго просвѣщенія приняло двѣ мѣры: 1) секретнымъ предложеніемъ отъ 21-го декабря 1889 г. оно рекомендовало попечителямъ учебныхъ округовъ нѣкоторыя предварительныя мѣры къ предупрежденію безпорядковъ среди студентовъ вообще и 2) для достиженія той же цѣли оно предложило, 9-го февраля 1890 г., попечителямъ округовъ, коль скоро во ввѣренномъ каждому изъ нихъ университетѣ замѣчаются начинающіяся между его студентами волненія, немедленно сообщать посредствомъ шифрованныхъ телеграммъ во всѣ другіе округа, въ коихъ имѣются университеты, о характерѣ возникшихъ безпорядковъ, дабы дать на-

чальствамъ тѣхъ округовъ возможность принять заблаговременно мѣры къ предупрежденію подобныхъ же волненій въ средѣ ихъ студентовъ

Сущность мѣръ, указанныхъ въ предложеніи отъ 21-го декабря 1889 г., заключается въ слѣдующемъ: Какъ только получится извѣстіе о студенческихъ безпорядкахъ въ какомъ-либо изъ нашихъ университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, попечителю учебнаго округа надлежитъ пригласить къ себѣ инспектора студентовъ университета и вмѣстѣ съ нимъ просмотрѣть списки наличныхъ студентовъ, останавливая при этомъ вниманіе на студентахъ, которые могутъ подозрѣваться въ наклонности къ студенческимъ демонстраціямъ и изъ нихъ на такихъ, которые способны и наклонны быть руководителями какихъ бы то ни было демонстрацій. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно предложить инспектору представить списокъ студентовъ, перешедшихъ изъ того университета или высшаго учебнаго заведенія, гдѣ обнаружились безпорядки, или по предварительному образованію связанныхъ съ тѣмъ городомъ, гдѣ происходятъ въ данное время студенческіе безпорядки. Далѣе признается необходимымъ всю получаемую въ университетѣ студенческую корреспонденцію изъ таковаго города обращать предварительно къ инспектору студентовъ, который, смотря по адресу получателя, долженъ эти письма или направлять для выдачи студентамъ, или доставлять къ попечителю на предварительный просмотръ. Этимъ способомъ предполагается получить ближайшія свѣдѣнія и о планахъ бунтующихъ уже студентовъ, и о предлагаемой ими программѣ для студентовъ другихъ университетовъ. Вмѣстѣ съ симъ инспекторъ имѣетъ производить при помощи своихъ помощниковъ особенное наблюденіе за внѣуниверситетскою жизнію болѣе или менѣе сомнительныхъ студентовъ, при чемъ необходимо имѣть въ виду и нѣкоторыя лица, не принадлежащія къ составу студентовъ, но имѣющія большое соприкосновеніе съ студенческимъ кружкомъ и могущія дурно влiять на студентовъ. Касательно этихъ лицъ надлежитъ имѣть, по возможности, чрезъ полицейскихъ городовыхъ, наблюденіе за посѣщеніемъ ихъ квартиръ студентами и затѣмъ не усматривается ли у сихъ лицъ многочисленныхъ студенческихъ собраній. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ поручить инспекціи, при посредствѣ полиціи, имѣть строгое наблюденіе, не происходило ли въ это время въ городѣ неразрѣшенныхъ студенческихъ «вечеринокъ», на которыхъ, какъ показалъ опытъ, главнымъ образомъ и составляются планы студенческихъ демонстрацій и вербуются участники ихъ.

Кромѣ того, попечителю учебнаго округа необходимо тотчасъ же войдти въ сношеніе съ начальникомъ края, губерніи или города по принадлежности, сообщить ему имѣющіяся въ его распоряженіи свѣдѣнія о подозрительныхъ студентахъ и просить его содѣйствія къ приведенію въ исполненіе указанныхъ выше мѣръ, а равно сообщенія списка студентовъ, которыхъ онъ, высшій мѣстный начальникъ, съ своей стороны, считаетъ подозрительными.

Студенческіе безпорядки въ Москвѣ въ февралѣ и мартѣ 1890 г.

Воззваніе къ товарищамъ студентовъ Новороссійскаго университета, быть можетъ, не осталось безъ нѣкотораго вліянія на мартовскіе безпорядки 1890 г., какъ можно судить по одному изъ пунктовъ ходившихъ въ это время студенческихъ «петицій», имѣющему ближайшее отношеніе къ студентамъ-евреямъ; но гнѣзда агитаціи продолжали существовать и развиваться болѣе или менѣе во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и возлѣ нихъ, и вездѣ имѣлись и имѣются свои агитаторы въ достаточномъ числѣ. По сообщенію г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціей, относящемуся къ самому началу января 1890 г., въ квартирѣ студента Московскаго университета Михаила Сопоцько, студентами Иваномъ Сапожниковымъ, Нечаевымъ и другими, была собрана сходка въ 30 человѣкъ, и на этой сходкѣ была выработана «петиція» для подачи учебному начальству, та самая, какъ оказалось въ послѣдствіи, которая была предъявляема на возникшихъ вслѣдъ за тѣмъ безпорядкахъ. «Петиція» эта заключала въ себѣ нижеслѣдующія «требованія»: 1) Полная автономія университетовъ и всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній по образцу университетскаго устава 1863 г.; 2) полная свобода преподаванія; 3) свободный доступъ въ университеты безъ различія вѣроисповѣданія, національности, пола и общественнаго положенія; 4) пріемъ евреевъ въ университеты и другія высшія учебныя заведенія безъ всякихъ ограниченій и уравненіе ихъ въ правахъ съ про*т*чими (sic) студентами; 5) свобода сходокъ и признаніе студенческихъ корпорацій; 6) учрежденіе университетскаго суда и студенческаго суда; 7) уничтоженіе полицейской функціи инспекціи и 8) пониженіе платы за ученіе до уровня, опредѣленнаго уставомъ 1863 г.

Объ этой сходкѣ и ея руководителяхъ было въ свое время сообщено г. попечителю Московскаго учебнаго округа, но графъ П. А.

Капнистъ отвѣчалъ отъ 20-го января, что «самыя тщательныя наблюденія инспекціи не даютъ ни малѣйшаго основанія предполагать склонность студентовъ къ какому-либо волненію».

Между тѣмъ почва для этихъ волненій въ Московскомъ университетѣ была достаточно подготовлена къ тому времени, какъ начались безпорядки въ Петровской Земледѣльческой Академіи. Безпорядки эти, какъ сказано въ опубликованномъ во всеобщее свѣдѣніе правительственномъ сообщеніи, «проявились въ грубомъ со стороны многихъ студентовъ нарушеніи правилъ внутренней дисциплины подъ предлогомъ недовольства новымъ уставомъ, только-что введеннымъ въ Академіи, и въ многочисленныхъ сходкахъ съ цѣлью протеста противъ сихъ правилъ и ходатайства объ ихъ измѣненіи. При ближайшемъ же изслѣдованіи оказалось, что сколько-нибудь основательныхъ поводовъ къ недовольству сими правилами въ дѣйствительности не было и что причину возбужденнаго состоянія студентовъ, приведшаго ихъ къ безпорядкамъ, слѣдуетъ искать въ подстрекательствѣ со стороны лицъ, преслѣдующихъ въ студенческихъ волненіяхъ свои особыя, чуждыя интересамъ учащейся молодежи, цѣли». Начальство Академіи принуждено было обратиться къ содѣйствію полиціи, которая и арестовала 146 студентовъ Академіи и отвела ихъ въ пересыльный замокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ 6-го марта послѣ 4-хъ часовъ состоялась сходка человѣкъ изъ 60 или 70 въ химической лабораторіи Московскаго университета, дабы подготовить большую сходку на слѣдующій день. Одинъ изъ сторожей лабораторіи побѣжалъ дать знать объ этой сходкѣ живущему въ томъ же зданіи проф. Марковникову, а другой—къ помощнику инспектора. Проф. Марковниковъ вышелъ къ агитаторамъ по болѣзни не тотчасъ же, и они сказали ему, чтобъ онъ не безпокоился, что они сейчасъ разойдутся, и дѣйствительно разошлись до прибытія помощника инспектора, согласившись между собою на счетъ дальнѣйшаго образа дѣйствій и установивъ окончательно, какъ можно думать, текстъ приглашенія на сходку и текстъ воззванія къ студентамъ Московскаго университета. На другой день на первыхъ же лекціяхъ появились эти приглашенія на сходку „съ цѣлью требовать освобожденія безъ взысканія арестованныхъ Петровцевъ, дарованія всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ автономіи, разрѣшенія сходокъ и корпорацій, упраздненія инспекціи и удешевленія платы за слушаніе лекцій». Этихъ цѣлей студенты должны-де добиваться всѣми мѣрами и ради сего стремиться къ прекращенію лекцій и закрытію универ-

ситета. Въ 2 часа студенты такъ быстро стали сходиться отовсюду въ назначенное для сходки мѣсто, дворъ стараго зданія университета, что инспекція была не въ состояніи помѣшать образованію сборища. Въ очень короткое время собралось до 450 чел., инспекторъ Добровъ вышелъ къ нимъ и требовалъ, чтобы они немедленно разошлись. Студенты не слушались и въ свою очередь требовали, чтобъ онъ прочелъ гектографированное воззваніе, которое при этомъ къ нему протягивали: когда же онъ отказался взять его, ему сунули нѣсколько экземпляровъ его въ карманъ его пальто. Заключительные пункты этого воззванія приведены выше на стр. 259: они были установлены еще въ январѣ на сходкѣ, созванной Сопоцько, Сапожниковымъ и Нечаевымъ. Начинается это весьма плохо гектографированное наскоро переписанное съ сокращеніями и грамматическими ошибками воззваніе такъ [1]): «Студентамъ Московскаго университета было предъявлено изложеніе событій въ Петр. Акад., заключающіеся слѣдующимъ къ нимъ обращеніемъ: «Мы надѣемся, что студенты Московск. универс. окажутъ поддержку своимъ товарищамъ. Намъ кажется, что почва для етого достаточно подготовлена. Тотъ же новый уставъ, дѣйствующій въ университетахъ, имѣетъ столь же ненавистныя черты, кк и нашъ. Не знаемъ окажутся ли теперешніе студенты солидарными съ нашимъ движеніемъ или же эта горсть Петровцевъ, немирящихся съ позорнымъ существованіемъ падетъ незамѣтно, потому только, что васъ мало, не получивъ никакой нравственной поддержки отъ своихъ братьевъ товарищей. Подъ подлиннымъ значется: «Студенты Петр. Акад. пока уцѣлевшіе». «Студенческая сходка происходившая вчера вечеромъ» (въ Химической лабораторіи?) «рѣшила такъ: «Хроническія волненія студентовъ и въ частности совершающіеся на нашихъ глазахъ безпорядки въ Петр. Ак. вызываются общимъ безправнымъ положеніемъ молодежи, учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти волненія порождаютъ крайне печальныя послѣдствія для русскаго общества. Выходъ изъ этого положенія для нее единственный; это—требыванія извѣстныхъ гарантій для нашего свободнаго развитія. Пресоединяясь вполнѣ къ требованіямъ студентовъ Петр. Ак. кк выражающимъ частью эти гарантіи мы считаемъ ихъ справедливыми и требуемъ освобожденія арестованныхъ студентовъ и прекращенія всякаго суда и слѣдствія надъ ними.

---

[1]) Воззваніе это сообщается здѣсь съ сохраненіемъ сокращеній и ореографіи подлинника.

Въ свою очередь мы добавляемъ эти требованія студ. Петр. Ак. слѣдующими» (слѣдуютъ 8 пунктовъ, приведенныхъ выше на стр. 259).

Предупредивъ студентовъ, что сейчасъ же дастъ знать полиціи и что она не замедлитъ явиться, инспекторъ студентовъ чрезъ экзекутора просилъ испр. должн. полицеймейстера подполковника Грессера, бывшаго съ командою въ экзерциргаузѣ, о задержаніи студентовъ. Приказавъ одной части бывшихъ съ нимъ городовыхъ занять выходы по ближайшимъ къ университету улицамъ, съ другой ихъ частью въ 60 ч. и во главѣ ихъ, подполк. Грессеръ подошелъ къ воротамъ университета, ведущимъ во дворъ. Студенты, замѣтивъ полицію, затворили ворота и калитку, и изъ среды ихъ раздались бранные крики.

Чинамъ полиціи было на этотъ разъ приказано не принимать никакихъ насильственныхъ мѣръ; впрочемъ когда приблизились конные жандармы, студенты сами отошли отъ воротъ на средину двора, гдѣ и были задержаны всѣ безъ исключенія, въ числѣ, какъ оказалось въ послѣдствіи, 386 ч. и препровождены въ экзерциргаузъ. Предъявлявшіяся къ нимъ требованія объявить свои фамиліи и мѣста жительства они категорически отказались исполнить, заявляя, что на всѣ вопросы отвѣтятъ только ректору, а когда были вызваны 4 помощника инспектора и нѣсколько педеллей, то оказалось, что студенты большею частью имъ не были извѣстны, и затѣмъ студенты выразили желаніе имѣть дѣло съ полиціей. Съ 9-ти часовъ вечера эти студенты были препровождаемы партіями въ 50—60 ч. въ Пересыльную тюрьму, куда и были доставлены къ 12-ти часамъ ночи, при чемъ при сдачѣ обнаружены имена и фамиліи всѣхъ задержанныхъ. Въ ночь сверхъ того было арестовано 6 студентовъ, извѣстныхъ своею неблагонадежностью и дурнымъ вліяніемъ на товарищей и руководителей различныхъ кружковъ (13 ихъ сообщниковъ были захвачены еще на сходкѣ). 8-го марта позднимъ вечеромъ всѣ имена ихъ были сообщены инспекціи, которая и должна была къ 10-му марта приготовить для правленія всѣ о нихъ справки.

8-ое марта прошло довольно спокойно. Была попытка небольшой партіи человѣкъ въ 50 устроить сходку въ зданіи анатомическаго театра, но по прибытіи инспекціи они разошлись. Предполагались, по свѣдѣніямъ полиціи, одна сходка въ клиникахъ на Рождественкѣ, другая—въ актовомъ залѣ, но ни та, ни другая не состоялись.

Въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ утромъ 8-го марта изъ 500 учащихся 100 ч. обратились къ исправляющему должность

директора Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Аристову принять отъ нихъ петицію относительно солидарности ихъ съ университетскимъ и академическимъ движеніями; но директоръ, не принявъ заявленія, успѣлъ разъяснить все его неразуміе и убѣдить ихъ разойтись. Тѣмъ дѣло и окончилось.

Въ ночь на 9-е марта были арестованы два студента университета, Соболевъ и Хочатуровъ, дѣятельно подготовлявшіе сходку на 9-е марта. Сходка эта состоялась на университетскомъ дворѣ противъ анатомическаго театра; но собралось всего человѣкъ 150, отказавшихся разойтись на требованіе инспектора. Къ нимъ вышелъ попечитель, и тогда человѣкъ 40, отдѣлившись отъ сборища, заявили попечителю, что они не участвуютъ въ сходкѣ, а пришли убѣждать товарищей разойтись, на что̀ и просили полчаса срока. Но прошелъ цѣлый часъ, а сборище все еще не расходилось. Тогда было объявлено чрезъ инспектора, что будетъ приглашена полиція и что непричастные сходкѣ должны удалиться. На мѣстѣ остались всего 72 ч., заявляя, что они требуютъ полнаго освобожденія своихъ товарищей. Полиція безъ всякихъ насилій препроводила этихъ буяновъ въ экзерциргаузъ, а оттуда обычнымъ порядкомъ въ Пересыльный замокъ.

Во избѣжаніе ложныхъ слуховъ, съ утра 9-го марта въ университетѣ было вывѣшано напечатанное крупными буквами объявленіе отъ ректора, въ которомъ вкратцѣ была разсказана исторія сходки 7-го марта и притомъ прибавлено: «Изъ найденныхъ приглашеній на сходку, призывавшихъ студентовъ университета заявить солидарность со студентами Петровской Академіи, видно, что сходка собиралась съ цѣлью предъявить требованія незаконныя и совершенно неисполнимыя, и домогаться ихъ удовлетворенія всѣми способами, для чего предполагалось даже прерывать лекціи и добиваться закрытія университета. Начальство университета, объявляя о происшедшемъ, обращаетъ особенное вниманіе на эту послѣднюю цѣль сходки, направленную непосредственно противъ порядка въ университетѣ и возможности студентамъ продолжать занятія, и приглашаетъ студентовъ къ сохраненію порядка, предупреждая при этомъ о послѣдствіяхъ всякаго его нарушенія».

10-го марта на первыхъ лекціяхъ въ университетѣ господствовало полное спокойствіе по увѣренію какъ профессоровъ, читавшихъ лекціи, такъ и инспектора, обходившаго нѣкоторыя аудиторіи стараго университета. Многіе студенты заявляли свое полное несочув-

ствіе къ безпорядкамъ и если интересовались чѣмъ либо, то только мѣрами взысканія, которому будутъ подвергнуты виновные, и удовлетворялись заявленіемъ инспектора, что участь ихъ будетъ рѣшена правленіемъ 10-го же марта въ 2 часа.

Вдругъ вскорѣ послѣ двухъ часовъ на дворъ стараго зданія университета нахлынула толпа человѣкъ въ 500—600. Инспекторъ тотчасъ же вышелъ къ нимъ и на спросъ: что̀ имъ нужно, узналъ, что они явились на его будто бы зовъ, что передъ послѣднею лекціей около часу приходили въ аудиторіи неизвѣстные присутствующимъ студенты и объявляли, что инспекторъ зоветъ всѣхъ студентовъ къ двумъ часамъ въ актовый залъ, что̀ повторено было ими еще и въ 2 часа въ прихожей. Инспекторъ объяснилъ имъ, что онъ ровно никого не звалъ, послѣ чего бо̀льшая часть толпы разошлась, но человѣкъ до 200 осталось на дворѣ какъ бы въ колебаніи. Къ нимъ вышелъ попечитель, убѣждая ихъ разойтись, и бо̀льшая часть послѣдовала его приказанію, при чемъ нѣкоторые просили оказать снисхожденіе къ арестованнымъ. Но кучка, какъ оказалось потомъ, въ 66 чел., осталась на мѣстѣ и заявила, что не уйдетъ, желая раздѣлить участь товарищей. Тогда полицеймейстеръ, по просьбѣ попечителя, всѣхъ ихъ заарестовалъ, препроводивъ обычнымъ порядкомъ въ манежъ, а оттуда позднимъ вечеромъ въ пересыльный замокъ, гдѣ такимъ образомъ скопилось 160 Петровцевъ и 529 студентовъ университета; покинувшіе же сходку студенты направились большою группой вверхъ по Никитской улицѣ въ сопровожденіи чиновъ полиціи и, прибывъ къ Никитскимъ воротамъ, разошлись по приглашенію участковаго пристава безъ сопротивленія. Такимъ образомъ благодаря надлежащему съ самаго начала образу дѣйствій мѣстной администраціи, безпорядки не приняли тѣхъ размѣровъ и того характера ожесточенія, какъ то было въ 1887 г., и не оставили по себѣ даже особаго возбужденія въ большинствѣ студентовъ, которое продолжало слушать лекціи и участвовать въ практическихъ занятіяхъ: такимъ образомъ не пришлось ни прерывать лекцій, ни закрывать университета.

Въ средѣ студентовъ 10-го марта ходили три прокламаціи. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Выясненіе причинъ недовольства». Причины эти выясняются «въ виду нѣкоторыхъ не понимающихъ, чего мы хотимъ». Вотъ эти «важнѣйшія причины недовольства: 1) Матеріальная нужда, обусловливаемая высокой платой, несправедливымъ распредѣленіемъ освобожденій отъ взносовъ, запрещеніемъ студен-

ческаго дома общежитія, запрещеніемъ студенческихъ кухмистерскихъ, мѣшаетъ умственному и физическому развитію, производя борьбу за кусокъ. 2) Нищета, обусловливаемая упомянутыми явленіями, производитъ нравственное вырожденіе студентовъ. 3) Несообразность министерскихъ предписаній въ преподаваніи наукъ, какъ то: запрещеніе лекцій, открывающихъ глаза на безправное положеніе личности въ Россіи, запрещеніе посѣщенія лекцій женщинамъ, зависимость науки отъ религіи, полицейская коммиссія для экзаменовъ, производитъ умственный и нравственный регрессъ. 4) Запрещеніе сходокъ, запрещеніе клуба студенческаго, не даетъ бороться сплоченными силами противъ систематическаго духовнаго притупленія. 5) Отстраненіе студентовъ отъ всякаго участія въ правленіи, въ вопросахъ проступковъ профессоровъ (?), проступкахъ студентовъ, производитъ охлажденіе интереса въ человѣкѣ къ общественной работѣ. 6) Запрещеніе газетныхъ статей о стремленіяхъ студентовъ мѣшаетъ выяснить обществу наши нужды и дѣлаетъ его пассивнымъ. 7) Вышеизложенныя явленія производятъ ростъ денежной аристократіи студентовъ, заглушая ростъ умственной аристократіи. Всѣ изложенныя явленія сводятся къ одной общей причинѣ: деспотизмъ министерства просвѣщенія. Отъ чего зависитъ онъ, намъ все равно; но нашъ принципъ—паденіе министерскаго абсолютизма, а нашъ девизъ—возвратъ всѣхъ погибшихъ въ борьбѣ и завоеваніе правъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ непрерывныхъ волненій». Въ другой прокламаціи говорится: «Мы должны сломить произволъ администраціи». Необходима «публичная газетная огласка чего хотятъ студенты и чѣмъ они недовольны. Тогда общество единодушно станетъ на нашу сторону, и борьба дастъ намъ плоды желаемые, а бороться рѣшили мы непрерывно. Если закроютъ университетъ, то по открытіи его и до послѣдняго издыханія будемъ требовать возврата всѣхъ погибшихъ въ борьбѣ, пока не явимся всѣ вмѣстѣ и съ завоеванными правами. Итакъ, впередъ, впередъ».

Третья прокламація особенно знаменательна: «Братья товарищи! Да не смущаютъ насъ умѣренныя рѣчи о томъ, что мы ничего не достигнемъ, что жаль тратить силы! Нѣтъ! даже не одержавъ прямой побѣды, не сломивъ произвола администраціи, мы облегчимъ судьбу грядущимъ поколѣніямъ!... Исторія даетъ намъ факты, что непрерывныя, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, поднимаемыя возстанія всегда влекутъ замѣтное, если не окончательное, достиженіе цѣли! Годы до 87 и послѣ показали намъ различіе, хотя и малое!

Но и въ 1887 была ошибка: по открытіи университета требованія вновь не были предложены. Намъ дали очень мало, успокоенные легкой побѣдой. Будемъ же знать это и бороться непрерывно, непрерывно!»

Правленіе университета подъ личнымъ предсѣдательствомъ попечителя округа троихъ студентовъ приговорило къ исключенію, 55 къ увольненію безъ права поступленія обратно въ Московскій уни, верситетъ, 37 къ увольненію до августа 1890 г., наконецъ 386 признаны выбывшими, но съ правомъ въ семидневный срокъ подать письменное заявленіе о своемъ раскаяніи, въ каковомъ случаѣ они тотчасъ же будутъ приняты въ университетъ, съ потерею, разумѣется, тѣхъ льготъ, которыми нѣкоторые изъ нихъ пользовались до сего времени, и изъ нихъ 70 подлежали бы еще заключенію въ карцеръ на 7 дней. Сверхъ того 44 студента были высланы изъ Москвы административнымъ порядкомъ. Всего понесшихъ наказаніе за безпорядки было 525 изъ 3.471 или 15% общаго числа. Болѣе строгое взысканіе грозило троимъ: Антоновичу, Сопоцько и Сапожникову, почему они и были оставлены подъ стражей, прочіе были выпущены изъ тюрьмы, просидѣвъ въ ней большею частью по 6 дней. Кромѣ 44, высланныхъ изъ Москвы по собственному усмотрѣнію генералъ-губернатора, подлежали высылкѣ 55 уволенныхъ совсѣмъ и 20 изъ уволенныхъ временно, итого 119 человѣкъ.

Студенческіе безпорядки въ Харьковѣ въ мартѣ 1890 г.

Какъ въ 1887 г., такъ и въ 1890 г., отъ студентовъ Московскаго университета распространялись подстрекательства къ безпорядкамъ на всѣ высшія учебныя заведенія. Въ Харьковѣ уже 11-го марта появились отъ нихъ и воззванія, и посланцы. Воззваніе это было то же, что было предъявляемо на сходкѣ 7-го марта, но лучше переписанное и гектографированное, съ устраненіемъ сокращеній и большей части орѳографическихъ ошибокъ и съ опущеніемъ п. 4-го, прямо относившагося къ евреямъ и по существу подразумѣваемаго уже въ п. 3-мъ, гдѣ говорится о свободномъ доступѣ въ университеты безъ различія вѣроисповѣданій, національности и т. д.

Подготовительныя къ безпорядкамъ сходки были внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, преимущественно въ мѣстахъ загородныхъ прогулокъ, куда являлись болѣе или менѣе многочисленныя группы изъ студентовъ всѣхъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній. Такія сходки были:

13-го марта въ загородной рощѣ на «Основѣ» и 14-го марта на кладбищѣ по случаю похоронъ лишившаго себя жизни выстрѣломъизъ револьвера студента Технологическаго института Порчинскаго (римско-кат. испов.). Полиція успѣла замѣтить на сходкѣ 13-го марта 10 ветеринаровъ и 4 студентовъ университета. На другой же день г. губернаторъ призвалъ ихъ къ себѣ и объявилъ имъ, что въ случаѣ безпорядковъ въ какомъ либо изъ высшихъ учебныхъ заведеній они первые будутъ отвѣчать и потому должны всячески отклонять отъ нихъ своихъ товарищей.

Замѣтными стремленіями къ возбужденію безпорядковъ въ университетѣ отличалась группа студентовъ-медиковъ 6-го семестра, въ заявленіяхъ которыхъ высшему учебному начальству намѣчены были, между прочимъ, требованія о замѣщеніи проф. Шилтова и Дудукалова другими преподавателями. «Студентамъ, какъ потомъ выяснилось, внушалась со стороны увѣренность какъ въ безнаказанности ихъ сходокъ, такъ и въ томъ, что ихъ повторительныя требованія объ измѣненіяхъ устава и существующихъ порядковъ не останутся безъ желательныхъ для студентовъ послѣдствій».

Въ университетѣ и Технологическомъ институтѣ эти подстрекательства встрѣтили однако же сильнѣйшій отпоръ со стороны огромнаго большинства, особенно же со стороны старшихъ курсовъ; въ ветеринарномъ же институтѣ два младшіе курса поддались этимъ подстрекательствамъ, и 15-го марта образовали сходку при участіи даже 8-и студентовъ, получившихъ наканунѣ предупрежденіе отъ губернатора. Не смотря на всѣ увѣщанія директора толпа не расходилась и упорно требовала къ себѣ попечителя для предъявленія ему своихъ требованій, предупредительно поставивъ для него даже стулъ съ своею на немъ «петиціей». Она была рукописная на имя г. министра народнаго просвѣщенія и начиналась такъ: «Вполнѣ сознавая невозможность правильнаго хода нашего развитія и подготовки къ будущей нашей дѣятельности на пользу общества при настоящей постановкѣ нашего образованія, мы соглашаемся вполнѣ съ требованіями Московскихъ студентовъ, а именно» (слѣдуютъ затѣмъ 7 пунктовъ воззванія Московскихъ студентовъ въ новой редакціи, присланной въ Харьковъ, а затѣмъ говорится далѣе), «и еще прибавляемъ съ своей стороны слѣдующія: 8) Требуемъ освобожденія арестованныхъ студентовъ Петровско-Разумовской Академіи и Московскаго университета и прекращенія всякаго суда и слѣдствія по этому дѣлу; 9) отмѣны ношенія форменнаго платья и 10) уничтоженія полугодич-

ныхъ контрольныхъ испытаній. До исполненія вышеизложеннаго мы требуемъ закрытія нашего института».

Такъ какъ сходка не расходилась, то директоръ, съ разрѣшенія попечителя округа, обратился къ полиціи, которая и явилась съ полицеймейстеромъ во главѣ и съ отрядомъ казаковъ. Толпа не унималась и продолжала кричать о своемъ желаніи передать прошеніе г. министру. Полицеймейстеръ взялъ это прошеніе со стула и приказалъ отвести толпу въ полицейскій участокъ, гдѣ она и оставалась двое сутокъ на арестантской пищѣ. Всѣхъ задержанныхъ оказалось 60 человѣкъ.

Первоначальный болѣе строгій приговоръ надъ этими 60-ю виновными былъ объявленъ студентамъ 1-го и 2-го курсовъ и былъ выслушанъ ими съ полною покорностью. Вслѣдъ за симъ студенты всѣхъ курсовъ просили чрезъ инспектора разрѣшенія послать къ директору по три студента отъ каждаго курса съ покорнѣйшею просьбою объ исходатайствованіи смягченія наказанія хотя бы нѣкоторымъ изъ наиболѣе пострадавшихъ товарищей. Директоръ, собравъ всѣхъ студентовъ, вразумлялъ ихъ по поводу всего происшедшаго и поставилъ имъ на видъ, что будетъ ходатайствовать за ихъ товарищей лишь въ томъ случаѣ, если они дадутъ обѣщаніе всѣми силами противодѣйствовать возникновенію въ институтѣ какихъ-либо безпорядковъ. Обѣщаніе это было дано, и затѣмъ исключенію изъ института съ тѣмъ, чтобы никуда не принимать, подверглись вмѣсто 19-и всего 6 человѣкъ, увольненію съ правомъ поступить въ другіе институты 11, увольненію съ правомъ обратнаго поступленія въ Харьковскій институтъ по усмотрѣнію начальства 9 и строгому выговору съ предвареніемъ объ исключеніи въ случаѣ дальнѣйшихъ проступковъ и съ лишеніемъ всякихъ льготъ относительно платы за ученіе, пособій и стипендій 34 человѣка, — всего 60 студентовъ, изъ нихъ 32 высланы изъ Харькова по распоряженію губернатора.

Студенческіе безпорядки въ Новой Александріи.

15-го марта состоялась сходка студентовъ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи. Собралось въ одной изъ аудиторій 96 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 поляковъ: большинство составляли пропустившіе много лекцій, не внесшіе платы за ученіе, неоднократно записанные въ штрафной журналъ и вообще менѣе благонадежные студенты. Прійдя въ эту аудиторію, директоръ инсти-

тута Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Эймонтъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: зачѣмъ они собрались? Отвѣта не послѣдовало. Тотъ же вопросъ предложилъ директоръ близъ стоявшему къ нему студенту Бокію. Тотъ обвелъ глазами товарищей и также не отвѣчалъ. Тогда директоръ началъ имъ объяснять незаконность такихъ сборищъ, пагубность ихъ для самихъ участниковъ, и сослался на примѣръ Петровской Академіи, гдѣ около 100 человѣкъ арестовано. На это изъ заднихъ рядовъ послышались голоса: «Больше, больше. Мы имѣемъ свѣдѣнія». Затѣмъ кто-то изъ студентовъ придвинулъ къ директору лежавшій на столѣ листъ бумаги, на которомъ было написано слѣдующее: «Считая себя вполнѣ солидарными съ общестуденческими движеніями, вызванными введеніемъ новыхъ уставовъ, мы, студенты Ново-Александрійскаго института, признаемъ себя нравственно-обязанными заявить съ своей стороны слѣдующія требованія: 1) свободный доступъ воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній во всѣ высшія учебныя заведенія безъ различія сословій, національности и вѣроисповѣданій; 2) свободный пріемъ вольнослушателей во всѣ высшія учебныя заведенія; 3) уменьшеніе платы за право ученія и право слушанія лекцій до возможнаго минимума; 4) упраздненіе полицейской функціи инспекцій всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній; 5) необязательное посѣщеніе лекцій и уничтоженіе формы; 6) возстановленіе студенческихъ библіотекъ, читаленъ и кассъ; 7) признаніе студенческаго суда и сходокъ; 8) участіе студентовъ въ выборѣ профессоровъ; 9) безнаказанность отдѣльныхъ лицъ за протесты и освобожденіе студентовъ, арестованныхъ за это въ нынѣшнемъ году, и 10) петиція эта должна быть представлена директоромъ высшему начальству; если же онъ считаетъ для себя это неудобнымъ, то пусть подастъ въ отставку». Ново-Александрійцы несомнѣнно имѣли передъ собою общую студенческую «петицію», но отнеслись къ ней гораздо самостоятельнѣе чѣмъ Харьковскіе ветеринары и значительно ее видоизмѣнили, частію расширивъ размѣры «требованій» (въ пп. 8-мъ, 6-мъ, 5-мъ и 2-мъ), а частію и сузивъ ихъ (въ п. 1-мъ, гдѣ исчезли слова: «безъ различія пола», такъ какъ это было бы совсѣмъ несогласно съ польскими воззрѣніями).

Директоръ счелъ не излишнимъ тутъ же передъ сходкой разобрать всѣ пункты петиціи одинъ за другимъ, доказывая имъ «все безразсудство и незаконность ихъ заявленія», и затѣмъ потребовалъ, чтобы студенты немедленно разошлись, что они и исполнили по знаку, данному имъ студентомъ 3-го курса Эйрановымъ, и нѣкоторые

изъ нихъ пошли на 4-ю лекцію. Директоръ же уѣхалъ въ Варшаву доложить обо всемъ этомъ попечителю. Пока еще онъ былъ въ Варшавѣ, 17-го марта въ той же аудиторіи собралась болѣе многолюдная сходка въ 156 человѣкъ, въ томъ числѣ до 40 поляковъ. За отсутствіемъ директора къ нимъ вышелъ исправляющій его должность инспекторъ Тапперъ, которому студентъ II курса Меленевскій указалъ на листъ бумаги, на которомъ было написано печатнымъ шрифтомъ: «Мы, студенты Поляки, выражаемъ солидарность съ требованіями, высказанными нашими товарищами Русскими», и затѣмъ, обратясь къ товарищамъ, сказалъ: «Господа, разойдемся», что̀ и было немедленно всѣми исполнено.

Такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ многіе изъ студентовъ разъѣхались изъ Новой Александріи на праздники, то разборъ виновныхъ и присужденіе имъ взысканій послѣдовали только послѣ пасхальной вакаціи, и 12-го апрѣля правленіе опредѣлило троихъ исключить (Эйранова, Меленевскаго и Ванновскаго) и 62 уволить. На другой день въ 5 часовъ пополудни къ главнымъ воротамъ института явилась толпа студентовъ съ заявленіемъ, что желаютъ подать прошеніе объ увольненіи. Директоръ приказалъ впускать по одному и по два человѣка, и такимъ образомъ 55 человѣкъ подали прошенія. Правленіе опредѣлило и ихъ считать принудительно уволенными въ видѣ наказанія, такъ какъ дѣло имѣло характеръ коллективной демонстраціи и притомъ большинство изъ нихъ подлежали различнымъ взысканіямъ за участіе въ сходкахъ 15-го и 17-го марта. Всѣ эти 120 чел. были съ тѣмъ вмѣстѣ высланы изъ Новой Александріи, и затѣмъ въ институтѣ осталось всего 156 студентовъ. Около того же времени однимъ изъ студентовъ Варшавскаго университета была получена печатная прокламація на польскомъ языкѣ, но съ русскимъ адресомъ на конвертѣ, за подписью «комитетъ рабочихъ», организація «Пролетаріатъ», «Варшава 19-го апрѣля 1890 г.» (очевидно, новаго стиля). По мнѣнію начальника Варшавскаго жандармскаго округа, прокламація эта несомнѣнно иностраннаго происхожденія, «ибо ни бумага, на которой она напечатана, ни шрифтъ, какимъ она напечатана, въ Варшавѣ не употребляются». Прокламація эта гласитъ между прочимъ: «Братья студенты!... Если бы вы всѣ были лояльны, если бы идеалами вашими были только хорошая должность и чиновничій мундиръ съ орденомъ, если бы вы не сочувствовали массамъ бѣдняковъ, напрасно просящихъ хлѣба и справедливости, ваши права не были бы попраны. Васъ втиснули въ узкій шаблонъ и взяли

въ тиски, потому что изъ-за вашей спины выглядываетъ призракъ рабочаго вопроса, что многіе изъ дѣятелей и мучениковъ этого дѣла вышли изъ вашихъ рядовъ; тутъ дѣло не въ студентахъ, а въ соціализмѣ... Путемъ студенческихъ безпорядковъ и манифестацій вы можете получить немного... Надо бороться иначе. Соединитесь, братья, съ нами, потому что нашъ рабочій идеалъ есть идеалъ всего человѣчества: мы удовлетворимъ и вашимъ желаніямъ... Приглашаемъ васъ соединиться съ нами! Да здравствуетъ соціальная революція! Она разорветъ всѣ связи и уничтожитъ всякій гнетъ».

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ.

Въ С.-Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ сходка произошла 14-го марта въ одной изъ чертежныхъ залъ. Когда пришелъ директоръ, изъ толпы раздались крики о возвращеніи уволеннаго по постановленію учебнаго комитета еще 28-го февраля студента IV курса механическаго отдѣленія Болеслава Гецена за дерзкое неповиновеніе инспектору, объ удаленіи отъ должности инспектора М. Д. Смирнова и о принятіи директоромъ заявленія отъ студентовъ съ ихъ требованіями. Увѣщанія директора остались безуспѣшны, и онъ отправился сообщить объ этомъ безпорядкѣ попечителю округа и г. министру народнаго просвѣщенія, а толпа студентовъ тѣмъ временемъ пыталась силою и бранью увеличить свою численность привлеченіемъ тѣхъ студентовъ, которые въ сходкѣ не участвовали. Директоръ получилъ приказаніе отъ г. министра вывѣсить объявленіе студентамъ, что «сходки безусловно запрещены, студенты должны немедленно разойтись, а въ случаѣ повторенія сходокъ будетъ введена полиція, и виновные въ безпорядкѣ подвергнутся строжайшему наказанію». Объявленіе было выставлено, и содержаніе его отъ имени высшаго начальства сообщено чрезъ инспекцію студентамъ. Но они не только не повиновались, а вынули изъ рамы объявленіе начальства и вмѣсто него вставили написанныя ими студенческія требованія, послѣ чего начали расходиться, и около 6 часовъ вечера разошлись. На другой день, 15-го марта, въ 12 часовъ вновь собралась сходка, и директоръ, предупредивъ, что призоветъ полицію, дѣйствительно обратился къ ея помощи. Полицеймейстеръ прибылъ около 2 часовъ дня, но обратился къ толпѣ съ увѣщаніями разойтись по одиночкѣ. 20 человѣкъ послушались, огромное же большинство

продолжало кричать и бушевать и затѣмъ уже часа въ 4 огромною гурьбою вышло изъ института. По прибытіи полицеймейстера человѣкъ 30 изъ старшихъ курсовъ просили у директора разрѣшенія пойти на сходку и попытаться склонить ее разойтись. 10 человѣкъ дѣйствительно воспользовались разрѣшеніемъ, но усилія ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Въ тотъ же вечеръ дѣло было предложено директоромъ на обсужденіе учебнаго комитета, и онъ рѣшилъ лишить стипендіи всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ сходкѣ: стипендіатовъ между ними оказалось 40.

Безпорядки должны были неминуемо возобновиться при той снисходительности, какая была обнаружена 15-го марта, и только въ субботу 17-го марта было арестовано все сборище, въ которомъ оказалось 255 человѣкъ изъ 657 (38,8%).

По разборѣ списка арестованныхъ оказалось весьма замѣтное участіе въ безпорядкахъ студентовъ римско-католическаго, лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій; изъ общаго числа студентовъ этихъ исповѣданій въ безпорядкахъ участвовали около 46%, тогда какъ изъ православныхъ не болѣе 36%. По всей вѣроятности, это подало поводъ къ анонимному письму, полученному въ то время г. министромъ народнаго просвѣщенія, за подписью: «студентъ». «Ваше Сіятельство!—писалъ этотъ анонимъ: «Вѣрьте, студенческія волненія—дѣло исключительно польской интриги. Пока наши учебныя заведенія, въ коихъ поляковъ иногда до 60%, не будутъ освобождены отъ этой язвы, спокойствіе въ нихъ сомнительно».

Изъ этой массы арестованныхъ только 2 были исключены и 23 уволены и 40 лишены всѣхъ льготъ.

Студенческіе безпорядки въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

15-го марта проф. Менделѣевымъ была принята на сходкѣ студентовъ «петиція» и тотчасъ же препровождена имъ съ посыльнымъ къ г. министру народнаго просвѣщенія безъ всякаго письма въ конвертѣ съ надписью (послѣ титула, имени, отчества и фамиліи г. министра): «отъ проф. Менделѣева, которому передана влагаемая бумага». «Бумага» эта нижеслѣдующаго содержанія:

«Петиція студентовъ С.-Петербургскаго университета господину министру народнаго просвѣщенія».

«Въ среду 14-го марта намъ впервые была дана возможность выразить предъ коллегіей уважаемыхъ профессоровъ съ ректоромъ во главѣ наши необходимыя нужды и горячія желанія.

«Твердо увѣренные изъ горькаго опыта въ настоятельной необходимости реформъ университетскихъ порядковъ, мы убѣждены, что наши желанія вполнѣ осуществимы, и формулируемъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Мы желаемъ, чтобы уставъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ основанъ на началахъ автономіи — чтобы ректоръ и профессора были избираемы согласно университетскому уставу 1863 г., чтобы были учреждены университетскій и студенческій судъ, а также признаны студенческія корпораціи.

«Мы желаемъ, чтобы всѣ, окончившіе среднеучебныя заведенія, безъ различія вѣроисповѣданія, общественнаго положенія и безъ всякихъ тайныхъ характеристикъ со стороны гимназическаго начальства и полиціи, имѣли свободный доступъ въ университетъ.

«Наконецъ, мы увѣрены, что на ряду съ этимъ нашимъ профессорамъ можетъ быть дана свобода преподаванія, прежде существовавшая по уставу 1863 г.

«Наше глубокое убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти послѣдовательно проведенныя измѣненія въ смыслѣ нашихъ желаній будутъ содѣйствовать развитію студенческой жизни, и только они могутъ обусловить нормальное теченіе ея.

«Мы настаиваемъ теперь же на уничтоженіи полицейскихъ функцій инспекціи, пониженіи платы и въ частности, по отношенію къ нашему университету, на возстановленіи научно-литературнаго общества, существовавшаго до 1886 г., и студенческой читальни.

«Впервые пользуясь возможностью изложить свои желанія, не выходя изъ границъ законности, мы твердо вѣримъ въ то, что подобный способъ выраженія своихъ нуждъ войдетъ въ обиходъ студенческой жизни.

«Студенты С.-Петербургскаго университета».

Изъ «петиціи» этой какъ бы явствуетъ, что 14-го марта существенное содержаніе ея было заявлено и выслушано если не коллегіей, то нѣсколькими «уважаемыми» профессорами, и въ томъ числѣ ректоромъ, и что изъ происходившаго по этому поводу обмѣна мыслей студенты вывели заключеніе, что имъ разрѣшено изложить письменно ихъ желанія для доведенія ихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, и одинъ изъ «уважаемыхъ» профессоровъ дѣйствительно принимаетъ отъ нихъ эту «петицію» и тутъ же самымъ безцеремоннымъ образомъ отсылаетъ ее къ г. министру. Она была возвращена г. Менделѣеву 16-го марта при слѣдующей бумагѣ: «По приказанію министра на-

роднаго просвѣщенія, прилагаемая бумага возвращается дѣйствительному статскому совѣтнику профессору Менделѣеву, такъ какъ ни министръ и никто изъ состоящихъ на службѣ Его Императорскаго Величества лицъ не имѣетъ права принимать подобныя бумаги».

Послѣ того, что̀ было 14-го и 15-го марта, весьма естественно, что студенты во всѣ слѣдующіе дни производили безпорядки и въ университетѣ, и на улицѣ, пока масса ихъ не была арестована 17-го и 19-го марта.

19-го марта были задержаны полиціей на улицѣ за участіе въ безпорядкахъ 131 студентъ, и затѣмъ 22-го марта они были освобождены изъ-подъ ареста съ объявленіемъ имъ, за подписками, что въ случаѣ принятія вновь участія въ безпорядкахъ они будутъ лишены права жительства въ столицѣ, арестованные же (въ числѣ 120 ч.) какъ 17-го, такъ и 19-го марта въ самомъ зданіи университета, какъ принимавшіе болѣе близкое и болѣе дѣятельное участіе въ безпорядкахъ, были оставлены подъ арестомъ въ полицейскихъ участкахъ до 24-го марта, когда участь ихъ была рѣшена правленіемъ университета.

Правленіе отнеслось довольно снисходительно къ виновнымъ, и изъ нихъ только 2 исключены, въ томъ числѣ 1—6-го семестра и 1—8-го и 20 уволены безъ права обратнаго поступленія въ университетъ, въ томъ числѣ 14—8-го семестра, такъ что зачинщиками безпорядковъ здѣсь были преимущественно студенты старшихъ курсовъ. Сверхъ того принимали въ нихъ участіе трое получившихъ свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса, за что̀ лишены свидѣтельства объ ихъ благонадежности. 98-и студентамъ сдѣланъ выговоръ съ предвареніемъ объ удаленіи и съ лишеніемъ права на стипендіи и прочія льготы. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній принялъ нѣкоторое участіе въ безпорядкахъ также Лѣсной институтъ, и изъ него были исключены 2 и уволены 13 человѣкъ.

Всѣхъ исключенныхъ и уволенныхъ за безпорядки въ мартѣ 1890 г. было: изъ Петровской академіи 31, изъ Московскаго университета 58, изъ Харьковскаго ветеринарнаго института 45, изъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства 120, изъ С.-Петербургскаго технологическаго института 25, изъ Лѣснаго института 15 и изъ С.-Петербургскаго университета 22,—всего 316 ч.

По окончаніи безпорядковъ, въ министерствѣ народнаго просвѣщенія было получено по городской почтѣ гектографированное весьма пространное воззваніе, озаглавленное: «Къ русскому обществу отъ учащейся молодежи», имѣющее цѣлью «выяснить внутренній смыслъ все

чаще и чаще повторяющихся волненій въ средѣ товарищей». Здѣсь въ сущности повторяются все тѣ же требованія, что и въ различныхъ петиціяхъ; но особенность воззванія заключается въ томъ, что оно преимущественно возстаетъ противъ «программъ, стѣсняющихъ (будто бы) преподаваніе», то-есть, вѣроятно, противъ экзаменныхъ программъ, такъ какъ другихъ по крайней мѣрѣ въ университетахъ, которыя были бы даны правительствомъ, не имѣется. «Стоитъ ли пояснять, говорится въ воззваніи, что наука не можетъ укладываться въ рамки программъ, что программа для преподаванія и изученія науки есть могила науки, какъ инструкція для судьи—могила правосудія. Равно навязываніе того или другаго предмета для изученія вовсе не ведетъ къ научному образованію».... «Многіе сѣли на эти скамьи и съ талантомъ, и съ жаждой истины, добра и красоты. И этотъ талантъ, и эту жажду сломила програмная регламентированная наука». Воззваніе оканчивается обращеніемъ къ обществу помочь горю своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло. «Вспомните, что и на вашей обязанности сказать слово правды, что Ваши дѣти если не губятся, то будутъ погублены той нелѣпой школой съ тѣми нелѣпыми уставами, регламентаціями и воспрещеніями, какія губятъ насъ. Вспомните и подумайте, что и какъ слѣдовало бы Вамъ—обществу сдѣлать, чтобы помочь горю, и если можно—сдѣлайте. Исторія помянетъ Васъ добрымъ словомъ».

«Петербургъ. Мартъ 1890 г.»

Эти все чаще и чаще повторяющіеся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должны были напомнить, что задача, возложенная еще въ 1882 г. на особое совѣщаніе изъ гг. министровъ—изыскать мѣры къ устраненію означенныхъ безпорядковъ, осталась до сихъ поръ безъ разрѣшенія, и дѣло это не было доведено до конца. Доведя до свѣдѣнія Государя Императора о безпорядкахъ, которые въ минувшемъ мартѣ имѣли мѣсто, между прочимъ, въ Петровской Сельскохозяйственной Академіи, г. министръ государственныхъ имуществъ «счелъ своимъ долгомъ всеподданнѣйше доложить Его Императорскому Величеству, что причины этихъ безпорядковъ, какъ выяснено произведеннымъ разслѣдованіемъ ихъ, коренятся съ одной стороны въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ Академія возникла и продолжаетъ существовать, а съ другой — въ общихъ всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ условіяхъ; послѣднія же заключаются главнымъ образомъ въ легкой доступности студентовъ вредному вліянію

извнѣ, при полномъ убѣжденіи ихъ, что отвѣтственность за безпорядки падаетъ только на незначительное число лицъ, тогда какъ большинство ускользаетъ отъ взысканій. Находя съ своей стороны, что принятіе какихъ-либо мѣръ противъ частныхъ причинъ безпорядковъ въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи не можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ помимо устраненія общихъ причинъ таковыхъ безпорядковъ», статсъ-секретарь М. Н. Островскій «представилъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора о томъ, не благоугодно ли будетъ Его Величеству повелѣть ему войдти въ сношеніе съ подлежащими министрами относительно новаго обсужденія разсматривавшагося въ 1884 г. въ комитетѣ министровъ вопроса о мѣрахъ къ устраненію безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. На таковое предположеніе Государь Императоръ 9-го апрѣля 1890 г. соизволилъ», и затѣмъ возникло предположеніе образовать особое совѣщаніе въ прежнемъ его составѣ, а именно: изъ гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, военнаго, юстиціи, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, оберъ-прокурора Св. Сѵнода и управляющаго морскимъ министерствомъ.

Приложенія.

I.

Извлеченіе изъ отчета о заграничной командировкѣ въ сентябрѣ и октябрѣ 1878 года, представленнаго тайнымъ совѣтникомъ А. И. Георгіевскимъ Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія графу Д. А. Толстому.

По вопросу о распространеніи соціалъ-демократическихъ стремленій въ средѣ учащихся въ прусскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и о мѣрахъ къ охраненію ихъ отъ этого зла, а равно и объ исправительныхъ для малолѣтнихъ преступниковъ заведеніяхъ, я имѣлъ въ Берлинѣ продолжительные разговоры съ членами совѣта министра народнаго просвѣщенія: по дѣламъ среднихъ учебныхъ заведеній Боницемъ и по дѣламъ университетовъ Геппертомъ, а также съ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ временно (за отсутствіемъ Иллинга) дѣлами исправительныхъ и тюремныхъ учрежденій Гаазе. Изъ ихъ показаній оказывается нижеслѣдующее.

Соціалъ-демократическія идеи почти вовсе не распространены среди учащейся въ Пруссіи молодежи. Послѣ покушенія Нобилинга на жизнь Императора Вильгельма, министръ народнаго просвѣщенія счелъ за должное обратиться съ запросомъ ко всѣмъ прусскимъ университетамъ о томъ, не обнаружили ли за послѣднее время кто либо изъ студентовъ какое бы то ни было сочувствіе къ соціалъ-демократическимъ идеямъ, и на этотъ запросъ были отовсюду получены вполнѣ успокоительныя и несомнѣнно вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что

студенты чуждаются всякаго рода соціалъ-демократической агитаціи, всякихъ сходокъ и обществъ этой партіи. Извѣстно также, что студенты всѣхъ прусскихъ университетовъ по собственному своему почину и за подписью почти всѣхъ ихъ прислали свои вѣрноподданническіе адресы Императору по случаю угрожавшей его жизни опасности, а Берлинскіе студенты устроили Fackelzug и прислали депутацію (по случаю дѣла Геделя), которая была благосклонно принята Императоромъ.

Тѣмъ не менѣе Берлинская полиція не перестаетъ выражать опасенія за настроеніе нѣкоторой весьма малой части Берлинскихъ студентовъ,—опасенія, которыя до сихъ поръ еще ничѣмъ не подтвердились. Между прочимъ и въ особенности она заподозрила русскихъ студентовъ Берлинскаго университета въ томъ, что они, дѣйствуя въ связи съ проживающими въ Россіи нигилистами, участвуютъ и въ Германской соціалъ-демократической агитаціи....

Эти русскіе студенты Берлинскаго университета по большей части евреи, родомъ изъ Россіи: изъ нихъ 21 медики, 11 философовъ и филологовъ или историковъ и 10 натуралистовъ. Большею частью всѣ они бѣдняки.

Что касается до среднихъ учебныхъ заведеній Пруссіи (гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ), коихъ насчитывается теперь до 450, то въ нихъ во всѣхъ до послѣдняго времени оказалось только 36 учениковъ, которые обнаружили болѣе или менѣе сильное увлеченіе соціалъ-демократическими идеями, за что нѣкоторые изъ нихъ, смотря по винѣ, подверглись исключенію, другіе же только дисциплинарному взысканію и вразумленію. Въ учительскихъ семинаріяхъ Пруссіи были также только немногочисленные, отдѣльные случаи такого рода увлеченій, за что виновные и были наказаны исключеніемъ. Но вообще классъ народныхъ учителей въ Пруссіи—бывшихъ питомцевъ учительскихъ семинарій—далеко не представляетъ столькихъ гарантій противъ соціалъ-демократическихъ увлеченій, какъ преподаватели среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Во-первыхъ, въ нихъ замѣчается сильное недовольство своимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ; хотя въ послѣднее время кое-что сдѣлано для лучшаго вознагражденія ихъ за труды и для увеличенія ихъ средствъ къ жизни, но это далеко не соразмѣрно съ возрастающею дороговизною жизни. Какъ люди, достигшіе лишь весьма ограниченной степени образованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ усвоившіе себѣ весьма

разнородныя изъ разныхъ наукъ свѣдѣнія, и довершающіе свое образованіе путемъ чтенія только общедоступныхъ, популярныхъ и дешевыхъ изданій, Прусскіе народные учителя отличаются большимъ самомнѣніемъ и, будучи по большей части чужды христіанскаго смиренія и самоотверженія, крайне недовольны своею скромною долею, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ общественнымъ строемъ, въ которомъ не оказалось лучшаго для нихъ положенія. Вслѣдствіе той же поверхностной обширности ихъ образованія, они, во-вторыхъ, отличаются по большей части склонностью къ радикализму, то-есть, къ такому образу мыслей, который, не обнимая всего многообразія причинъ, условій, обстоятельствъ и порождаемыхъ ими явленій, дѣлаетъ самыя рѣшительныя заключенія изъ самыхъ одностороннихъ посылокъ и формамъ жизни придаетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ существенному ея содержанію. Понятно, что при такихъ условіяхъ соціалъ-демократизмъ находитъ уже достаточно подготовленную для себя почву въ средѣ народныхъ учителей Пруссіи. Эти свѣдѣнія и мнѣнія высказали мнѣ преимущественно два другіе Берлинскіе мои собесѣдника, члены совѣта министра, завѣдывающіе народными школами и учительскими семинаріями—лютеранскими Шнейдеръ и католическими Ветцгольдъ, и въ особенности послѣдній.

Меня понятнымъ образомъ болѣе всего интересовалъ вопросъ о томъ, чѣмъ объяснить совершенно ничтожное вліяніе столь распространенныхъ въ Пруссіи соціалъ-демократическихъ идей на молодежь, учащуюся въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и университетахъ. Для разъясненія себѣ этого вопроса я предлагалъ своимъ собесѣдникамъ прежде всего вопросъ о распредѣленіи этихъ учащихся по общественнымъ классамъ и по имущественному положенію ихъ родителей. Оказалось, что точныхъ статистическихъ данныхъ по этому предмету не имѣется въ Пруссіи, при чемъ Геппертъ замѣтилъ, что школьная статистика нашего министерства за послѣднее время можетъ быть признана во многихъ отношеніяхъ образцовою, и по количеству, если не по точности свѣдѣній (о чемъ онъ судить не можетъ), заслуживала бы полнаго подражанія; но судя по тому, что извѣстно, никакъ нельзя утверждать, чтобы между учащимися какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ университетахъ, не было весьма значительнаго числа лицъ изъ низшихъ, особенно городскихъ, и бѣднѣйшихъ классовъ общества. Если эта бѣдность не проявляется разительнымъ образомъ въ ихъ наружномъ видѣ, въ ихъ

одеждѣ, то въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, равно какъ уже отчасти и въ низшихъ школахъ, это объясняется тѣмъ, что, благодаря строгой дисциплинѣ, чрезвычайно внимательной даже ко всѣмъ мелочамъ, никакая наружная неопрятность или неприличіе въ одеждѣ не были бы терпимы, а затѣмъ привычка къ наружному благоприличію переносится и въ университеты и тамъ поддерживается исключительно чувствомъ сословной чести, опасеніемъ уронить свое студенческое званіе какимъ бы то ни было нарушеніемъ наружнаго благоприличія. Такимъ образомъ, бѣдные изъ студентовъ скорѣе готовы отказать себѣ не только въ какомъ нибудь удовольствіи или излишествѣ, но даже и въ пищѣ и въ существенныхъ удобствахъ жизни, чѣмъ явиться въ университетъ или выйти на улицу неприлично одѣтыми. Если общественнымъ и имущественнымъ положеніемъ нельзя объяснить отчужденіе учащихся отъ соціально-демократической партіи, то эта привычка къ наружной добропорядочности, пріобрѣтаемая уже въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, служитъ несомнѣнно нѣкоторымъ противоядіемъ противъ сближенія съ вышеупомянутою партіей, имѣющею въ Германіи своихъ адептовъ преимущественно въ простонародіи. По общественному положенію учащихся, изъ Берлинскихъ гимназій первое мѣсто принадлежитъ Wilhelms-Gymnasium (на Bellevue-Strasse), а послѣднее едва-ли не гимназіи zum grauen Kloster, гдѣ Бонитцъ былъ долго директоромъ и гдѣ ученики старшихъ классовъ существуютъ главнѣйше своими уроками; но по наружному виду и тѣ, и другіе весьма мало другъ отъ друга отличаются, изъ университетовъ же самый аристократическій—Бовнскій, гдѣ теперь обучаются 5 принцевъ крови, въ томъ числѣ и сынъ наслѣднаго принца Прусскаго; наиболѣе же демократическій—Берлинскій; но наружное благоприличіе равно соблюдается и въ томъ, и въ другомъ.

Дальнѣйшій мой вопросъ касался дисциплины, господствующей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетахъ, какъ предохранительнаго средства противъ соціалъ-демократическаго яда. И въ этомъ отношеніи никакихъ точныхъ статистическихъ данныхъ о проступкахъ учащихся и взысканіяхъ за нихъ не имѣется въ прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія; но духъ дисциплины, которому придается огромное значеніе какъ главнѣйшему условію всяческаго успѣха учащихся, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ развивается, поддерживается и прочно вкореняется всѣми возможными

средствами, въ томъ числѣ и тѣлесными наказаніями, отъ которыхъ-де школа отнюдь не можетъ отказаться, не сложивъ съ себя вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственности за успѣхъ своего дѣла и не отказавшись отъ исполненія относительно ввѣренныхъ ей учениковъ родительскихъ обязанностей, но которыя обставлены всевозможными ограниченіями и гарантіями противъ злоупотребленій. Самое существенное изъ этихъ ограниченій—то, что только ученики низшихъ классовъ и только въ первые три года своего ученія могутъ быть подвергаемы тѣлеснымъ наказаніямъ. При этомъ условіи самыя непокорныя натуры должны подчиниться школьной дисциплинѣ и привыкнуть къ ней въ три года, а затѣмъ она можетъ быть неослабно поддерживаема и безъ такихъ насильственныхъ мѣръ. Изъ гимназій переходятъ въ университеты уже вполнѣ дисциплинированные молодые люди, и внѣшняя дисциплинарная власть университетовъ въ сущности весьма незначительна, и надзора за студентами со стороны университетскихъ властей не только внѣ стѣнъ, но и въ стѣнахъ университета, почти вовсе не имѣется. Достаточно сказать, что въ Берлинскомъ университетѣ почти на 4,000 студентовъ низшая университетская полиція состоитъ всего изъ 4-хъ педелей и 1 оберпеделя; затѣмъ, конечно, никто изъ профессоровъ и доцентовъ не слагаетъ съ себя обязанности сдѣлать при случаѣ внушеніе студенту и о предосудительныхъ его поступкахъ, буде они случайно стали ему извѣстны, довести до свѣдѣнія университетскаго судьи и ректора: но это все-таки болѣе или менѣе случайный надзоръ, въ сущности же внѣшній надзоръ имѣютъ общія городскія власти, которыя и доводятъ до свѣдѣнія университетскаго судьи тѣ или другіе проступки студентовъ, но доводятъ непремѣнно, ибо такъ какъ студенты до сихъ поръ не подлежатъ общимъ судамъ и полицейской расправѣ, то иначе ихъ проступки оставались бы вовсе безъ взысканія, и полиціи вслѣдствіе того было бы весьма трудно съ ними справляться. Въ настоящее время, вслѣдствіе постановленій обще-германской коммиссіи по пересмотру уголовныхъ и судебныхъ уставовъ, предположено вовсе отмѣнить неподсудность студентовъ общимъ гражданскимъ властямъ и особое гражданское ихъ положеніе или, лучше, ограниченіе нѣкоторыхъ гражданскихъ ихъ правъ, какъ, напримѣръ, относительно того, на какую сумму и у продавцевъ какихъ именно предметовъ могутъ они кредитоваться; но и при этой перемѣнѣ, которая, Богъ вѣсть, будетъ ли къ лучшему, предпола-

гается сохранить надъ студентами дисциплинарную власть университета, которому будетъ предоставлено требовать отъ нихъ усердія въ научныхъ ихъ занятіяхъ и образа жизни, во всемъ согласнаго съ ихъ званіемъ.

Въ случаѣ проступковъ студентовъ, кромѣ внушеній и выговоровъ, они подвергаются заключенію въ карцеръ, увольненію (consilium abeundi) и исключенію (relegatio). Особыя эти наказанія, налагаемыя самимъ университетомъ, предполагается сохранить и на будущее время. Заключеніе въ карцеръ въ различныхъ университетахъ и въ различное время прилагается весьма неравномѣрно на практикѣ. Гепперть не придаетъ особенно важнаго значенія этой мѣрѣ взысканія и полагаетъ, что она могла бы быть вовсе отмѣнена въ Прусскихъ университетахъ, такъ же какъ она отмѣнена уже въ Австрійскихъ, отчего однако же тамъ не послѣдовало никакого ущерба для дисциплины. Духъ дисциплины въ университетахъ, которому дѣйствительно нельзя не придавать огромнаго значенія и безъ котораго не было бы и возможно правильное и нормальное ихъ существованіе,—поддерживается отнюдь не внѣшними какими-либо мѣрами, а во-первыхъ, авторитетомъ профессоровъ и добровольнымъ подчиненіемъ студентовъ этому авторитету и этому благотворному вліянію наставниковъ; внѣшнею мѣрой къ поддержанію этого авторитета служитъ обязательство для каждаго студента лично являться къ профессору, лекціями котораго онъ хочетъ пользоваться, передъ началомъ этихъ лекцій, а затѣмъ при концѣ семестра для засвидѣтельствованія профессоромъ, что студентъ дѣйствительно посѣщалъ его лекціи. Мѣрѣ этой придается большое значеніе: студентъ долженъ быть непремѣнно лично извѣстенъ профессору, и профессору должны быть предоставлены способы, буде онъ пожелаетъ, ближе познакомиться съ каждымъ изъ его слушателей, и эта личная явка въ началѣ и въ концѣ каждаго семестра представляется самымъ удобнымъ къ тому способомъ. Въ послѣднее время нѣкоторые изъ Берлинскихъ студентовъ начали было уклоняться отъ этой обязанности и черезъ товарищей, педелей и даже коммиссіонеровъ предъявлять свой index lectionum для подписанія профессоромъ; но академическій сенатъ подтвердилъ обязанность личной явки съ угрозою, что иначе студентъ можетъ подвергнуть себя взысканію, какъ за тяжкое нарушеніе дисциплины. Во-вторыхъ, духъ дисциплины поддерживается въ Прусскихъ университетахъ предстоящимъ каж-

дому студенту государственнымъ экзаменомъ, на которомъ должно удовлетворить опредѣленнымъ научнымъ требованіямъ и на которомъ никто не имѣетъ основанія разсчитывать на какія бы то ни было послабленія. Ожиданіе этого экзамена воздерживаетъ молодыхъ людей отъ свойственныхъ ихъ возрасту увлеченій, по крайней мѣрѣ отъ излишества въ нихъ, и отъ напрасной траты времени. Въ третьихъ, духъ дисциплины въ значительной мѣрѣ поддерживается чувствомъ сословной чести и яснымъ сознаніемъ, какого рода поступки и какой образъ жизни были бы несогласны съ званіемъ студента, а это чувство и это сознаніе, выработавшіяся исторически и сохраняющіяся по преданію, благодаря сильному вліянію старшихъ поколѣній (и въ особенности профессоровъ) на младшія, въ свою очередь, поддерживаются также и студенческими обществами,—Corps, Landsmannschaften, Burschenschaften и т. д.,—которыя имѣютъ свою особую организацію, особые уставы, особыя внѣшнія отличія и т. д. Всѣ эти студенческія общества разрѣшаются академическимъ сенатомъ, который утверждаетъ ихъ уставы и во всякое время, въ случаѣ какихъ либо излишествъ, можетъ закрыть провинившуюся корпорацію, какъ то недавно и случилось въ Мюнстерѣ (гдѣ существуютъ лишь два факультета: философскій и богословскій католическій). Главная цѣль этихъ обществъ въ сущности увеселенія въ средѣ своихъ товарищей, хотя въ уставахъ ихъ и говорится болѣе или менѣе патетически о различнаго рода нравственныхъ цѣляхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно т. н. Burschenschaften, дѣйствительно не чужды были патріотическія цѣли и стремленія, направленныя къ объединенію Германіи; вообще же религіозные, политическіе и соціальные вопросы обсуждаются лишь частнымъ, а не публичнымъ образомъ. Худая сторона этихъ ассоціацій—это столкновенія между принадлежащими къ нимъ лицами, ведущія за собою весьма частыя дуэли (въ большинствѣ случаевъ совершенно безопасныя для жизни и здоровья, ибо эти дуэли на шпагахъ или чаще на легкихъ сабляхъ совершаются подъ прикрытіемъ забралъ и нагрудниковъ); хорошая ихъ сторона, это—благотворное вліяніе на поддержаніе чувства сословной чести, на усилія взаимно воздерживать другъ друга отъ недостойныхъ студента поступковъ и т. д. Въ новѣйшее время впрочемъ, особенно же въ большихъ университетахъ, эти ассоціаціи все болѣе приходятъ въ упадокъ, и есть множество студентовъ, которые не принадлежатъ ни къ одной изъ нихъ.

Господствующій въ прусскихъ университетахъ духъ дисциплины, духъ подчиненія младшихъ старшимъ, обезпечивая благотворное нравственное вліяніе профессоровъ на студентовъ, дѣйствительно служитъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ огражденію сихъ послѣднихъ отъ соціально-демократической пропаганды. Университетамъ же и ихъ доброму направленію и сами гимназіи, и реальныя училища обязаны тѣмъ, что въ средѣ ихъ преподавателей до сихъ поръ не только не оказалось ни одного адепта соціально-демократической партіи, а, совершенно напротивъ, всѣ они могутъ почитаться рѣшительными ея противниками.

То же самое должно быть сказано и о самихъ университетскихъ преподавателяхъ, которые рѣшительно чуждаются всякаго популярничанья и либеральничанья со студентами, въ личныхъ сношеніяхъ съ ними смотрятъ на нихъ не болѣе какъ на учениковъ, а въ преподаваніи своемъ держатся строго научнаго изложенія, избѣгая всего мишурнаго, всего поражающаго и ослѣпляющаго, всякихъ громкихъ фразъ и т. д. Исключенія въ этомъ отношеніи бываютъ только единичныя. Къ числу такихъ принадлежалъ, между прочимъ, въ послѣднее время Берлинскій профессоръ политической экономіи Düring, вліяніе котораго на студентовъ было признано вреднымъ и который вслѣдствіе того и былъ немедленно удаленъ по ходатайству академическаго сената. Солидное и основательное, строгонаучное преподаваніе профессоровъ въ прусскихъ университетахъ служитъ несомнѣнно наилучшимъ противоядіемъ противъ всякаго рода соціально-демократическихъ бредней, несостоятельность которыхъ совершенно очевидна всякому студенту.

Ко всему этому присоединяется еще то, что до сихъ поръ соціалъ-демократизмъ почти не имѣетъ себѣ въ Германіи представителей съ строго-научнымъ образованіемъ, за исключеніемъ проживающаго въ Лондонѣ Маркса и умершаго еще въ 1864 году Лассаля, и вслѣдствіе того является въ грубо-простонародной формѣ, отталкивающей молодыхъ людей съ такимъ эстетическимъ развитіемъ и образованіемъ, какое они выносятъ изъ гимназій. Такъ какъ соціально-демократическія увлеченія чужды студентамъ, то понятнымъ образомъ они остаются чуждыми и гимназистамъ старшихъ классовъ, которые болѣе или менѣе во всемъ берутъ примѣръ со студентовъ.

Такимъ образомъ корень всего и добра, и зла, какіе могутъ

проявиться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ этомъ отношеніи, лежитъ въ университетахъ, ибо они даютъ преподавателей гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, и примѣромъ ихъ студентовъ руководствуются и ученики этихъ учебныхъ заведеній.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какія въ этомъ отношеніи представляютъ прусскіе университеты и среднія учебныя заведенія, ни о какихъ особыхъ мѣрахъ для огражденія учащихся или для ихъ наказанія за соціально-демократическія увлеченія не могло быть и рѣчи въ Пруссіи, и существующія въ ней исправительныя учебныя заведенія, частныя и казенныя, учреждены только для нравственно испорченныхъ дѣтей и юношей, а таковыя оказываются почти исключительно въ низшихъ слояхъ общества, такъ что и вышеозначенныя заведенія ограничиваются лишь элементарнымъ обученіемъ, какое дается въ элементарныхъ прусскихъ школахъ, и сверхъ того, обученіемъ ремесламъ, садоводству и огородничеству. Казенныхъ исправительныхъ учебныхъ заведеній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ обоего пола существуетъ въ Пруссіи всего лишь два, оба въ Рейнской провинціи Пруссіи: одно, исключительно для римско-католиковъ, на 300 человѣкъ, въ Штейнфельдѣ, близъ Аахена; другое, исключительно для лютеранъ, въ С.-Мартинѣ, близъ Боппарда, въ Кобленцскомъ округѣ, на 120 человѣкъ. Прусское правительство твердо держится того принципа, что цѣль такого рода заведеній можетъ быть лишь тогда достигаема, когда они поставлены на твердую религіозную почву какого-нибудь одного вѣроисповѣданія, какъ то и было заявлено и поддерживаемо его представителемъ на недавнемъ тюремномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, г. Иллингомъ; но частнымъ лицамъ и обществамъ оно не препятствуетъ учреждать и чуждыя какого бы то ни было вѣроисповѣднаго характера исправительныя учебныя заведенія, каково, напримѣръ, существующее въ Берлинѣ (Anstalt zur Erziehung sittlich verwahrloster Kinder an Urban) (въ одномъ изъ предмѣстій Берлина); но изъ результатовъ этихъ частныхъ опытовъ оно еще болѣе вынесло убѣжденіе въ несомнѣнной вѣрности своего принципа, ибо результаты эти оказываются далеко не такъ благопріятны, какъ тамъ, гдѣ исправительныя заведенія ведутся въ духѣ какого-нибудь одного вѣроисповѣданія.

Я посѣтилъ и подробно ознакомился только съ двумя изъ этихъ заведеній: вышеупомянутымъ частнымъ въ Берлинѣ an Urban и пра-

вительственнымъ въ Санъ-Мартинѣ, близъ Бонпарда. Чтобы не откладывать на слишкомъ долгое время отправленіе настоящаго моего отчета къ Вашему Сіятельству, я отложу подробное изложеніе уставовъ этихъ заведеній и вынесенныхъ мною изъ нихъ впечатлѣній до другаго времени; теперь же коснусь только тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ въ нашей коммиссіи было наиболѣе колебаній: 1) относительно одного изъ этихъ пунктовъ данныя уже сообщены мною выше; это относительно опредѣленнаго вѣроисповѣднаго характера этого рода школъ; 2) относительно устройства отдѣльныхъ домовъ для каждой группы дѣтей въ Пруссіи изъ финансовыхъ разсчетовъ допущено значительное отступленіе: группы состоятъ изъ 20 и до 26 несовершеннолѣтнихъ преступниковъ; они живутъ обособленно, но въ одномъ и томъ же обширномъ домѣ. 3) Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, никакого вакаціоннаго времени не полагается, а въ будничные дни рекреаціонное время ограничивается въ продолженіе всего дня не болѣе какъ двумя или полутора часами въ общей сложности, при чемъ какъ во время ремесленныхъ работъ (и само собою разумѣется, уроковъ и приготовленія къ урокамъ), такъ и во время вкушенія пищи, никакіе разговоры не допускаются. 4) Ремесленнымъ занятіямъ посвящается столько же времени, сколько и обученію,то-есть, по пяти часовъ въ день (не считая обученія гимнастикѣ и приготовленія къ урокамъ), и 5) тѣлесныя наказанія въ случаѣ важныхъ проступковъ примѣняются независимо отъ возраста, а въ случаѣ попытки бѣжать даже и къ женскому полу, но это уже въ видѣ исключенія изъ правила. При всемъ этомъ надобно однако же имѣть въ виду, что за немногими исключеніями все это лица, принадлежащія къ низшимъ классамъ общества, которыхъ готовятъ въ ремесленники, садовники, огородники, въ служанки, и притомъ лица, подвергшіяся заключенію въ исправительномъ учебномъ заведеніи по приговору суда и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ по рѣшенію общины или родителей, одобренному и утвержденному правленіемъ округа (Kreisregierung).

Изъ Саксонскихъ исправительныхъ учебныхъ заведеній я подробно осмотрѣлъ въ Лейпцигѣ Rettungshaus der Pestalozzi-Stiftung.

Меттрейская исправительная колонія. Maison Paternelle. 6-го (18-го) минувшаго октября я посѣтилъ знаменитую Меттрейскую исправительную земледѣльческую колонію (colonie agricole et pénitentiaire de Mettray) близъ Тура и употребилъ около 4-хъ часовъ

времени на ея осмотръ. Колонія эта учреждена въ 1839 году де-Метцомъ и школьнымъ его товарищемъ де-Куртейллемъ по образцу знаменитаго Rettungshaus въ Горнѣ, близъ Гамбурга, которое послужило образцемъ для подобныхъ же учрежденій въ Германіи, въ томъ числѣ и для осмотрѣнныхъ мною въ Берлинѣ an Urban, и въ Лейпцигѣ. Въ настоящее время колонія эта вмѣщаетъ въ себѣ до 800 мальчиковъ и юношей, нуждающихся въ исправленіи; это огромное число раздѣляется на семьи въ 60 человѣкъ каждая, тогда какъ по первоначальному плану семья не должна была превышать 12-ти человѣкъ. Такимъ образомъ о благотворномъ индивидуальномъ нравственномъ вліяніи воспитателей не можетъ быть рѣчи, и если тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ отчетовъ, достигаются благопріятные результаты, то ихъ должно приписать вліянію того режима, которому подчинены всѣ питомцы заведенія, вышедшіе, за весьма немногими исключеніями, изъ самыхъ низшихъ классовъ населенія. Сама колонія, по своему устройству, не представила для меня ничего новаго, но при ней съ февраля 1855 года существуетъ т. н. Maison Paternelle, исправительное учебное заведеніе для юношей, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и принадлежащихъ къ болѣе или менѣе богатымъ и вообще достаточнымъ семействамъ, и это-то заведеніе привлекло преимущественно мое вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ учредитель не былъ подражателемъ только, а самостоятельнымъ творцемъ.

Учрежденіе этого «Родительскаго Дома» было вызвано одною изъ тѣхъ причинъ, которыя существуютъ и у насъ въ Россіи въ весьма обширныхъ размѣрахъ, именно весьма замѣтнымъ упадкомъ авторитета родительской власти. Явленіе это было порождено различными причинами. Чрезвычайное распространеніе идей свободы и независимости имѣло послѣдствіемъ то, что какъ старшія, такъ и младшія поколѣнія съ большою горячностью отстаиваютъ свои права и при этомъ слишкомъ часто забываютъ о своихъ обязанностяхъ. Распущенность отцевъ и матерей неминуемо подрываетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ дѣтей и ведетъ къ распущенности и сихъ послѣднихъ. Тому же результату содѣйствуетъ и слабость нѣкоторыхъ родителей, которые не умѣютъ противиться съ самаго ранняго возраста никакимъ фантазіямъ и капризамъ своихъ дѣтей. Пріученныя съ самаго ранняго возраста не подчиняться ничьей волѣ, кромѣ своей собственной, дѣти до крайности изумляются и потомъ ожесто-

чаются, коль скоро родители начинаютъ въ послѣдствіи, по необходимости, сдерживать ихъ порывы и увлеченія и требовать отъ нихъ исполненія ихъ обязанностей; начинается ожесточенная борьба, усложняемая нерѣдко еще разногласіями по этому поводу между самими родителями и сопровождающаяся нерѣдко явнымъ и грубымъ неповиновеніемъ родительской власти. Если и сами родители оказываются неспособными обуздать непокорнаго, то тѣмъ менѣе средствъ на это имѣютъ учебныя заведенія съ ихъ пансіонами. Дѣло обыкновенно оканчивается удаленіемъ виновнаго, иногда съ лишеніемъ права поступать въ какое бы то ни было другое учебное заведеніе; но ученики по своему легкомыслію нерѣдко радуются этой мѣрѣ и привѣтствуютъ ее какъ начало вѣчной для себя вакаціи. Одинъ ученикъ во Франціи дважды поджигалъ зданіе своего лицея, для того, чтобы такъ или иначе добиться своего удаленія.

Что̀ дѣлать съ такими дѣтьми? Богатые люди надѣялись найти противоядіе въ отдаленныхъ путешествіяхъ. Но въ такомъ случаѣ занятія дѣтей надолго прерывались; привычка къ правильному умственному труду утрачивалась; чужіе края представляли для дѣтей тѣ же соблазны, отъ какихъ ихъ желательно было уберечь до̀ма, и случаевъ къ неповиновенію и къ своеволію оказывалось во время путешествій болѣе чѣмъ при сидячей жизни. Пытались сдавать такихъ непокорныхъ и испорченныхъ юношей въ военную службу но худой ученикъ, худой сынъ, неминуемо становится и плохимъ солдатомъ и только пріобрѣтаетъ пороки, свойственные военному быту. Правда, и во Франціи, въ силу § 375 и послѣдующихъ гражданскаго кодекса, отецъ семейства имѣетъ право получить отъ президента суда уполномочіе подвергнуть сына тюремному заключенію на извѣстный срокъ; но къ этой мѣрѣ почти никто не обращается и совершенно основательно, ибо ею было бы окончательно убито въ юношѣ какое бы то ни было доброе чувство къ отцу, вмѣстѣ съ чувствомъ чести и стыда, и онъ навсегда былъ бы потерянъ для какой бы то ни было доброй и хорошей карьеры. Такое положеніе дѣлъ побудило покойнаго де-Метца озаботиться средствами къ спасенію тѣхъ юношей изъ болѣе или менѣе достаточныхъ семействъ, которые отличались или ничѣмъ непреодолимою лѣностью, или таковою же непокорностью, или, наконецъ, совершенно вовлеклись въ развратъ и разгулъ и ничѣмъ не могли быть остановлены на этомъ пути. Средствомъ этимъ онъ призналъ единственно и исключительно одиночное заключеніе, соединенное съ оди-

ночнымъ обученіемъ, такъ что въ противоположность къ основному принципу Меттрейской колоніи, принципу по возможности семейнаго быта для дѣтей простолюдиновъ, или вовсе не знавшихъ семьи, или брошенныхъ семьею на произволъ судьбы, учрежденный имъ «Родительскій Домъ“ есть домъ строгаго одиночнаго заключенія, въ которомъ нѣтъ никакого товарищества и ничего семейнаго, кромѣ развѣ заступающаго вполнѣ мѣсто отца начальника заведенія, который относится къ своимъ одиночно заключеннымъ питомцамъ, смотря по ихъ поведенію, или съ полною благосклонностью и заботливостью отца, или же съ неумолимою строгостью.

Инициатива заключенія въ «Родительскій Домъ» исходитъ исключительно отъ родителей или же отъ начальниковъ учебныхъ заведеній съ согласія родителей, если они еще въ живыхъ. При прошеніи о пріемѣ должны быть сообщаемы директору обстоятельныя свѣдѣнія о юношѣ безъ всякой утайки. Прежде пріема покойный де-Метцъ обыкновенно обращался къ юношѣ, словесно или письменно, съ увѣщаніями отбросить лѣность, дурныя привычки, непочтительность и непокорность, и оживить въ себѣ религіозныя чувства, и въ такомъ случаѣ брался испросить ему прощеніе у родителей или начальника заведенія. Нерѣдко однихъ этихъ увѣщаній и угрозы заключенія въ «Родительскій Домъ» было достаточно для исправленія молодыхъ людей; въ случаѣ же неисправленія и новаго обращенія родителей или начальника заведенія г. де-Метцъ безотлагательно принималъ виновнаго и при первомъ же свиданіи пояснялъ ему безполезность всякаго дальнѣйшаго сопротивленія и необходимость строго подчиняться всѣмъ правиламъ, установленнымъ въ «Родительскомъ Домѣ». «Одна моя рука, говаривалъ онъ, одѣта въ бархатъ, другая въ желѣзо. Сегодня я вамъ протягиваю еще мою бархатную руку и буду протягивать ее въ продолженіе еще восьми дней; но если въ эти восемь дней не будетъ значительной перемѣны къ лучшему, то вы тотчасъ же почувствуете мою желѣзную руку».

Въ первые дни заключенный предоставляется почти исключительно самому себѣ и собственному своему размышленію: оставленный наединѣ съ самимъ собою и своею совѣстью, онъ вскорѣ приходитъ въ себя и начинаетъ понимать, что онъ слишкомъ много думалъ о своей силѣ и что, будучи слабъ и безсиленъ, онъ неразумно затѣялъ борьбу противъ основъ человѣческаго общежитія; онъ начинаетъ размышлять о своемъ прошломъ поведеніи и сознавать, что онъ вовсе не такъ неукротимъ, какъ онъ думалъ. Затѣмъ уже, послѣ

того, какъ молодой человѣкъ пришелъ въ себя, г. де-Метцъ начиналъ посѣщать его и вести съ нимъ болѣе или менѣе продолжительныя бесѣды, съ цѣлью возбудить въ немъ нравственное и религіозное чувство. Первая бесѣда обыкновенно начиналась такъ: «Знайте, что вы должны быть излѣчены отъ вашей нравственной болѣзни во что бы ни стало; постарайтесь, чтобъ этотъ результатъ былъ достигнутъ сколь можно скорѣе и съ возможно меньшими страданіями для васъ самихъ, я первый буду за это вамъ благодаренъ. Вашъ крестный отецъ отвѣчалъ за васъ предъ Богомъ, я отвѣчаю за васъ предъ вашею семьею, предъ обществомъ, предъ государствомъ. Не вступайте со мною въ борьбу. Бороться противъ своего врага, зная напередъ, что онъ несравненно насъ сильнѣе, это — безуміе; бороться противъ того, кто желаетъ вамъ только добра, это неблагодарность». Г. де-Метцъ дѣйствовалъ относительно каждаго заключеннаго сначала только кротостью и, стараясь пріобрѣсти полное его довѣріе, онъ изучалъ его и направлялъ его согласно съ его характеромъ и умственнымъ настроеніемъ. Въ печатномъ изложеніи принятой имъ системы воспитанія онъ говоритъ, между прочимъ: «Во время пребыванія своего въ «Родительскомъ Домѣ» юноша пользуется тѣмъ обращеніемъ, какого заслуживаетъ по своему поведенію. Система полнаго отчужденія питомцевъ другъ отъ друга дозволяетъ примѣнять къ каждому изъ нихъ тѣ способы дѣйствія, которые наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Такимъ образомъ, не нарушая нисколько общаго порядка, можно дѣйствовать съ величайшею кротостью или строгостью, смотря по тому, какой изъ этихъ способовъ дѣйствія признается наиболѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ». На одиночное заключеніе де-Метцъ смотрѣлъ какъ на самое дѣйствительное средство для нравственнаго исправленія юношества. Онъ говоритъ: «Только одиночное заключеніе можетъ дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ самымъ благотворнымъ образомъ. Надобно было быть очевидцемъ, чтобы составить себѣ точное понятіе о благотворномъ его вліяніи на нравственность. Юноша, ему подвергнутый, перерождается вполнѣ. Лишенный всякаго рода удовольствій и развлеченій, онъ вполнѣ усвоиваетъ себѣ обращаемые къ нему совѣты и наставленія. Размышленіе постоянно рисуетъ предъ нимъ картину прошлой его жизни. Въ совершенномъ одиночествѣ нѣтъ болѣе мѣста ни гордости, ни самомнѣнію и самолюбію. Юноша по необходимости приходитъ въ себя и безъ всякаго ложнаго стыда начинаетъ внимать голосу своей совѣсти, который справедливо называютъ гласомъ Бо-

жiимъ. Мало по малу онъ становится доступенъ религiозному чувству, Работа вскорѣ становится для него прiятнымъ занятiемъ и един. ственнымъ удовольствiемъ. Онъ предается ей со всею горячностью, и что прежде было тяжкимъ трудомъ, становится утѣшенiемъ и потребностью въ такой мѣрѣ, что наибольшее наказанiе, какому можно его подвергнуть, это—лишить его всякихъ занятiй».

Прежнiя занятiя при этомъ нисколько не прерываются. Къ каждому заключенному приставляется преподаватель, который продолжаетъ съ нимъ занятiя коллежа или лицея, сообразжаясь съ познанiями своего ученика и съ общею программой, назначенной для его класса. Каждому задаются тѣ же письменныя работы и сочиненiя, которыя предлагаются ученикамъ соотвѣтственнаго класса коллежа въ Турѣ, и ему указывается то мѣсто, какое ему заслужили эти работы, отсылаемыя въ Турскiй коллежъ подъ вымышленнымъ именемъ.

По мѣрѣ того, какъ поведенiе его улучшается, и онъ обнаруживаетъ признаки исправленiя, самое положенiе его улучшается: онъ переводится изъ кельи почти пустой и съ голыми стѣнами въ помѣщенiе менѣе непривѣтливое, и если преподаватель доволенъ имъ, онъ приноситъ ему картины, цвѣты, птичекъ. Навѣщаемый то и дѣло директоромъ, преподавателемъ, законоучителемъ и духовникомъ а также учителями гимнастики, фехтованiя, рисованiя и даже музыки, заключенный, собственно говоря, не находится въ полномъ одиночествѣ: онъ разобщенъ вполнѣ только съ своими сверстниками и огражденъ отъ всѣхъ дурныхъ влiянiй, которымъ онъ такъ поддавался въ прежнее время. Это разобщенiе со сверстниками до такой степени абсолютно, что случалось, двое братьевъ бывали одновременно въ «Родительскомъ Домѣ», нисколько того не подозрѣвая. Выходить изъ кельи для различныхъ надобностей ученики могутъ не иначе, какъ позвонивъ, и не иначе какъ по одиночкѣ и когда дежурный надзиратель удостовѣрится, что они не могутъ встрѣтить никого изъ товарищей. Ученики, которые хорошо ведутъ себя, не лишены ни воздуха, ни прогулокъ; но они ходятъ гулять по одиночкѣ въ сопровожденiи своихъ наставниковъ, выходя изъ дому въ различное время, направляясь по противоположнымъ, заранѣе предписаннымъ каждому наставнику направленiямъ и возвращаясь домой также въ различное время, чтобы никогда не встрѣтиться съ товарищами. При прогулкахъ посѣщаютъ полевыя работы, жилища крестьянъ и жилища бѣдняковъ, и если видъ нищеты трогаетъ сердце юноши, наставникъ незамѣтно даетъ ему монету, чтобъ онъ

отдалъ ее бѣднымъ. Имена и фамиліи изъяты изъ употребленія: каждый ученикъ для конкурсовъ въ Турскомъ коллежѣ обозначается вымышленнымъ именемъ, а въ самомъ «Родительскомъ Домѣ» значится только подъ извѣстнымъ нумеромъ. При моемъ посѣщеніи наибольшій нумеръ былъ 1518-й; столько уже перебывало въ «Родительскомъ Домѣ» со времени его учрежденія въ февралѣ 1855 года, то-есть, въ теченіе 23 лѣтъ, что̀ даетъ въ среднемъ выводѣ на каждый годъ не болѣе 66 человѣкъ.

«Родительскій Домъ» пристроенъ къ церкви Меттрейской колоніи, составляя, такъ сказать, ея продолженіе, но такъ, что алтарныя окна ея выходятъ внутрь залы, съ обѣихъ сторонъ которой въ два этажа расположены кельи питомцевъ, дверьми въ залу или на хоры залы, а окнами наружу на обнесенный невысокою стѣною дворъ зданія; зала же освѣщается окнами сверху. Если бы церковь не служила въ то же время для всего прочаго населенія Меттрейской колоніи, то ее удобнѣе было бы устроить въ самой этой залѣ. Во время богослуженія окна церкви въ залу отворяются, точно такъ же, какъ двери самихъ келій, но только съ какой-нибудь одной стороны, причемъ отворенныя двери занимаютъ всю ширину верхнихъ хоровъ и нижнихъ огороженныхъ корридоровъ, такъ что воспитанники могутъ слышать богослуженіе, но не могутъ видѣть другъ друга. Въ каждой двери есть окно, черезъ которое дежурный можетъ наблюдать за тѣмъ, что̀ дѣлаетъ воспитанникъ въ кельѣ, когда онъ одинъ. Каждая дверь замыкается ключемъ снаружи, и можетъ быть отперта только дежурнымъ. Кельи отдѣлены другъ отъ друга капитальными стѣнами, такъ что никакихъ разговоровъ между сосѣдями быть не можетъ. Всѣхъ келій 50, и хотя во время моего посѣщенія 47 изъ нихъ были заняты, на хорахъ и въ залѣ не было слышно ни малѣйшаго звука такъ, какъ бы всѣ онѣ были пусты. Мой спутникъ ввелъ меня въ одну изъ этихъ келій, изъ которой воспитанникъ вышелъ гулять (въ занятыя кельи посторонніе отнюдь не вводятся по правиламъ «дома»). Это была комната въ одно окно, шаговъ въ 8 длины и въ 5 ширины, съ кроватью, небольшимъ письменнымъ столомъ, шкафомъ для платья и шкафчикомъ для книгъ, довольно высокая и совершенно свѣтлая; окно изъ очень толстаго стекла и не растворяемое иначе какъ съ помощью того же ключа, какъ и дверь. Кельи провѣтриваются во время прогулокъ учениковъ.

Ученики обязаны въ извѣстный часъ, по звонку, вставать, сами убирать свои постели, чистить свое платье и сапоги, что̀ на пер-

выхъ порахъ всегда встрѣчаетъ съ ихъ стороны противодѣйствіе, но съ чѣмъ они вскорѣ примиряются, когда директоръ или дежурный укажетъ имъ, что воспитанники военной школы въ Сенъ-Сирѣ ничуть не хуже ихъ, и однако же всегда сами исполняютъ тѣ же самыя обязанности, а главное, что тѣ, у которыхъ не вычищено платье или сапоги, тѣмъ самымъ сами лишаютъ себя прогулки. Въ извѣстные часы они обязаны готовить свои уроки и брать ихъ у назначенныхъ имъ преподавателей; въ другіе опредѣленные часы къ каждому приносится завтракъ, обѣдъ и ужинъ, и затѣмъ также по звонку всѣ обязаны ложиться спать. Отъ всѣхъ требуется безусловное подчиненіе установленному порядку, и нарушеніе его по прошествіи первыхъ восьми дней заключенія подвергаетъ виновнаго наказанію. По увѣренію моего спутника, тѣлесныя наказанія вовсе не употребляются, Наказанія заключаются: въ оставленіи безъ того или другаго блюда въ замѣнѣ ужина или завтрака однимъ хлѣбомъ съ водою, въ лишеніи прогулки, въ переводѣ въ худшую и болѣе непривѣтливую келью и, наконецъ, въ заключеніи въ cachot, чего особенно боятся воспитанники. Когда я пожелалъ видѣть этотъ cachot, то мнѣ было въ томъ отказано, на томъ основаніи, что постороннимъ запрещено его показывать. То же было, когда я пожелалъ видѣть такъ-называемыя céllules de réintégration, предназначаемыя для тѣхъ, которые по выходѣ изъ Maison Paternelle вновь попадутъ въ него за дурное свое поведеніе. Главнѣйшимъ же образомъ на учениковъ дѣйствуетъ желаніе своимъ хорошимъ поведеніемъ сколь можно болѣе сократить время своего одиночнаго заключенія. Случаевъ буйства и явнаго сопротивленія волѣ директора въ «Родительскомъ Домѣ» почти не бываетъ, ибо никакого соглашенія между заключенными не можетъ быть, а каждый изъ нихъ въ одиночку чувствуетъ свое полное безсиліе.

Находящимся на пути исправленія юношамъ дозволяется писать и получать письма отъ родителей и родственниковъ. Но тѣ и другія непремѣнно прочитываются предварительно директоромъ. Родители получаютъ сверхъ того вѣдомости отъ заведенія о томъ, насколько исправляется ихъ сынъ. Въ случаѣ, если поведеніе питомца было особенно хорошо, и можно ожидать уже въ скорости полнаго его исправленія, директоръ приглашаетъ его обѣдать къ своему столу вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Нѣкоторымъ дозволяется даже верховая ѣзда въ сопровожденіи наставника.

Преподаватели, занимающіеся одиночнымъ обученіемъ заключен-

ныхъ, состоятъ въ числѣ 12-ти человѣкъ. Обыкновенно они не имѣютъ той квалификаціи, какая требуется отъ учителей лицеевъ и даже коллежей (то-есть, званія aggregé), а только степень bachélier-ès-letrtis или ès-sciences, соотвѣтствующую нашему гимназическому аттестату зрѣлости: и безъ того издержки заведенія такъ велики, что расходы не покрываются платою за каждаго ученика отъ родителей (по 1.200 фр. въ годъ), и оно не только не приноситъ, какъ ожидалось, никакого дохода Меттрейской колоніи, но еще и поглощаетъ нѣкоторую долю чистаго дохода послѣдней. Впрочемъ для нѣкоторыхъ учениковъ изъ высшихъ классовъ, наиболѣе способныхъ, приглашаются учителя изъ Турскаго коллежа.

Въ среднемъ выводѣ пребываніе въ «Родительскомъ Домѣ» продолжается не болѣе двухъ мѣсяцевъ; нѣкоторые остаются по полугоду и даже по году, но это уже исключительные случаи. Если директоръ, не смотря на всѣ признаки исправленія питомца, все еще сомнѣвается въ немъ, то онъ отдаетъ его на руки одного изъ ближайшихъ къ Меттрэ приходскихъ священниковъ, которые, будучи близко знакомы съ порядками «Родительскаго Дома» и имѣя сами солидное образованіе, продолжаютъ тотъ же образъ дѣйствій въ отношеніи къ порученнымъ имъ лицамъ. Время этого искуса, когда воспитанникъ наполовину уже пользуется свободой, продолжается обыкновенно около мѣсяца.

При окончательномъ увольненіи воспитанника въ его семью, директоръ сообщаетъ ему, что онъ освобождается только временно и подъ условіемъ не впадать болѣе въ тѣ проступки, которые привели его въ Меттрэ, и при этомъ показываетъ ему одну изъ тѣхъ céllules de reintégration, куда онъ будетъ заключенъ въ случаѣ, если дурное поведеніе вновь приведетъ его въ «Родительскій Домъ», прибавляя, что эти предостереженія, какъ онъ увѣренъ, окажутся безполезными, но что уставъ обязываетъ его непремѣнно ихъ дѣлать каждому питомцу.

Съ 1855 года по 2-е ноября 1873 года, день смерти г. де-Метца, въ «Родительскій Домъ» было принято 1,132 питомца, изъ нихъ только одна пятая вновь навлекли на себя заключеніе въ «Родительскій Домъ», и это второе заключеніе сопровождалось уже полнымъ исправленіемъ.

Преемникомъ де-Метца былъ Бланшаръ (Blanchard), который и нынѣ состоитъ директоромъ Меттрейской колоніи и «Родитель-

скаго Дома», бывъ постояннымъ сотрудникомъ де-Метца съ самаго учрежденія «Родительскаго Дома».

Съ перемѣною директора, довѣріе, которымъ пользовался «Родительскій Домъ», не только не уменьшилось, но скорѣе еще увеличилось, ибо, если въ первыя 18 лѣтъ существованія этого учрежденія ему было ввѣрено исправленіе 1,132 юношей (въ среднемъ выводѣ по 62 въ годъ), то въ слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ (съ ноября 1873 по октябрь 1878 года) въ немъ перебывало еще 386 человѣкъ, что даетъ уже по 77 на годъ.

Лѣность есть одна изъ главныхъ причинъ, приводящихъ къ необходимости заключенія въ «Родительскій Домъ», лѣность и сопутствующіе ей обыкновенно недостатки и пороки. «On commence par être mauvais élève»,—говоритъ де-Метцъ въ упомянутомъ выше изложеніи,—on finit par être mauvais sujet—явленіе общее всѣмъ странамъ. Затѣмъ слѣдуетъ непокорность и порочная, разгульная жизнь, соединяющаяся съ расточительностью и дѣланіемъ долговъ. Большинство заключаемыхъ находится въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ: моложе или старше этого возраста составляютъ уже исключеніе изъ правила. Принадлежатъ они ко всѣмъ классамъ общества; но болѣе половины всего числа суть сыновья болѣе богатыхъ фабрикантовъ, негоціантовъ и землевладѣльцевъ. Къ сожалѣнію, я не могъ получить точныхъ статистическихъ данныхъ ни о возрастѣ, ни о принадлежности къ общественнымъ и учебнымъ классамъ бывшихъ питомцевъ «Родительскаго Дома».

Ознакомившись, насколько было возможно, съ этимъ интереснымъ заведеніемъ, я имѣлъ затѣмъ довольно продолжительную бесѣду съ Бланшаромъ (directeur de la colonie agricole, vice-président de la société d'agriculture, maire de Mettray, какъ значится на его визитной карточкѣ). Многія изъ вышеприведенныхъ данныхъ были имъ сообщены мнѣ во время этой бесѣды. Онъ указывалъ, между прочимъ, и на то, что въ дѣйствительности число учениковъ, которые нуждались бы въ такомъ заведеніи, какъ «Родительскій Домъ», несравненно больше, чѣмъ сколько ихъ отдается въ него и что для лѣнтяевъ, но способныхъ къ ученію, было бы особенно полезно заключеніе ихъ въ «Родительскій Домъ» на вакаціонное время, но что родители не имѣютъ достаточно твердой воли, чтобы на это рѣшиться, и прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ лишь въ послѣдней крайности. Были примѣры, что и Русскіе помѣщали своихъ сыновей во ввѣренное ему

заведенiе и оставались весьма довольны результатами, при чемъ онъ замѣтилъ, что, конечно, лучшiе результаты могутъ быть достигаемы по отношенiю къ лицамъ, принадлежащимъ къ той же нацiональности, какъ и весь административный и учебный персоналъ заведенiя. Я не скрылъ отъ него, что мнѣ пришло на мысль ближе ознакомиться съ Меттрейскою колонiею и «Родительскимъ Домомъ», въ тѣхъ именно видахъ, чтобы разъяснить для себя вопросъ, не могло ли бы и у насъ быть устроено подобное же заведенiе по тому или другому изъ этихъ двухъ образцовъ для тѣхъ молодыхъ людей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, которые, поддаваясь соцiалистической и нигилистической пропагандѣ, уклоняются отъ прямыхъ своихъ обязанностей и сами становятся дѣятельными пропагандистами подобныхъ лжеученiй, при чемъ мнѣ пришлось предварительно разъяснить, что масса нашего народа, въ томъ числѣ и рабочаго населенiя, слава Богу, еще нисколько не заражена этими лжеученiями, напротивъ, относится къ нимъ крайне враждебно, что у насъ вовсе нѣтъ условiй для пролетарiата въ массѣ населенiя, и что соцiализмъ и нигилизмъ проповѣдуются крайне ничтожною по числу и значенiю, но очень дѣятельною и дерзкою, фанатическою партiей, къ которой, къ сожалѣнiю, нерѣдко примыкаютъ и нѣкоторые изъ учащихся, какъ въ высшихъ, такъ отчасти и въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ. Разъясненiя эти были необходимы, ибо во Францiи и вообще заграницей очень распространено мнѣнiе, что вся Россiя объята революцiей, что исходъ процесса Засуличъ ясно указываетъ на то, что она гнѣздится и въ нѣдрахъ самого правительства и притомъ въ самой судебной власти, ближайше призванной къ охраненiю всѣхъ основъ человѣческаго общежитiя...

Я очень интересовался разъясненiемъ поставленнаго мною выше вопроса такимъ многоопытнымъ знатокомъ дѣла, какъ Бланшаръ. Сущность всего высказаннаго мнѣ по этому вопросу г. Бланшаромъ считаю своимъ долгомъ изложить здѣсь по сдѣланнымъ мною замѣткамъ. Онъ вполнѣ раздѣляетъ то мнѣнiе, что для несовершеннолѣтнихъ пропагандистовъ и адептовъ нигилизма и соцiализма, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ, нужны не судебныя кары, не тюрьмы или ссылки, а исправительныя учебныя заведенiя, но устроенныя отнюдь не по образцу Меттрейской колонiи или нѣмецкихъ Rettungshäuser, какъ то имѣлось въ виду нашею коммиссiей, а по образцу сосѣдняго съ Меттрейскою колонiей, но не имѣющаго съ нею ничего общаго «Родительскаго Дома». Rettungshäuser, по мнѣ-

нію г. Бланшара, пригодны только для дѣтей изъ низшихъ классовъ населенія, не получившихъ никакого или почти никакого образованія и нравственно одичавшихъ, которыхъ надобно отучить отъ грубыхъ пороковъ (воровства, нищенства, бродяжничества, тунеядства и т. д.) и пріучить къ порядку въ жизни, къ дисциплинѣ, къ постоянному физическому труду; но для юношей, получившихъ уже сравнительно высшее, хотя и недоконченное еще образованіе, и сбившихся съ толку, все равно въ нравственномъ ли или въ умственномъ отношеніи, и предназначаемыхъ не къ физическому, а къ умственному труду, подобныя школы рѣшительно не пригодны. Собрать вмѣстѣ со всѣхъ концовъ Россіи всѣхъ юношей, зараженныхъ нигилизмомъ, а затѣмъ раздѣлить ихъ по возрасту на группы, хотя бы и по 12 человѣкъ въ каждой, и потомъ соединять принадлежащихъ къ нимъ въ болѣе или менѣе многолюдные классы правильно устроеннаго заведенія, это значило бы лишь усилить вліяніе на нихъ тѣхъ условій, при которыхъ развился въ нихъ нигилизмъ: зараженные подвергались бы еще сильнѣйшей противъ прежняго заразѣ отъ своихъ товарищей и въ свою очередь умышленно распространяли бы свою заразу на другихъ; никто не былъ бы свободенъ отъ дѣйствія этой искуственно сосредоточенной въ заведеніи пропаганды и самъ имѣлъ бы полную возможность производить оную въ средѣ своихъ товарищей по группѣ, по классу, по цѣлому отдѣленію и даже заведенію. Разсчитывать на то, что таковой пропагандѣ былъ бы положенъ конецъ, благодаря хорошему присмотру или устройству отдѣленныхъ другъ отъ друга домиковъ для каждой группы, было бы совершенно ошибочно. Группы и классы имѣли бы всегда возможность вступать между собою въ соглашеніе для противодѣйствія и даже для явнаго сопротивленія начальству и наставникамъ, а главное, каждый въ отдѣльности не только не излѣчивался бы, а напротивъ все болѣе и болѣе заболѣвалъ, и нѣтъ ничего мудренаго, что въ этой школѣ полагалось бы начало злоумышленнымъ связямъ и товариществамъ, которыя могли бы причинить много зла странѣ въ послѣдствіи. Для цѣленія зла необходимо обратиться къ принципу полной изолированности другъ отъ друга зараженныхъ, къ принципу «Родительскаго Дома». И въ самомъ дѣлѣ эти юноши поддались нигилистической пропагандѣ и сами начали заниматься ею; для ихъ исцѣленія, не слѣдуетъ ли ихъ поставить внѣ всякой возможности подвергаться такой пропагандѣ и производить оную? Они дозволили себѣ возставать противъ всѣхъ основъ

современнаго общества; не будетъ ли совершенно соотвѣтственною карой лишить ихъ на время общества, по крайней мѣрѣ, ихъ сверстниковъ и ради ихъ исцѣленія допустить ихъ общеніе только съ ихъ наставниками и съ ихъ духовникомъ-законоучителемъ? Что̀ побудило ихъ, съ самаго ранняго дѣтства предназначенныхъ къ высшимъ сферамъ дѣятельности, къ такъ-называемымъ либеральнымъ профессіямъ, вступить на путь нигилистической и соціалистической пропаганды? Въ большинствѣ случаевъ, конечно, какія нибудь посороннія вредныя вліянія въ соединеніи или съ собственною лѣностью и проистекающею отъ нея безуспѣшностью занятій и сознаніемъ, что при нынѣшнемъ нормальномъ и разумномъ общественномъ строѣ каждый лишь настолько можетъ разсчитывать на удовлетвореніе своихъ потребностей, на сколько самъ можетъ удовлетворять потребностямъ своихъ ближнихъ и всего общества, или тѣ же вредныя внѣшнія вліянія въ соединеніи съ тщеславіемъ и желаніемъ играть какую-то значительную роль въ обществѣ, или, наконецъ, въ соединеніи съ дѣйствительно жалкою матерьяльною обстановкой при затемнѣніи сознанія, что эта обстановка можетъ быть улучшена только собственнымъ усиленнымъ трудомъ сначала въ школѣ, а затѣмъ на какомъ-нибудь житейскомъ поприщѣ. При системѣ изолированія такихъ воспитанниковъ постороннимъ вреднымъ вліяніямъ не можетъ уже быть болѣе мѣста; лѣности, а слѣдовательно, и безуспѣшности занятій, полагается конецъ, и трудъ обращается въ пріятное занятіе, въ удовольствіе, а потомъ и въ привычку, какъ показываетъ примѣръ «Родительскаго Дома»; тщеславиться и играть какую-то значительную роль, роль общественнаго реформатора, провозвѣстника новыхъ идей или мученика за эти идеи, не передъ кѣмъ; сознаніе, что только собственный усиленный трудъ ведетъ къ безбѣдной жизни, можетъ быть вполнѣ выяснено; вмѣстѣ съ тѣмъ въ тиши уединенія, стараніями директора, наставниковъ, законоучителя, можетъ быть легче возбуждено религіозное чувство и разъяснены нравственныя и гражданскія обязанности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсѣяны всѣ прежнія заблужденія, тогда какъ напротивъ ни одного изъ этихъ благотворныхъ условій не представляетъ жизнь среди товарищей, столь же или и еще болѣе зараженныхъ нигилизмомъ, и чѣмъ долѣе приходилось бы оставаться въ такой зараженной средѣ, тѣмъ было бы хуже.

Я возражалъ, между прочимъ, противъ системы «Родительскаго Дома», что она, кажется, не можетъ быть благопріятна для здо-

ровья заключенныхъ и что одиночество можетъ вести къ тайнымъ порокамъ. Г. Бланшаръ указалъ, что кромѣ прогулокъ на воздухѣ его питомцы имѣютъ возможность по одиночкѣ въ опредѣленное время и опредѣленныхъ мѣстахъ заниматься садовыми работами и что всѣ они вообще имѣютъ видъ вполнѣ здоровый; что же касается до тайныхъ пороковъ, то вполнѣ уберечь отъ нихъ трудно и даже невозможно и въ обширныхъ дѣтскихъ общежитіяхъ; но насколько возможно, имѣется наблюденіе, даются медицинскіе совѣты и наставленія, а когда нужно, даютъ для прочтенія книги объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этихъ пороковъ и принимаются предохранительныя мѣры. Притомъ же въ возрастѣ отъ 14 и особенно отъ 16 лѣтъ подобные пороки встрѣчаются уже гораздо рѣже, и легче могутъ быть замѣчены, нежели въ болѣе раннемъ дѣтскомъ возрастѣ.

Наконецъ, г. Бланшаръ полагаетъ, что въ большинствѣ случаевъ трехъ или много четырехмѣсячнаго заключенія при одиночномъ обученіи и усиліяхъ директора (который по принципу не долженъ самъ заниматься обученіемъ, а только бесѣдами наединѣ съ каждымъ изъ заключенныхъ) и законоучителя было бы достаточно для полнаго исцѣленія умственно попорченныхъ юношей, а при этомъ условіи при 50 кельяхъ въ теченіе года могло бы перебывать въ нихъ отъ 150 до 200 человѣкъ, то-есть, такое количество, на которое мы расчитываемъ наше исправительное учебное заведеніе, и затѣмъ каждый освобождаемый могъ бы быть возвращаемъ даже въ прежнее свое учебное заведеніе подъ условіемъ, чтобы арестъ его и заключеніе въ исправительномъ заведеніи оставались совершенною тайною для его товарищей, а отсутствіе его было объясняемо болѣзнію или домашними обстоятельствами.

II.

Извлеченіе изъ отчета члена Совѣта Министра Народнаго Просвѣщенія тайнаго совѣтника Георгіевскаго о его заграничной командировкѣ, отъ 25-го іюля 1883 г.

Въ Лейпцигѣ я подробно бесѣдовалъ о дисциплинарной части въ университетахъ съ университетскимъ судьею Hofrath'омъ Hessler. Это должностное лицо назначается королемъ по представленію министра и занимаетъ высокое положеніе среди университетскихъ и городскихъ должностныхъ лицъ. Тогда какъ обыкновенное жалованье ординарнаго профессора въ среднемъ выводѣ не превышаетъ 2 т. талеровъ (=3 т. руб.), университетскій судья получаетъ 2.600 тал. (=3.900 руб.) и при этомъ квартиру въ университетскомъ зданіи за половинную цѣну (даромъ казенныхъ квартиръ никому не даютъ). Онъ состоитъ не только членомъ болѣе обширнаго сената, университетскаго суда и болѣе тѣснаго, но и членомъ также общаго для всего города полицейскаго суда, при чемъ, конечно, болѣе дѣятельное участіе принимаетъ въ дѣлахъ, касающихся студентовъ. Такъ какъ студенты подлежатъ вѣдѣнію какъ общей полиціи, такъ и университетскаго начальства, то присутствіе университетскаго судьи, въ качествѣ *постояннаго члена*, въ общемъ полицейскомъ судѣ признается совершенно необходимымъ. Такимъ образомъ проступки студентовъ, совершенные внѣ университета, становятся неминуемо извѣстны университетскому начальству. Буде эти проступки такого свойства, что не роняютъ чести и достоинства студента и по общимъ законамъ за нихъ полагается достаточное и для студента взысканіе, тогда дѣло и ограничивается подобнымъ взысканіемъ съ приличными наставленіями и вразумленіями со стороны университетскаго судьи, при чемъ тюремное заключеніе не свыше 4-хъ недѣль замѣняется заключеніемъ въ университетскомъ карцерѣ.

Если же налагаемое по общимъ законамъ наказаніе кажется судьѣ недостаточнымъ, то онъ налагаетъ наказаніе или собственною властію (карцеръ не свыше 1-й недѣли и денежный штрафъ не свыше 20 марокъ), или переноситъ дѣло въ полное собраніе университетскаго суда (изъ 7-ми членовъ) или малое (изъ 3-хъ членовъ:

университетскаго судьи, ректора и постояннаго члена изъ профессоровъ юридическаго факультета). При 4 т. студентовъ случаевъ взысканія съ нихъ было: въ 1880 г. — 157, въ 1881 г. — 129, въ 1882 г.—136, а въ текущемъ полугодіи число это возрасло до 150. Большею частію взысканія эти состоятъ въ заключеніи въ карцеръ на 24 часа и до 4-хъ недѣль. Гесслеръ считаетъ карцеръ рѣшительно необходимымъ и весьма чувствительнымъ взысканіемъ для студентовъ, которое наиболѣе содѣйствуетъ ихъ обузданію, и нерѣдко спасаетъ ихъ отъ такихъ увлеченій, которыя могли бы окончательно погубить или доброе имя ихъ, или даже и карьеру. Онъ самъ провелъ меня въ карцерное отдѣленіе университета: оно помѣщается въ верхнемъ (4-мъ) этажѣ, какъ и въ Берлинѣ, подъ кровлею, и потому въ лѣтнее жаркое время бываетъ тамъ очень душно; предъ лѣстни-, цей, непосредственно ведущею къ карцерамъ, желѣзная рѣшетка-запертая на ключъ, хранящійся постоянно у педелля, завѣдываю щаго карцерами и живущаго въ нижнемъ этажѣ подъ карцерами. Эта лѣстница приводитъ въ корридоръ также съ желѣзно-рѣшетчатыми окнами по обоимъ его концамъ. По обѣимъ сторонамъ корридора расположены 12 карцеровъ, изъ коихъ два полутемные—признано за лучшее упразднить. Каждый карцеръ отдѣленъ отъ другаго толстою стѣною, чрезъ которую ничего не слышно, каждый снабженъ маленькою переднею, въ одномъ углу которой стоитъ судно: передняя эта не болѣе одного шага въ ширину; слѣдующій затѣмъ карцеръ имѣетъ въ длину 8 шаговъ, въ ширину 4 шага, въ вышину аршиновъ 5, съ однимъ окномъ въ 6 четвертей въ вышину и въ 5 четвертей въ ширину съ желѣзною рѣшеткою сверху до низу, настолько частою, что просунуть въ нее голову невозможно; вся мебель состостоитъ изъ простаго деревяннаго очень небольшаго стола, такихъ же двухъ стульевъ, изъ коихъ на одномъ стоитъ рукомойникъ, и кровати съ матрацомъ и одѣяломъ. Въ одномъ изъ угловъ небольшая желѣзная печь, отапливаемая зимою за счетъ заключеннаго; онъ же обязанъ платить за уборку и очистку карцера. Изъ каждаго карцера есть звонокъ къ педеллю, завѣдывающему карцерами, на случай заболѣваній заключенныхъ или какихъ нибудь чрезвычайныхъ надобностей ихъ. Содержатся заключенные на свой счетъ, при чемъ за приносъ пищи платятъ особо служителю: никакая роскошь въ пищѣ не допускается; вина полагается по правиламъ не болѣе полбутылки въ день и пива не болѣе большой кружки. Университетскій судья Гесслеръ увѣрялъ меня, что въ послѣднее время обра-

щено самимъ правительствомъ и полицейскимъ начальствомъ особенное вниманіе на то, чтобы содержаніе въ карцерѣ было какъ можно болѣе строгое и чтобы никто къ заключеннымъ не допускался. Въ городѣ я слышалъ, что и теперь бываютъ изъ этого большія исключенія, которыми и злоупотребляютъ заинтересованные. Вообще карцерное устройство производитъ впечатлѣніе совершенно тюремнаго одиночнаго заключенія и, по моему впечатлѣнію, не можетъ не быть устрашающею карой. Въ случаѣ заключенія въ карцеръ на болѣе продолжительное время, заключеннымъ дозволяется посѣщать лекціи, а также прогуливаться по городу однимъ не болѣе часа въ день. Если гулявшій не возвратится въ назначенный срокъ, то лишается прогулокъ на дальнѣйшее время своего заключенія; если же явится въ срокъ, но выпивши, то дальнѣйшія прогулки дозволяются не иначе какъ въ сопровожденіи педелля или служителя суда, и въ такомъ случаѣ за каждую прогулку заключенный обязанъ платить за своего провожатаго. Я счелъ не излишнимъ подробнѣе изложить все относящееся до карцерной системы въ германскихъ университетахъ на случай, что Ваше Высокопревосходительство изволили бы признать полезнымъ теперь же предложить гг. попечителямъ учебныхъ округовъ озаботиться устройствомъ карцеровъ въ нашихъ университетахъ по германскому образцу.
